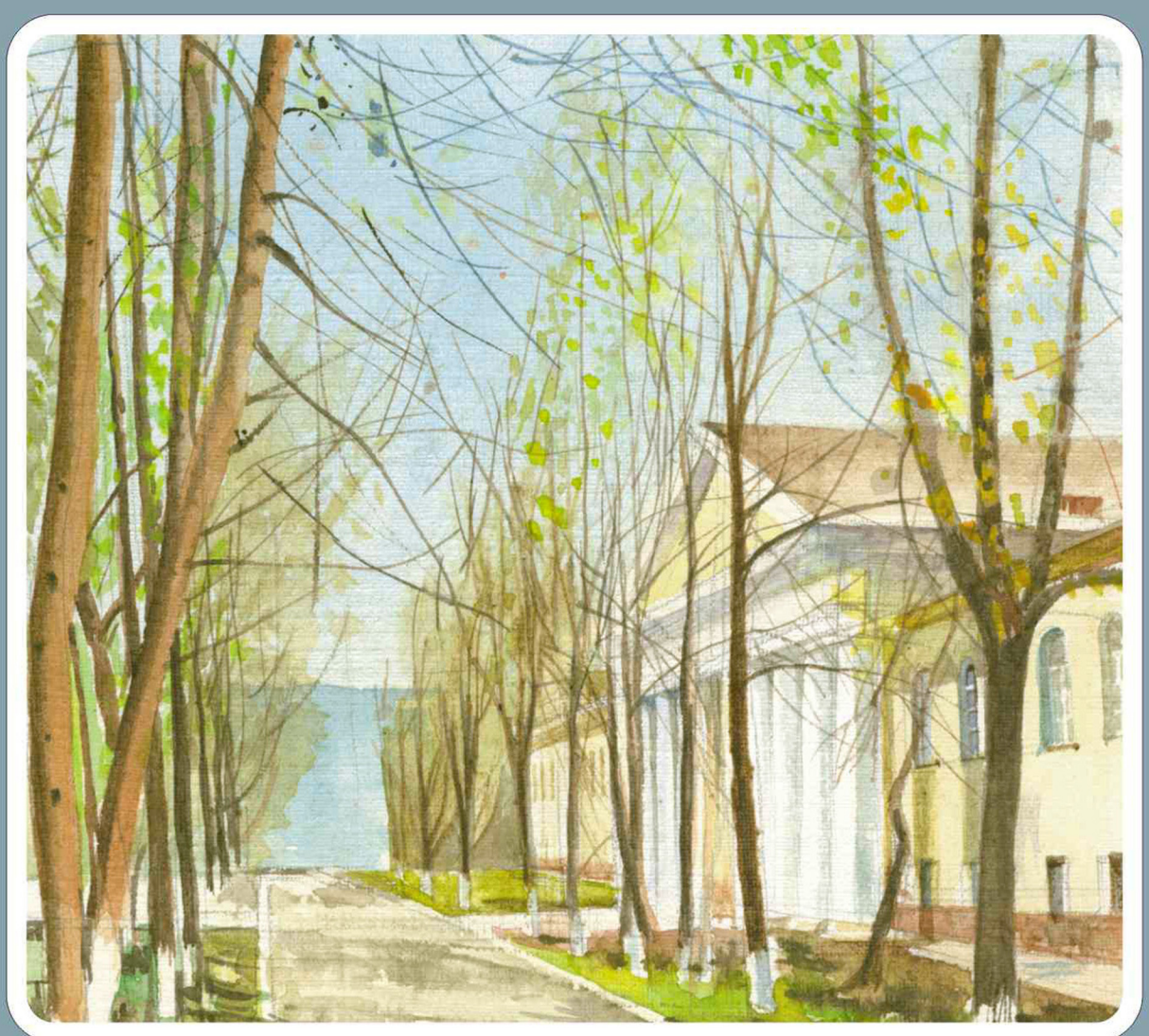
Научный журнал

ISSN 2618-8635

2019

Спецвыпуск



Филология в XXI веке

Научный журнал
Филология в XXI веке

2019. Спецвыпуск
Основан в 2018 году
Выходит 2 раза в год

Учредитель и издатель:
Пермский государственный национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ван Кэвэнь, кандидат культурологии, зав. кафедрой русского языка, директор Центра русского языка (Наньчанский университет, КНР)

Даниела Попович Николич, доктор филологических наук, профессор кафедры сербской литературы и сравнительного литературоведения (университет в Нише, Сербия)

Лапаева-Ристовска Наталья, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Университета им. святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Ху Сяосюэ, кандидат филологических наук, доцент Шаньдунского университета (Вэйхай, КНР)

Цао Юэхуа, кандидат филологических наук, декан факультета русского языка Шаньдунского педагогического университета (Цзинань, КНР)

Ши Хуншэн, профессор, директор Центра по изучению России Аньхойского университета (Хэфэй, КНР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кондаков Б.В. (гл. ред.), д. филол. н., проф.
Русинова И.И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.
Абашев В.В., д. филол. н., доц.
Арустамова А.А., д. филол. н., доц.
Баженова Е.А., д. филол. н., доц.
Бакланова И.И., к. филол. н., доц.
Белоусов К.И., д. филол. н., проф.
Боронникова Н.В., к. филол. н., доц.
Бурдина С.В., д. филол. н., проф.
Данилевская Н.В., д. филол. н., доц.
Ерофеева Е.В., д. филол. н., доц.
Ерофеева Т.И., д. филол. н., проф.
Мишланов В.А., д. филол. н., проф.
Подюков И.А., д. филол. н., проф.
Полякова Е.Н., д. филол. н., проф.
Шляхова С.С., д. филол. н., проф.

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail редакции: irusinova@mail.ru

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Международной конференции «Функциональная стилистика в контексте современного гуманитарного знания», посвященной 80-летию профессора М.П. Котюровой

Котюрова М. П.	От юбиляра…….	6
Баженова Е. А.	Развитие понятия «смысловая структура научного текста» в функциональной стилистике……..	7
Базылев В. Н.	Билингвальная переводимость функционального стиля художественной литературы…….	12
Басовец И. М.	Создание интерпретационной программы для читателя научного произведения при помощи конструкций деавторизации…...	18
Басовская Е. Н.	Категория диалогичности в современном медиатексте (на материале кинорецензий)….	22
Богданова Е. Ю., Чиговская-Назарова Я. А.	Функционирование имени собственного в конфликтном тексте (из лингвоэкспертной практики)……..……	28
Болотнова Н. С.	О некоторых особенностях медиадискурса писателя в аспекте стереотипности и творчества (на материале интервью Л. Улицкой)….....	32
Васильева В. В.	От литературного редактирования к критике медиаречи……...	39
Венгранович М. А.	Стереотипность и вариативность в структуре фольклорного текста…….	44
Вещикова И. А.	Функции орфоэпического медиастандарта в разные исторические периоды……..	50
Викторова Е. Ю.	О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе…….....	56
Войтак М.	О жанрах религиозного стиля……..	62
Гладкова К. Ю.	Семантика вопросов “Why” в романе Г. Свифта «Водоземье»…….	68
Данилевская Н. В.	«Камо грядеши?»: размышления о современном российском филологическом образовании……...	73
Дегальцева А. В.	Семантика и функционирование адвербиальных словосочетаний на основе примыкания в современной прессе……..	79
Дмитриева И. В.	Динамические процессы в научно-учебных текстах…….....	83

Дунев А. И.	Культура и антикультура педагогического дискурса……..	89
Дьячкова Н. А.	Разностильность современной православной проповеди……	94
Жарова О. С., ***Шамсутдинова Е. Ю.***	Стилистические особенности текстов современной популярной песни……..	100
Зубарева Е. О.	Лексико-семантическая модель концепта *МИГРАЦИЯ*……	105
Кара-Мурза Е. С.	Этические проблемы науки и лингвистическая экспертиза……..	111
Карпенко С. М.	К вопросу о соотношении понятий *образ автора*, *языковая личность*, *индивидуально-авторский стиль*…….....	116
Карпова Т. Б.	Функциональная стилистика в аспекте лингводидактики……	121
Катышев П. А.	Речевое вовлечение в опосредованной коммуникации……	127
Китанина Э. А.	Диминутивы как составная часть народно-разговорной речи современного города……..	133
Котюрова М. П.	Трансдисциплинарные подходы в современной стилистике…….....	137
Крючкова А. Е.	Лингвистическое и экстралингвистическое в значении имени собственного лица……..	147
Куделько Т. А.	Концепт, антиконцепт, художественный концепт: к вопросу о соотношении понятий...	153
Кукуева Г. В.	Интеграционный процесс в речевой ткани художественных текстов XX в. (на материале рассказов В.М. Шукшина)…..	157
Куликова И. С., ***Салмина Д. В.***	Фразеологизмы в текстах академика Н.Я. Марра как проявление его языковой личности…….	162
Кушнина Л. В.	От речевой системности научного текста к синергетической системности в переводе в аспекте междисциплинарных взаимодействий…….	168
Лапина Л. Г.	Язык образования **(**Bildungssprache) в освещении современных немецкоязычных авторов…….....	173
Лесневска Д. С., ***Лесневска Р. В.***	Эколингвистический подход к обучению РКИ в болгарской аудитории……...	179
Ломыкина Н. Ю.	Медиаречь в условиях конвергенции: просодические характеристики речи ведущих информационных программ…….	184

Ляшенко Е. С.	Текстотипологические характеристики вербализации ситуации качественного изменения в двух функционально-стилевых типах текстов: научном и художественном…	190
Малышева Е. Г., ***Егошкина В. А.***	Фатическая радиобеседа как базовый жанр развлекательного радиодискурса…….	196
Маркова Т. Д.	Отглагольный субстантив как особая форма мысли в языке и тексте……..	202
Матвеева Т. В.	К проблеме идиостиля ученого (на материале текстов профессора М.Н. Кожиной)……...	207
Пастухов А. Г.	Функциональный – дискурсивный – жанровый? Стилистическая парадигма и ее приложения к изучению медиатекста…..	214
Петрова Н. Г.	Заветы русских символистов и футуристов: общее и индивидуальное в аспекте регулятивности…….……....	220
Пластинина Н. А.	Система смыслов переводческого предисловия как отражение эпистемической ситуации…….……	226
Поляков С. Б., ***Гилев И. А.,*** ***Казакова А. Н.***	Алгоритмы грамматического толкования фактического состава юридических предписаний……..…….	232
Прокофьева Е. В.	Фразеологические единицы английского языка и их текстообразующие возможности…….……..	238
Прохватилова О. А.	О способах и приемах создания диалогичности современных медиатекстов…	242
Путина О. Н.	Функциональный потенциал вопроса в диалогическом единстве…….....	248
Пушкарева И. А.	Прикосновение к поэзии: семантико-стилистический анализ современного газетного текста о творчестве (на материале статей А.С. Сазыкина в городской газете «Кузнецкий рабочий»)…….....	253
Сафонова Н. Н.	Экспрессивная функция употребления аббревиатур…….....	259
Сергеева Е. В.	«Традиционная» образность как критерий художественности литературного текста (на материале романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)…….……	264
Сиротинина О. Б.	Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? ……..	269

Сироткина Т. А.	Этнонимы и сочетания с отэтнонимными прилагательными как маркеры идиостиля А. Иванова…….	276
Сологуб О. П.	Документонимы: структура, семантика, функционирование……...	281
Стойкова Т. А.	Некоторые особенности языка русской публицистики Латвии (1918–1940 гг.)…….	287
Табанакова В. Д.	Генетический фон астрономического термина в научном и популярном дискурсе...	293
Факторович А. Л.	Официальные стереотипы и научное творчество в дискурсе экспертизы…….…….	299
Халина Н. В., ***Хребтова Т. С.***	Эпистемо-когнитивный тезаурус М.П. Котюровой……...	305
Черняк В. Д.	Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А.И. Солженицына)…….……..	310
Шалина И. В.	Стилистический облик речи современного священника……..……...	316
Ширинкина М. А.	Как ответить гражданину? (Доминирующие субполя тональности в письмах-ответах власти на обращения граждан)…….	323
Штайн К. Э., ***Петренко Д. И.***	«Caucasica»: экскурс в область героических страниц советского языкознания (1926–1937)……	329
Шутёмова Н. В.	Формирование стилистической компетенции в дидактике перевода официально-делового текста……...	337

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
***ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ*,**
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
МАРИИ ПАВЛОВНЫ КОТЮРОВОЙ

Пермь, 25–26 апреля 2019 г.

ОТ ЮБИЛЯРА

Материалы конференции показывают значительное расширение проблематики функциональной стилистики и методологии исследования текста. Приятно, что в этом методологическом пространстве заметную роль играют идеи пермских стилистов, представляющих научную школу, созданную профессором М.Н. Кожиной.

Дальнейшее изучение воздействия стилеобразующих и дискурсивных факторов на речь / текст несомненно требует трансдисциплинарного подхода, который обусловлен особой – ориентирующей – функцией экстралингвистических факторов в функционально-стилистическом исследовании.

Выражаю признательность всем единомышленникам и надеюсь на то, что незримый колледж функциональной стилистики, созданный в Перми М.Н. Кожиной, благодаря конференции упрочит свои позиции. Проблематика речеведения ждет молодых исследователей, способных обеспечить теоретическое возрастание, методологизацию, интеллектуализацию функциональной стилистики. Решение этой задачи предполагает расширение эмпирической базы речеведения как синтетической науки за счет привлечения нового материала – текстов разных дискурсов. Кроме того, стратегически важно осознавать необходимость и неизбежность интеграции современного гуманитарного знания для выработки принципиально новой методологии функциональной стилистики.

Сердечно благодарю всех, кто включил в свои статьи поздравления и теплые пожелания в связи с юбилеем. Для меня быть членом стилистического сообщества не только честь, но и большая радость.

М. П. Котюрова

УДК 81'42

Елена Александровна Баженова
заведующая кафедрой русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bazhenova_e2000@mail.ru

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОГО ТЕКСТА» В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКЕ

Рассматривается понятие смысловой структуры текста, разработанное в рамках функциональной стилистики. Дифференцируются понятия «семантика», «содержание» и «смысл» применительно к структуре текста. Смысловая структура текста понимается как многоуровневая иерархическая организация содержательной стороны текста. Обсуждаются различные концепции смысловой структуры научного текста, в частности концепция политекстуальности, в соответствии с которой основной единицей смысловой структуры является субтекст. Подчеркивается важность интердисциплинарного подхода для выявления смысловой структуры текста.

Ключевые слова: понятие текста в функциональной стилистике, смысловая структура текста, смысловая структура научного текста, междисциплинарный подход в функциональной стилистике.

Появление понятия «смысловая структура текста» было вызвано ориентацией лингвистики последних двух десятилетий XX в. на изучение текста как сложно организованной единицы коммуникации. В функциональной стилистике, как и в других направлениях языкознания, изучающих речь, была осознана необходимость научной интерпретации феномена текста, опирающейся на уже созданный теоретический фундамент. При этом стало очевидно, что функционально-стилистическая интерпретация текста не может быть тождественной интерпретации, предложенной конкурирующими направлениями – грамматикой текста и семантикой текста.

В грамматике текста он рассматривался с узколингвистических позиций – как единица высшего уровня языковой системы, последовательность вербальных знаков, подчиненная различным типам внутритекстовых связей высказываний. М.Н. Кожина, отстаивая иное понимание текста, приходит к выводу, что «учет грамматических форм связей высказываний и других текстовых единиц оказывается недостаточным для анализа целого текста» [Кожина 1995: 38]. Выход за пределы отдельного высказывания в текст должен быть сопряжен с

© Баженова Е. А., 2019

качественно иным подходом. Не случайно в функциональной стилистике предметом исследования становится не просто текст, а целый текст. И это различие имеет принципиальный характер. Понятие целого текста фокусирует внимание на свойствах, качественно отличающих текст от единиц языковой системы. К наиболее важным из таких свойств относятся следующие:

– лишь целый текст может полностью выразить авторский замысел;

– целый текст обладает смыслом, несводимым к сумме значений составляющих его языковых единиц;

– только целый текст способен к смысловому приращению, обусловленному его функционированием в экстралингвистическом контексте;

– именно целый текст позволяет изучить его стилевую специфику, которая проявляется в системной организации языковых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания. Как известно, системная организация языковой стороны текста соотносится с речевой системностью. Очевидно, что единицы дотекстового уровня подобной системной организацией не обладают [Кожина 1996: 44–73].

С целью акцентирования функционально-стилистического подхода к изучению текста М.Н. Кожиной и было предложено понятие смысловой структуры текста. В самом общем виде смысловая структура понимается как многоуровневая иерархическая организация содержательной стороны текста, компонентами которой являются смыслы, формируемые комплексом экстралингвистических факторов, детерминирующих стилевую специфику текста [СЭС: 388].

Для более точного понимания данного термина требуется разграничить понятия «семантика», «содержание» и «смысл» применительно к структуре текста. Такое разграничение представлено, в частности, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [Там же], в котором под **семантикой** понимаются значения составляющих текст языковых единиц, обладающих способностью во взаимодействии друг с другом отражать объективную действительность; **содержание** текста связано со знаниями о действительности, объективированными автором; **смысл** же текста соотносится со знаниями, которые получает адресат при восприятии текста. Исходя из этого, **семантическая структура** текста связана с его знаковым характером; **содержательная структура** – с кодированием заключенной в текст информации и ее представлением в виде иерархии тем и подтем; **смысловая структура** – с декодированием информации и восприятием текста как целого.

Приведенная дифференциация понятий согласуется с точкой зрения Г.В. Колшанского: «Смыслы высказываний и смысл текста представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц… Элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла текста» [Колшанский 1979: 55].

Углубление и конкретизация понятия смысловой структуры текста в функциональной стилистике осуществлялось главным образом на материале научной речи и было связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативно-познавательные процессы в их широком экстралингвистическом контексте отражаются в тексте, обусловливая его стилевую специфику.

Большой вклад в развитие этого понятия внесла М.П. Котюрова, обосновавшая идею о зависимости смысловой структуры научного текста от трех аспектов знания. К этим аспектам относятся **онтологический** – предметно-понятийный компонент знания, т.е. тот материал, из которого формируется знание; **методологический**, связанный со способами получения нового знания путем использования эмпирических или теоретических методов, и **аксиологический** аспект, т.е. ценностная ориентация ученого в общем фонде научного знания [Котюрова 1988].

Важно подчеркнуть, что концепция экстралингвистической основы смысловой структуры научного текста разработана М.П. Котюровой с применением комплексного – трансдисциплинарного – подхода, т.е. на основе взаимодействия лингвистики, теории научного познания, науковедения, психологии и других смежных наук. Именно такой подход позволил установить воздействие на смысловую структуру научного текста как общих, универсальных, так и частных, и даже индивидуальных экстралингвистических факторов.

Принципиальным положением в стилистике научной речи является понимание того, что функционально-стилистическая теория способна выполнить свою объяснительную функцию лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к тексту, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с его конкретным содержанием [Котюрова 1988: 25]. С учетом этого дальнейшее развитие понятия смысловой структуры научного текста связано, с одной стороны, с конкретизацией экстралингвистической основы научной речи, с другой – с выявлением механизмов перехода экстралингвистического в собственно лингвистическое.

В частности, наши исследования показали, что смысловая структура научного текста имеет типизированный характер и реализуется посредством субтекстов – структурно-смысловых единиц, выражающих определенный аспект полученного знания (онтологический, методологический, аксиологический, коммуникативно-прагматический) и реализующих определенную целеустановку автора [Баженова 2001]. В типовую смысловую структуру академического текста входят следующие субтексты: нового знания, старого знания, методологический, оценки, адресации, авторизации, а также периферийный субтекст, представленный аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком и др. (см. табл.).

Целеустановки типовых субтекстов научного текста

Тип субтекста	Целеустановка
Субтекст нового знания	Представление нового научного знания и его аргументация
Методологический субтекст	Представление способов получения, обоснования и развития нового знания
Субтекст старого знания	Представление эпистемического фона нового знания
Субтекст оценки	Выражение отношения автора к старому и новому знанию
Субтекст авторизации	Выражение отношения автора к содержанию и форме своего текста
Субтекст адресации	Членение содержания текста с целью управления вниманием читателя
Периферийные субтексты (аннотация, ключевые слова, библиографический список и др.)	Обобщенное представление содержания текста с целью удовлетворения информационных запросов читателя

С учетом явления политекстуальности смысловую структуру научного текста можно определить как систему субтекстов, в совокупности отражающих научно-познавательную ситуацию и реализованных в едином коммуникативном акте.

Идея политекстуальности позволяет осуществить смысловое структурирование научного текста и выявить в нем типовые

субструктуры, которые, во-первых, в своей совокупности выражают все стороны полученного знания, во-вторых, выявляют функциональную взаимосвязь текстовых единиц на основе воплощения авторского замысла, наконец, характеризуются отношениями взаимозависимости, иерархичности и дополнительности, что действительно свидетельствует о структурированности текста. К сожалению, в отношении других стилей речи вопрос о смысловой структуре текста остается практически неизученным. Между тем продуктивность этого понятия очевидна: оно позволяет уточнить и углубить представления о лингвостилистической природе произведений разных функциональных типов с учетом их экстралингвистической обусловленности.

Библиографический список

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Кожина М.Н. Целый текст как объект стилистики текста // Stylistyka. 1995. № IV. С. 33–54.

Кожина М.Н. Понятия «Текст» и «Целый текст» (в аспекте стилистики текста) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. В 3 т. Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 1996. Ч. 1. С. 44–73.

Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 51–62.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. 170 с.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

E.A. Bazhenova
Head of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT "SCIENTIFIC TEXT'S SENSE STRUCTURE" IN FUNCTIONAL STYLISTICS

The article deals with the concept of text's sense structure, developed in the framework of functional stylistics. The concepts of "semantics", "content" and "sense" with reference to the text's structure are differentiated. The text's sense structure is understood as a multi-level hierarchical organization of the text's content side. Various concepts of the scientific text's sense structure are discussed, in particular, the concept of polytextuality, in accordance with which the basic unit of sense structure is a subtext. The importance of an interdisciplinary approach for analyzing the sense structure of texts is emphasized.

Key words: concept of text in functional stylistics, text's sense structure, sense structure of the scientific text, interdisciplinary approach in functional stylistics.

УДК 81'246

Базылев Владимир Николаевич
профессор Института иностранных языков им. М. Тореза
Московский государственный лингвистический университет
v-bazylev@inbox.ru

БИЛИНГВАЛЬНАЯ ПЕРЕВОДИМОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена художественному произведению как одному из способов отражения действительности. Целью исследования является рассмотрение проблемы перевода художественного произведения на иностранный язык, а также выявление основных особенностей художественного перевода с позиций переводимости функционального стиля художественной литературы. Рассматриваются языковые и культурные барьеры, возникающие при интерпретации оригинального текста переводчиком.

Ключевые слова: перевод, интерпретация текста, функциональный стиль, языковая игра.

Принципиальной основой общей лингвистической теории сегодня является положение о возможности полноценного перевода текстов разных функциональных стилей. К сожалению, целевые билингвальные исследования функционального стиля художественной литературы отдельных пар языков, столь активно начатые в отечественном переводоведении во второй половине XX в., сегодня практически прекратились.

Подобные исследования позволяют выявлять сходство и расхождение в средствах выражения художественной мысли одной пары языков на всех уровнях языка; предлагают билингвам соответствующие эквиваленты, способствующие чтению и переводу художественной литературы на русский язык, а также переводу русской художественной литературы на иностранные языки, в том числе языки ближнего и дальнего зарубежья. Тем более что в последнее десятилетие русский язык постепенно возвращает себе одну из важнейших функций языковой политики – быть и развиваться как язык межкультурной коммуникации и межнационального общения, как язык образования, науки и культуры не только на территории Российской Федерации, но и в мире.

Перевод художественной литературы является, безусловно, билингвальной речевой деятельностью, в процессе которой гуманистическая мысль передается с одного языка на другой при помощи языковых и внеязыковых средств. В этом процессе фактором,

© Базылев В. Н., 2019

координирующим действие всех этих уровней, является функциональное коммуникативное задание по переводу гуманистической мысли с опорой на макроконтекст, т.е. сумму гуманитарных знаний переводчика.

В функциональном стиле художественной литературы существуют все условия для полноценного перевода гуманистической мысли без потери информации. Хорошее владение переводчиком формально-логическим (коллективным) стилем позволяет ему делать переводы, стилистически превосходящие оригинал.

В последнее время, однако, парадоксальным образом в отечественной переводческой практике находят отражения тезисы В.Н. Комиссарова, в соответствии с которыми практикуется техника перевода без учета функциональных стилей языка. При этом исходят из тезиса о невозможности и ненужности полноценной передачи мысли с одного языка на другой [Комиссаров 1990: 65–66]. Вероятно, это происходит под влиянием не вполне корректных переизданий его книг, которые вырываются из хронотопа их первичного создания и предназначения. Возможно также, это связано и с неполнотой восприятия гипотезы Сепира-Уорфа в постсоветском переводоведении, что, в свою очередь, обусловлено, системой преподавания теории и практики перевода в рамках компетенций, постулируемых современными ФГОСами. Из всего положительного для науки о языке из этой гипотезы берется лишь один фрагмент, отрицающий возможность адекватной передачи средствами одного языка мыслей, выраженных на другом языке, из-за разного способа мышления у разных народов и различий языковых систем, отражающих отношение между языком и мышлением.

Однако макроконтекст переводчика художественной литературы более или менее однороден независимо от принадлежности автора и переводчика к разным языковым коллективам, культурного наследия и традиций, а языковые средства предельно лимитированы и обнаруживают большое сходство во всех языках мира. Поэтому материал функционального стиля современной художественной литературы особенно нагляден для доказательства неправомерности вышеприведенных утверждений.

Часто приводится еще один аргумент о невозможности полноценного перевода мысли оригинала. Утверждается, что любой процесс коммуникации сопряжен с потерей информации. Отсюда неизбежно следует, что на практике переводческая деятельность связана с выбором варианта наименьших потерь и решением вопроса, какими элементами эквивалентности можно пожертвовать.

Подобная точка зрения обусловлена механистическим переносом чисто физических законов, применяемых в машинной теории информации, на деятельность человека, без надлежащего учета его уникальных творческих возможностей противостоять энтропии. Очевидно, что в нынешних условиях это одно из следствий продолжающихся попыток ревизии подходов к машинному (компьютерному) переводу, теперь уже на базе интернет-ресурсов, предоставляемых, например, Яндексом или Гуглом [Базылев 2012; Базылев 2005].

Но ведь именно антиэнтропийные процессы, характерные для мышления, позволяют человеку преодолевать неизбежную якобы потерю информацию при переводе и объясняют объективный факт существования полноценных переводов и переводов, стилистически превосходящих оригинал.

Поскольку выше мы коснулись чисто языковедческих вопросов, поясним связанные с ними и некоторые теоретические детали.

При переводе функциональная структура текста позволяет дать множество интерпретаций. Ведь в модели «смысл – текст» правила реализации связанных значений слов упорядочиваются путем экспликации общего смысла их позиции относительно ключевого слова.

Образ обладает определенными заданными признаками, по которым он восстанавливается. Происходит толкование через определение зависимости, не включенной непосредственно в определение объекта, что позволяет говорить о словообразе как составляющей поэтического текста. Неумолимость и неуловимость реального «физического» времени тесно связана со смертью. В переводах подобные отношения становятся упомянутыми лишь частично: традиционное изображение Смерти как старухи объясняет представление в переводах Времени как злой старухи или грозного Старца с косой.

Но в действительности это условность, что и дает повод литератору Б. Акунину несколько раз ее обыгрывать: «Вы говорите про Смерть “она”, “возлюбленная”, однако среди ваших последователей ведь есть и женщины. – “Смерть” по-русски слово женского рода, но это условность, грамматика. По-немецки, как известно, это слово мужского рода – der Tod. Для мужчины Смерть – Вечная Невеста. Для женщины – Вечный жених… – А чем вы занимаетесь? – перешла на шепот умирающая от любопытства Коломбина. – Ответ был торжественен: Служим Вечной Невесте и посвящаем Ей стихи. А некоторые, избранные счастливцы, приносят Ей и высший дар – собственную жизнь. – А кто это, вечная невеста? – Он ответил коротким, свистящим

словом, от которого у Коломбины сразу пересохло во рту: Смерть. – А… а почему смерть – это невеста? Ведь среди соискателей есть и женщины – та же Лорелея Рубинштейн. Зачем ей невеста? – Это только так говорится, потому что по-русски “смерть” женского рода. Само собой, для женщин Смерть – Вечный Жених. У нас вообще всё очень поэтично. Для соискателей Смерть это как бы la belle dame sans merci, Прекрасная Дама, которой мы посвящаем стихи, а если понадобится, то и самое жизнь. Для соискательниц же Смерть – Прекрасный Принц или Заколдованный Царевич, это смотря по вкусу…» [Акунин 2001: 29, 61].

А переводчик П. Киракозов позволил себе вообще пренебречь этой условностью: «Последнюю фразу Смерть не понял… Смерть вежливо кивнул. Он с такой проблемой не сталкивался: его клиенты безропотно принимали то, что им дают… Смерть пристально взглянул на нее…» [Пратчетт 2007: 16–20].

По мнению В.П. Руднева, в сознании и носителя языка, и переводчика в данном случае происходит цепная реакция в сфере означающих, т.е. все жизненные смыслы, установки и ценности путаются: смерть амбивалентно для носителя русского языка может быть и мужчиной, и женщиной [Руднев 2005: 212–213].

Множественность и полярность оценок свидетельствует не о субъективизме и невозможности общих критериев при переводе, а о многообразии действительных связей, отношений данного объекта, множественности его значений. Корявая, несимметричная березка, стоящая на краю обрыва, может восприниматься как трагическое и как безобразное, эти оценки объективно обусловлены качествами березы (погибающее одинокое дерево и корявое, некрасивое растение), но разные субъекты или один и тот же субъект в разное время отражают одно какое-то значение, одно из значений рассматривается как доминирующее.

Веским подтверждением зависимости оценки от объекта является колебание эстетических оценок по мере изменения его восприятия в истории культуры. Изменение отношений объекта меняет и его значимость, что сказывается на оценках этого нового значения при переводе. Эмоциональное отношение, выражающееся в различных оценках, характеризует активно волевое отношение субъекта-переводчика к объекту. Зависимость эмоционального отношения к объекту от субъекта доказывается разнородностью оценок одного и того же эстетического объекта. Разнородность оценок определяется нетождественностью субъектов оценки. Эмоциональность образов, получаемых при переводе, зависит и от характера ассоциаций субъекта. Так, образ смерти у разных писателей и переводчиков, как можно было

убедиться, ассоциируется с различными явлениями, и это обусловливает его различную, порой совершенно неожиданную эмоциональную окраску: у Горького Смерть – неприкаянная старуха, у Эдгара По – зловещий Ворон, символ безнадежности, у Роберта Мерля – чиновник с золотым пером. В его пьесе «Сизиф и Смерть» трагическое явление (смерть) звучит комедийно хотя бы уже потому, что художник отделил сущность смерти (и ее объективную силу) от лица, выражающего ее (в данном случае чиновника), и воплотил эту силу в вечном пере, которое служит тому, в чьих руках оно находится.

Феномен вышесказанного предопределен способом существования языка. Ведь звуковая и смысловая стороны языка существуют раздельно. Смысловая сторона возникает в головах людей (в том числе в голове переводчика), говорящих на данном языке. Тем самым язык как бы не отделен вполне от использующего его и познающего его субъекта-переводчика. Это мешает взгляду на язык со стороны, затрудняет его объективное познание. Это касается и родного, и неродного (иностранного) языка. При столкновении с иностранным языком переводчик обязательно должен узнать значения языковых единиц, так как именно благодаря наличию значений звучания приобретают характер единиц языка. Что значит – узнать значения иностранного слова? Это значит – сформировать в своей голове значение, соответствующее словам иностранного языка. Тем самым неродной язык «входит» в психику переводчика, который в процессе работы (перевода) вынужден анализировать «свое», появившееся у него, психическое, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Когда благодаря использованию языка воспринимающий речь начинает «понимать» говорящего, то вследствие исключительной сложности механизма порождения мысли в голове слушающего создается впечатление, что именно язык «перенес» идеи от одного человека к другому. Отсюда – буквальное понимание тезиса, на который ориентируется большинство переводчиков, – язык передает мысли.

Другой важный фактор, затрудняющий работу переводчика, состоит в том, что язык не дан ему как некоторое целое. Для воссоздания языка перевода как целого надо многое «домыслить», что чревато возможностью «отрыва» от языковой и иной реальности. Язык для переводчика, в том числе как целое, существует только in potentia. Способ существования языка одновременно вне и «внутри» человека, его вечно меняющийся характер создает сложности в понимании общих свойств языка оригинала и языка перевода и способствует появлению искаженных представлений о языке [Базылев, Сорокин 2000: 25–29].

Следствием этого и являются многочисленные проблемы, с которыми до сих пор сталкиваются в своей практике переводчики. Несколько перефразируя Р. Барта, можно сказать, что все попытки переводчика преодолеть неустойчивость восприятия реальности, в том числе реальности текста оригинала и текста перевода, несомненно свидетельствуют об определенной степени отчужденности. Переводчик беспрестанно мечется между текстом, языком и их демистификацией, не будучи в состоянии передать их во всей своей целостности, так как если мы вникаем в текст и язык, то освобождаем их, но тут же и разрушаем; если же мы стараемся сохранить их целостность, всю их весомость, если мы проявляем к ним должное уважение, но они остаются по-прежнему мистифицированными и мифологизированными.

Библиографический список

Акунин Б. Любовница смерти. М.: «Захаров», 2001. 280 с.

Базылев В.Н. Переводческие мифы. М.: Изд-во СГУ, 2012. 176 с.

Базылев В.Н. «Философия» машинного перевода // Вестник Воронежского ГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 87–96.

Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интепретативное переводоведение. Ульяновск: Ульяновский ГУ, 2000. 180 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 254 с.

Пратчетт Т. Ведьмы за границей: Фантастический роман. М.: Эксмо, 2007. 680 с.

Руднев В.П. Диалог с безумием. М.: Аграф, 2005. 360 с.

V.N. Bazylev
Full Professor of Western European Languages
and Translation Studies (English) Department
Moscow State Linguistic University

BILINGUAL PORTABILITY OF THE FUNCTIONAL STYLE OF LITERATURE

The article is devoted to the work of art as one of the ways to reflect reality. The aim of the study is to consider the problem of translation of a work of art into a foreign language, as well as to identify the main features of literary translation from the standpoint of the translatability of the functional style of fiction. Language and cultural barriers arising in the interpretation of the original text by the translator are considered.

Key words: translation, text interpretation, functional style, language game.

УДК 811.111:811.161.3

Басовец Ирина Михайловна
доцент кафедры истории и грамматики английского языка
Минский государственный лингвистический университет
basovets@list.ru

СОЗДАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ НАУЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ КОНСТРУКЦИЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ

Рассматривается эксплицитное выражение авторской оценки с целью «программирования» читательского восприятия посредством включения в конструкции деавторизации оценочных лексических единиц, в результате чего предложение становится полисубъектным. Сопоставительный анализ научных текстов на трех языках (английском, русском и белорусском) показал отсутствие принципиальных отличий в функционировании конструкций деавторизации, используемых для создания интерпретационной программы для читателя.

Ключевые слова: нереферентный субъект, конструкции деавторизации, полисубъектное высказывание, субъектно-предикатные конструкции, предикатные конструкции, номинализованные конструкции, прагматическая функция, оценочные маркеры, научные тексты.

Известно, что при передаче чьего-либо высказывания автор заинтересован в том, чтобы не только проинформировать читателя, но и выразить собственное отношение к передаваемой информации [Sakita 2002: 116; Shido 2009: 73; Zufferey 2010: 75]. Соответственно, при передаче чужого высказывания может происходить «авторское вторжение в дискурс с целью больше направить, нежели проинформировать» [Hyland 2005: 18]. Тем самым автор нового текста готовит читательскую аудиторию к принятию позиции говорящего и одинаковой с адресантом интерпретации передаваемой информации.

Маркерами введения чужих высказываний в текст автора являются клишированные конструкции, указывающие на субъект – источник информации и традиционно используемые для введения прямой или косвенной речи. Интерес в рамках нашей работы представляют конструкции с определенным наполнением субъектного компонента. Субъект в анализируемых конструкциях должен быть: а) выражен весьма обобщенно или неопределенно, либо быть невыраженным, но подразумеваться, б) являться нереферентным, т.е. не соотносимым с референтами в реальной действительности. Синтаксические конструкции, содержащие указание на нереферентный (неопределенный

© Басовец И. М., 2019

либо обобщенный) субъект, со слов / по наблюдениям / согласно мнению / оценке которого передается представленная в высказывании информация, именуются нами конструкциями деавторизации, в результате употребления которых создается эффект деавторизации высказывания. В случае эксплицитного выражения авторской оценки, которая сопровождает конструкции деавторизации, происходит авторское вторжение в текст с целью направления читателя к необходимой для говорящего интерпретации сообщаемого.

В научной речи такое «программирование» читательского восприятия происходит в случае открытого выражения авторской оценки посредством включения в конструкции деавторизации оценочных лексических единиц. Вербализация собственного отношения автора «делает эксплицитным его присутствие в тексте» [Kranich 2009: 40], в результате чего предложение осложняется еще одним субъектным планом – авторским (в дополнение к субъекту предикативного признака и субъекту деавторизации), т.е. становится полисубъектным. К примеру, в высказывании *Концепция полевого принципа системной организации языковых явлений* ***справедливо считается*** *одним из самых значительных достижений лингвистики XX в.* обнаруживаются три субъектных плана: 1) первый представлен субъектом предикативного признака – лексемой *концепция*; 2) второй – неопределенным субъектом мысли, т.е. субъектом деавторизации (те, кем ***считается***) и 3) третий субъектный план вводит в высказывание говорящего (***справедливо***), который не просто высказывает соответствующее суждение, но и призывает читателя солидаризироваться с предложенным мнением. При этом говорящий, который актуализирует себя как субъект оценки, фокусирует внимание читателя на собственной позиции во избежание поиска других интерпретаций или оценок, отличных от авторских.

По нашим наблюдениям, создание интерпретационной программы для читателя научного произведения при помощи конструкций деавторизации происходит сходным образом в английском, русском и белорусском языках. В научных текстах основными маркерами выполнения данной прагматической функции являются оценочные языковые единицы, которые, как правило, сопровождают конструкции деавторизации с субъектом мысли и с субъектом речи.

В субъектно-предикатных и предикатных конструкциях деавторизации в роли оценочного маркера выступает ограниченный набор оценочных наречий типа *mistakenly*, *wrongly*, *rightly*, *plausibly* / *ошибочно, неверно, правильно, убедительно* / *памылкова*, *правільна*, *справядліва*, *нездарма*, *дарэмна*, *правамерна*, которые ориентированы на выражение нормативной оценки:

All the inferentialists <u>rightly</u> emphasize *the abstract character of the 'linguistic meanings'...* 'Все сторонники инференциализма справедливо подчеркивают абстрактный характер лингвистических значений…';

Эту сторону дела ***<u>правильно</u> подчеркивали****, критикуя младограмматические концепции*;

Да таго ж беларуская моўная сістэма валодае выдатнай унутранай жыццяздольнасцю, яна ніколі не падаўлялася, як ***<u>памылкова мяркуюць</u>****, уплывам польскай, і арабскай або расійскай моў.*

В номинализованных же конструкциях (а также ряде безличных констукций деавторизации в английском языке) в качестве маркеров используются оценочные прилагательные / причастия, круг которых значительно шире по сравнению с группой оценочных наречий. Более богатым оказывается и спектр выражаемых оценочных значений. В частности, в конструкциях деавторизации данного типа, кроме:

а) нормативной оценки (ср.: *Обыденное, являющееся* ***<u>ошибочным представление</u>*** *об изучении второго языка,* ***состоит*** *в том, что это изучение сводится к простому заучиванию лексических эквивалентов Я2, соответствующих словам Я1*) представлены также:

б) эпистемическая с точки зрения вероятности (*Наконт гэтага* ***выказваюцца*** *толькі больш або менш* ***<u>верагодныя</u> здагадкі***),

в) телеологическая оценка (*Many* ***<u>successful</u> explanations*** *meet the first requirement...* 'Многие успешные объяснения соответствуют первому требованию…').

Кроме того, в научных текстах на сравниваемых языках для маркеров данного типа характерно использование интенсификаторов и показателей степени сравнения: *<u>the most</u> important observation was concerned*, *there are <u>more</u> wounding criticisms* / *<u>самое</u> важное наблюдение касается, существуют <u>более</u> острые критические замечания* / *<u>больш</u> дакладным з'яўляецца сцвярджэнне*, *меркаванне <u>вельмі</u> далёкае ад рэчаіснасці* и под.

Таким образом, в результате эксплицитного выражения авторской оценки с целью «программирования» читательского восприятия посредством включения в конструкции деавторизации оценочных лексических единиц предложение осложняется авторским планом и становится полисубъектным, в котором присутствуют:

а) субъект предикативного признака (за исключением предикатных конструкций деавторизации с невыраженным субъектом),

б) субъект деавторизации,

в) субъект-говорящий.

Сопоставительный анализ научных текстов на трех языках (английском, русском и белорусском) показал отсутствие каких-либо

принципиальных отличий в функционировании конструкций деавторизации, используемых с целью создания интерпретационной программы для читателя.

Важно также, что конструкции деавторизации в данной прагматической функции используются идентичным образом как в качественном отношении (в научных текстах на трех языках представлен тождественный набор оценочных единиц, выражающих одинаковые оценочные значения), так и в количественном (наиболее употребительными средствами создания интерпретационной программы для читателя научного произведения разных лингвокультур являются нормативно-оценочные наречия *mistakenly*, *wrongly*, *rightly* / *ошибочно, неверно, правильно, справедливо* / *памылкова*, *правільна*, *справядліва*). Инкорпорирование в конструкции деавторизации оценочных прилагательных/причастий позволяет выразить более широкий спектр оценочных значений в научных текстах.

Библиографический список

Hyland K. Metadiscourse. London, N.Y.: Continuum, 2005. 230 p.

Kranich S. Epistemic modality in English popular scientific texts and their German translations // Trans-kom. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 26–41.

Sakita T.I. Reporting discourse, tense, and cognition. Oxford: Elsevier, 2002. 290 p.

Shido M. Semantic extension, subjectification, and verbalization. Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, Plymouth: University Press of America, 2009. 284 p.

Zufferey S. Lexical pragmatics and theory of mind. Philadelphia: John Benjamins, 2010. 192 p.

I.M. Basovets
Associate Professor of English History and Grammar Department
Minsk State Linguistic University

FORMATION OF THE INTERPRETATION PROGRAM FOR THE SCIENTIFIC READER VIA DEAUTHORIZATION STRUCTURES

The paper deals with the explicit expression of the author's estimation aimed at "programming" of the reader's perception via incorporation of the estimating lexical units into deauthorization structures, which results into the sentence complication by the author's representation leading to creation of the poly-subject sentence. The comparative analysis of scientific texts in the three languages (English, Russian and Belarusian) has shown absence of significant differences in functioning of deauthorization structures, which are used to create the interpretation program for the reader: deauthorization structures are used identically both in qualitative, and in quantitative terms.

Key words: the non-referential subject, deauthorization structures, the poly-subject sentence, subject-predicate structures, predicate structures, nominalization structures, the pragmatic function, estimate markers, scientific texts.

УДК 81.38

Басовская Евгения Наумовна
заведующая кафедрой медиаречи
Российский государственный гуманитарный университет
Jeni_ba@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОРЕЦЕНЗИЙ)

Статья посвящена анализу процесса диалогизации текста современной кинорецензии. На материале размещенных в Интернете рецензий на фильм А. Звягинцева «Нелюбовь» рассматриваются приемы ведения диалога автора как с художественным произведением, так и с оппонентами: публикой и критиками, чье мнение рецензент считает неприемлемым. Доказывается тезис о том, что, будучи формально монологическим жанром, рецензия обладает внутренней диалогичностью и способствует общей диалогизации медиапространства первой четверти XXI в.

Ключевые слова: диалогичность, диалогизация, кинорецензия, медиатекст, медиапространство.

Сегодня наблюдается процесс интенсивной диалогизации общения в публичной сфере. Это обусловлено прежде всего технологическими факторами: доступностью средств связи, широким распространением Интернета, позволяющего оставлять комментарии к публикациям, наличием у СМИ оборудования для проведения опросов в ходе прямого эфира и рядом других. Кроме того, коммуникация в режиме диалога соответствует определенным культурно-психологическим характеристикам современного демократического общества, в котором человек воспитывается с сознанием права голоса, настраивается не только на восприятие и усвоение, но и на критическое осмысление получаемой информации.

Диалогизация медиапространства, будучи одной из доминант развития цивилизации XXI в., безусловно, представляет большой интерес для исследователя. Изыскания в этой области можно проводить с опорой на классические филологические и собственно лингвистические труды, посвященные природе и структуре диалога [Арутюнова 1999; Бахтин 1986]. В то же время сегодня существует относительно небольшое число русскоязычных исследований, в которых анализируется категория диалогичности, реализуемая в текстах средств массовой информации. Важным представляется тезис Л.Р. Дускаевой о

© Басовская Е. Н., 2019

диалогичности как «механизме продуцирования жанров», о специфичности диалога автора с адресатом в каждом из жанров СМИ [Дускаева 2004: 98–99].

В данной статье рассматривается один из аспектов общей проблемы диалогизации медиасферы – категория диалогичности, реализуемая в жанре кинорецензии, размещенной в Интернете. Сугубую монологичность рецензии как жанра приходится поставить под сомнение уже на том основании, что она представляет собой вторичный текст и ее автор изначально отталкивается от высказывания (хотя и не исключительно вербального) создателей анализируемого фильма. Кроме того, рецензия, размещенная в сети, нередко становится частью макротекста, образуемого ею вместе с репликами читателей-комментаторов. Диалогическая природа кинорецензии отмечается, в частности, В.А. Фоминой и М.Ю. Щепиловой, по мнению которых в этом жанре дискурс автора взаимодействует с дискурсом как фильма, так и третьих лиц (критиков, зрителей и др.) [Фомина 2011: 146; Щепилова 2016: 122–123]. Однако названные исследователи не анализируют сколько-нибудь подробно специфику пронизывающего текст рецензии диалога, который нередко скрыт за внешней монологической формой.

В рамках статьи мы обращаемся к одному из важнейших аспектов диалогичности кинорецензии – заочному диалогу, в который критик вступает с реальными или воображаемыми оппонентами, представителями широкой общественности или профессионального сообщества. В качестве источника эмпирического материала используются опубликованные в Интернете в течение 2017–2018 гг. рецензии на фильм А. Звягинцева «Нелюбовь». Это кинопроизведение вызвало большой зрительский интерес и породило значительное число рецензий, написанных кинокритиками и журналистами популярных изданий, как существующих в офлайн-режиме («Коммерсантъ», «Ведомости», «Сноб» и др.), так и являющихся сугубо сетевыми («Colta», «Кинотеатр.ру» и др.) [Кинопоиск]. Для данного исследования разница между рецензиями, появившимися в печати и воспроизведенными в Интернете, с одной стороны, и изначально сетевыми − с другой, не является релевантной; тексты рассматриваются как единый массив.

Установка на диалог-дискуссию наиболее отчетливо сформулирована в рецензии А. Плахова: «… Звягинцев – это, я бы сказал, одиозное средоточие “нелюбви” со стороны ревнивых коллег, чересчур пристрастных критиков и примитивных зрителей» (Коммерсант.ру. 02.06.2017). Для авторов значительной части рецензий

точкой отсчета, своего рода условной инициальной репликой в диалоге, становится именно чья-либо неприемлемая позиция – наивная, некомпетентная или даже злонамеренная. Кинорецензия, публикуемая в СМИ, не содержит, в отличие, например, от научного текста, строгих отсылок к первоисточникам. Упомянутый материал «Коммерсанта» представляет собой редкое исключение: критик цитирует, пусть и без указания «выходных данных», один из сетевых комментариев, автор которого говорит о себе: «Я – российский зритель… Черной тоски от звягинцевских фильмов большинству россиян не нужно…».

Обычно же оппоненты остаются неназванными и имеют, вероятно, обобщенный характер. Это не мешает критику возражать им же самим смоделированному собеседнику, как это делает, например, О. Касьянова: «Можно сколько угодно говорить о манипуляциях, подтасовке, чернухе или их отсутствии. Если все это отвлекает от темы, помогает не задумываться о страшном – бога ради. Но что совсем избыточно – так это попытки измерить искренность или высокомерие» (Сеанс. 05.06.2017). Критик не уточняет, кто и где говорит о манипуляциях, кто и как пытается измерить искренность режиссера. Из текста следует одно – те, кто так поступает, не правы и не понимают истинного смысла фильма.

Проанализированный материал дает возможность классифицировать используемые авторами рецензий приемы «условного диалога». Перечислим их.

1. Слова и формы первого лица, вводные конструкции, манифестирующие позицию автора как одной из сторон диалога (*я; мы, россияне; у нас; на мой взгляд, разумеется, слава богу, боюсь*).

2. Глаголы говорения и подобные, называющие речевые действия автора рецензии (*мы говорим, хочется возразить*) и его оппонентов (*говорят, пишут, атакуют, нападают, обвинять, упрекать*). Речевое поведение тех, с кем критик не согласен, нередко характеризуется негативно (*изгаляться, хаять, выискивать, попинать фильм*).

3. Слова «чужого словаря» – оценочная и иная лексика, сигнализирующая о наличии иного, неприемлемого для автора мнения (*манипуляции, очередная чернуха, высокомерие, высокопарные эпитеты, очернительство*).

4. Оценочная лексика для обозначения ошибочных суждений оппонента (*штамп, ярлык, злорадные обсуждения, пошлые клише, слухи, полная чушь*).

5. Конструкции с отрицанием, служащие средством опровержения ложных, с точки зрения автора, суждений (*никакая не криминальная драма, это не про менеджеров; фильм рассказывает совсем не об*

отчаянии, а призрачно-светлой надежде на будущее. «Нелюбовь» – это не диагноз, а внятное приглашение к диалогу и размышлениям).

6. Прецедентные феномены, отсылающие к одиозным личностям, ситуациям и высказываниям – воплощению непонимания, недооценки, травли художника (*не смотрел, но осуждаю; при слове «мальчик» перед глазами встает видео, где полиция задерживает 10-летнего ребенка за публичное чтение «Гамлета» на Арбате*), а также излишне откровенной гражданственности, превращения искусства в пропаганду (*Новая картина Звягинцева… немилосердно форсирует и утрирует. Плакатной шершавостью языка… не уступает тем же «Вестям недели» (даже свой распятый мальчик есть*); *поэт у нас по-прежнему больше, чем поэт…*).

7. Вводные слова и частицы с модальностью отстранения от иной точки зрения (*якобы, как будто*).

8. Формы второго лица и императива, наиболее ярко имитирующие диалог с конкретным собеседником (*ты, вы спро́сите*, *посмотри́те*, *выключите, люби́те*, *твори́те*, *попробуйте, не воспринимайте, согласитесь, не поймите меня превратно, сделайте, поймете, сможете осознать*).

9. Слова и словосочетания широкого значения, обобщенно номинирующие оппонентов (*российское общество, массовый зритель, примитивные зрители, ревнивые коллеги, чересчур пристрастные критики, зарубежная пресса; злые языки*).

10. Местоимения, также рисующие обобщенный образ «другого» (*кто-то, многие, все*).

11. Прямая речь как форма реального или псевдоцитирования – «диалогическая цитация», по выражению Н.Н. Шпильной [Шпильная 2015: 101], графически в большей части случаев оформляемая кавычками («*красивые люди делают некрасивые вещи*», «*жутко громко и запредельно близко*»; «*Что ж все люди сволочи?» – спрашивает зритель; призы этой «антигуманной чернухе» дают «за нелюбовь ко всему русскому»; «все мы – Алеши Слепцовы»; бедная, бедная Россия*; *фильм вторичный, а сюжет и образы нагло позаимствованы из произведения шведского мэтра*).

12. Вопросно-ответный ход, имитирующий диалог с собеседником, знающим и понимающим меньше, чем автор рецензии (*В чем вся суть претензий к Звягинцеву? А в том, что он не пытается подстроиться под вкус обывателя…*).

13. Противительная конструкция, в первой части которой критик как будто соглашается с оппонентом, а во второй – развенчивает его концепцию (*Да, он довольно тяжело воспринимается психологически,*

но искусство не только о положительных эмоциях; Да, кино получилось непростым в психологическом плане, но давайте делить фильмы не на «легкие» и «тяжелые», а на «хорошие и плохие»).

Проведенный анализ дает основания утверждать, что кинорецензия, представляющая собой, на первый взгляд, монолог критика, имеет диалогическую природу. Не опровергая утверждения Т.В. Шкайдеровой о том, что основными принципами современной кинорецензии стали «самовыражение и самонаблюдение» [Шкайдерова 2014: 144], считаем важным уточнить: названные процессы не являются самоцелью, а, напротив, служат одним из средств диалогизации жанра. По точному замечанию Л.Р. Дускаевой, «авторская самоманифестация» в СМИ способствует интимизации изложения и, как следствие, диалогу журналиста с аудиторией [Дускаева 2010: 26].

С учетом того, что в XXI в. большая часть кинорецензий или создается специально для Интернета, или размещается в сети параллельно с публикацией в печати, данный жанр становится важной составляющей современного медиапространства и активно участвует в процессе, обозначаемом в литературе как медиавоздействие [Красноярова 2005: 104]. Диалогизация текста кинорецензии отражает общую тенденцию сегодняшней массовой коммуникации: даже вне рамок реального диалога журналистский текст обладает его структурными характеристиками, что, безусловно, стимулирует внимание, интерес и собственную коммуникационную активность аудитории.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Проблемы коммуникации // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 643–686.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Дускаева Л.Р. Гипотеза адресата газетных речевых жанров // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 2004. № 2. С. 97–107.

Дускаева Л.Р. Диалог с читателем в районной газете: жанрово–стилистические черты // Журналистика и культура русской речи. 2010. № 2. С. 25–35.

Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/963346/press/ (дата обращения 27.02.2019).

Красноярова О.В. Основные проблемы диалогичности массовой коммуникации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2005. № 3–4. С. 104–107.

Фомина В.А. Кинорецензия в системе дискурсных взаимодействий // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 2 (68). С. 144–146.

Шкайдерова Т.В. Адаптация кинорецензии к новым медиаусловиям // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 141–146.

Шпильная Н.Н. Диалогическая цитация как деривационный механизм текстообразования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 101–112.

Щепилова М.Ю. Кинорецензия как особый жанр дискурса // Вопросы филологического анализа текста. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. 2016. С. 120–123.

E.N. Basovskaya
Head of Media Text Department
Russian State University for the Humanities

DIALOG CATEGORY OF THE CONTEMPORARY MEDIA TEXT (BASED ON FILM REVIEWS)

The article is devoted to the analysis of the process of dialogization of the text of modern film review. Basing on the reviews of the film by A. Zvyagintsev "Nelubov'" posted in Internet the author examines the methods of dialogue of the writer with the work of art, so as with opponents: the public and critics, whose opinion the reviewer considers unacceptable. It is proved that the review as a formally monologic genre, has an inner dialogism and contributes to the general media landscape of the first quarter of the XXI century.

Key words: dialog, dialogism, film review, media text, media space.

УДК 81’38

Богданова Елена Юрьевна
доцент кафедры русского языка и литературы
Глазовский государственный педагогический институт
kafrusyaz@ggpi.org

Чиговская-Назарова Янина Александровна
доцент кафедры русского языка и литературы
Глазовский государственный педагогический институт
kafrusyaz@ggpi.org

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В КОНФЛИКТНОМ ТЕКСТЕ (ИЗ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ)

Рассматривается употребление имени собственного в функциях идентификации и индивидуализации личности в текстах, представленных на лингвистическую экспертизу.

Ключевые слова: имя собственное, прецедентное имя, функция идентификации и индивидуализации личности, конфликтный текст.

В понимании конфликтного текста мы солидарны с О.Н. Матвеевой, по мнению которой «качество конфликтности присуще всем текстам, ставшим предметом лингвистической экспертизы» [Матвеева 2004: 89].

Юрислингвистический аспект функционирования имен собственных не обделен вниманием лингвистов (см., напр.: [Бикейкина: 2010]). Однако многогранность факторов, лежащих в основе конфликтности имен собственных, их антропоцентричность, выход во внеязыковую сферу делают данный пласт лексики интересным для лингвистических наблюдений в каждом конкретном случае.

В лингвоэкспертной практике наиболее частотны следующие типы конфликтов, связанных с функционированием имени собственного: 1) исправление имени, 2) защита доброго имени, 3) имя как товарный знак, 4) имя и авторское право, 5) использование имени в качестве средства манипуляции. **Один из основных вопросов** лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации – установление соотносимости содержащихся в высказываниях сведений с конкретным физическим или юридическим лицом. Имя в данном случае выполняет функцию идентификации, является связующим звеном

© Богданова Е. Ю., Чиговская-Назарова Я. А., 2019

между субъектом (носителем имени) и информацией о некотором субъекте.

Желание автора высказать обличительную информацию и в то же время подстраховать себя может выражаться в использовании квалификативных оборотов типа «мужчина, похожий на депутата ФИО», «некий глава района, известный своей преданностью нашему всенародно избранному» и т.п. В этом случае имя может быть распознано на основе пресуппозитивных знаний. В других случаях имя собственное, идентифицирующее лицо, вместе с квалификативным оборотом представлено в сильной позиции текста – заголовке.

Например, в статье М. Цветковой «Владельцу глазовских заводов Кариму Касимову наплевать на людей» (Мой город Глазов, 04.10.12) главные действующие лица, подвергаемые критике, легко узнаваемы. Одно из них названо посредством нарицательных существительных и квалификативного оборота, включающего собственное имя, – «мультимиллионер, местный олигарх, владелец глазовских заводов, владелец “Металлиста” Карим Фатхутдинович Касимов». Все указанные номинации точно квалифицируют объект речи. Заметим, что обозначение социально-квалификативного типа («мультимиллионер, местный олигарх, владелец глазовских заводов») на фоне стилистического контраста становится средством косвенный негативной оценки. Прямая отрицательная оценка дана в номинации «владелец неисправных станков и устаревшего оборудования». Точная квалификация и употребление в сильных позициях текста исключают сомнения по поводу направленности негативной оценки автора статьи на вышеуказанное лицо. Дискредитирующая статья выходит в разгар предвыборной кампании и служит целям манипуляции избирателями.

Помимо идентификации, в текстах наблюдается индивидуализация личности, отождествление ее с определенными характеристиками. Так, в статье А. Едигарьева «Гоголёнок, кто стоит за спиной “Единой России”?» (Мой город Глазов, 04.11.10) во всех сильных позициях текста: заголовке, подзаголовках, вступлении, заключении, отдельной рубрикации под фотографией – имеются высказывания с отрицательной оценкой личности гражданина К. Гоголева. В заголовке используется лексема «гоголёнок», которая относится к группе инвективной (оскорбительной) лексики. В словарной статье «Инвективная лексика или оскорбительная лексика» представлена классификация оскорбительной лексики; под пунктом 8 в нее включены окказиональные образования (часто построенные на игре слов, каламбурах), сознательная деформация имени собственного,

создаваемая с целью оскорбить, унизить адресата, выразить презрение к нему и т.п. [Культура русской речи 2003: 210].

Трудно представить более циничный прием, чем озаглавить статью о человеке его исковерканным именем, вызывающим отрицательные ассоциации. Суффикс *-ёнок-* образует имена существительные с общим значением лица или животного, характеризующегося детскостью, невзрослостью. Гоголёнок – птенец гоголя – водоплавающей птицы семейства утиных. Лексема «гоголёнок» выступает в качестве зоометафоры [Там же: 210]. Как видим, человек, занимающий руководящую должность, оскорбительно сравнивается с неоперившимся птенцом.

Во вступительной части статьи, выделенной особым шрифтом, дается сравнение К.В. Гоголева с одиозным персонажем – крестным отцом Аль Капоне. Здесь налицо еще один прием употребления имени собственного – прецедентное имя. Заметим при этом неоднозначность оценочной составляющей прецедентного имени. Аль Капоне воспринимается в современной русской языковой картине мира не только как гангстер и убийца, но и как вполне успешная личность в финансовом отношении, спонсор и меценат. Энантиосемия прецедентного антропонима – одна из причин конфликтности текста.

Рассмотрим другой пример. В статье А. Едигарьева «Живем и побеждаем вопреки!!!» читаем: «В попечительском совете Владимир Юрьевич, на оперативном распределении поступающих денег – верный Санчо Панса, проверенный бюджетными банями, помывкой бомжей и обслуживанием городских больниц. Прозрачности в расходовании финансовых средств никакой, ничего не проверяется и не контролируется» (Мой город Глазов, 05.05.11). «Санчо Панса – бессмертный оруженосец Дон-Кихота в романе Сервантеса, тип верного, но глупого слуги» [Чудинов 1910]. Заявитель же расценил употребление прецедентного имени Санчо Панса как насмешку над своими физическими данными: низкорослостью и полнотой, поскольку в его языковой картине мира это имя ассоциировалось с прожорливым, толстым человеком.

Анализ употребления данного имени в Национальном корпусе русского языка подтверждает направленность этого ассоциативного ряда. Современные носители русского языка знакомятся с этим именем не по роману Сервантеса, а по названию популярных ресторанов, кафе, магазинов кухонной утвари, семян-гибридов, когда теряется семантика верности, преданности, здравого смысла и на первый план выходит физический облик литературного персонажа.

Прецедентное имя выступает как элемент русского языкового сознания, знак коллективных представлений русского лингвокультурного общества. Это выводит эксперта за рамки чистой лингвистики в область когнитологии. В этой связи очевидна необходимость создания современного словаря прецедентных имен с включением в него, помимо энциклопедических сведений, информации из национальной когнитивной базы.

Итак, конфликтность имен собственных определяется выполняемыми ими функциями идентификации и индивидуализации личности; осуществление функции идентификации связано с формальной стороной имени, функции индивидуализации – с содержательной стороной.

Библиографический список

Бикейкина Н.А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: на материале русских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 22 с.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

Матвеева О.Н. К вопросу юридизации конфликтного текста // Юрислингвистика 5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 89–100.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/32421/САНЧО (дата обращения 20.04.2019).

E.Yu. Bogdanova
Associate Professors of Russian Language and Literature Department
Glazov State Pedagogical Institute

Ya.A. Chigovskaya-Nazarova
Associate Professors of Russian Language and Literature Department
Glazov State Pedagogical Institute

FUNCTIONING OF THE NAME OF THEIR OWN IN CONFLICT TEXT (FROM LINGUOEXPERT PRACTICE)

The use of a proper name in the functions of identification and individualization of an individual in texts submitted for linguistic expertise is considered.

Keywords: proper name, function of identification and individualization of a person, conflict text.

УДК 811.161.1'42

Болотнова Нина Сергеевна
заведующая кафедрой русского языка
Томский государственный педагогический университет
bns@sibmail.com

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕДИАДИСКУРСА ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКЕ СТЕРЕОТИПНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ Л. УЛИЦКОЙ)

Статья посвящена особенностям реализации в медиадискурсе языковой личности писателя типовых и уникальных особенностей идиостиля как отражения его коммуникативных, речевых и когнитивных параметров, проявляющихся в публичной сфере в жанре интервью. Типовое и уникальное в дискурсивной практике информационно-медийной личности рассмотрено в аспекте проблемы взаимосвязи стереотипности и творчества в текстовой деятельности.

Ключевые слова: медиадискурс, информационно-медийная языковая личность писателя, идиостиль, стереотипность и творчество.

Проблема соотношения стереотипности и творчества имеет междисциплинарный характер, актуальна для разных сфер жизнедеятельности человека, включая коммуникативно-когнитивную деятельность. Разные аспекты этой чрезвычайно важной проблемы разрабатываются представителями широко известной в России и за рубежом Пермской стилистической школы и находят отражение в серии сборников «Стереотипность и творчество в тексте», основателем и главным редактором которого в течение многих лет является профессор Мария Павловна Котюрова. Интерес к данной проблеме поддерживается многочисленными авторами – учеными из разных городов России и зарубежья. Пермская стилистическая школа функциональной стилистики внесла значительный вклад в изучение общих проблем стилистики и дискурсологии, в комплексное исследование научного текста, в идиостилистику научной речи, включая разработку когнитивных аспектов деятельности ученого, исследование проблемы субъекта познания [Котюрова 2010; Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011 и др.].

Понятия стереотипности и творчества в текстовой деятельности связаны с рассмотрением текстов разных типов в аспекте *система языка – стилистический узус – идиостиль автора*. Стереотипное в тексте как форме коммуникации, фокусирующей комплекс лингвистических и экстралингвистических факторов общения, отражается в том, что «за

© Болотнова Н. С., 2019

каждым текстом стоит система языка» и стилистический узус, связанный со сферой общения, фактором адресата, ситуацией, жанром и др. факторами, которые учитываются автором при текстообразовании.

Творческое начало в текстовой деятельности связано с понятием *идиостиль автора*, которое отражает разные уровни его языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный, мотивационно-прагматический [Караулов 1987]. Индивидуальность автора имеет многоплановую репрезентацию в структуре, семантике и прагматике текста, проявляется в отборе и организации языковых средств, в организации диалога с адресатом, в вербализации картины мира, тезауруса и ценностных предпочтений, особенностей мышления.

Стереотипность и творчество получают особое воплощение в медиадискурсе, который трактуется как «открытое, динамично развивающееся коммуникативное пространство, репрезентируемое каналами массовой информации, характеризующееся нелинейностью, открытостью, поликодовостью» [Болотнов 2015: 265]. Интерес к медиакоммуникации обусловлен растущим интересом к массмедиа и информационно-медийным вектором современной когнитивно-дискурсивной парадигмы (см. работы И.В. Анненковой, А.В. Болотнова, Е.И. Горошко, Т.Г. Добросклонской, Л.Р. Дускаевой, М.Ю. Казак, Н.И. Клушиной, Г.Я. Солганика и др.).

Для медиакоммуникации характерны медийные коммуникативные универсалии, под которыми нами понимаются «законы и реализующие их принципы текстовой организации, отражающие информационный повод как элемент медиакоммуникации и отвечающие критериям частотности и повторяемости» [Болотнова 2015: 19]. На основе анализа медиадискурса с учетом своеобразия его содержания, формы (включая канал связи) и функций были выделены 4 медийные коммуникативные универсалии, имеющие свои особенности в зависимости от форматов, жанров, целей, условий медиаобщения и своеобразия идиостиля адресанта и адресата, но в диапазоне определенного инварианта: *закон прагматически и интенционально обусловленной вариативности текстовой деятельности в освещении информационного повода в массмедиа; закон прагматически обусловленной в массмедиа смысловой избыточности на уровне многократно отраженного информационного повода в текстовой деятельности; закон коммуникативно обусловленной экономии в медийном освещении информационного повода* (связан с быстротой восприятия и реагирования в медиаобщении); *закон прагматически обусловленного сочетания стереотипности и творчества в медийном освещении информационного повода* (на языковом уровне это связано с

выделенным В.Г. Костомаровым основным принципом публицистики – соединением экспрессии и стандарта) (см. подробнее: [Болотнова 2015]).

Медийные коммуникативные универсалии являются воспроизводимыми, частотными, отражающими специфику медиаобщения, его сущностные особенности, реализуются в особых принципах текстового развертывания [Языковая личность и медиасреда… 2017: 138–149]. Со стереотипностью и творчеством связана коммуникативная универсалия *прагматически обусловленного сочетания стереотипности и творчества в медийном освещении информационного повода.* Об анализе принципов, в которых реализуется данная коммуникативная универсалия («сочетание эмпатии и модели в медийной актуализации информационного повода...; одновременного стимулирования типовых и уникальных ассоциаций в процессе медиаобщения на основе использования различных средств и способов регулятивности»), см. в работе «Публичный дискурс языковой личности как отражение одной из медийных коммуникативных универсалий (на материале передачи “Без купюр”)» [Болотнова 2017].

В данной статье рассмотрим феномен стереотипности и творчества на примере 5 интервью 2013–2019 гг. Л. Улицкой в другом аспекте – с точки зрения отражения типовых и некоторых идиостилевых особенностей автора (далее даны ссылки на медиадискурс с учетом названий передач с участием писателя).

Некоторые типовые особенности информационно-медийной языковой личности писателя (носителя языка, «формирование и самореализация которого происходит под влиянием новых информационных технологий в результате участия в сетевом общении» [Болотнов 2015: 264]) с учетом модели поведения в медиакоммуникации выделены и описаны: «Это люди творческой профессии, для которых в отношении к информационному поводу и выбору средств диалогизации в общении с массовым адресатом содержание часто важнее формы его выражения; их характеризует свобода в общении с аудиторией; творчество является главным критерием работы, текстовая деятельность зависит от личных эстетических и этических предпочтений, личностное самовыражение оказывается часто важнее самого информационного повода; они создают свой индивидуальный формат общения с аудиторией; имеют свой особый стиль и жанровые предпочтения; отличаются высоким уровнем культуры и широтой информационного тезауруса» [Там же: 57].

Общими с другими писателями в медиадискурсе Л. Улицкой являются тематическая лексика, связанная с профессией (*сюжет, литература, роман, поэзия, проза, автор* и т.д.); подчеркнутая

актуализация личностного начала (на уровне использования стратегии самовыражения, повествования от 1 лица и употребления личных местоимений, опоры на личный опыт и ссылок на него); активизация зон тезауруса, связанных с культурой, литературой, языком (сообщение об истории создания произведений, рассуждения о профессии, использование в медиадискурсе фамилий и имен, писателей, поэтов). Ср.: «Характер моего чтения сильно изменился. Последние годы я читаю довольно много научно-популярной литературы – именно она дает и новые идеи, и новые представления о меняющемся мире. И, как обычно, большое чтение «по делу». Новых авторов читаю мало, все-таки предпочитаю перечитывать давно избранное и любимое. Больше поэзию, чем прозу. Всегда концентрированнее, глубже. Стихи Бориса Херсонского или Юрия Арабова мне интереснее, чем современный российский роман» («Сноб»); «…весь мир представление об этой войне все-таки имеет не по работам историков, абсолютно точным, а именно по роману, который написал Лев Толстой» («Культурный шок»); «Если он писатель, он пишет то, что ему внутренний голос шепчет. У него другие потребности. Он занимается творчеством – это его задача» («Персонально Ваш»); «Язык сам с этим управится. Когда наше ухо не режет, значит, это годится. Когда слово наше ухо не воспринимает и язык противится, значит, надо следовать тому, что тебе говорит язык, который, кстати, тоже меняется, и тоже он не подчиняется законам сверху» [«Особое мнение»].

Дискурсивные практики Л. Улицкой в жанре интервью не только подтверждают общие черты, характерные для писателя как особого типа информационно-медийной личности, но и позволяют выделить некоторые идиостилевые особенности автора, отраженные в интервью разных лет:

1) на уровне выбора средств диалогизации с массовым адресатом это стиль искреннего, доверительного общения: ср. использование обращений в ответах на вопросы в передаче «Без купюр» [«Дорогая Елена!»]; комментариев [«Очень хороший вопрос!»; «Без купюр»]; стиль свободного неспешного размышления и приглашения к размышлению: «Принцип подбора материала? Я не особенно об этом косноязычные, с ними было труднее работать, но иногда среди них попадались шедевры…» [«Сноб»]; открытость в плане информации о себе: «Если у меня есть охота почитать что-то прекрасное для души, я обычно перечитываю. Это, наверное, от ощущения нехватки времени, конца жизни. Мне 70 лет» [«Сноб»];

2) афористичность, склонность к обобщениям, свобода суждений на разные общественно значимые нравственно-этические, политические

и научные темы: «Хорошее общество то, в котором хорошо работает этот лифт, поднимающий вверх способных и достойных, а не родственников тех, кто сегодня рулит в разного рода отделах кадров» [«Без купюр»]; «Многие люди знают, что время неравномерно, в детстве оно медленное, с годами ускоряется, и теперь оно у меня несется со страшной скоростью: глазом моргнешь – понедельник, еще раз глазом моргнешь – Новый год. Единственный вид борьбы с этим ускорением – полнее присутствовать в настоящем, концентрировать себя на сиюминутном. Я стараюсь. То есть стараюсь не входить в отношения с прошлым, не забегать мыслью в будущее» [«Сноб»]; «есть такое ощущение, что общество планетарное гуманизируется» [«Культурный шок»];

3) единичное использование разговорных и просторечных единиц (*порасспросить* [«Сноб»]; *подзарядиться* [«Без купюр»]; *рядиться, растопталось* (исчезло), *понеслась* (о быстром передвижении) [«Персонально Ваш»]; конструкций: «Вот я и живу на родине, в кругу моих любимых друзей, говорю и пишу на единственном языке, который мне родной…» [«Без купюр»];

4) словотворчество: *созависимые* (родные тех, кто попал в зависимость) [«Без купюр»]; *денацификация; победы самые победительные* [«Сноб»], *давиловка* [«Культурный шок»]; *сплошной «в квадрате» Соловьев* [«Персонально Ваш»]; *оно немножко сю-сю* (о слове *поэтесса*) [«Особое мнение»];

5) склонность к языковой игре и градации: *веселая реалистка* [«Без купюр»]; «Это я вам все говорю, потому что я в прошлом все-таки биолог, и некоторое мышление мое этой наукой *заражено или заряжено*» [«Персонально Ваш»]; «Главное, все происходит с невероятной скоростью. Например, я свой роман «Казус Кукоцкого» начала писать карандашом *по бумаге*, потом печатала *на машинке*, а окончательный вариант рукописи был набран *на компьютере*. То есть в пределах одного романа я прошла несколько цивилизационных стадий» [«Сноб»]; «На военных заводах работали *женщины,* и *подростки* работали, и *девочки* работали» [«Персонально Ваш»];

6) метафорический стиль: «*неблагоприятная политическая погода*»; «*сюжетов полный короб; сюжеты высыпаются*»; «Да, стартовые условия различны, имеет большое значение, кто твои папа-мама. Но подлинный отсчет идет не от начальной точки, и значение имеет только *длина пути, высота лестницы*, на которую человек смог сам подняться» [«Без купюр»]; *культурный слом* [«Сноб»]; «Ведь в каком-то смысле *память – измеритель времени*» [«Сноб»]; «…сравнительно недавнее прошлое сегодня заволакивается густым

густым туманом, *густым туманом парадов, праздников…*»; «*раскопки правды*» [«Культурный шок»];

7) склонность к сопоставлению, сравнению, контрасту: «Что же касается исчезновения “*дворового социума*”, его заменил “*социум сетевой*”; «Это ведь занятно, что наша страна никак не может выстроить свой пантеон великих людей – одни и те же люди провозглашаются *то преступниками, то святыми*» [«Сноб»]; «Нет, *не бороться – наблюдать*, давать себе отчет…» [«Персонально Ваш»].

Таким образом, медиадискурс Л. Улицкой отражает как типовые особенности информационно-медийной личности писателя, так и индивидуальные, в которых фокусируется идиостилевая специфика автора как творческой личности, которая, судя по комментариям к интервью, поддерживается многими пользователями Интернета.

Библиографический список

Без купюр. 16.11.2016 г. В гостях Людмила Улицкая. URL: https://echo.msk.ru/programs/bezkupur/1876744-echo/ (дата обращения 17.03.2019).

Болотнов А.В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: монография. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: медийные коммуникативные универсалии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulleten), 2015. Вып. 9. С. 19−27.

Болотнова Н.С. Публичный дискурс языковой личности как отражение одной из медийных коммуникативных универсалий (на материале передачи «Без купюр») // Вестник ТГПУ. 2017. № 3 (180). С. 113−120.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 263 с.

Котюрова М.П. Стилистика научной речи. М.: ИЦ «Академия», 2010. 240 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь, 2011. 394 с.

Культурный шок. Как противостоять мифологизации советского прошлого. 29 апреля 2018 г. Гости: И. Щербакова, Л. Улицкая. URL: https://echo.msk.ru/programs/kulshok/2192930-echo/ (дата обращения 17.03.2019).

Людмила Улицкая: Бабушка любит маленькие машины, старые вещи и гнилые яблоки // Сноб. 24.09.2013. URL: https://snob.ru/selected/entry/65597 (дата обращения 31.03.2019).

Особое мнение: в гостях Людмила Улицкая. 11.03.2019 г. URL: https://echo.msk.ru/programs/personalno/2385491-echo/ (дата обращения 17.03.2019).

Персонально Ваш: в гостях Людмила Улицкая. 08.03.2017 г. URL: https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1940194-echo/ (дата обращения 17.03.2019).

Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия: коллективная монография / Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, Н.В. Камнева, А.А. Каширин, А.В. Курьянович, И.А. Пушкарева; под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2017. 248 с.

N.S. Bolotnova
Head of Russian Language Department
Tomsk State Pedagogical University

SOME PECULIARITIES OF WTITER'S MEDIA DISCOURSE IN THE ASPECT OF STEREOTYPED NATURE AND CREATIVE WORK (ON THE MATERIAL OF L. ULITSKAYA INTERVIEW)

The article deals with peculiarities of realization of typical and unique features of idiostyle in media discourse of writer's language personality as a reflection of his communicative, speech and cognitive characteristics, which become apparent in public sphere in interview. Typical and unique in discursive practice of informational and media language personality is considered in the aspect of interconnection of stereotyped nature and creative work in textual activity.

Key words: media discourse, informational and media language personality of a writer, idiostyle, stereotyped nature and creative work.

УДК 81-13

Васильева Виктория Владимировна
доцент кафедры медиалингвистики
Санкт-Петербургский государственный университет
v.v.vasilieva@spbu.ru

ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ К КРИТИКЕ МЕДИАРЕЧИ

Обсуждается понятие критика медиаречи в соотнесенности с теоретическими положениями медиалингвистики. Определяется объект и предмет критики медиаречи как теоретической и прикладной дисциплины. Обосновывается особый подход к критическому анализу медиатекста, созданного в профессиональной сфере массовой коммуникации: отмечается, в частности, необходимость применения норм-технологий к оценке комического в СМИ.

Ключевые слова: критика медиаречи, медиалингвистика, праксиологическая норма, СМИ, медиатекст, комическое.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00530 «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде»

Литературное редактирование как вид творческой текстовой деятельности [Кириллова 2016] имеет, тем не менее, дело с определенными стереотипными представлениями о том, каким «должен быть» редактируемый текст. Высокие образцы русской художественной литературы всегда давали в руки литературному редактору сильные аргументы в пользу предлагаемой им правки. Специалисты в области научного стиля речи предлагают инструменты совершенствования текстов научных жанров, также оперируя понятием эталонного научного (в данном случае) произведения [Котюрова, Баженова 2008]. Принципиально в иных условиях оказался сегодня литературный редактор, работающий с текстами массовой коммуникации, к которым не могут быть в полной мере применены подходы, выработанные опытом советских редакторов. Этим обстоятельством во многом определена необходимость разработки такого понятия, как **критика медиаречи** (положения словарной статьи с этим названием [Васильева 2018], написанной автором к изданию [Медиалингвистика в терминах… 2018], представлены в настоящей публикации).

В критике медиаречи (КМ) ставится ряд теоретических задач. В частности, разработка типологии профессиональных речевых неудач, ошибок (в этом отношении интересы критики медиаречи пересекаются с

© Васильева В. В., 2019

эстетикой и этикой медиаречи), квалификация речевых деликтов (здесь пересечение с юрислингвистикой). Важнейшей теоретической задачей КМ является идеолого-критический анализ речевого поведения в медиа в аспекте проявлений доминирования, которое можно назвать «злоупотреблением медиа» (один из вариантов критического дискурс-анализа Т. ван Дейка [Дейк 2013]. Язык доминирования в медиадискурсе, называемый в научной литературе еще и языком ненависти, языком вражды, проявляется в ксенофобии [Там же], лжи [Wenrich 1966], речевой манипуляции [Доценко 1997, Копнина 2012], демагогии [Бессарабова 2012], в агрессивном речевом поведении, которое воспринимается адресатом как угроза, неприязнь, оскорбление и т.п.

Практический аспект КМ заключается в аналитической оценке результата авторского замысла, реализованного в коммуникативных и речевых действиях – критику медиаречи интересует соответствие последних результату. Критика медиаречи выявляет критерии совершенства / несовершенства медиатекста и исследует пути совершенствования текста. Тем самым КМ реализует свой прикладной характер, поскольку как учебная дисциплина КМ применяется в ходе профессиональной подготовки медиаспециалистов: журналистов, рекламистов, специалистов по связям с общественностью. Особое значение КМ имеет для собственно редакторской деятельности в СМИ (см., напр.: [Майданова 2001]). Этим объясняется традиционное наименование «литературное редактирование» в образовательных программах вузов, занимающихся подготовкой специалистов массмедиа, где под «литературным редактированием» понимается подготовка материала к публикации (см. книги К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя, В.М. Максимова, К.М. Накоряковой, Н.М. Сикорского). Однако в содержании понятия «критика медиаречи» есть существенный компонент, отсутствующий в традиционном преподавании «литературного редактирования»: критерии качества медиатекста формируется в КМ на праксиологических основаниях, то есть оценивается с позиций «целесообразного профессионального речевого поведения в разных ситуациях общения» [Дускаева 2014: 153].

В современных условиях массмедийной коммуникации переход от понятия «литературное редактирование» к понятию КМ позволяет более точно обозначить объект и предмет дисциплины. Объектом КМ выступают медиатексты во всем их современном разнообразии – от «новости одной строкой» до устного полилога в телевизионном ток-шоу. Предметом КМ является соответствие полученного результата не только стандартным требованиям к публичному тексту (каковым по

определению является медиатекст), основанным на необходимости соблюдения всех типов норм (ортологических, стилистических, речеповеденческих, семантических, логических, этических, эстетических и проч.), но и – подчеркнем – требованиям праксиологической нормы как «профессионального речевого стандарта» [Дускаева 2017].

Понятие нормативного / ненормативного в использовании языка для профессиональных целей в массовой коммуникации строится в КМ с учетом важных для медиалингвистики свойств редактируемого медиатекста, который: 1) порожден в определенной сфере общения и конкретной коммуникативной ситуации; 2) несет поликодовую информацию (собственно вербальную в различных реализациях, визуально ориентированную, аудиальную); 3) определен авторским замыслом; 4) представляет форму профессиональной речевой активности в медиасреде. Нормативное и ненормативное в праксиологическом освещении может поменяться местами; более того, в профессиональной медиаречи вырабатываются свои способы компенсации нарушений языковых норм, что создает особое проблемное поле КМ как научно-практической дисциплины (в частности, опираться на нормативные словари при оценке выбора лексики или стилистического варианта практически невозможно).

Критика медиаречи относит текстопорождение в профессиональной сфере к числу норм-технологий [Дускаева 2017], сообразно которым создаются медиатексты, имеющие большой воздействующий потенциал. Выразительность, яркая экспрессивность речевой формы медиатекста может вступать в противоречие с этическими нормами, принятыми в профессиональной среде. В то же время воздействующая сила профессионального журналистского текста нередко черпается его автором за пределами общеязыковой («школьной») нормы. Сказанное особенно касается использования различных форм комического в тексте, предназначенном для массовой аудитории, в том числе таких форм, которые находятся на грани этически допустимого. Комическое нередко выступает в провокативной функции, является сознательным конфликтогенным средством [Речевая агрессия... 1997]. Оценка коммуникативных рисков – одна из задач КМ, что позволяет связать критику медиаречи с понятием «превентивной авторской экспертизы» [Мишланов и др. 2011] – необходимым умением для профессионалов медиаречи. На основании лингвистических экспертиз по искам к авторам медиатекстов и редакциям СМИ в КМ формируется корпус понятий, необходимых для редакторского анализа медиатекста: имплицитное содержание, частные и конвенциональные

импликатуры; непрямая коммуникация, косвенные иллокуции, вторичные речевые жанры; экспрессивность текста, семантика оценки, негативная оценочность, комические средства оценки; семантика парафемных средств; семантика просодических средств; средства номинации лиц и др.

Модель анализа в КМ строится, как и в теории медиатекста, развиваемой медиалингвистикой, по трем осям: референциальной, модальной и коммуникативной. При оценке референциальности медиатекста проверяется, имеется ли в тексте точный дейксис события, считываются ли координаты идентификации события со всей его проблемностью. При оценке модальности выявляются модальные средства внутри текста (эмотивные, перцептивные, волетивные и оценочные) и проверяется их адекватность всему комплексу важнейших параметров медиатекста. Проверка текста на коммуниктивность выявляет диалогические свойства текста, импликатуры, апперцепцию текста в коммуникации (прогноз реакций на текст). Анализ и оценка в КМ учитывает, с одной стороны, трансформацию норм, с другой – традиции общения, которые участвуют в формировании всех сторон медиатекста. Соответствие медиатекста праксиологическим нормам по всем трем осям анализа позволяет говорить о его качестве – таким образом, в КМ могут формироваться образцы медиакоммуникации.

Технологии критики медиаречи используют весь опыт, накопленный литературным редактированием текста как дисциплины учебной (см., например, раздел IV в [Стилистика и литературное… 2016]), медиалингвистический и критический анализ сочетается в КМ с традиционными приемами редакторской правки текста.

Библиографический список

Бессарабова Н.Д. Демагогия в языковом выражении // Журналистика и культура русской речи. 2012. № 2. С. 32–43.

Васильева В.В. Критика медиаречи // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник /под ред.Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 45–49.

Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

Дускаева Л.Р. Российская медиалингвистика в луче праксиологии // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). Вып. 21. С. 152–156.

Дускаева Л.Р. Праксиологическое нормирование в журналистской речевой деятельности // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 49–56.

Кириллова Л.Е. Текстовая деятельность редактора vs литературное редактирование // Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 31–34.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2012.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.

Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос.ун-та, 2001. 240 с.

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой; редколл.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. М.: Флинта, 2018. 440 с.

Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2011.

Накорякова К.М. Литературное редактирование. М.: Икар, 2004. 432 с.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Стилистика и литературное редактирование: Учебник. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. В 2-х т. / науч. ред Л.Р. Дускаева, отв. ред.В.В. Васильева. М.: Юрайт, 2016. 325 с.

Weinrich H. Linguistikder Lüge. Heidelberg, 1966.

V.V. Vasileva
Associate Professor of Media Linguistics Department
Saint Petersburg State University

FROM LITERARY EDITING TO MEDIA RECH CRITIQUE

The concept of criticism of media speech in relation to the theoretical provisions of media linguistics is discussed. The object and subject of criticism of media speech as a theoretical and applied discipline is determined. A special approach to the critical analysis of the media text created in the professional sphere of mass communication is substantiated: in particular, the need for the application of norms and technologies to the evaluation of the comic in the media is noted.

Key words: criticism mediarec, metalinguistic, praxeological norm, the media, the media text, comic.

УДК 8:398

Венгранович Марина Александровна
профессор кафедры русского языка и литературы
Поволжский православный институт
имени Святителя Алексия, митрополита Московского
wmaphil@mail.ru

СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема соотношения стереотипных и вариативных элементов в структуре фольклорного текста.

Ключевые слова: фольклорный текст, фольклорная традиция, стереотипность, вариативность.

Изучение фольклорного текста в стилистическом аспекте неизбежно выводит исследователя на проблему взаимоотношения текста с фольклорной традицией и далее – к определению соотношения стереотипности и вариативности в его структуре. Фольклорный текст, являясь частью фольклорного процесса и народной художественной культуры в целом, неизбежно приобретает характер движения внутри традиции, ее эволюции и трансформации.

В условиях фольклорного социума, объединенного традиционным образом жизни и строгой регламентацией всех ее сфер, существовала потребность постоянно возвращаться к «изначальным образцам», которые наполнены глубоким жизненно важным содержанием. Однако в этих условиях, как отмечал еще А.Н. Веселовский, происходило не обезличивание индивида, а «коллективное самоопределение личности» [Веселовский 1940: 271], т.к. признание традиционной формы имело не вынужденный, а органический характер, вполне отвечало индивидуальным устремлениям личности. Более того, по мнению Г.И. Мальцева, это «обеспечивало как индивидуальное самоопределение личности, так и культурное движение всего коллектива» [Мальцев 1981: 19]. В связи с этим фольклорная традиция хотя и предполагает следование готовому образцу, однако не исключает и наличия элементов новизны, обусловленных исторически значимыми изменениями фольклорного текста вследствие исполнительского новаторства. Это сочетание динамики и статики обеспечивает творческую природу традиции, а фольклорному тексту – полноценное художественное «существование» в виде вариантов.

© Венгранович М. А., 2019

Таким образом, механизм фольклорной традиции обусловлен непрерывным характером творческого процесса (состоящего из актов исполнения, восприятия, запоминания и т.д.), в условиях которого происходит либо гибель того или иного произносимого варианта (если он значительно уклоняется от предписаний традиции), либо его совершенствование и в конечном счете – фольклоризация, т.е. превращение индивидуального творческого акта в коллективный. Поэтому варьирование – это не только естественный способ существования фольклорного, устного по своей природе текста, но и способ существования самой традиции, имеющей подвижный характер и одновременно обладающей аккумулятивностью – способностью накапливать и гармонически уравновешивать элементы различных временных пластов.

Этими процессами обеспечивается гармоничное сосуществование в структуре фольклорного текста как элементов формульности (стереотипии), так и вариативных элементов, что, наряду с тождественностью семантических основ, обеспечивает «текучесть» фольклорных форм, условность границ между текстами внутри жанра и между жанрами, а также принципиальную неконечность (фрагментарность) и вариативность, наличие межтекстовых и межжанровых связей. Это согласуется с коллективным характером фольклорного творчества и определением фольклорного текста как гипертекстовой структуры, а субъекта фольклорной деятельности как гиперсубъекта [Венгранович 2004].

Фольклорный процесс протекает в соответствии с законом отобранности, по которому не все реалии эмпирического мира находят отражение в произведении. При этом в процессе отбора и переработки этнографического материала происходит его формулизация: из многообразной сложности и полноты явления выделяется наиболее существенный признак, который и превращается в стереотип, имеющий однолинейный и предельно обобщенный характер. Что весьма существенно – этот признак соответствует традиционной культурной норме, идеалу. Эта норма может носить этический, эстетический характер, быть жанрово обусловленной и исторически детерминированной, но именно в соответствии с ней создается особая фольклорная действительность, в которой действует «своеобразный закон эстетической идеализации действительности» [Гусев 1967: 276].

Однако наличие единого эстетического критерия – соответствие традиционной культурной норме – не унифицирует жанрово обусловленные отличия фольклорных текстов, в частности, дифференциацию способов фольклорного освоения действительности в

разных жанрах. В.Я. Пропп в работе «Фольклор и действительность» достаточно четко определил не только различия между способами изображения действительности в фольклоре и в художественной литературе [Пропп 1976: 88], но и обозначил основные различия внутри жанровой системы фольклора.

Таким образом, можно говорить о существовании единого (не исключающего, однако, жанрово модифицированных форм) способа отражения действительности в фольклоре – так называемом художественном реализме в фольклоре, реализме, основанном на обобщенности образов и обстоятельств жизни, их типичности, реализме, предполагающем условность действия и его пространственно-временных характеристик [Чичеров 1959: 21].

В.П. Аникин определяет суть фольклорного метода через понятие художественной сублимации, в соответствии с которой в фольклорном тексте отсутствует обязательное отражение жизни в форме самой жизни и допускается условность [Аникин 1996: 171].

Такой способ типизирования действительности предполагает устойчивое следование традиционному типу привычного обобщения реальности, неизменное следование существующим типизированным стандартам, иными словами – приоритет традиции, следствием чего является медленная эволюция художественного метода и сохранение общих принципов типизирования реальности (что не исключает, однако, жанровых новаций). Фольклорное обобщение дает возможность объединения и перегруппировки не только многих вариантов произведений и их частей в пределах единого инварианта, но и многих произведений в пределах одного жанра.

Так, анализируя варианты исторической песни *Турки похваляются разбить русские войска* [Исторические песни 1973: № 274–291] отмечаем следующее. 1. Место события песни обозначается не через конкретные локальные признаки, а посредством родовых, обобщенных признаков с использованием общефольклорных формульных элементов (*поле чистое турецкое, места славные прекрасные;* в некоторых вариантах эти показатели конкретизируются более «узкими» образами с той же обобщенной семантикой: *бугры твои дороженьки, рощицы зеленые, лужки в поле зеленые.* 2. Время события передается через вариантные показатели (*на злосчастный день на середу, на турецкий большой праздничек; в славный праздничек, на великий день на середу; на турецкий большой праздничек, во великую во пятницу, во великую во середу; на петров денек, на злосчастный день, на середу; на проклятый день, на середу, на турецкий день на праздничек;* в некоторых вариантах ([Исторические песни 1973: № 279, 282, 284, 287, 289, 291] –

темпоральный показатель отсутствует). 3. Образ русского военачальника, который обращается с призывом к солдатам, также варьируется: это и *граф Паскевич* с различными грамматическими и диалектными интерпретациями (*граф Паскеев, Баскеев, Пашкевич)* и сам *царь белый*, которого турки обещались «в полон взять». Эту «неточность» в последнем случае нельзя рассматривать как искажение исторической правды, это одно из проявлений обобщенности.

Необходимо заметить, что в повествовательном фольклоре *Иван-царевич* или *Иван – крестьянский сын* являются одним и тем же персонажем для целой серии различных сюжетов, объединяя тем самым различные тексты в пределах одного жанра. Объяснение этому – в типовом характере сказочного персонажа, поскольку «имя *Иван* есть имя типа, а не лица» [Пропп 1976: 99], и шире – в типовом характере любого фольклорного образа. В фольклорном образе могут варьироваться детали, не меняющие при этом его сущности. Именно обобщенность фольклорного образа позволяет ему стать традиционным и наряду с другими текстовыми константами служить основой межтекстовых контаминаций и межжанровой рецепции.

В фольклоре все отмеченное выше – и условные пространственно-временные показатели песенного сюжета, и образная вариативность, выявляющая обобщенное представление о типовом герое для целой группы коллективно создаваемых произведений – является проявлением единой синкретичной правды, особого фольклорного реализма, обусловленного спецификой фольклорного художественно-обобщающего метода.

Об этом говорил В.Я. Пропп, когда отмечал, что «защита Пскова от Стефана Батория может приписываться Семену Константиновичу Карамышеву, Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, Никите Романовичу Вольхонскому, Борису Петровичу Шереметьеву, хотя они и не имели к этому событию никакого отношения» [Пропп 1976: 113]. Как видим, условность допускает не только описание с помощью родовых (существенных) признаков (*чисто поле, зеленый луг)*, но и вариативность внутри единого смыслового парадигматического ряда, обусловленную широкой парадигматикой слова в фольклорном тексте и шире – спецификой фольклорного сознания. Поэтому замена одного образа другим не разрушает общего смысла песни, ее эмоционального содержания и соответственно дает возможность объединить в единый гипертекст варианты различной художественной значимости.

Вариативность в структуре фольклорного текста проявляется еще и в одном характерном явлении – широком парадигматизме фольклорного слова, обеспечивающем свободу лексического варьирования в

фольклорном тексте: «перебор возможных форм одной смысловой (тематической) парадигмы осуществляется и во время высказывания. Это обусловливает широкую вариантность синтаксических единиц при чрезвычайной устойчивости художественно-смысловых и стилевых констант» [Хроленко 1991: 124].

Парадигматизм фольклорного слова, обеспечивающий свободу лексического варьирования, особенно наглядно проявляется в рамках единого гипертекста – в его различных вариантах, как, например, в вариантах широко известной исторической песни «Сынок Стеньки Разина». Когда главного героя – *детинушку, незнамого человека,* появившегося в Астрахани, спрашивают, откуда он, ответ каждый раз разный: *Я со Камы со реки Стеньки Разина сынок…*; *Уж я города Камышенки Степана Разина сынок…*; *Я с матушки с Волги Сеньки Разина сынок…*[Киреевский 1977: № 53, 55, 56].

Замена одно слова другим в различных вариантах единого гипертекста не разрушает общего традиционного смысла песни, ее эмоционального содержания. Это становится возможным благодаря тому, что «на семантике каждого отдельного слова лежит отблеск всей парадигмы, обобщенное значение всех компонентов парадигмы явственно присутствует в семантической структуре каждого отдельного компонента» [Хроленко 1991: 125]. Эта замена обусловливает очень важный признак фольклорного текста – его «тотальный синонимизм», для возникновения которого является достаточным тематическая близость слов.

В фольклорном тексте, создающемся в условиях следования фольклорной традиции, гармонически сочетаются стереотипные и вариативные элементы, которые создают «речевую системность особого рода – традиционную по своей функционально-стилевой характерности и одновременно открытую, способную к вариативности» [Венгранович 2004: 109], что обеспечивает механизм сохранения фольклорной традиции и непрерывность фольклорного процесса.

Библиографический список

Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1996. 408 с.

Венгранович М.А. Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.П. Котюрова. Пермь, 2004. С. 96–110.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.

Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 319 с.

Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. (К изучению эстетики устно-поэтического канона) // Русский фольклор. XXI. Поэтика русского фольклора. Л.: Наука, 1981. С.13–38.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 324 с.

Хроленко А.Т. Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. XXVI. Л.: Наука, 1991. С.123–130.

Чичеров В. Вопросы теории и истории народного творчества. М.: Советский писатель, 1959. 312 с.

Источники

Исторические песни XIX в. Л.: Наука, 1973. 283 с.

Киреевский – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1. Л.: Наука, 1977.

M.A. Vengranovich
Professor of Russian Language and Literature Department
Volga Orthodox Institute named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow

STEREOTYPITY AND VARIABILITY IN THE STRUCTURE OF FOLKLORE TEXT

The article deals with the problem of the correlation of stereotypical and variable elements in the structure of the folklore text.

Key words: folklore text, folklore tradition, stereotype, variability.

УДК 808.51

Вещикова Ирина Андреевна
доцент кафедры стилистики русского языка
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
irinavmgu@gmail.com

ФУНКЦИИ ОРФОЭПИЧЕСКОГО МЕДИАСТАНДАРТА В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

В статье обсуждаются три вопроса, касающиеся взаимоотношений литературной произносительной нормы и орфоэпического медиастандарта, функций медиаорфоэпии, медиатизации орфоэпического знания.

Ключевые слова: литературная произносительная норма, произносительный медиастандарт, массмедиа.

Определим понятия, лежащие в основе вынесенной на обсуждение темы. Они связаны с оппозицией *литературная произносительная норма – орфоэпический медиастандарт*, первый член которой представляют академические словари [ОС-1983/2015; БОС-2012/2017], определяющие правила, владение которыми «демонстрирует приобщенность индивида не к тому или иному социуму – хотя бы и достаточно авторитетному, – а к культуре» [Успенский 2002: 13–14], второй – профессионально ориентированные [СУ-1960/2000 и др.], задающие рекомендации для работников радио и телевидения. Главное в содержании литературной нормы – признание и кодификация вариантов (террор [*тэ* и *те*]); специфика медиастандарта – в установке на единообразие (террор [*те*]). О необходимости разграничения двух видов норм и типов словарей неустанно твердят представители академической науки, подчеркивая, что «“отказ” от одного из вариантов (для чего не может существовать объективного критерия) означает искусственное вмешательство в живой язык» и что «совершенно недопустимо произведенное начиная с 1993 г. изменение названия (Словарь ударений для работников радио и ТВ. – *И.В.*). Принятое новое название “Словарь ударений русского языка” снимает ограничение адресата. Бывший “словарь радио” (как его чаще всего называли) превратился в равноправного “конкурента” академического орфоэпического словаря. До изменения названия было ясно, каково соотношение между орфоэпическим словарем – основным и наиболее авторитетным источником – и словарем, рекомендующим норму, предназначенную для “озвучивания”

© Вещикова И. А., 2019

средствами массовой коммуникации. Теперь это соотношение нарушено» [Еськова 2004: 275 и 275–276]. Не менее важно при этом понимать, что отношения двух величин подвержены изменениям, а виды и круг функций медиаорфоэпии зависят от роли и позиции СМИ в культурном пространстве и от места устных медиа в языковой ситуации.

Давая характеристику советскому периоду, следует акцентировать несколько моментов. Прежде всего стоит отметить, что начиная с первого издания словаря для работников СМИ лексикографы заостряют внимание на том, что «радио и телевидение являются основными пропагандистами культуры устной речи, существенную составную часть которой образует нормативное ударение и произношение» [СУ 1984: 3]. Исходя из этой логики, их миссия – быть проводником литературной нормы. Однако это создает не лишенную парадоксальности ситуацию, ибо фиксирующие литературное произношение ОС допускают наличие вариантов, тогда как СУ сдерживают их использование. К сожалению, авторы и редакторы профессионально ориентированных изданий никогда не комментируют это противоречие. Иначе поступают представители академической науки, весьма критически высказываясь по этому поводу: «Широко известен и популярен среди работников СМИ “Словарь ударений для работников радио и телевидения” Ф. Агеенко и М. Зарвы. Авторы этого словаря исходят из странной предпосылки, что в звучащих текстах по радио, на ТВ – варианты недопустимы. Они дают в словаре как единственно правильное ударение *одноврЕменно*. Значит, *одновремЕнно* – неправильно… В этом словаре вообще не допускаются варианты ударения: по рекомендации авторов, можно сказать *важнЫ,* но нельзя говорить *вАжны*, можно сказать только *бЫстры*, *кОротки*, но нельзя – *быстрЫ, короткИ*... Таким образом, через этот словарь наши радио и ТВ в лице их грамотных дикторов, ведущих исповедуют убеждение в том, что у каждого слова может быть только одно ударение, одно произношение – варианты невозможны» [Лопатин 2003]. Известны и более резкие замечания: «В большинстве словарей на первом месте приводится *новремЕнный*, а рецензируемый словарь рекомендует *одноврЕменный*... И это ударение (многим режущее ухо) “насаждено” на радио и телевидении» [Еськова 2004: 275]. Двигаясь дальше, обратим внимание на то, что, будучи «четвертой властью», в доперестроечный период СМИ не обладали большой властью в сфере произношения. Судить об этом позволяет ряд моментов. «Слово в эфире» было главным образом областью практической деятельности. При этом изучение его произносительной стороны с точки зрения реальной модальности осталось вне интересов фонетистов. Медиатексты не фигурировали и в

ходе обсуждении состояния и тенденций развития литературной нормы. Об этом свидетельствуют результаты проведенного в 1960-е гг. массового социолингвистического обследования, параллельно указывающие на то, что «по диапазону охвата фонетических явлений» и «по силе воздействия на фонетические явления» СМИ в лице радио («влияние радио на произношение в целом сказывается слабо») занимали периферийное положение, уступая место таким факторам, как территориальный, возраст, социальное положение, семейное влияние, образование [РЯДМО 1974: 116 и 121]. Симптоматично и то, что ни в одном из шести изданий книги Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение» нет параграфа, посвященного орфоэпии СМИ (1-е изд. – 1950, 6-е – 1984), но есть раздел о сценическом произношении. Можно предположить, что отсутствие описания орфоэпии СМИ – знак того, что она или не имела существенных отличительных черт, или не имела большого значения.

В 80-е гг. орфоэпическая картина заметным образом меняется, что обусловливается процессом перехода культуры от литературоцентризма к медиацентризму и перестройкой внутри системы СМИ. Заявляющие о себе сдвиги говорят о влиянии медиа на литературное произношение и о преобразовании функций медиаорфоэпии в двух основных направлениях.

Во-первых, как только устные СМИ попали в поле зрения ученых, они сразу стали базой для выявления активных процессов в области произношения и ударения (см: [Воронцова 2000; Каленчук, Касаткина 2007]), что имело свои плюсы (если ранее орфоэпические сведения собирались преимущественно с помощью вопросников, но теперь черпаются из реальной языковой практики) и свои минусы (типичное для медиа нередко оказывается вне конкуренции, получая беспрецедентно высокие оценки). Новое положение дел привело к тому, что «к концу столетия язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприемником этой функции становится язык медиальных средств, причем прежде всего СМИ устных» [Немищенко 2001: 100]. Таким образом, с этого времени работники СМИ не только участвуют в приобщении социума к осознанию и соблюдению правил произношения, но сама литературная норма эволюционирует не без их участия.

Во-вторых, в настоящее время можно заметить ещё одно новшество: СМИ обретают статус «авторитетного примера» (vs «в предшествующий период законодателем в произношении для культурных людей был театр» [Панов 1990: 17]) и в некоторых случаях начинают теснить литературный канон, претендуя на особое право и

лидерство при ранжировании вариантов по степени правильности. Какие факты ведут к такому заключению?

Наблюдая за речевой практикой и языковым сознанием средних носителей языка, легко заметить восприятие и оценку медийных предпочтений как не только правильных, но и более престижных. Ссылки на рекомендации академических словарей, отмечающих как литературные два варианта (агрессия [допуст. *рэ*]; одесский [*дэ* и *де*]; одновремЕнный и *допуст.* одноврЕменный; по срЕдам и срЕдам; п[а]эт и *факульт*. п[о]эт; обепЕчение и *допуст.* обеспечЕние), далеко не всегда помогают убедить говорящего в том, что правильны не только сознательно усвоенные и используемые работниками СМИ варианты (*аг*[ре]*ссия, о*[де]*сский, одноврЕменно*, *по средАм*, *обеспЕчение*, *п*[о]*эт*). В этом просматривается очевидное стремление «приобщиться к тому обществу, которое обладает для носителя языка социальным престижем» [Успенский 2002: 13].

Для обсуждаемой темы показательно то, что и словесники нередко склонны принимать решение о своем речевом поведении не на основании данных науки, а следуя выбору представителей СМИ. В качестве примера приведем фрагмент рассуждения «учителя с 20-летним стажем работы в школе, автора сотни учебных пособий для школьников и абитуриентов»: «У нас пропал эталон русского языка. Ушли дикторы старой школы. Как раньше было: как сказали по телевизору, так и правильно. А сегодня? Я просидела два часа у телевизора, переключая каналы. Записала 50 речевых ошибок! “Древнее пророчество началО сбываться”…» [Шклярова 2016]. В данном, надо сказать, довольно типичном случае наблюдается несоблюдение основополагающего принципа, согласно которому профессионалы слова должны ориентироваться на научные рекомендации, а также присутствует незнание границ литературной нормы конца XX – начала XXI вв., которая оценивает произношение началО как *допуст. младшее* [БОС 2017: 418].

Целесообразно обратить специальное внимание и на весомость позиции медиасреды в отношении кодификационных (пере)оценок. Если какой-либо собственно произносительный или акцентологический вариант не поддерживается этим социумом (например, [фэ-эс-бэ], обеспечЕние, бассейн [*сэ*]), то в языковом сознании носителей языка и в языковой практике (прежде всего непрофессионалов слова) он остается «аутсайдером». Если те или иные новые варианты (например, ПикАссо, [жж] вместо [ж’ж’], [жа]кет) принимаются работниками СМИ, то они довольно быстро занимают прочное положение.

Экспансия медийной орфоэпической культуры, проявляющаяся в расширении и усложнении функций медиастандарта, дополнительно укрепляется двояким образом. Это, с одной стороны, поддержка через получившие широкое распространение и авторитет передачи о русском языке, или «медийные консультации», которые разговор о культуре речи на уровне произношения в подавляющем большинстве случаев подменяют рассмотрением набора конвенциональных для дикторского дискурса звучаний. С другой стороны, этому содействуют набирающие популярность сюжеты, где медиаперсоны высказываются о правильном произношении, минуя обращение к нормативным источникам. Кстати, этот «тренд» был замечен уже на рубеже веков: «Обозначилась тенденция – приглашать поменьше специалистов-ученых; предпочтение отдается артистам, поэтам-песенникам, иногда писателям, режиссерам. Разность мнений – это всегда хорошо, и телезрителям интереснее люди популярные, с имиджем. Ну кто теперь знает и слушает профессоров, академиков?! Если и приглашают, то на их выступления остается мало времени, чаще в конце, и успевает академик две-три реплики высказать, и даже самая толковая идея тонет в разноголосице суждений» [Светана-Толстая 2007: 266].

Обобщающий вывод может быть таким: свойственная языку текущего момента тенденция к медиатизации орфоэпического знания актуализирует и диктует решение трех задач – изучение устных медиа как сложносоставного образования, сопоставление материалов двух произносительных эпох, просвещение и повышение уровня орфоэпической культуры работников радио и телевидения.

Библиографический список

БОС – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и её варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с. (1-е изд. – 2012).

Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 305–325.

Еськова Н.А. Рецензия на словари: М.В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф.Л. Агеенко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении. М. № 1 (7). 2004. С. 272–278.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007. С. 301–320.

Лопатин В.В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы. 18.06. 2003 URL: http// www.gramota.ru (дата обращения 05.04.2019).

Немищенко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

ОС – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под редакцией Н.А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014/2015. 1008 с. (с 1-го (1983) по 9-е (2001) издание выходил под редакцией Р.И. Аванесова).

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. / Ин-т рус. Языка АН СССР; отв. редактор Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1990. 456 с.

РЯДМО – Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л.П. Крысина. АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1974. 352 с.

Светана-Толстая С.В. Русская речь в массмедийном пространстве / Под редакцией Я.Н. Засурского. М.: МедиаМир, 2007. 344 с.

СУ – Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: Ок. 50 000 слов / Под ред. Былинского К. И. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 645 с. (7-е (1993) и 8-е (2000) издания выходили под названием «Словарь ударений русского языка»).

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Шклярова Т.В. Как научить Вашего ребенка писать без ошибок. М.: Грамотей, 2016. 32 с.

I.A. Veshchikova
Associate Professor of Russian Stylistics Department
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

FUNCTION MEDIASTANDART AT THE LEVEL OF PRONUNCIATION IN DIFFERENT HISTORICAL PERIODS

The article deals with three issues: the first concerns the relationship between the literary norm of pronunciation and the media standard at the level of pronunciation, the second - the functions of the media in the sphere of orthoepy, the third mediatization of orthoepic knowledge.

Key words: literary pronunciation norm, pronunciation media standard, mass media.

УДК 811.161.1'42

Викторова Елена Юрьевна
профессор кафедры романо-германской
филологии и переводоведения
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
helena_v@inbox.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ДИАЛОГИЧНОСТИ В РУССКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности употребления в русском научном дискурсе средств диалогичности: авторизующих конструкций и прямых адресаций. Исследование проведено на материале текстов лингвистических научных статей за период 1952–2018 гг. Подчеркивается роль средств диалогичности в создании эффективного научного дискурса, а также идиостиля ученого.

Ключевые слова: научная речь, научный дискурс, диалогичность, дискурсивные слова, дискурсивы, автор, адресат.

Такие антропоцентричные, личностные категории научной речи, как диалогичность, категоричность, толерантность, рефлексивность, всегда были в фокусе внимания представителей Пермской научной школы, в том числе и М.П. Котюровой. Как показали многочисленные исследования М.Н. Кожиной, М.П. Котюровой, Е.А. Баженовой и др., качественные и количественные особенности языковой реализации этих категорий во многом определяют специфику коммуникативного стиля автора научного произведения и тональности текста. Исследование этих особенностей позволяет делать выводы как в отношении признаков научного стиля речи вообще, так и в отношении индивидуальных черт, присущих речи отдельных ученых [Котюрова, 1983, 2017; Котюрова, Соловьева 2017; Котюрова, Баженова 2018].

Эффективность научной коммуникации складывается из множества факторов. Чтобы идеи ученого были полно и адекватно восприняты профессиональным сообществом, они должны не только представлять собой ценность с точки зрения их содержания, но и быть надлежащим образом оформлены. Кроме фактуального содержания, любой текст обладает дискурсивно-прагматическим содержанием, ориентированным на передачу информации, касающейся организации дискурса с точки зрения его композиции, внутренней связности, логичности, акцентированности, взаимодействия автора и адресата, представленности авторского мнения, отношения и оценок. Единицы,

© Викторова Е. Ю., 2019

выполняющие данные функции и образующие своего рода дискурсивно-прагматический каркас текста, в последнее время изучаются как дискурсивные слова или дискурсивы. На наш взгляд, дискурсивы входят в так называемую вспомогательную систему дискурса, поскольку образуют речеорганизующий план коммуникации, вторичный по сравнению с основным, передающим фактуальную информацию [Викторова 2015, 2016].

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что научная речь – даже в своей письменной монологической разновидности – интерактивна. Интерактивность связана с экстралингвистическими основами и задачами научного дискурса. М.Н. Кожина считает, что коммуникация эффективна, когда в ней не только выражается продукт познания, связанный с ее информативным содержанием, когда она рассчитана на сотрудничество автора и читателя, когда автор представляет не только описание научных идей, но и свои рассуждения с элементами убеждения. Все это и есть проявление важного свойства научной речи – диалогичности. Диалогичность при этом понимается широко: учитывается взаимодействие как смысловых позиций автора и читателя (внешняя полемика), так и нескольких позиций самого автора (внутренняя полемика) [Кожина 1986]. К этой категории относят не только прямые обращения к читателю, использование средств собственно диалога, императивов, но и косвенные способы привлечения внимания адресата, среди которых инклюзивные конструкции, средства связи, вводные слова, оценки, акцентивы, повторы и мн. др. языковые средства [Кожина 2003], бóльшая часть которых изучается нами в составе дискурсивов.

В этой статье мы остановимся на эксплицитно отраженном в тексте взаимодействии субъектов научного дискурса (автора и адресата), представленном *я / мы / вы*-конструкциями. Цель данной статьи – привести некоторые (в связи с небольшим объемом статьи) результаты анализа количественной и качественной специфики употребления авторизующих конструкций, содержащих личные и притяжательные местоимения 1 лица, и дискурсивов-адресаций, ориентированных на 2 лицо, в научных лингвистических статьях, опубликованных в советских и российских журналах и сборниках статей в разные периоды времени (с 1952 по 2018 г.). Всего было проанализировано 76 статей общим объемом около 180 000 словоупотреблений. Все исследованные статьи написаны без соавторов. При анализе особенностей функционирования авторизующих конструкций – помимо диахронического – учитывался и гендерный фактор.

В круг явлений диалогичности входят как минимум два понятия: персональность и адресованность, при этом адресованность в письменном научном дискурсе выражается намного реже персональности. Подчеркнем, что мы ведем речь только об эксплицитной реализации этих категорий.

Адресованность рассматривается нами как эксплицирование в тексте признаков собственно диалога [Кожина 1986], как непосредственное обращение к адресату в виде конструкций с местоимением 2 л. или императивов. В материале такие конструкции встретились нам лишь в двух случаях: 1) *Примечательно, что описания этого процесса* ***вы не найдете*** *ни в вузовских учебниках, ни в энциклопедиях по русскому языку, ни в справочниках* (ВЯ, 2005, № 1, с. 81); 2) *Итак, по мысли Гумбольдта, язык (****читай*** *– дискурсивная деятельность людей) отражает «дух нации»* (ЖР, 1999, с. 17). Гораздо чаще адресованность в тексте статьи представлена вопросами, ответ на которые либо содержится в близлежащем контексте, либо во всей статье целиком: ***Что собой представляет китайский язык?*** *С самого же начала добавим: современный китайский язык. В дальнейшем мы будем говорить только о нем;* ***А если не жизнь, не общественное развитие, не культура движет развитием языка, то что же?*** (ВЯ, 1952, № 3, с. 49). Иногда вопрос является риторическим и выступает эффективным средством научной полемики. В следующем примере блок из вопросительно-ответного комплекса и риторического вопроса используется в качестве эффектной концовки статьи: *Живая коммуникация уступает место более короткой – электронной, обычно формальной и обезличенной, где все эмоции сведены к набору смайликов. (…)* ***Эффективна ли такая коммуникация? Вероятно, да, но какова ценность такого общения?*** (ПРК, 2018, с. 26).

Категория персональности реализуется главным образом авторизующими *я / мы*-конструкциями, которые М.П. Котюрова и Е.А. Баженова называют эго-номинациями [Котюрова, Баженова 2018]. Это могут быть как двусоставные конструкции (*мы полагаем; я убежден; как мы хорошо знаем*), так и односоставные (*приведем примеры; заметим; подчеркнем*), а также конструкции с местоимениями в косвенных падежах (*нам известно; как нам кажется; мне представляется*) и с притяжательными местоимениями (*на наш взгляд; в нашем исследовании*). В подавляющем большинстве исследованных статей предпочтение отдается *мы*-конструкциям, относящимся к Pluralis modestiae, что объясняется (напомним, что статьи коллективного авторства мы намеренно не рассматривали) господствующей в российской науке традицией научной скромности, осмысления себя как

части коллектива ученых, представления своего исследования как логического продолжения работ предшественников. С другой стороны, *мы* может служить (возможно, ненамеренно) способом смягчить категоричность, завуалировать возможные нежелательные последствия исследований, ошибки, снять с себя ответственность за них и т.п., ср.: *В своих предшествующих публикациях* ***мы*** *уже* ***касались*** *некоторых жанров помимовольного общения, например, жанра «ссора». Теперь же предметом* ***нашего рассмотрения*** *будет другой нериторический жанр, который* ***мы предлагаем*** *именовать термином «болтовня». Выделяемое* ***нами*** *жанровое образование соотносимо с тем, что в западной традиции получило наименование small talk…* (ЖР, 1999, с. 18). Такое *мы* можно назвать авторским.

Я-конструкции встречаются преимущественно в более современных статьях и только у докторов наук: в 10 случайно выбранных статьях 1952-1953 гг. из журнала «Вопросы языкознания» отмечено лишь две *я*-конструкции, в 10 статьях того же журнала за 2005 г. – уже 25, но только у трех авторов: у одного (женщины) – одна *я*-конструкция, у второго (мужчины) – 8, у третьего (мужчины) – 16. В других исследованных нами изданиях в речи ученых-женщин *я*-конструкции встречаются, но в основном только в тех статьях, где речь идет о каком-то личном опыте, связанном с написанием статьи, например: ***мне*** *в руки попала рукопись документальной повести…; обратился* ***ко мне*** *с просьбой…;* ***я*** *это* ***сделала****…;* ***мой*** *коллега;* ***я пришла*** *к некоторым выводам и обобщениям, которые* ***предлагаю*** *на суд лингвистов* (ПРК, 2018, с. 27–28). Таким образом, в современном русском научном дискурсе эти конструкции во много раз более частотны. Налицо и гендерная специфика: *я*-конструкции намного более типичны для статей лингвистов-мужчин, что подтверждает широко известное мнение о большей корпоративности и скромности в коммуникации женщин.

Наряду с *я*-конструкциями в этих же статьях регистрируются и *мы*-конструкции инклюзивного типа, т.е. включающие еще и адресата, а значит, в статье противопоставлены *я* как исключительно маркер автора и *мы* как маркер автора и читателя, ср.: *Бобров хотел, как это делают физики, построить математическую модель открытого класса изучаемых объектов (****допустим****, всех без исключения русских 4-стопных ямбов).* ***Боюсь,*** *это в принципе невозможно. Тут* ***мы приближаемся*** *к коренному различию между ролью математики в естественных и гуманитарных науках, которое, кажется, до сих пор еще не было отрефлектировано* (ВЯ, 2005, № 1, с. 43). Дискурсив *допустим* – клише, не существующее в форме ед. ч. (как и у дискурсива

скажем), *боюсь* – маркер индивидуального проявления эмоции, *мы приближаемся* – указание на совместное действие автора и читателя, приглашение к совместным размышлениям.

Кроме авторского и инклюзивного, возможно еще и третье *мы* – *мы*-глобальное. Оно может относиться ко всем людям, ко всему роду человеческому, как, например, в следующем рассуждении ученого-психолингвиста: *(…) мысль зарождается не от другой мысли, а от различных потребностей человека, от той сферы, которая охватывает все* ***наши*** *влечения, побуждения, эмоции и т.п. Иными словами, за мыслью стоит мотив, то, ради чего* ***мы говорим****. (…) Ибо* ***мы понимаем*** *не речь, и даже не замысел, а то, ради чего выражает* ***наш*** *собеседник ту или иную мысль, т.е. мотив речи*.

Проведенный количественный анализ показал, что реже всего средства диалогичности используются в статьях лингвистов-женщин из «Вопросов языкознания» за 1952–1953 гг. (одно такое средство приходится на 540 словоупотреблений – 1: 540).

Лингвисты-мужчины в статьях этого же периода прибегают к средствам диалогичности несколько чаще, здесь частотность составляет 1: 444. В современных статьях этого же издания (2005 г.) частотность средств диалогичности в речи мужчин составляет 1: 240, что почти в два раза выше, чем в 1952–1953 гг. В речи современных лингвистов-женщин эти средства встречаются чаще, чем в 1952–1953 гг. (1: 420), но почти в два раза реже, чем у современных лингвистов-мужчин. В современных сборниках за редким исключением лингвисты-мужчины более широко пользуются *я / мы*-конструкциями по сравнению с лингвистами-женщинами и используют более разнообразные средства диалогичности.

В целом частотность употребления этих средств в современных сборниках (1999–2018 гг.) составляет 1: 171, что в два раза выше, чем в сборниках 1960-х гг., где этот показатель составлял 1: 335. Как можно видеть, наше исследование не подтверждает выводы наших коллег, которые наблюдают снижение частотности данных средств в современных научных текстах [Котюрова, Баженова 2018]. Эти расхождения, видимо, обусловлены тем, что наше исследование сосредоточено на изучении только лингвистических работ и только в одном жанре – жанре научной статьи. Возможно, более широкий пласт материала позволит сделанные выводы подкорректировать.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что средства диалогичности вносят значительный вклад в формирование индивидуального коммуникативного стиля ученого (см.: [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011]). Изучение составляющих идиостиля дает представление как о речевой манере конкретного ученого, так и о

специфике коммуникативного стиля той или иной эпохи, страны, научной школы, научной дисциплины и отдельных ее направлений.

Библиографический список

Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2015. 404 с.

Викторова Е.Ю. Специфика русской научной речи сквозь призму употребления в ней дискурсивов // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А.Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 83–101.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. 92с.

Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, 2003. С. 242–247.

Котюрова М. П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1983. 80 с.

Котюрова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 210–215.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 6-е изд. М.: ФЛИНТА : НАУКА, 2018. 280 с.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. 204 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография. Пермь: Перм.гос.ун-т; Зап.-Урал. ин-т экономики и права 2011. 394 с.

Список исследованных материалов

Вопросы языкознания, (ВЯ), 1952, № 1-4; 1953, № 1, 3; 2005, № 1, 3, 4, 5, 6.

Жанры речи (ЖР). Саратов: 1999, 2007.

Жанры речи (ЖР). Саратов: 2017, № 2; 2018, № 4.

Проблемы речевой коммуникации (ПРК). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 12, 13, 16, 18.

Романо-германская филология (РГФ). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015.

Романо-германская филология (РГФ). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016.

E.Yu. Viktorova
Professor of Romance-Germanic Philology and Translation Department
Saratov National Research State University

ON THE DIALOGUE NATURE OF RUSSIAN ACADEMIC DISCOURSE

The article analyses some aspects of discourse markers aimed at creating the dialogue like atmosphere of the academic discourse. The research is based on the texts of linguistic articles dated 1952 – 2018. The author emphasizes the impact of these discourse units on creating effective academic discourse, individual style of separate scholars and peculiarities of the academic language style in general.

Key words: academic discourse, dialogue, discourse markers, author, addressee.

УДК 81'38

Войтак Мария
профессор кафедры истории польского языка и диалектологии
Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине
maria.wojtak@aneostrada.pl

О ЖАНРАХ РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ

Отправной точкой выводов, сделанных в статье, автор считает религиозные жанры (жанры религиозных высказываний, связанных с деятельностью католической церкви в Польше), обращая внимание на эластичность их образцов и затрагивая проблему многообразия источников жанровых норм. Такое многообразие является одной из ранее не описанных причин активизации исследований религиозного стиля в современном польском языке, ассимиляции его жанровых структур и стилистических особенностей со светской коммуникацией. Это порождает несоответствия между классической версией религиозного стиля, унаследованного из далекого прошлого и сохраненного в молитвах, песнях и некоторых богослужениях, и его современным, инновационным вариантом.

Ключевые слова: генология, жанр высказывания, религиозные жанры, стиль, религиозный стиль.

Под религиозным жанром нами понимается совокупность высказываний, связанных с религиозными практиками верующих католической церкви в Польше. Заявленный таким образом познавательный редукционизм можно объяснить не только квалификацией и исследовательским опытом автора статьи, но и численным превосходством католиков среди польских верующих[1].

В настоящей статье за отправную точку принимается филологический подход, хотя природа религиозных жанров требует обращения к научным достижениям представителей богословских наук (иногда в целях анализа и, как правило, в целях интерпретации) (см.: [Wojtak 2019: 5–6]). Отличительной чертой религиозных жанров является их потенциальная связь со сферой трансцендентного, которую филолог не может интерпретировать в познавательных категориях его научной дисциплины.

Все жанры, понимаемые как схемы систематизации высказываний, могут укладываться в различные конфигурации, например коллекции, собрания, сборники [Wojtak 2019: 14–15]. С учетом различных критериев они могут быть объединены в группы не только по иерархическому, но и по тематическому или функциональному принципу [Witosz 2005: 135–144]. Функциональная перспектива

© Войтак М., 2019

позволяет выделить не только жанры общепризнанных стилей, но и жанры религиозного стиля[2].

Исследовательский опыт автора статьи, связанный с характеристикой религиозных жанров, позволяет разделить их на две функциональные группы: (1) **молитвенные** (молитва общая, вотивная или другие типы индивидуальных молитв, литания, молитвенник, а также совместная молитва) и (2) **паренетические** (проповедь, гомилия, пасторское послание, реколекции и другие жанры катехетического характера [Wojtak 2011; 2019 и др.][3].

Генология исследует жанры высказываний как соответствующие отдельным компонентам ситуаций, отражающих коммуникативное поведение различных сообществ [Wojtak 2015: 17]. Высказывание понимается как вербальный коммуникат, допускающий использование других семиотических кодов, задействованных в процессе создания его смысла. Хотя жанры религиозных высказываний относятся к классу полисемиотичных коммуникатов, в пределах настоящего исследования ограничимся рассмотрением их вербального пласта.

Прежде чем сосредоточиться на особенностях религиозных жанров как форм высказываний, следует напомнить, что под жанровым образцом нами понимаются схемы организации текста [Wojtak 2004a: 16]. С учетом допустимости функционирования двух направлений параметризации образца нами выделяются: (1) аспекты образца (структурный, когнитивный, прагматический и стилистический) и (2) варианты образца (канонические, альтернативные и адаптивные) [Wojtak 2004a: 16–18; 2019: 11 и др.]. Генологические исследования, проводимые с целью определения сфер функционирования жанров, предполагают прежде всего определение характера жанрового образца анализируемого высказывания, замечания по поводу его идентичности, вопросы поляризации жанрового образца и его связи с другими жанрами. Своеобразие религиозных жанров определяется статусом образца, характером и источниками генологических норм, способом функционирования в модельных и конкретных коммуникативных ситуациях, сценарным характером образцов и их отдельных реализаций. Большинство жанров религиозного стиля ориентированы на эластичные, условные образцы с разнообразными источниками норм [Wojtak 2019: 346 и др.].

Более подробные комментарии на тему совокупности источников жанровых норм содержатся в книге автора статьи [Wojtak 2019], в которой описываются примеры столкновения институциональных и узуальных норм, обращается внимание на полиморфизм образцов, их эластичность, обусловленную не только историей жанров, но и

своеобразными, порой революционными, неконтролируемыми преобразованиями.

Следует напомнить еще и о том, что идентичность жанровых высказываний религиозного стиля не обусловлена прагматическими или когнитивными характеристиками, хотя они и важны как средства объединения двух типов коммуникатов, упоминаемых в начале статьи. Жанровой дифференциации способствуют структурные детерминанты и некоторые свойства религиозного стиля, благодаря которым выделяются прежде всего молитвенные жанры.

Отличительной особенностью религиозных жанров, как уже отмечалось, является способ функционирования в модельных или конкретных коммуникативных ситуациях. Хотелось бы напомнить, что общие молитвы могут функционировать как (1) независимые сообщения, (2) компоненты литургии, (3) компоненты богослужений или других видов молитв, например литаний, (4) молитвенники, (5) жанровые сборники (например, молитвы на иконках, часто в сочетании с другими формами передачи информации).

Вотивные молитвы имеют несколько иные контексты, которые могут быть зафиксированы в специальных тетрадях и представлять собой собрания, если так можно выразиться, народной религиозности. Появляются они и в литургии, например, во время паломничества, или в виде части специально организованных богослужений[4].

Процесс созидания жанра может иметь ситуативные сложности, а типичные способы функционирования жанра в дискурсе могут также подвергаться изменениям. В одних случаях первичное коммуникативное назначение конкретного жанра или собрания жанров [Wojtak 2011: 281 и др.] способствует сакрализации высказываний (см. замечания о вотивной молитве в: [Wojtak 2019: 45–93]), в других – оно определяет их жанровую идентичность (см. замечания о гомилии и проповеди: [Там же: 193–290]).

Отличительной особенностью религиозных жанров является их сценарный характер. В пределах образца или текстовых реализаций могут иметь место разнообразные ситуативные конкретизации. Так, в текст общей молитвы могут быть включены личные данные человека, за которого читается молитва. Могут быть конкретизированы и интенции молитвы.

Богатство жанров, разнообразие источников жанровых норм, динамика трансформации жанровых образцов – это причины, способствующие расширению диапазона открытости религиозного стиля в современном польском языке. Они также углубляют и объясняют внутреннюю дифференциацию этого стиля. В его центре, как

уже отмечалось в ранее опубликованных работах [Wojtak 2011: 32–33], находятся библейский стиль и стиль культовых жанров. Выводы о различных формах молитвы, сделанные ранее, должны помочь понять, в какой степени может варьировать стиль культовых жанров. Возможности дифференциации религиозного стиля становятся очевидны, когда мы говорим о его важнейших вариациях, расположенных на периферии категории, т.е. о гомилетическом стиле, стиле официальных документов институции, каковой является католическая церковь, научном стиле (связанном с богословскими науками), о катехизическом и публицистическом стилях, а также стиле литературных произведений, отражающих религиозные отношения людей.

Характеризуя религиозный стиль, располагающий многочисленными жанрами высказываний, следует принять во внимание его экстралингвистические особенности [Wojtak 2011: 42–43], такие как (1) сакрализация (ритуализация), выраженная или редуцированная, являющаяся причиной стандартизации (шаблонов и клише), наряду со спонтанностью и креативностью языкового поведения; (2) символичность и связанные с нею метафоричность и другие способы опосредованных и непосредственных высказываний (конкретных и предметных); (3) диалогичность, принимающая различные формы – от ритуальных и клишированных высказываний до сценариев, позволяющих моделировать поведение применительно к ситуации. В данном случае важными являются дифференциация общения [Wojtak 2004b: 108; 2011: 282–283] и связь диалогичности с такими категориями, как молитвенная апеллятивность, проповедническая и катехизическая персуазивность, а также нормативность, доминирующая в церковных документах. Кроме того, имеют место диалогичность ритуализированная и спонтанная (или почти спонтанная), а также диалогичность непосредственная и опосредованная, активизирующая различные категории субъектов.

Маркерами стиля [Wojtak 2011: 43] являются: (1) стандартизация различных форм высказываний, четко прослеживающаяся в таинствах и высказываниях, исключающих любую спонтанность; (2) формульность – многоуровневая и многослойная, поскольку она включает в себя так называемые литургические формулы, т.е. целые высказывания, которые могут функционировать как независимые сообщения или фиксированные компоненты других форм общения, фатические формулы, характерные для различных жанров высказываний, композиционные формулы, акламации и доксологии [Wojtak 2004b: 107]. Эти две особенности имеют характер ритуала и сохраняются в

религиозном общении во время функционирования: (а) ритуализированных сценариев общения (миссал, обряды таинств), (б) ритуализированных жанровых образцов и их компонентов, (в) языковых ритуализмов (формул).

Компоненты религиозного стиля описывать достаточно трудно (см.: [Wojtak 2011: 44]), поскольку практически нет языковых форм, которые можно считать типично религиозными (за исключением библеизмов, в первую очередь библейских фразем, и терминологической лексики). Многие языковые средства религиозного стиля могут функционировать и вне сферы религиозного общения. Именно по этой причине мы считаем названное явление основой столкновения различных регистров.

Этот принцип реализуют следующие категории [Wojtak 2011: 44]: (1) иератичность, связанная с наличием архаизмов и устаревших форм, книжной и официальной лексики; (2) образность и орнаментация в формах выражения (постоянные эпитеты, метафорика, параллелизмы и повторения, апострофы); 3) профессиональность (традиционная терминология и терминологические инновации); (4) разговорность.

Жанровые конвенции определяют способы функционирования перечисленных регистров в определенных типах высказываний (см.: [Wojtak 2004b: 112–113; 2011: 44]).

Такое многообразие является одной из ранее не описанных причин активизации исследований религиозного стиля в современном польском языке, ассимиляции его жанровых структур и стилистических особенностей со светской коммуникацией. Это порождает несоответствия между классической версией религиозного стиля, унаследованного из далекого прошлого и сохраненного в молитвах, песнях и некоторых богослужениях, и его современным, инновационным вариантом.

Перевод с польского Александра Гадомского

Примечания

[1] Это один из основных подходов, используемый в польских теолингвистических исследованиях. См., напр.: [Гадомский, Гадомская 2019: 209].

[2] Концепция религиозного стиля в настоящее время противоречива, поскольку она связана с состоянием стилистики как науки, полиморфизмом категории стиля и богатством исследовательских установок. См. работу [Wojtak 2011: 39–40], в которой автор обращает внимание на полиморфизм современного религиозного стиля в польском языке, рассматривая его как наджанровый вариант языка, служащий для передачи содержания (образов мира, особенно мира ценностей) и достижения целей общения, характерных для конкретных областей социальной коммуникации. Этот стиль вступает в разнообразные отношения с другими стилями, создающими комплексные системы и подверженными процессам

интерференции. Поэтому он использует неоднородные средства. Консерватизм коммуникативного поведения в сфере религиозного общения сталкивается с инновационными тенденциями. К сказанному следует также добавить, что сочетание жанров с функциональными стилями имеет давнюю традицию не только в польской стилистике (для примера см.: [Gajda, ред., 1995].

[3] Не исключены также возможности других вариантов типологий (для примера см.: [Wilkoń 2002: 266–277]).

[4] Учитывая рамки настоящей статьи, мы не анализируем контексты литании, Розария или Крестного пути (см. об этом: [Wojtak 2019]).

Библиографический список

Гадомский А., Гадомская Г. Генология в контексте современных теолингвистических исследований // Хрестоматия теолингвистики. Т. 2. Казань: Бриг, 2019. С. 206–211.

Przewodnik po stylistyce polskie. Opole: Uniwersytet Opolski, 1995. 477 s.

Wilkoń A. Spójność i struktura tekstu. Kraków: Universitas, 2002. 304 s.

Witosz B. Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005. 258 s.

Wojtak M. Do Boga… O Bogu… Przed Bogiem… Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej, 2019. Tarnów: Biblos. 380 s.

Wojtak M. Dylematy genologa // Porozmawiajmy o gatunkach. Artystycznych i użytkowych. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2015. S. 11–29.

Wojtak M. Gatunki prasowe. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2004a. 327 s.

Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genologicznej // Język religijny dawniej i dziś. Poznań: Wydawnictwo „Poznańskie Studia Polonistyczne”, 2004b. S. 104–113.

M. Wojtak
Professor of History of Polish Language and Dialectology Department
Maria Curie Sklodowska University Lublin

ABOUT GENRES OF THE RELIGIOUS STYLE

The author makes religious genres the starting point of her findings in this article (genres of religious utterances related to activity of the Catholic Church in Poland), focusing on flexibility of their patterns and highlighting the abundance of sources of genre norms. This abundance becomes one of the factors (undescribed so far) strengthening the processes of openness of the religious style in contemporary Polish and assimilation of genre structures and style traits related to secular communication. This tendency preserves the discrepancy between the classic version of the religious style (inherited often from a distant past and preserved in prayers, songs and some services) and its contemporary (innovative) version.

Key words: genre studies, genre of speech, genres of religions, style, religions style.

УДК 821.111:81'37"

Гладкова Катерина Юрьевна
преподаватель кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Katerina_G_L@mail.ru

СЕМАНТИКА ВОПРОСОВ “WHY” В РОМАНЕ Г. СВИФТА «ВОДОЗЕМЬЕ»

В статье раскрываются функции художественной интеррогативности на примере вопросительных фрагментов романа Г. Свифта «Водоземье». Проводится семантико-стилистический анализ вопросительных предложений (темы, ключевых слов, прагматического компонента и др.). Интеррогативность характеризуется как одно из важнейших свойств художественного текста – диалогичность.

Ключевые слова: вопрошание, художественное вопрошание, художественное познание, вопрос “why”, Г. Свифт

Понятие «интеррогативность» является интегральным и изучается в философии, логике, психологии, психолингвистике, лингвистике, литературоведении и т.д. Вопрошание неразрывно связано с проблемой познаваемости мира. Еще во времена Античности вопрос в философии рассматривался, с одной стороны, как инструмент получения нового знания о мире, с другой – средство диалогичности.

В художественном тексте интеррогативность является отражением художественного мышления автора, способом реализации субъективной авторской концепции. Художественное познание специфично, оно направлено на осмысление ценностного аспекта отношений «человек – мир» [Шутёмова 2015: 48]. Интеррогативность в художественном произведении связана с индивидуальным, эмоциональным, ценностным осмыслением такого рода отношений. В связи с этим художественному вопрошанию присущи такие свойства, как образность, эмотивность, диалогичность, субъективность, ценностный характер.

Рассмотрим проблему интеррогативности на материале романа Г. Свифта «Водоземье» в аспекте семантики вопросительных предложений группы “Why”. Творчество Г. Свифта характеризуется усиленным вопрошанием, что является чертой идиостиля автора и его художественного мышления.

Г. Свифт (р. 4.05.1949) – современный британский писатель, обладатель Букеровской премии 1996 г. за роман «Последние распоряжения» (“Last Orders”, 1996). Творчество Г. Свифта

© Гладкова К. Ю., 2019

представлено серией романов (“The Sweet Shop Owner”, 1980; “Ever After”, 1992; “The Light of The Day”, 2003 и др.), несколькими сборниками рассказов (“Learning To Swim And Other Stories”, 1982; “England And Other Stories”, 2014), а также критическими эссе (“Making An Elephant: Writing From Within”, 2009 и др.). Исследователи творчества писателя относят его к числу наиболее ярких представителей психологической прозы [Encyclopedia Brittanica: эл. рес.].

Роман «Водоземье» (“Waterland”, 1983) считается одним из ключевых произведений Г. Свифта, отражающим основные черты его творчества. В центре повествования – семейная драма школьного учителя истории Тома Крика, излагаемая от первого лица в форме лекций по мировой истории. Повествуя о мировых событиях, герой-рассказчик так или иначе связывает их с событиями своей жизни и одновременно предпринимает попытки найти ответы на тревожащие его жизненные вопросы. Диалогичность представлена в данном романе в формах диалога между главным героем, преподавателем, и его учениками, а также между рассказчиком и читателем. Одним из средств выражения диалогичности служат вопросно-ответные контексты, актуализирующие вопрошание.

В ходе анализа нами была сформирована база данных, включающая 725 вопросительных контекстов. Данные контексты были классифицированы по грамматическому признаку на следующие группы: общие вопросы (42 %), специальные вопросы (39 %), разделительные «ли»-вопросы (5 %). Остальные контексты (14 %) представляют собой утвердительные предложения с вопросительной интонацией либо назывные предложения. Группа «специальных вопросов» разделена на подгруппы в зависимости от вопросительного местоимения: *what* (38 %), *how* (21 %), *why* (18 %), *who* (11 %), *where* (7 %), *when* (3 %), *which* (2 %).

Представим результаты семантического анализа вопросов группы “Why” в соответствии с методикой И.М. Кобозевой [Кобозева 2000].

1. Анализ компонентов плана содержания предложения, включающий следующие этапы:
    a) анализ пропозиционального компонента (темы) предложения;
    b) анализ коммуникативного компонента предложения;
    c) анализ прагматического компонента предложения.
2. Анализ семантики ключевых слов вопросительных контекстов.
3. Стилистический анализ вопросительных контекстов.

Анализ тематики вопросительных контекстов группы “Why” позволил сделать вывод о том, что в данной группе репрезентированы

ключевые для романа в целом темы жизни и смерти, находящиеся в антагонистических отношениях; тема любви, представленная микротемами естественной любви (семейная любовь, романтическая любовь) и противоестественной любви (эксперименты главной героини Мэри в данной сфере); тема мироустройства, реализованная в микротемах социального устройства и природы; тема работы, репрезентирующая идеи развития и отсутствия развития в жизни героев; тема преподавания. Все выявленные темы связаны друг с другом и входят в сложный тематический комплекс произведения.

С точки зрения коммуникативной функции вопросительные контексты исследуемой группы являются преимущественно несобственно-вопросами (77 %), т.е. вопросами, реализованными в своей вторичной функции выражения уверенности, просьбы, сомнения, удивления и т.д. Более того, большинство вопросов данной группы (57 %) безответны, несмотря на то что обращены к внешнему адресату (аудитории учеников / читателей). По И.И. Ковтуновой, вопросы данного коммуникативного типа, лирические вопросы, не рассчитаны на ответ, поскольку их функцией является воспроизведение динамики эмоционального и мыслительного процесса [Ковтунова 1986: 128–142]. В таких вопросах репрезентированы размышления рассказчика об истории и ее роли в жизни человека, о прошлом своей семьи, о человеческих отношениях, о судьбе и т.д.

Вместе с тем вопросы, на которые рассказчик дает ответ, также не являются собственно вопросами с коммуникативной точки зрения, поскольку не отвечают условию искренности, заключающемуся в желании знать ответ [Кобозева 2000]. В данном случае вопрос и ответ либо образуют коммуникативное и смысловое единство, выступающее в изобразительной функции или функции воспроизведения динамики мыслительного процесса, либо логические связи между вопросом и ответом нарушены, что демонстрирует логическое противоречие или противоречие между героями произведения.

Анализ семантики ключевых слов вопросительных предложений группы “Why?” показал следующее.

Во-первых, в данной группе контекстов репрезентированы такие смыслы, как страх (*fear*, *transfix*, *terror*), утрата (*losing*, *don’t return*, *abolish*), тайна (*discretion*, *circumspect*, *taciturn*, *mystery*, развитие – цикличность (*rise no further*, *never produce*, *zenith – decline*), изолированность – открытость (*flat*, *clear view*, *reticence*, *gap*, *only*, *exclusion*). Данные смыслы актуальны в контексте романа в целом, поскольку реализованы в темах любви (*тайна*, *развитие*), истории

(*развитие – цикличность*, *утрата*), семьи (*изолированность – открытость*, *тайна*), смерти (*страх*, *утрата*).

Во-вторых, частотно использование лексики с отрицательной коннотацией (*clawed*, *sad*, *trouble*, *bloodpath*, *holocaust*, *troubled*, *baffled*), что передает подавленное эмоциональное состояние героев и рассказчика, попавших в трагическую жизненную ситуацию. Идея трагичности жизни также актуализирована приемом градации. Рассмотрим следующий пример: *Why is it that every so often history demands a bloodbath, a holocaust, an Armageddon?* [Swift 2010: 145] В данном предложении речь идет об исторических событиях в целом, однако в контексте произведения оно метафорически выражает размышление рассказчика о сугубо частном случае его жизни – гибели одного из знакомых. Смысл утраты, жертвы репрезентирован приемом восходящей градации с резко отрицательной коннотацией (*bloodpath – holocaust – Armageddon*). Данный смысл усилен наречием *every so often*, а также глаголом *demand*, в семантику которого входит компонент ‘настойчивость’, ‘неизбежность’.

Наконец, в семантике вопросительных контекстов группы “Why?” репрезентирован компонент ‘отрицание’ благодаря использованию отрицательных частиц, наречий и местоимений с отрицательным значением (*no further*, *never produce*, *why not*, *should not avail*). Наряду с использованием модальных глаголов со значением ‘возможность’ (*could*, *might*) данные языковые единицы актуализируют идею утраченных возможностей, которая также является одной из ключевых в контексте романа в целом.

Выявленные смыслы репрезентированы также антитезой, актуализирующей семантику противопоставленных категорий (*zenith – decline*, *him – world*, *liberty – emperor* и др. Например, антитеза используется для выражения идеи исторического развития или развития в целом: *Why must the zenith never be fixed? Because to fix the zenith is to contemplate decline* [Swift 2010: 96].

Необходимо отметить частотное использование анафоры (*why*, *and why*), актуализирующей смысл внутреннего беспокойства, напряженного эмоционального состояния, присущего рассказчику в попытках объяснить причины той трагической ситуации, в которой он находится. Идея невозможности найти причину произошедших событий, идея беспричинности, случайности существования выражена также в повторе вопросительного местоимения *why* и частотном употреблении апосиопезы: *And why …? And why …? But why …?* [Swift 2010: 119]

Обобщая, следует подчеркнуть, что вопросы группы “Why” в произведении являются весьма значимыми со смысловой точки зрения.

В таких вопросах реализованы основные темы романа, образующие единый комплекс, а также важнейшие для произведения смыслы развития, поиска, изолированности – открытости, утраты, жертвы. Смысловая значимость вопроса “Why” акцентируется композиционно: наиболее часто он используется в тех главах, где описаны ключевые моменты повествования. Кроме того, вопросу посвящена отдельная глава “About the Question Why”. В целом, вопрос “Why” неразрывно связан с идеей поиска и процессом познания, однако в контексте исследуемого романа его значение трансформируется в идею невозможности понимания сути происходящего.

Библиографический список

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал, 2000. 352с.

Шутёмова Н.В. Понятие доминанты в типологии перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3(31). С. 46–51.

British Council. URL: https://literature.britishcouncil.org/writer/graham-swift (дата обращения 03.04.2019).

Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/biography/Graham-Swift (дата обращения 03.04.2019).

Oxford English Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/ (дата обращения 05.04.2019).

Swift G. Waterland. Picador, 2010. 356 p.

K.Iu. Gladkova
Lecturer of Linguistics and Translation Department
Perm State University

SEMANTICS OF WHY-QUESTIONS IN “WATERLAND” BY G. SWIFT

The article presents the results of analysis of semantics of “why”- questions in “Waterland” by G. Swift. The author studies the key notion of literary interrogation, outlines its functions via stylistic and semantic analysis of the mentioned type of questions. Such components of the semantics of “why” - questions, as the topic, the communicative component, the pragmatic component, semantics of key notions are being studied. The results of the research show that literary interrogation in the novel can be characterized as having the following features: dialogism, subjectivity, imagery, uniqueness.

Key words: interrogation, literary interrogation, why-question, cognition, G. Swift.

УДК 808:378

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

«КАМО ГРЯДЕШИ?»: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена анализу языковой ситуации в современном российском обществе. Приводятся примеры из школьных сочинений и публичной телевизионной речи журналистов. Делается вывод о разрушении традиционных связей в системе русского языка, а также о развитии процесса деэстетизации в рамках межличностного общения.

Ключевые слова: русский язык, школьное и вузовское образование, современная речевая практика, духовно-нравственное воспитание, тенденции развития языка.

В Федеральном законе об образовании в Российской Федерации *образование* определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [Федеральный…: гл. 1, ст. 2]. Здесь же формулируется другое важное понятие образовательного процесса – *воспитание*, которое понимается как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [Там же].

С точки зрения государства, образование и воспитание – это социально значимое благо, которое дается каждому члену коллектива с целью интеллектуального, духовно-нравственного, профессионального развития.

Начиная с 2000-х гг. в школьной системе образования произошли,

© Данилевская Н. В., 2019

как известно, большие, лучше сказать, судьбоносные изменения. В виде официального аттестационного контроля, измеряющего качество полученных в средней школе знаний, был введен единый государственный экзамен (ЕГЭ), одновременный и одинаковый для всех районов всех субъектов Российский Федерации. Уже много написано и сказано о «плюсах» и «минусах» такого выпускного экзамена, но все сказанное звучит разрозненно, эпизодически. Между тем уже пора сформулировать по этому поводу общее профессиональное мнение.

Наш личный опыт работы на филологичнеском факультете, наблюдения за современными выпускниками школы, проверка письменных школьных сочинений (эссе) свидетельствуют об очень низком уровне гуманитарных знаний – знаний о языке и литературе. Такой вывод, делают практически все учителя и преподаватели вузов.

Подчеркнем, что филологические дисциплины «Русский язык» и «Литература» занимают одно из центральных мест в системе школьного образования, а в формировании «интеллектуального, духовно-нравственного, творческого… развития человека» [Федеральный…], по нашему глубокому убеждению, вообще являются основополагающими, ибо роль филологических дисциплин в формировании личности ничем незаменима.

Вместе с тем оценка итогового уровня качества знаний посредством ЕГЭ сформировала следующие «производственные» ситуации в школе:

1) после 9-го класса русский язык и литература как предметы не требуют углубленного изучения;

2) по русскому языку практически нет приращения нового знания;

3) если нет необходимости сдавать ЕГЭ по литературе, то исчезает необходимость чтения художественных произведений;

4) успех сдачи ЕГЭ зависит только от усердности в зазубривании уже известного материала;

5) два последние года обучения учителя заняты «натаскиванием» своих учеников на правильные ответы по вопросам ЕГЭ;

6) гуманитарного духовно-нравственного развития личности в последние годы школьного образования практически не происходит.

В рузультате такой образовательной государственной политики выпускники оказываются не только в целом плохо образованными, но и демонстрируют неспособность свободно размышлять, выстраивать логически верные сложные высказывания, формулировать собственную точку зрения в соответствии с социальным и культурным контекстом, грамотно, с соблюдением орфографических, пунктуационных, стилистических норм речи, оформлять свои мысли на письме.

Недоученность в литературе проявляется в том, что молодые люди в большинстве своем обладают скудными знаниями о русских и зарубежных писателях-классиках; недоученность в языке – это не только незнание языковых норм и правил; это – что, возможно, более опасно с социальной точки зрения, в том числе для динамики общественных процессов – неспособность правильно, разнообразно, логично, часто просто осмысленно выражать свои взгляды и чувства, выстраивать относительно сложную коммуникацию. Приведем несколько примеров из школьных сочинений, написанных в рамках единого государственного экзамена (орфография и пунктуация авторские):

а) нарушение лексической нормы и сочетаемости слов: *Зачем сувать свой нос в сердце самóй природы?*; *Если мы не будем смыслить здраво, то конец наш не за горами*; *Одна Мцырь сбежала из монастыря*;

б) нарушение грамматического строя предложения, в том числе порядка слов: *Прочитав этот текст, в моей голове промчалось много мыслей*; *Обратимся для примера в чье-нибудь произведение*; *Нужно жить с счастьем на пару, без него никак нельзя*; *Л. Толстой любил гулять босым ранним утром по усыпанной траве росой*; *Композитор Сальери шел один рядом с гробом, который при жизни враждовал с Моцартом*;

в) нарушение логики высказывания: *Показана сцена избиения лошади с такой силой, что она умирает на глазах народа*; *Его эта проблема так взволновала, что он употребил длинный ряд однородных членов*; *Болконский увидел австрийское небо и понял, в чем смысл жизни*; *Андрея Болконского ранили в бою, и он сел на поле отдохнуть*;

г) стилистическая неряшливость: *Ученый Менделеев. Это же такой ученый, который придумал целую таблицу Менделеева, по которой и сейчас занимаются множество людей*; *После нашего безразличия природа остается одна на один со всем миром.*

Во всех этих примерах, как можно видеть, налицо речевая беспомощность и языковая безграмотность выпускников современной школы. Однако не менее ужасающа безграмотность литературная, или, иначе, культурная, когда выпускник не знает содержания – хотя бы основной сути – ключевых художественных произведений. См., например, такие цитаты из сочинений: *В одном известном произведении рассказывается о герое, которого звали Садко. Во время войны к нему в дом пришли французы и пригрозили убить его семью, если он не проведет их к Москве.*

Важно подчеркнуть: подобные высказывания не единичные случаи, напротив, такого рода суждения встречаются очень и очень

часто, что дает право говорить об их типичности. А вот более или менее хороших сочинений, без серьезных ошибок, с продуманной композицией, использованием выразительных средств и без противоречий культурно-исторического характера с каждым годом становится все меньше и меньше. Большая часть наших юных современников стремительно теряет связь с национальной культурой, историческим контекстом, языковыми традициями и навыками русского речепроизводства, а значит, разрушается, растворяясь в глобалистской массовой наднациональной культуре, русская национальная картина мира [см. подробнее: Клушина 2012].

Культурный вакуум в сознании молодежи опасен утратой тесных связей с богатствами родного языка. В этом случае доступными и востребованными ресурсами повседневной коммуникации оказывается лишь неширокий набор языковых и речевых единиц, причем бедность словаря замещается в этом случае вульгарной, грубой, даже инвективной лексикой. Именно этот процесс сейчас происходит на наших глазах: инвективы становятся обыденным средством коммуникации во многих сферах жизни, включая некоторые официальные устные ситуации общения; инвективная коммуникация стала фактом речи в молодежной среде, включая, к сожалению, речь подростков; нецензурный тип общения все больше становится привычным в молодых семьях, в том числе в общении родителей с детьми.

Важно подчеркнуть, что нецензурная лексика в последнее время практически потеряла в молодежной среде окраску грубости, недопустимой в нормальных условиях (не в ситуации скандала, аффекта, необходимости защиты жизни или жизненного пространства), а стала способом восполнения бедного словарного запаса. Инвективные единицы перестали быть маркерами страха или агрессии, но, видимо, постепенно переходят в разряд единиц «нормальной», повседневной речи, с помощью которой выражаются не только негативные эмоции, но и позитивные или просто нейтральные. А это тоже результат современного подхода к образованию.

Однако проблема речевой агрессии требует отдельного рассмотрения. Вернемся к ситуации в современном образовании.

Недоученность школьников перетекает в вузы. Сегодняшний студент-гуманитарий не любит читать, плохо работает с учебником, далеко не всегда готов к языковому творчеству и к интерпретации стилистических возможностей языка; его речь лучше, чем речь выпускника средней школы, но тоже недостаточно развита и богата. Если еще несколько лет назад в аудитории филологов не было

необходимости объяснять значение и происхождение тех или иных прецедентных текстов или фразеологизмов, то теперь это приходится делать довольно часто (потеря связи с национальной культурой, историческим контекстом, языковыми традициями).

Особенно трудно даются современным студентам лингвистические курсы, требующие опоры на знание языковой системы и ее стилистического потенциала. В процессе аудиторных занятий преподавателю часто приходится, что называется, ломать стереотипы косности и школьной недоученности. Однако, несмотря на все усилия, и вузу сегодня не всегда удается научить (доучить) студента быть специалистом.

В результате «в жизнь выходят» дипломированные, по меткому замечанию А.И. Солженицына, *образованцы* – люди как будто бы образованные (в силу наличия у них дипломов высшей школы), но мало что знающие и понимающие, не имеющие необходимого объема культурных, социальных, коммуникативных знаний, не говоря уже о знаниях профессиональных [Солженицын: эл. ресурс]. *Образованщина* как видимость образования и культуры, как образование и культура без внутреннего содержания заполняет интеллектуально-духовное пространство общества, становясь его болезнью, недугом и во многом угрожая сохранению культурно значимых констант национальной картины мира; и что очень важно – сбережению национального русского языка.

Образованцы опасны тем, что свою некомпетентность, недообученность они, что называется, несут в массы, заставляя других жить, работать, думать и даже чувствовать в соответствии со своими «верными» знаниями и «профессиональными» навыками, полученными в результате поверхностного школьного и вузовского образования. Эта «образованческая» поверхностность в первую очередь проявляется в языке, где, по мнению Т.М. Николаевой и О.Б. Сиротининой, уже активно идут процессы разрушения традиционных системных отношений и нарушения смыслоразличительных способностей языковых единиц [Николаева 1998; Сиротинина 2006].

См., например, участившиеся в медиапространстве случаи неточного употребления слов и нарушения логики высказывания: *Если говорить о касатках, эти животные очень* ***образованные*** [Н. Соколов, «Вести»: Россия 24, 01.03.2019]; *Сегодня на нашем канале новые серии* ***легендарного*** *сериала «Склифосовский»* [рекламный блок, Первый канал]; *Форма пришлась ребенку* ***кстати*** [А. Казин, «Вести. Пермь», 12.02.2019. Журналист хотел сказать, что форма пришлась ребенку *к лицу*]; *На Кольском полуострове к таким природным катаклизмам уже*

давно привыкли. ***Притом*** *с 19-го февраля ожидается потепление* [«Вечерние вести»: Россия 1, 18.02.2019]; *Дай Бог освоить Украине свои территории,* ***не говоря уже*** *о Кубани* [«60 минут»: Россия 1] и др. Подчеркнем: это высказывания известных журналистов, речь которых звучит на главных телеканалах страны.

Обобщая, следует отметить, что мы имеем дело с концептуальной нестыковкой между, с одной стороны, декларацией о цели и роли образования в Федеральном законе об образовании и, с другой стороны, представлением о сути содержания образовательного процесса. Устранить эти смысловые ножницы можно только посредством переформатирования **государственного подхода** к содержанию образования, т.е. при условии, что ценность гуманитарных знаний и профессий станет актуальной для государства.

Библиографический список

Клушина Н.И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // Stylistyka – XXI. 2012. С. 19–33.

Николаева Т.М. Две заметки о «новом» в русской речевой коммуникации // Русский язык в его функционировании. Тезисы докл. междунар. конференции. М., 1998. С. 34–37.

Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 490–499.

Солженицын А.И. Образованщина. URL: https://www.litmir.me/br/?b=70215&p=1 (дата обращения 23.04.2019).

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 20.04.2019).

N.V. Danilevskaya
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

«QUO VADIS?»: REFLECTIONS ON MODERN RUSSIAN PHILOLOGICAL EDUCATION

The article is devoted to the analysis of the language situation in the modern Russian society. Examples of school essay and public speech of television journalists. The conclusion about the destruction of traditional relations in the system of the Russian language, as well as the development of the process of destatization within interpersonal communication.

Key words: Russian language school and undergraduate education, modern speech pr»Камо грядешиactice, spiritually-moral education, trends in the development of language.

УДК 81'367.7

Дегальцева Анна Владимировна
доцент кафедры русского языка,
речевой коммуникации и русского как иностранного
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
deganna@mail.ru

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЫКАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Среди адвербиальных словосочетаний на основе примыкания в современной прессе встречаются такие, которые передают значения меры и степени, оценивают адвербиальный признак с позиции каких-либо факторов, выражают сравнительно-уподобительное значение. Их употребление отражает активные процессы, происходящие в современном русском языке.

Ключевые слова: наречие, синтаксическая связь, примыкание, наречие образа действия, наречие меры и степени.

Изучение языка прессы – одна из актуальных проблем современной лингвистики, поскольку СМИ являются социальным институтом, оказывающим колоссальное влияние на формирование взглядов и убеждений граждан, а также на уровень их речевой культуры [Кормилицына, Сиротинина 2015]. Особый интерес представляет изучение взаимодействия семантических и грамматических факторов на страницах современных газет. Рассмотрим, каковы особенности семантики и функционирования адвербиальных словосочетаний, построенных на основе связи «примыкание», в современной прессе. В качестве материала обратимся к таким центральным и региональным изданиям, как «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Коммерсантъ» и «Весть».

В современной прессе встречается несколько типов адвербиальных словосочетаний, созданных на основе примыкания. Наиболее обширную группу (около 67 %) в нашем материале составляют словосочетания с зависимым наречием меры и степени. Интересно, что они используются журналистами даже в качестве заголовков материала: ***Немножко по-взрослому*** (название статьи в газете «Коммерсантъ» от 21.02.2013); ***Запредельно негативно****: Moody's понизило суверенный кредитный*

© Дегальцева А. В., 2019

рейтинг России (название статьи в газете «Московский комсомолец» от 21.02.2015).

В большинстве случаев зависимые наречия с количественным значением являются оценочными лексемами, которые выражают авторское отношение к передаваемой информации: *Гель с гиалуроновой кислотой Уро-Гиал стоит* ***немыслимо дорого*** (Аргументы и факты 03.11.2016); *Он и за лондонский «Челси»* ***неприлично мало*** *играл* (Московский комсомолец 22.06.2018); *В прошлом году съемки совпали с Пасхой, и они испекли потрясающие куличи и пасхи,* ***безумно красиво*** *покрасили яйца* (Аргументы и факты 10.04.2016). Это свидетельствует о том, что такие словосочетания отражают тенденцию к субъективизации газетного текста, «которая проявляется в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности» [Кормилицына 2011: 304].

Зависимое наречие может выражать не только количественные отношения, но и характеризовать описываемую ситуацию с какой-либо позиции или точки зрения. Такие словосочетания нередко (примерно в 20 % случаев) встречаются на страницах современных газет, когда речь идет о некоторых социально значимых явлениях: *Эксперты считают, что* ***экономически обоснованно*** *было бы оставить комплекс в краевой собственности* (Коммерсантъ. Пермь 12.09.2018); <…> *провести реабилитацию реально, но* ***юридически сложно*** (Коммерсантъ 18.01.2016); *Сделано в Австралии.* ***Экологически чисто*** (Московский комсомолец. Омск 21.11.2013). Если рассматривать такие наречия с позиций семантического синтаксиса, можно заметить, что они, являясь сирконстантами, сближаются с таким типом актантов, как директив. Директивы называют исходную позицию восприятия, суждения, оценки («с позиции кого-то или чего-то», «с точки зрения кого-то» и т.д.) [Золотова 2006].

Наименее распространенным на страницах газет является тип адвербиальных словосочетаний с зависимым наречием образа действия, которое семантически соотносится со всем предложением [Золотова 1982; Кормилицына 2011], вводя в него дополнительную пропозицию: языковую форму отражения положения дел в действительности [Арутюнова 2009]. Такое наречие, вслед за Г.А. Золотовой, назовем компликатором [Золотова 1982], т.е. усложнителем смысла предложения. Интересующие нас адвербиальные компликаторы вводят в предложение побочную пропозицию со значением свойственности или уподобления. Выразить сравнительно-уподобительное значение наречию помогает конфиксальный способ его образования,

характеризующийся в современном русском языке высокой продуктивностью [Савелова 2010].

Чаще всего (примерно в 60 % случаев) с помощью таких адвербиальных компликаторов журналист соотносит различные явления и процессы с менталитетом, обычаями, социокультурными особенностями какого-либо народа: *Раскрутить это можно и* ***по-русски щедро****, а при желании и с европейским шиком* (Коммерсантъ 08.07.2002); *Спектакль начался при зажженном свете и* ***по-немецки пунктуально*** (Коммерсантъ 25.03.2004). Реже авторы материала используют конфиксальные наречия для того, чтобы соотнести освещаемую ими реальную ситуацию с обстановкой, типичной для определенного времени года: *Синоптики: в Оренбурге в выходные будет* ***по-осеннему дождливо*** (Аргументы и факты. Оренбург 03.10.2012); *Флористы помогут* ***по-весеннему красочно*** *оформить желанный букетик, составленный из цветов, выбранных вами* (Аргументы и факты. Омск 05.03.2013). Иногда подобные наречия служат для того, чтобы сопоставить какое-либо явление с тем, что обычно принято (или было принято) в определенном социальном институте: ***По-армейски коротко*** (заголовок статьи о выборе короткой стрижки) (Аргументы и факты. Дочки-Матери 15.02.2002); ***По-комсомольски ударно.*** *Как строили Восточный Порт под Находкой* (Аргументы и факты. Владивосток 25.07.2018).

Некоторые конфиксальные наречия становятся речевыми штампами. Так, говоря о теплых отношениях между людьми или государствами, журналисты обычно сравнивают их с дружескими взаимоотношениями (*по-дружески тепло, откровенно, честно* и т.д.): ***По-дружески откровенно*** *и начистоту. Губернатор Анатолий Артамонов ответил на вопросы журналистов российских и белорусских СМИ о сотрудничестве в экономике Калужской и Беларуси* (Весть 27.05.2016).

Итак, среди адвербиальных словосочетаний, построенных на основе примыкания, в современной прессе обычно встречаются такие, которые характеризуют обстоятельственные отношения с точки зрения меры и степени проявления признака или оценивают их сквозь призму социально значимых факторов и позиций (экономических, юридических и т.д.). Среди формально зависимых компонентов словосочетаний выделяется особая группа наречий, обладающих, несмотря на грамматически подчиненный статус, относительной самостоятельностью. Они усложняют смысл предложения, вводя в него дополнительную пропозицию со сравнительно-уподобительным значением. Следует также подчеркнуть, что функционирование

адвербиальных словосочетаний на страницах современных газет отражает активные процессы, происходящие в языке средств массовой информации.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Кормилицына М.А. Активные процессы в языке современной российской прессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6 (2). С. 304–308.

Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.

Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ. М.: Флинта; Наука, 2015. 92 с.

Русская грамматика: в 2-х т. Т. 2 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

Савелова Л.А. Формальные и семантические классы циркумфиксальных наречий в русском языке // Lingua mobilis. 2010. № 3 (22). С. 82–90.

A.V. Degalceva
Associate Professor of the Department of Russian Language,
Speech Communication and Russian as a Foreign Language
Saratov State University

SEMANTICS AND FUNCTIONING OF ADVERBIAL COLLOCATIONS ON THE BASIS OF ADJUNCTION IN MODERN PRESS

In the modern press among the adverbial collocations on the basis of adjunction use those that express the values of the measure and the degree, a comparative value or evaluate the adverbial characteristic from the position of any factors. Their using reflects the active processes of modern Russian language.

Key words: adverb, syntactic relations, adjunction, adverb of manner, adverb of degree.

УДК 811.111'42

Дмитриева Ирина Владиславовна
заведующая кафедрой истории
и грамматики английского языка
Минский государственный лингвистический университет
diva206@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НАУЧНО-УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ

В статье описываются некоторые изменения в языковом оформлении и метатекстовой организации учебных изданий по практике английского языка. Отмечается тенденция к сближению научно-учебных текстов с медийно-сетевыми.

Ключевые слова: научно-учебный текст, авторизация, модальность, метатекст.

Современная лингвистика характеризуется все возрастающим интересом к контрастивно-сопоставительным и диахроническим исследованиям, которые распространяются как на языковые единицы и структуры, так и на единицы текстового уровня. В данной статье предпринимается попытка описать некоторые тенденции развития и изменений собственно языковых, общетекстовых и метатекстовых характеристик научно-учебных текстов.

Под научно-учебными текстами понимается одна из разновидностей текстов научного стиля, которая функционирует в академической образовательной сфере. Материалом анализа послужили тексты советских, российский и белорусских учебных изданий по практике английского языка, практической и функциональной грамматике, опубликованные в период с 1964 по 2017 гг.[1]

Научно-учебные тексты, являясь средством хранения и передачи научных знаний в сфере образования, оказываются тесно связаны с тенденциями развития этой сферы. На современном этапе лингвистика и языковое образование отличаются многовекторностью при ощутимой доминанте когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы. И в общем научно-лингвистическом плане, и в языковом образовании «когнитивное» преобразуется в «коммуникативное», «знание получает адресата и тем самым приобретает общественную ценность» [Баженова 2017: 14].

Тексты учебных изданий – это во многом канонизированные тексты, на языковое и структурное оформление которых оказывают

© Дмитриева И. В., 2019

влияние многочисленные собственно лингвистические и экстралингвистические факторы, лингводидактические, психолого-педагогические и нормативные требования. В подобной ситуации можно ожидать определенную ригидность научно-учебных текстов. Учебные издания середины XX в. демонстрируют нормативно-академическую выдержанность и маркированность ряда доминант научного стиля, таких как «объективность и некатегоричность», «обобщенность, подчеркнутая логичность и доказательность, точность и ясность, а также сфокусированная коммуникативная направленность на адресата, т.е. диалогичность изложения» [Чернявская 2004: 22].

Конец XX в. характеризовался необычайным ростом разнообразия программ и подходов к языковому образованию. Интеграционные процессы способствовали активному проникновению в отечественное образовательное пространство аутентичных учебных изданий. Постсоветские учебные издания начала XXI в. отражают изменения в понимании целей и задач изучения иностранных языков, готовность и возможность инкорпорировать традиции аутентичных учебных изданий. Динамические процессы затронули как собственно языковые – лексические и грамматические – характеристики текстов, так и метатекстовые.

Общей тенденцией языкового оформления содержания учебных изданий можно считать снижение выраженности признаков научного стиля в научно-учебных текстах. Сохраняя нейтрально-объективный стиль изложения, частотными остаются предложения с формальными подлежащими *it* и *there*, позволяющими фокусировать внимание на рематической части высказывания (новая информация), предложения с предикатами в страдательном залоге, позволяющие выводить за рамки высказывания информацию о субъекте, использование неодушевленных существительных в качестве подлежащих при активном предикате. При этом возрастает доля предложений с одушевленными антропоморфными существительными в качестве подлежащего или дополнения, посредством которых в текст вводится информация об источнике информации, т.е. происходит авторизация информации. Речь идет не только о встраивании аутентичных текстов в канву учебного издания с указанием на их источник (литературный, публицистический и др.) – это всегда было отличительной чертой учебных изданий по иностранному языку. Современные тексты учебных изданий отсылают адресата к опыту и авторитету носителей языка – “native speakers say…”, аутентичных учебных изданий – “Longman Grammar states…”. Происходит эксплицитное разделение адресанта (автора текста учебного издания) и источника информации, соответственно возрастает

разнообразие проявлений категории субъектности в тексте, что не было характерно для более ранних изданий по практике английского языка. Подобные формулировки позволяют дистанцировать автора научно-учебного текста и источник информации. Анализируемые учебные издания адресованы студентам, получающим специальное языковое образование, и служат обеспечению учебного процесса на профессионально-ориентированном уровне. У адресата такого уровня по мере углубления его представлений о языке возрастает потребность в авторизации знания. Снижение степени авторитарности в современном образовании также влечет за собой необходимость обращения к аргументирующему стилю изложения. В качестве одного из способов аргументации выступает апелляция к авторитету носителей языка и аутентичных учебных изданий.

Признаки «объективности и некатегоричности» своеобразно преломляются в научно-учебных текстах. Объективность оказывается сопряженной с достаточно категоричными формулировками, отражающими нормативную научно-лингвистическую базу учебных дисциплин. В языковом плане это соотносится с преобладанием структур с немаркированной модальностью, подчеркивающих объективный характер излагаемых фактов языка, и с маркированной модальностью долженствования, отражающей предписывающий характер учебных изданий.

Представление фактов языка как объективных данных естественно коррелирует с объективной немаркированной модальностью, реализуемой посредством форм изъявительного наклонения глагола при отсутствии лексических или лексико-грамматических средств выражения модальных значений. Такие структуры остаются доминирующими в научно-учебных текстах. Дидактические компоненты текстов учебных изданий (формулировки различных заданий), оформляемые посредством повелительного наклонения, не включались в последующий анализ реализации типов модальности в научно-учебных текстах. Однако подобные структуры в тексте основного изложения несут уже другую прагматическую нагрузку. Входящие в повествовательную линию коммуникативного развертывания текста повелительные предложения “Don’t use ~’s when talking about types of things”, “Differentiate between the following structures…”, “Note the absence of the article in set expressions with the verb *to turn* …” и т.п. не только служат для привлечения внимания к какой-то информации, но и повышают диалогичность научно-учебного текста, вовлекая адресата в процесс передачи знаний. Необходимо отметить отличие таких конструкций от сносок или внутритекстовых помет

формата Note, которые к тому же часто отличаются размером шрифта или заключаются в выделяющую рамку, что придает им характер встроенных малоформатных или кадрированных текстов. Также отмечено, что учебные издания по грамматике английского языка демонстрируют повышающуюся тенденцию к использованию маркированной модальности: наряду со структурами типа *is used* / *is expressed* используются *can be used* / *may be expressed* / *is often expressed*, в которых сохраняется форма страдательного залога. В более поздних изданиях маркированными модально оказываются и формы действительного залога при антропоморфном подлежащем «you»: *you must* / *you need*, которые звучат как непосредственное обращение к адресату текста. В целом сравнение симптоматической выборки из четырех проанализированных учебных изданий показывает возрастание частотности использования маркированной модальности от 3–5 % (издания 1985–1999 гг.) к 18 % (издание 2017 г).

Определенные изменения можно отметить и в синтаксической организации предложений научно-учебных текстов. Основной тенденцией здесь становится сокращение количества словоупотреблений в предложении и преобладание монопредикативных предложений над полипредикативными (60–72 % и 40–28 % соответственно). При этом монопредикативные предложения в подавляющем большинстве оказываются полипропозитивными, их осложнение происходит, как правило, за счет активного использования словосочетаний и предикативных комплексов с неличными формами глагола. Среди сложных предложений несколько преобладают предложения с подчинительной связью, которые позволяют вскрыть причинно-следственные отношения между описываемыми явлениями или представить дополнительную или уточняющую информацию посредством определительных придаточных предложений.

Наиболее существенные изменения претерпевает метатекстовая организация учебных изданий. Отметим теоретическую недооформленность понятия «метатекст» в лингвистике: от работ А. Вежбицкой до работ Е.В. Падучевой. Одной из общепринятых можно считать традицию различения вербальных и невербальных метатекстов. К области вербальных метатекстов относят организационно-структурные разделы внутри текста со сложной суперструктурой: введение и заключение, аннотации и рецензии, сноски. В качестве невербальных метатекстовых знаков рассматривают курсив, шрифтовое, цветовое, композиционное, рамочное выделение и т.д.

В учебных изданиях вербальные метатексты, как правило, представлены оглавлением, предисловием и / или введением, а также

аннотацией. Из них только аннотация, как обязательный компонент печатного издания, и оглавление, как средство текстовой навигации, включены во все проанализированные издания. Предисловие и введение используются как взаимозамещающие разделы, т.е. при наличии предисловия отсутствует введение и наоборот. Заключение не представлено ни в одном из изданий, в качестве исключения можно отметить издание 2017 г., в котором изложение материала завершается разделом Afterthoughts. Выше было отмечено возрастание степени диалогичности научно-учебных текстов за счет использования определенных лексических и грамматических средств. Однако такое положение дел со структурно-композиционными разделами, которые, по сути, призваны выполнять фатическую функцию, устанавливать связь с адресатом, несколько снижает диалогичность учебного издания.

Интересна динамика способов введения дополнительной информации в линейное развитие текста. В изданиях второй половины XX в. достаточно частотны сноски в конце страницы, отмеченные маркером Note (напр., Кобрина и др., 1985), а в более современных изданиях такая же информация предстает в виде кадрированного текста, встроенного в общий текст (Кобрина и др., 1999).

Использование малоформатных, модульных, кадрированных текстов является одним из наиболее заметных отличий современных учебных изданий. Протяженность линейных текстов внутри учебного издания существенно уменьшается, происходит квантирование информации. Если рассматривать текст учебного издания как целостное образование со сложной структурной организацией, то можно отметить изменения в реализации трех текстовых категорий. При сохранении показателей целостности и связности, в учебном тексте постепенно модифицируются показатели линейности. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении текстов двух учебных изданий по практике английского языка, хотя и грамматические издания демонстрируют данную тенденцию.

Невербальные метатекстовые компоненты текстов учебных изданий включают разнообразные иконические средства, визуализацию фрагментов информационного потока, и это особым образом сказывается на плотности информационного потока. Принято считать, что их использование приводит к уплотнению информационного потока. По нашим наблюдениям, более корректно говорить о диверсификации способов подачи информации, особенно с учетом общей семиотической неоднородности современных учебных текстов. Среди других невербальных метатекстовых приемов, часто встречающихся в современных учебных изданиях, можно отметить списочное

форматирование содержания текста, пространственное разнесение элементов коммуникативной структуры предложения (тема и рема) по разным строкам или столбцам.

В совокупности отмеченные изменения в языковых и метатекстовых, вербальных и невербальных особенностях научно-учебных текстов подводят к выводу о том, что по своим формальным характеристикам тексты учебных изданий демонстрируют все большее сближение с текстами средств массовой информации. Таким образом, с одной стороны, происходит естественная адаптация учебных изданий к существующим и активно используемым форматам текстовой коммуникации, в том числе и медийно-сетевой, а с другой – их новые характеристики являются ответом на вызовы меняющихся условий языкового образования. Известное высказывание, приписываемое Бернарду Шоу, «Учебник – это книга не пригодная для чтения» утрачивает свою универсальность.

Примечания

[1] Ганшина М.А., Василевская Н.М. Практическая грамматика английского языка. М.,1964; Кобрина Н.А. и др. Грамматика английского языка. Морфология. М., 1985; Кобрина Н.А. и др. Грамматика английского языка. Синтаксис. М., 1986; Кобрина Н.А. и др. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. М., 1999; Петрашкевич Н.П. др. Функциональная грамматика английского языка. Минск, 2017; Аракин В.Д. и др. Практический курс английского языка для 3 курса. М., 1989; Блох М.Я. и др. A Way to Advanced English. М., 2008.

Библиографический список

Баженова Е.А. «Старое знание» в структуре научной коммуникации // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 14–16.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб.: Наука, 2004. 127 с.

I.V. Dmitrieva
Head of English Grammar and History of the English Language Department
Minsk State Linguistic University

DYNAMIC PROCCESSES IN ACADEMIC-LEARNER TEXTS

The article deals with some diachronical changes in linguistic (verbal, textual and metatextual) characteristics of soviet, Russian and Belarusian text-books on practical aspects of the English language. The general tendency revealed is growing similarity of scholarly-educative texts and mass media texts.

Key words: academic-learner text, authorization, modality, metatext.

УДК 811.161.1’42

Дунев Алексей Иванович
доцент кафедры русского языка
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
al_dunev@mail.ru

КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

На основе концепции М.П. Котюровой выстраивается новый тип категориально-контурного анализа дискурса, ориентированного на методологию функциональной грамматики.

Ключевые слова: прагматические категории, педагогический дискурс, категориально-контурное описание дискурса, речевая индивидуальность учителя.

Мария Павловна Котюрова – удивительный ученый и великолепный организатор науки. Идеи, которые так интересно находить в ее работах, вдохновляют и побуждают к созданию новых концепций. В описании педагогического дискурса мы опираемся на идеи, реализованные в работах юбиляра.

Одна из актуальных идей, развивающаяся в монографии 1988 г. «Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста» и нашедшая свое продолжение в книгах «Стилистика научной речи» (2009) и «Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений» (2017), – это интеграция функционального, когнитивного и стилистического подходов к научному тексту и научному мышлению.

Идея категориально-контурного описания текста в книге «Идиостилистика научной речи» (2011) находит продолжение в работах учеников и последователей М.П. Котюровой. «Контур» текста, как и дискурса, складывается из набора реализованных в нем функционально-семантических и функционально-прагматических категорий. Построение самого контура дискурса как графически заданной системы опирается на анализ речевого события, ограниченного параметрами речевой ситуации (фактор адресата; время и место; коммуникативные цели; речевая индивидуальность автора). Предметом функциональной стилистики в ее современном понимании является дискурс, а не текст. Это объясняется не только вниманием стилистики и, в частности, пермской стилистической школы к экстралингвистическим

© Дунев А. И., 2019

особенностям текстов, но и изучением восприятия текста в динамике, а также исследованием как языковых, так и речевых единиц.

Не менее продуктивна идея *стереотипности,* понимаемой как результат закрепления языковых средств за жанрово-стилистическими формами текста: «постепенное заполнение компонентов моделей смыслов комплексами языковых единиц, наиболее пригодных для этой цели» [Котюрова 2012: 656].

Идеи категориальной стилистики, заложенные в трудах Марии Павловны, имеют продолжение не только в стилистических исследованиях, но и в других сферах филологии. Так, категориальные свойства текста (целостность – членимость; континуальность – дискретность; стереотипность – вариативность), рассматриваемые Марией Павловной и ее учениками, приложимы и к изучению дискурса.

Взаимодействие понятий *текст* и *дискурс* схвачено уже в названии книги «Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений» (2017). Понятие дискурса позволяет описать динамический аспект познавательного процесса, динамику познавательно-коммуникативного поля. Особо ценным представляется постановка проблемы «включенности автора и адресата в дискурсивную сторону текста» [Котюрова 2017: 30]. В книгах и статьях М.П. Котюровой заложены идеи культуры, проявляющейся в аксиологической оценке текста, познавательного процесса научного открытия и – шире – научного мышления.

Центральным вопросом изучения педагогического и – *уже* – школьного дискурса является речь учителя. В современной лингвистике остро встает вопрос о речи учителя. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, учитель – носитель и транслятор культуры (ни руководители разных уровней, ни СМИ, ни русская художественная литература, не оскудевшая талантами, но утратившая свое массовое влияние на национальный язык, не выполняют эту важную функцию). Во-вторых, учитель находится под пристальным вниманием со стороны учеников, их родителей, администрации, журналистов, чиновников. Наконец, мало найдется профессий, представителям которых так много времени приходится не только публично говорить, представлять свои тексты, но и контролировать речь других.

Педагогический дискурс в современных исследованиях понимается как процесс коммуникативного взаимодействия учителя (преподавателя) и учащихся в профессиональной педагогической сфере (Д.В. Макарова). Изучение педагогического дискурса построено на противопоставлении стереотипности и речевой индивидуальности учителя. Аксиологическую составляющую предполагает

категориальный характер реализации педагогического дискурса. Анализ функционально-прагматических категорий также предполагает категориальную оценку дискурса как гармонизирующего или манипулятивного.

Основная идея нашего исследования педагогического дискурса – описание как базовых категорий функциональной грамматики, так и прагматических. Культура и антикультура – категории аксиологической оценки, применяемой к описанию дискурса.

Для определения категориального контура педагогического дискурса обратимся к анализу ситуации диалога учителя и опоздавшего ученика из повести А. Иванова «Географ глобус пропил».

Витька помедлил. Очень он не любил этого – быть виноватым перед Чекушкой. Ну и наплевать. Он осторожно постучал, открыл дверь кабинета, вошел, цепляясь мешком за косяк, и, ни на чем не останавливая взгляда, уныло сказал:

– Ирида Антоновна, извините за опоздание…

– Вы не понимаете, как сложно вести урок в таком классе, как ваш! – Чекушка взглядом встряхнула Витьку. – Вы заставляете меня делать столько ненужной работы! Я как педагог, прежде чем начать объяснение нового материала, по пять-десять минут трачу на то, чтобы сконцентрировать ваше внимание, а потом являешься ты, и все мы вынуждены начинать сначала. Ты не мне, не себе – своим товарищам вредишь, я вам уже тысячу раз это говорила. Ладно, не нужны тебе Пушкин, Лермонтов, Гоголь, не нужны они Соколову, Тухметдинову, Лисовскому – их и так в ПТУ возьмут. Но ведь есть и умненькие ребята. И они вам не скажут, но подумают: вот благодаря кому я подготовлен к поступлению в вуз слабее, хуже, чем мои друзья. Короче, Служкин, садись на место, а дневник мне на стол. И запомните все: если опоздал больше чем на пять минут – в кабинет даже не стучитесь.

Категориально-прагматический контур представленного в повести дискурса может быть намечен с помощью коммуникативных эффектов как результатов реализации прагматических категорий.

Речь учителя характеризуется высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, о чем свидетельствуют восклицательные предложения, гиперболизация (*тысячу раз это говорила*). Как результат реализации эмоциональности и экспрессивности возникает коммуникативный эффект речевого подавления адресата (*Чекушка взглядом встряхнула Витьку*). Важной чертой является двойная адресация учительской речи. Обращаясь к опоздавшему Вите (основное средство адресации – личное местоимение *ты*), учитель пытается воздействовать своей патетической речью на весь класс.

Категория интенциональности обусловливает аксиологическую составляющую прагматической ситуации и реализуется в речевых

жанрах обвинения (*Вы не понимаете..; Вы заставляете..; своим товарищам вредишь, Ладно, не нужны тебе…*); скрытого оскорбления (*Но ведь есть и умненькие ребята*); угрозы (*их и так в ПТУ возьмут; если опоздал – даже не стучитесь*). Коммуникативный эффект запугивания и унижения становится определяющим в речи учителя, а обнаруживаемые намерения не способствуют установлению гармонизирующего диалога учителя и ученика и, как следствие, разрушают культуру их общения. Категория интенциональности в категориально-прагматическом контуре дискурса определяет его оценку с точки зрения культуры.

Другая ситуация представлена в фильме и сценарии «Доживем до понедельника». Илья Семенович Мельников делает замечание учителю начальных классов Таисии Николаевне.

Мельников замолчал. До него донесся сетующий насморочный голос учительницы начальных классов:

– И все время на себя любуются! Крохотули такие, а уже искокетничались все... Им говоришь: не ложите зеркальце в парту! Его вообще сюда таскать запрещается. – Ложат, будто не слышали... Вчера даже овальное, на ручке ложили – представляете?

– Послушайте... нельзя же так!

Говорившая обернулась и уставилась на Мельникова, как и все остальные. Чем это он рассержен так?

– Я вам, вам говорю. Вы учитель, черт возьми, или...

– Вы – мне? – опешила женщина.

– «Ложить» – нет такого глагола. То есть на рынке-то есть, а для нас с вами – нету! Голубушка, Таисия Николаевна, как не знать этого? Не бережете свой авторитет, так пощадите чужие уши!..

Его минутная ярость явно перекрывала повод к ней. Он и сам это почувствовал, отвернулся, уже жалея, что ввязался. Учительница начальных классов издала горлом булькающий сдавленный звук и быстро вышла... (Г. Полонский. Доживем до понедельника)

Несмотря на нарушение норм респективности (*на рынке-то есть, а для нас с вами – нету!*), повышенную эмоциональность (*Послушайте... нельзя же так!*), проявление агрессии (*Вы учитель, черт возьми, или..; Не бережете свой авторитет, так пощадите чужие уши!..*) и чрезмерного давления при адресации (*Я вам, вам говорю*), симпатии остаются на стороне главного героя Ильи Семеновича. Зритель и читатель «прочитывают» благородные интенции в неэтичном поведении учителя. Общий коммуникативный эффект – благородное негодование учителя по поводу нарушения грамматической нормы коллегой.

Категориальный контур дискурса описывается путем выявления доминирующих прагматических ситуаций. Контур строится на основе анализа языковых, речевых и текстовых средств и интерпретации

коммуникативных эффектов. Изучение педагогического дискурса на основе анализа функционально-семантических и прагматических категорий в системе функциональной грамматики и функциональной стилистики имеет ярко выраженный аксиологический характер, так как предполагает интерпретацию взаимоотношений учителя и ученика как основных участников педагогической коммуникации. Категориально-стилистический аспект при изучении дискурса становится исследовательской доминантой.

Категориально-контурный анализ педагогического дискурса позволяет не только описать разноуровневые средства, формирующие различные коммуникативные эффекты, но и решать задачи этической и других типов оценки ситуации на основе характеристики способов реализации прагматических категорий. Культура и антикультура педагогического дискурса, несомненно, определяются речевой культурой языковой личности и речевой индивидуальностью учителя.

Библиографический список

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

Котюрова М.П. Стереотипность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2012. С. 656–658.

Котюрова М.П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. Пермь, 2009. 363 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. 394 с.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2017. 204 с.

A.I. Dunev
Associate Professor of Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia

CULTURE AND ANTI-CULTURE OF PEDAGOGICAL DISCOURSE

Based on the discoveries and the general concept of Maria Pavlovna Kotyurova, a new type of categorical-contour analysis of discourse, based on the methodology of functional grammar, is built.

Key words: pragmatic categories, pedagogical discourse, categorical-contour description of discourse, teacher's speech personality.

УДК 81'38

Дьячкова Наталия Александровна
ректор Негосударственного частного учреждения –
образовательной организации высшего образования
«Миссионерский институт»
trudovyeresursy@yandex.ru

РАЗНОСТИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Проповедь – жанр книжного церковно-религиозного стиля, для которого характерен определенный состав лексических средств, однако современная православная проповедь характеризуется нарушением этого лексического канона.

Ключевые слова: проповедь, церковно-религиозный стиль, разностильность.

Некоторые современные проповедники в своих как пастырских, так и миссионерских проповедях используют традиционные риторические приемы украшения речи. Например: *Где-то в сокровенных потемках нашего сердца скрывается гордостная самость, или «семя тли», о котором упоминается и в ежедневных вечерних молитвах. Это ядовитое семя, источающее тление, – наше эго, мнимая самодостаточность; это наше «я», норовящее выпрыгнуть на первое место в алфавите <…> Мрак гордости является, по существу, одной из вечных мук, «кромешной тьмою». Вечные муки уже сейчас имеют место в нашей жизни, с той только разницей, что мы, находясь в потоке времени и не потеряв свободы покаяния, можем из этого потока выплыть* [Владимиров: эл. ресурс].

Однако для большинства современных проповедников уже не характерно использование традиционных «цветов красноречия» – они ищут другие способы сделать церковно-богословскую речь выразительной.

К числу таких способов следует отнести использование лексики, которая на слуху у современного человека. Это типичные для различных светских дискурсов слова и фразеологизмы: *пассионарный; переформатировать*; *на выходе; внутренний фактор*; *имиджевые потери*; *системные ошибки*; *критерий*; *лакмусовая бумажка* и т. п. Например: *Вот и сегодня очень многие хотели бы* ***переформатировать*** *наш внутренний стержень, сознавая, что благодаря этому стержню Русь непобедима* [Кирилл, Святейший Патриарх]; ***Имиджевые потери***, ***системные ошибки*** *или прямое предательство удобнее всего*

© Дьячкова Н. А., 2019

рождаются в ближайшем окружении. И при добром монархе успешнее, чем при подозрительном и коварном [Ткачёв (а)]; *Один старец говорил: «А ты посмотри, любят ли они своих врагов, – это* ***критерий, лакмусовая бумажка»*** [Смирнов (а)].

Современный проповедник включает в свой монолог разговорную и даже просторечную лексику: *Нельзя Христа* ***замазать*** *такими общими фразами <…> прекратите* ***болтать*** *о разной* ***чепухе, жвачках*** *<…> они* [пострадавшие на пожаре. – *Н. Д.*] ***поперлись*** *на Хеллоуин в ночной клуб,* ***обкурились*** *<…> Кто-то бросил* ***бычок*** *– и сгорело семьдесят человек* [Ткачёв (б)]; *Почему Господь не к каждому подходит,* ***не берет его за шиворот****, не вынимает из грязи и не ставит на то место, которое ему предназначено?* [Смирнов (б)].

Иногда в речи современных проповедников можно услышать грубо-просторечную и бранную лексику, а также слова с ярко выраженной отрицательной оценочностью: *бабы, дуры, наглые, противные, коза драная* и под. [Пикалев].

Вопрос о допустимости / недопустимости сниженной лексики в проповеди остается открытым. Одни считают, что подобная стилистика не соответствует духу христианской проповеди. Другие, напротив, полагают, что в ряде случаев такой тон оправдан: проповедник может намеренно сгущать краски, использовать прием гиперболизации – иначе не достучаться до сердец слушателей [Там же].

Вопрос о языке, на котором проповедник должен нести людям слово Божие сегодня, – один из самых актуальных. Проповедовать языком Синодальной Церкви сегодня невозможно. По мнению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, если батюшка с благостным лицом говорит «ащи» и «паки», то такая проповедь не доходит до сердца человека. В то же время, говорит владыка Иоанн, недопустимо, чтобы священник, выступая перед заключенными в патронируемой им колонии и призывая к покаянию, говорил, например, что нужно провести «генеральный шмон души» [Михайлов].

Современная проповедь отличается разностильностью[1]: в ней мы можем обнаружить и церковнославянизмы, и слова различных функциональных подсистем современного русского языка. В ней присутствуют ссылки не только на Священное Писание и сочинения святых отцов, но и на светские произведения. В проповедях упоминаются как имена святых, так и имена знаменитых писателей, художников. Проповедник может оперировать примерами из житийной литературы, литературной классики, мифологии. В плане речевого этикета в современной проповеди также наблюдается разнообразие: это могут быть как традиционные для церковного дискурса этикетные

формулы (*Братья и сестры!*), так и клише из дискурса светского (*Дорогие друзья!*). Например:

У Маркеса есть роман, где описывается ситуация с людьми, которые все забыли. И это слабеющее сознание делает их как бы массой идиотов: они вообще ничего не знают. В семействе муз главная муза – это Мнемозина. Один герой говорит, что надо на столб центральной площади прибить табличку, на которой написать только два слова: «Бог есть» [Ткачёв (б)];

В церкви есть и хорошие, и плохие, и люди прекрасные, и отпетые гады – как в универсаме. Поэтому не надо думать: вот я в церковь приду, а там меня ангелы сейчас встретят! Тебя так же обхамят, как и в булочной, не расстраивайся, ты будешь чувствовать себя здесь как дома. Потому что Господь всю рыбку в этот невод загоняет. Для чего? Чтобы рыбка здесь, в церкви, под влиянием слова Божия преобразовалась, чтобы с ней произошло преображение, чтобы она из рыбы плохой сделалась доброй, то есть чтобы ее приготовить таким образом для Царствия Небесного [Смирнов (а)];

...дорогие друзья, сегодня вновь мы будем беседовать с вами о жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского <...> имя Иоанн означает «благодать Господня». Она, Божья благодать, во истину овевала, осеняла, сопутствовала подвижнику веры, начиная от младенческих ногтей <...> батюшке Иоанну в его детские годы пришлось довольно трудно в отношении усвоения учебного материла <...> отрок Иоанн, отданный в школу, мучительно переживал неспособность схватывать объяснения педагогов. Не знаю, в те благословенные годы проверяли ли методисты, сколько печатных знаков ребенок может прочитать за минуту, но мальчик страдал душой <...> однажды глубокой ночью в спальне, где мальчики уже покоились глубоким сном, Ваня встал со своей постели, опустился на колени и с детски беспомощной молитвой он обратился к Тому, Кто и нас всегда видит, слышит и любит: «Господи, не остави меня слабого и немощного! Ты видишь, что, невзирая на все свои усилия, я никак не могу взять в толк объясняемого нам материала» [Владимиров];

Вступая на путь христианский, мы бросаем вызов окружающему миру <...> Выходя в плавание на корабле христианской веры, мы многим рискуем [Иларион (Алфеев)].

В этих фрагментах, иллюстрирующих тезис о разностильности современной проповеди, мы встретим, с одной стороны, слова и словосочетания *Бог, Во имя Отца и Сына и Святага Духа, церковь*, *слово Божие, преображение*, *Царствие Небесное, святой праведный Иоанн Кронштадтский, благодать Господня, Божья благодать,*

осенять, *подвижник веры, Тот, Кто*, и т.п. С другой, – *Маркес, масса идиотов, семейство муз, Мнемозина, отпетые гады*, *универсам, обхамить, рыбка, дорогие друзья*, *усвоение учебного материала*, *печатные знаки, Ваня, объясняемый материал.* В последнем примере мы видим также «цветы красноречия»: *выходить в плавание на корабле христианской веры*.

Разностильность снижает пафос речи, придает ей разговорность, привносит в монолог проповедника ироничную интонацию, что способствует сближению проповедника со слушателями, сокращает дистанцию между ними. Опытные ораторы специально стремятся к этому, а некоторые декларируют именно такой подход к языку проповеди. Протоиерей Андрей Ткачев пишет: «Нужно перечитать много чужих проповедей, как с цветков собирая с них пыльцу для собственного нектара. Если проповеди и поучения эти в давние времена составлены, их нужно переводить “с русского на русский”. Т.е. нужно перелагать их на более понятный, современный язык, избегая тяжких оборотов, сложных слов и непонятных примеров» [Ткачев (в)].

Приведем фрагмент из проповеди святителя Филарета Московского (Дроздова), сохраняя орфографию первоисточника: *Неоднократно замечает Святый Евангелист Матфей, что все обстоятельства и происшествия, которыми ознаменовалось рождение на земли воплощеннаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, были не просто стекшияся обстоятельства и происшествия, но точныя события пророческих предсказаний. Замечание, важное не для одних Иудеев, которые и на то, что можно разсмотреть простыми глазами, не иначе хотели смотреть, как сквозь зрительное стекло Пророков, но и для всякаго, кто желает в перепутанных случайностями путях человеческих открывать следы Провидения и в происшествиях мира усматривать дела Божии. Не очевидно ли Божие дело, когда предсказанное за несколько столетий точно сбывается, и особенно, когда сбывается то, что по обыкновенным понятиям и соображениям представлялось несбыточным* [Филарет (Дроздов)].

Митрополит Филарет считался одним из лучших проповедников своего времени: сам Пушкин восхищался проповедническим даром святителя, говоря о том, что проповеди митрополита глубоко трогали его душу: *Я лил потоки слез нежданных, / И ранам совести моей / Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей* [Пушкин].

Однако слушатель и читатель XXI в. воспринимает подобные тексты с большим трудом, поэтому тексты выдающихся проповедников прошлого, безусловно, нуждаются в «переводе с русского на русский».

Церковно-религиозный стиль – это стиль книжный. Его система лексических средств, согласно традиционному пониманию, состоит из лексики нейтральной, общекнижной, церковно-религиозной и лексики с газетно-публицистической функционально-стилевой окраской [Крылова 2006]. Однако демократизация языка, проявляющаяся, в частности, в размывании границ между функциональными стилями, делает современную проповедь разностильной.

Примечания

[1] Под разностильностью мы понимаем включение в текст определенного функционального стиля (в нашем случае церковно-религиозного) чуждых ему языковых элементов.

Библиографический список

Владимиров Артемий, протоиерей. Держаться за ниточку внутренней молитвы. URL: https://pravoslavie.ru/111092.html (дата обращения 06.03.2019).

Иларион (Алфеев), митрополит. Проповедь в Неделю Фомину: Блаженны уверовавшие. URL: https://azbyka.ru/propovedi/propovedi-mitropolita-ilariona-alfeeva.shtml (дата обращения 12.03.2019).

Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Проповедь в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира в Храме Христа Спасителя в Москве. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3697740.html (дата обращения 06.03.2019).

Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 615.

Михайлов К. Время новостей. РПЦ призывает священнослужителей к активной проповеди среди россиян. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/11/01/pravoslavie_-_norma_zhizni/ (дата обращения 12.03.2019).

Пикалев Александр, священник. Ломать жену об колено? URL: https://www.pravmir.ru/svyashhennik-aleksandr-pikalev-lomat-zhenu-ob-koleno/ (дата обращения 06.03.2019).

Пушкин А.С. В часы забав иль праздной скуки… URL: https://rupoem.ru/pushkin/v-chasy-zabav.aspx (дата обращения 12.03.2019).

Смирнов Димитрий, протоиерей (а). Проповедь о декоративном и настоящем христианстве. URL: http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved-78517/ (дата обращения 06.03.2019).

Смирнов Димитрий, протоиерей (б). Неделя о блудном сыне. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/C/smirnov-protoierej-dimitrij/propovedi-1/3 (дата обращения 06.03.2019).

Ткачёв Андрей, протоиерей (а). Сто лет спустя. URL: https://pravoslavie.ru/114376.html (дата обращения 06.03.2019).

Ткачёв Андрей, протоиерей (б). Выступление на региональном этапе XXV Международных Рождественских образовательных чтений «1917–2017: Уроки

столетия». URL: https://tv-soyuz.ru/peredachi/vystuplenie-protoiereya-andreya-tkacheva (дата обращения 06.03.2019).

Ткачёв Андрей, протоиерей (в). Кому нужна и нужна ли проповедь? URL: http://www.pravzhurnal.ru/Preobrazhenie/Duhovnaya_zhizn/komu-nuzhna-i-nuzhna-li-propoved.html (дата обращения 12.03.2019).

Филарет (Дроздов), митрополит. Слово на Рождество Христово. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/slova/42 (дата обращения 12.03.2019).

N.A. Dyachkova
Head of the Non-state Private Establishment
– Organization of Higher Education “Missionary Institute”

STYLISTIC DIVERSITY OF MODERN ORTHODOX SERMON

The article reviews such feature of modern orthodox sermon as diversity in stylistics. Sermon is a genre of bookish church-religion style that is characterized by a certain set of lexical means. However, modern orthodox sermon tends to violate this standard.

Keywords: sermon, church-religion style, diversity in stylistics.

УДК 811.134.2

Жарова Ольга Сергеевна
старший преподаватель кафедры русского языка
Российский университет дружбы народов
zharova-os@mail.ru

Шамсутдинова Екатерина Юрьевна
старший преподаватель кафедры русского языка
Российский университет дружбы народов
shamsutdinova.ekaterina@list.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ПЕСНИ

Статья посвящена рассмотрению текста современной популярной песни в стилистическом аспекте. Цель статьи – выделить наиболее характерные черты стилистического облика текстов современной популярной песни. Материалами послужили научные исследования, тексты песен, мелодии популярных радиостанций, словари. В работе были использованы метод систематизации материала, аналитический и описательный методы.

Ключевые слова: песня, песенный текст, стилистические особенности, воздействующая функция, синтетический жанр, массовое искусство.

Массовое искусство XXI в. имеет ярко выраженный коммерческий характер, который складывается под влиянием процессов, происходящих в общественно-политической, экономической и культурной жизни современной России.

Песня является неотъемлемой частью культуры. Будучи одним из ведущих и динамичных жанров музыкального искусства, песня неизбежно откликается на запросы времени: в ней находят отражение события и черты эпохи, в которую она создается, признаки языковых изменений на данном историческом этапе развития, особенности национального сознания и т.д. Текст песни является богатым познавательным материалом при изучении языковых процессов, поскольку в нем отражаются лексико-семантические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, стилистические особенности развития языка на современном этапе. Песенные тексты построены по активным моделям разговорной речи, они включают актуальную, эмоционально окрашенную, экспрессивную лексику и фразеологию.

Стилистический облик текстов современных популярных песен во многом определяется принадлежностью песни к синтетическим жанрам

© Жарова О. С., Шамсутдинова Е. Ю., 2019

искусства. Представляя собой единство слова и музыки, песня воздействует на слушателя не только звуками, но и звучащими словами, т.е. звуками, связанными со значением. Существенными компонентами песенных текстов являются эмоционально-экспрессивные средства выражения, играющие основную роль в осуществлении воздействующей функции. Возможности тиражирования современной музыкальной культуры огромны, что способствует широкому распространению песни, делая ее влияние более существенным, поскольку слово и звук в сочетании с изображением усиливают воздействие на аудиторию.

Коммерческий характер отношений в массовом искусстве повышает значимость роли адресата песенного жанра, так как популярность песни определяется, в первую очередь, вкусами аудитории. В большинстве случаев адресат песни представляет собой массовую и разнородную по составу аудиторию. Для достижения максимального успеха коммуникации авторы современных песенных текстов ориентируются на речевые стандарты массовой аудитории, а используемые при этом коммуникативные стратегии, тактики, приемы и стилистические средства повышают эффективность данного вида общения.

Одна из негативных черт современной песни – смысловая упрощенность песенных текстов. Простота содержания текста в сочетании с незатейливой мелодией способствует быстрому и легкому запоминанию песни, обеспечивая ее популярность среди массовой аудитории слушателей.

Особое внимание обращает на себя стилистический облик современных песенных текстов. Проведенные исследования показали, что смешение языковых средств разных стилей, характерное для современного русского языка, широко представлено и в песенных текстах. Нередко отдельные элементы песенного текста (а иногда и весь текст) противоречат литературной норме.

Отличительной чертой как современного русского языка, так и современной музыкальной культуры является активное использование средств речевой агрессии и речевого манипулирования: в песенных текстах можно обнаружить словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в грубой форме; нарушение литературных, а также установленных речевых этикетных норм и т.п.

Еще одна типичная черта современных песенных текстов – большое количество иноязычных слов, «компьютерной» лексики, наименований, связанных с современными технологиями и средствами коммуникации.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно выделить следующие характерные черты стилистического облика современных песенных текстов (в качестве примеров выбраны строки некоторых популярных песен последнего десятилетия, регулярно звучащих на таких радиостанциях, как «Русское радио», «Юмор FM», «Love radio» и др.; в скобках указан исполнитель песни):

1) ***активное использование иноязычной лексики***:

Посиди со мной на дорожку и скажи мне: «*Адьос, крошка*!» (исп. Е. Польна): испан. *Adiós* – до свидания, прощай; Каждое слово ловлю, чтобы услышать ответ: Я тебя очень люблю… *Je t'aime...* Ты меня больше нет (исп. Е. Польна): франц. *Je t'aime* – я тебя люблю; Ариведерчи, любимая, прощай! Ариведерчи, меня не забывай! (исп. А. Панайотов): итал. *Arrivederci* – до свидания;

2) ***злоупотребление варваризмами в сочетании с жаргонизмами и разговорной лексикой***:

Такая крутая, но чувствами не играю. Я отпускаю твою перелетную стаю. Прощай, прощаю, до пульса, и до края. *Good luck, good bye*, ты не мой *кайф*. *Arrivederci*! (исп. Ю. Караулова); Счастье в чем-то простом. Ты в Москве, я в Ростове. *Crazy love story, разминулись с тобою раз сто* (исп. Банд эрос); И закрутится *по новой* наша вечная *love story* (исп. Н. Басков);

3) ***вкрапление в тексты слов и выражений, обозначающих окружающие нас явления современной действительности***:

В *караоке* я буду петь о любви жестокой (исп. Н. Басков); Она для всех пропадет до рассвета, Бродя во тьме *социальных сетей* (исп. С. Трофимов); Немного *рекламы*, немного невинного самообмана (исп. гр. «Винтаж»);

4) ***активное использование в текстах «компьютерной» лексики, наименований, обозначающих современные технологии, современные средства и способы коммуникации***:

Забери меня на Багамы, Буду строчить подругам телеграммы и засорять *Instagram* (исп. Юта); Время формата *Apple* мчится быстрей судьбы (исп. С. Трофимов); … сердцами *WhatsApp* закидан, но я снова не отвечаю (исп. Монеточка); Уже давно телефон молчит, как будто в голову встроен *чип*. Все до одной перечитаны твои *смски* (исп. Ю. Караулова); Ты *взломала мой пароль*, и теперь я только твой (исп. гр. «Премьер-министр»); Где ты, когда ты не *онлайн*, когда я жду тебя *в сети*? В какие *ссылки* перейти, чтоб просто оказаться там? (исп. Монеточка);

5) ***смешение языковых средств разных стилей***:

Очи-очи-очи цвета хаки у тебя, Очень-очень-очень *запал я на тебя* (исп. гр. «Премьер-министр»): ср.: *очи* – книжн., поэт., *запал я на тебя* – распространенное в речи молодежи выражение, используемое в значении «заинтересовался, влюбился»;

Мне подскажет чувство шестое, что *тосковать о минувшем* не стоит… *Хватит* сложных историй (исп. Банд'эрос): ср.: *минувшее* – книжн., *хватит* – разг.;

6) ***приоритет раскованности в выборе лексических средств***:

К черту эту гордость! Ты *забудь про скромность*! (исп. гр. «Руки вверх»); Пара, пара *дураков* – вместе поверили в любовь (исп. Ёлка);

7) ***использование языковых средств, принадлежащих сфере некодифицированной лексики, включение в тексты средств речевой агрессии с преобладанием жаргонизмов, разговорных конструкций***:

– активное употребление просторечной лексики:

В глубине сердца затаился крик: «Хоть плачь, хоть пой – один *фиг*!» (исп. Г. Лепс); *Стерва*, ну что ты наделала, любовь играя? (исп. Лобода); Она не женщина, она *зараза*! (исп. Е. Ваенга);

– активное использование жаргонизмов (*как правило, преобладают жаргонизмы, характерные для речи молодежи)*:

Когда увидел тебя, *ты просто башню снесла*, Я потерял тогда дар речи (исп. гр. «Премьер-министр»); Мы оба не сдаемся. Не бойся, *мы прорвемся* (исп. Ю. Савичева); Я подстригусь «под ноль», Ты *надерись* за двоих (исп. Е. Польна); Ты хочешь мести, ты хочешь *жести*… Мы не спали ночью, *вырубает на ходу* (исп. Д. Билан);

8) ***эвфемизация речи*** (скрытый подтекст легко восстанавливается любым носителем русского языка):

Где остановка моя, теперь не знаю, но не там, где дом твой... *Иди ты на-на-на*, навсегда… (исп. Л. Гордеева); *Гребаные бабы, гребаные* кошки – застегнули, черти, душу на застежки! (исп. гр. «Смирнов и Компания»); И я, подумав, сказала сразу: Я так довольна, *блин*, я так рада! (исп. Е. Ваенга);

9) ***ослабление и нарушение падежного управления***:

Давай *простишь мне сладких обещаний* (исп. Лобода); *Мне* так *пусто на душе*. И почтовый мой пустой (исп. М. Барских);

10) ***намеренное использование в одной фразе контрастной лексики***: *Бесчеловечная красота* с ума свела меня (исп. Alekseev); Как в такой *красивой голове* помещается столько *отвратительных идей*?! (исп. Д. Билан).

Подводя итоги, следует отметить, что одним из мощных факторов, оказывающих влияние на современные языковые процессы в целом и на стилистический облик песни, в частности, являются средства массовой

информации. Языковая вседозволенность, которая во многих жанрах массовой коммуникации проявляется в активном использовании иноязычной и просторечной лексики, жаргонизмов, средств речевой агрессии, невнимании к особенностям лексической сочетаемости слов и т.п., не может не отражаться в песне – одном из наиболее динамичных жанров массового искусства.

O.S. Zharova
Senior Teacher of Russian Language Department
Peoples' Friendship University of Russia

E.Y. Shamsutdinova
Senior Teacher of Russian Language Department
Peoples' Friendship University of Russia

STYLISTIC PECULIARITIES OF MODERN SONGS LYRICS

The article is devoted to stylistic analyses of modern popular songs lyrics. The aim of the article is to highlight peculiar stylistic attributes of modern popular songs lyrics. Analyses are based on scientific research of modern songs lyrics, information from dictionaries, websites and online radio resources.

Key words: song, lyrics, song stylistics, synthetic genre, mass media, mass art, song force fuction.

УДК 81'37

Зубарева Екатерина Олеговна
соискатель кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
fialka21-85@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *МИГРАЦИЯ*

В статье рассматривается лексико-семантическая модель концепта *МИГРАЦИЯ*, отражающая его понятийный слой. Для исследования использованы дефиниционный и семный анализ.

Ключевые слова: концепт, понятийный слой концепта, дефиниционный анализ, семный анализ, лексико-семантическая модель.

Процессы глобализации, возрастающие миграционные потоки, расширение международных контактов актуализируют изучение концепта *МИГРАЦИЯ*. Под миграцией понимается не просто механическое перемещение людей по территории, а сложный социальный процесс, затрагивающий практически все сферы человеческой деятельности. В.А. Ионцев и Ю.А. Прохорова насчитали в общей сложности свыше 36 различных определений термина «миграция» [Ионцев, Прохорова 2014: 84. См. также: Веснина 2010: 38].

Проблема миграции привлекает внимание многих исследователей в области географии, экономики, истории, политики, социологии. В современной научной парадигме антропоцентризма миграция и миграционные процессы вызывают большой интерес с точки зрения изучения влияния данного феномена на язык титульной нации. Так, Д. Бойл попытался дать лингвистическое определение термина «миграция», выделив четыре основных признака, которые необходимо учитывать, говоря о степени влияния на титульный язык: пространство, время, мотивацию, социально-культурные факторы [Boyle, Halfacree, Robinson 2014: 34–38].

Миграцию можно рассматривать как постоянный или временный процесс трансформации языка титульной нации, а также языка мигрантов, который напрямую зависит от названных факторов и отражает идеологическую и прагматическую составляющие в конкретный период времени, что позволяет моделировать разные коммуникативные ситуации для эффективного межкультурного взаимодействия.

© Зубарева Е. О., 2019

Концепт *МИГРАЦИЯ* мы рассматриваем как мировой, универсальный и актуальный феномен. Под концептом понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007: 34].

Концепт как «слоистое» образование содержит пассивный слой и актуальный, или новейший, слой [Степанов 2004: 55]. В концепте выделяется понятийный компонент, включающий основные признаки и словарные дефиниции, образный компонент, состоящий из когнитивных метафор, и значимостный компонент, включающий этимологические, ассоциативные характеристики, определяющие место концепта в языке [Воркачев 2004: 7]. В данной работе рассматривается понятийный слой концепта, предполагающий его лексикографическое описание (см. об этом: [Баженова, Шенкман 2013: 91–96]).

Проанализировано 29 словарных дефиниций лексемы *МИГРАЦИЯ*, отобранных методом сплошной выборки [БТ, БСС, КС, ТС, СИН, НСС, СР, СлС, ССл, СлР, ССП, ТСС, ТСК, ИС, СоцС, ЭС, ДЭС, СПС, ПТ, ПТС, СП, БС, ЭкС, БАС, НС, СС, СРЛ, ТСР, ФС]. Необходимо отметить, что эта лексема не представлена в толковых словарях русского языка [Ожегов 1989; Ушаков 1938; Ефремова 2001 и др.], в связи с чем были привлечены толкования из словарей иноязычных слов и специализированных словарей. Во внимание принимались только толкования, связанные с миграцией населения. В результате дефиниционного анализа выделены семы, входящие в понятийный слой концепта *МИГРАЦИЯ*. Каждая сема проиллюстрирована примером из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета (далее ЛКЛ), а также исследовательского ресурса Google Ngram Viewer (далее NV).

1. **Перемещение** [БТ, БСС, КС, ТС, СИН, НСС, СР, СлС, ССл, СлР, ССП, ТСС, ТСК, ИС, СоцС, ЭС, ДЭС, СПС, ПТ, ПТС, СП, БС, ЭкС].

Интересна точка зрения о том, что ***миграция*** *выполняет функцию центрального стержня пространственных перемещений* [НКРЯ].

2. **Переселение** [БСС, КС, ТС, СИН, СР, СлС, ТСС, БАС, НС, СС, СРЛ, ТСР].

Традиционными формами миграционной подвижности были колонизация и отходничество. Наряду с ними стала набирать темп новая форма ***миграции*** *– переселение в города* [NV].

3. **Передвижение** [СПС, СП, БАС, НС, СРЛ, ТСР].

Особым видом трудовой миграции является так называемая «маятниковая» ***миграция****, представляющая собой ежедневные передвижения рабочей силы к месту работы и обратно к месту жительства* [НКРЯ].

4. **Переезд** [ТСК, СП, ФС].

Тогда молодые люди будут в еще большем количестве переезжать в другие регионы в поисках работы и лучшей доли со всеми вытекающими проблемами, которые порождает ***миграция*** [НКРЯ].

5. **Мобильность** [СоцС, СПС].

Миграция *превратилась в почти безальтернативное средство социальной мобильности* [НКРЯ].

6. **Смена места жительства** [КС, ССП, ИС, ЭС, ДЭС, СПС, ПТ, СП, БС, ЭкС].

Несмотря на различные подходы в типологии пространственной мобильности, в ее составе выделяется ***миграция****, которая предполагает перемену индивидом постоянного места жительства* [НКРЯ].

7. **Перераспределение** [ДЭС, СП].

Благодаря социально-экономическим функциям, внутренняя ***миграция*** *является одним из средств адаптации населения к новым условиям, территориального перераспределения населения под воздействием изменения отраслевой и территориальной структур производства* [НКРЯ].

8. **Социальный процесс** [СоцС, ПТ].

Миграция *как любое социальное явление может и должна быть темой, о которой у каждого индивида есть своя точка зрения* [NV].

9. **Поездка** [СП].

Некоторые исследователи к маятниковой ***миграции*** *относят и культурно-бытовые поездки населения* [NV].

10. **Смена работы** [КС, ССП, ЭкС].

В ведомстве считают, что в основном ***миграция*** *может быть связана с поиском работы* [ЛКЛ].

11. **Возвращение домой** [ПТ].

У этих этнических групп была главная родина и политическое лобби за пределами Восточной Европы. Таким образом,

*их **миграции** рассматривались преимущественно, как возвращение домой* [NV].

12. **Отпуск** [СП].

*Поэтому с точки зрения практики ежедневная поездка не будет считаться **миграцией**, а вот поездка в длительный отпуск – однозначно **миграция*** [NV].

Для разработки лексико-семантической модели и определения ядерных и периферийных сем понятийного слоя концепта *МИГРАЦИЯ* был рассчитан индекс яркости каждой семы из частотности семы по отношению к общему количеству проанализированных словарей. Исследование показало, что к ядерным семам относятся *перемещение* и *переселение*, к зоне ближней периферии – *смена места жительства* и *передвижение*, к зоне дальней периферии – *переезд*, *смена работы*, *мобильность*, *отпуск*, *возвращение домой*, *перераспределение* и *социальный процесс*.

Библиографический список

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. 2-е изд, переаб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с. (СцС)

Баженова Е.А., Шенкман В.И. Номинативное поле концепта «Школа» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 91–97.

Бизнес-словарь. URL: https://vslovare.info/slovar/biznes-slovar (дата обращения 01.02.2019). (БС)

Большой толковый словарь русского языка / отв. редактор С.А. Кузнецов. Спб: Норинт, 1998. 1535 с. (БТ)

Большой иллюстративный словарь иностранных слов: 17 000 сл. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русское слово», 2002. 960 с. (БСС)

Большой академический словарь русского языка. М.; СПб: Наука, 2008. Т. 10. 571 с. (БАС)

Большой толковый социологический словарь. М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 1. 544 с. (ТССС)

Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 250 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE, 2000. 1024 с. (СПС)

Демографический энциклопедический словарь / ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с. URL: https://demography.academic.ru (дата обращения 10.01.2019). (ДЭС)

Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с. (СС)

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е издание. М.: Русский язык, 2001. Т. 1. 1232 с. (НС)

Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 83–91.

Информационная система корпусов Google Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams (дата обращения 28.02.2019).

Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. 807 с. (ИС)

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1168 с. https://dic.academic.ru (дата обращения 10.01.2019). (СИН)

Краткий словарь современных понятий и терминов. 3-е изд., дораб. и доп. / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. М.: Республика, 2000. 670 с. (КТ)

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2007. 944 с. (ТС)

Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета URL: http://wortschatz.uni-leipzig.de/de (дата обращения 01.03.2019).

Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 10.03.2019).

Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2003. 976 с. (НСС)

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е издание, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1989. 924 с. (СР)

Политическая энциклопедия / ред. Г.Ю. Семигин. Т. 1. М.: Мысль, 1999. 750 с. (ПТ)

Политика: Толковый словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. 768 с. (ПТС)

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007а. 314 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е издание. М.: ИНФА-М, 1999. 479 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18492 (дата обращения 26.11.2018). (ЭкС)

Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. 324 с. (СлС)

Словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 1996. 832 с. (ССл)

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Русский язык, 1982. 736 с. (СлР)

Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.–Л.: Академия наук СССР, 1957. 1460 с. (СРЛ)

Словарь современных понятий и терминов. 4-е изд., дораб. и доп. / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. / отв.ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 2002. 527 с. (ССП)

Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с. (СоцС)

Социологический энциклопедический словарь / гл. ред Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. 488 с. (ЭС)

Социальная политика: Толковый словарь / ред. Н.А. Волгин, Б.В. Ракитский. М.: Изд-во РАГС, 2002. 456 с. (СП)

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проспект, 2004. 992 с.

Толковый словарь русского языка / отв. ред. Д.Н. Ушаков. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. 1040 с. (ТСР)

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2007. 1175 с. (ТСС)

Толковый словарь русского языка конца XX в. / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с. (ТСК)

Философский словарь. URL: https://vslovare.info/slovo/filosofskiij-slovar (дата обращения 10.02.2018). (ФС)

Boyle P., Halfacree K., Robinson V. Exploring contemporary migration. London: Routledge, 2014. 296 p.

E.O. Zubareva
Applicant of Linguodidactics Department
Perm State University

LEXICO-SEMANTIC MODEL OF CONCEPT MIGRATION

The object of the research is the concept MIGRATION. The subject of research is the lexical-semantic model of the concept under study, reflecting its conceptual layer. The aim of the work is to present a lexico-semantic model of the concept MIGRATION. For the study used the definitional analysis and the method of semen analysis, the selection by logical means of the smallest component of the lexical meaning.

Key words: concept, conceptual layer of concept, definitional analysis, semen analysis, lexical-semantic model.

УДК 340.6:81

Кара-Мурза Елена Станиславовна
доцент кафедры стилистики русского языка
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
kara-murza-elena@yandex.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

В творчестве проф. М.П. Котюровой важным объектом анализа являются этические аспекты научного дискурса, а особым направлением ее прикладной деятельности – лингвистическая экспертиза. Эти две темы сопрягаются через понятие лингвоэкспертной этики – конвенционального регулятора, дополнительного по отношению к юридической регламентации (ФЗ № 73 «О судебно-экспертной деятельности»). Современное состояние лингвистической экспертизы многими рассматривается как кризис. Его преодоление видится в совершенствовании компетенций, в обогащении методической оснащенности эксперта и в разработке деонтологической проблематики для вузовского образования и послевузовской переподготовки. Существенное условие – реализация законодательного принципа независимости эксперта.

Ключевые слова: этос науки, лингвистическая экспертиза, лингвоэкспертная этика.

Поздравляя дорогого юбиляра – профессора М.П. Котюрову и желая ей долгих лет жизни и новых творческих свершений, хочется отметить ее огромный вклад в изучение науки как глобальной речедеятельностной сферы. Отечественная функциональная стилистика, особенно ее Пермская школа, – речеведческое направление первопроходческого характера; путь от анализа стиля к анализу дискурса, заданный в трудах проф. М.Н. Кожиной, был проложен в значительной мере стараниями М.П. Котюровой [Баженова 2009]. В рамках дискурсивной проблематики проф. Котюрова обратилась к такой актуальной теме, как научная этика, которая приобрела болезненную значимость из-за особенностей современного мира, почти повсеместно, включая науку, функционирующего в маркетинговой логике. В рецензии на монографию В.Е. Чернявской «Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема» (М., 2017) ученые Пермской школы внесли свой вклад в осмысление этого неоднозначного процесса [Баженова, Котюрова 2017].

Для современной науки характерны профессиональная рефлексия, внимание к закономерностям ее существования в государстве и в

© Кара-Мурза Е. А., 2019

обществе, к ее саморегуляции [Наука в общественном диалоге 2017]. Чтобы описать идеальное / должное и реальное взаимодействие автора и читателя как субъектов научного дискурса, а также интеракцию авторов в ходе научных дискуссий, проф. Котюрова адаптировала этическое понятие толерантности [Котюрова 2004].

Важным направлением работы проф. Котюровой является лингвистическая экспертиза речевых деликтов (ЛЭ): в области науки – сомнительного авторства [Котюрова 2008], а в СМИ – распространения порочащих сведений [Котюрова 2009].

Судебный дискурс вокруг конфликтогенных текстов имеет конкурентный характер, что подчеркнула проф. Котюрова в вышеупомянутой статье 2009 г., и в свою очередь он конфликтогенен. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на общественный резонанс лингвистической экспертизы [Кара-Мурза 2019: 317]. Есть интересные науковедческие рассуждения о влиянии фундаментальных концепций на идейные основы науки и на умонастроение «ученого сословия» [Фрумкина 2000]. О ЛЭ можно размышлять как о социально значимом инструменте прикладной науки, герменевтической процедуре анализа текста / речевого события или поступка [Бельчиков 2005]. Судебная лингвистическая экспертиза – род речеведческих криминалистических экспертиз, получивший официальный статус в 2005 г. [Галяшина 2017]. На протяжении недлинной истории ее критиковали и за субъективизм методик и мнений, и за ангажированность экспертов. Немудрено: ведь СЛЭ имеет двойную природу и двоякую регуляцию: она инициируется и применяется в судебной сфере, в юридической логике, а выполняется по методикам лингвистической экспертологии, в которой существуют разные традиции и школы. Производство СЛЭ, с одной стороны, регламентируется конвенциональным, но некодифицированным научным этосом и этикой ученого [Мирская 2005]; эксперт обязан следовать научным критериям, используя концептуальный и методический аппарат [Баранов 2017]. Но отраслевого законодательного регулирования нет, хотя наличествуют законы, регулирующие защиту интеллектуальной собственности (ГК РФ, ч. IV). Характерно признание коллеги-эксперта из Томского университета, услышанное мною в ее докладе на конференции в ИСЭ МГЮА: «Совесть лингвиста не позволит мне сказать, что в этом предложении нет проверяемой информации». С другой стороны, оно подчиняется экспертной этике, которая разрабатывается на юридической основе [Аминев 2017], а главное – специальному закону [ФЗ № 73], согласно которому заведомо ложные результаты экспертизы влекут уголовное наказание.

Кроме того, различаются этос теоретической и этос прикладной науки. В первом случае это поиск чистой истины в пределах своей области. А во втором – прикладное занятие, ориентированное на интересы заказчика [Пружинин 2005]. Эта двойственность характерна и для судебных экспертиз. Их заказчиками являются частные лица и правоприменительные органы; имея финансовый, административный и / или силовой «вес», многие из них требуют от экспертов нужных результатов. В последнее время в публичное пространство все чаще попадают не просто методически неудачные, а предвзятые экспертизы по таким острым социальным проблемам, как распространение порочащих сведений, экстремистские высказывания, оскорбление чувств верующих. О некачественных лингвистических экспертизах см. публикации в «Новой газете», напр., «Экспертная уценка» (17.06.16) или «Эксперты специального назначения» (15.09.17). Не случайно возникла лингвоэкспертная публицистика, одна из функций которой – профессиональная самокритика [Левонтина 2005; Смирнов 2011].

Рассмотрим идею резонансности и влиятельности ЛЭ в российской общественной жизни через призму мнения культуролога А. Зорина, которое процитировала Р.М. Фрумкина: «Выдающиеся достижения нашей филологии последних десятилетий [XX в.] связаны с тем, что она была включена в по меньшей мере два исключительно серьезных проекта – … “Наука вместо идеологии” и “Выживание культуры в условиях тоталитаризма”» [Фрумкина: эл. ресурс] . А мы полагаем, что ЛЭ, вовлеченная в правоприменение как носительница правозащитных ценностей (свободы слова, мнения, прав человека как личности и гражданина), тоже участвует в важном социальном проекте России – теперь, в начале XXI в. Не случайно именно под эгидой Фонда защиты гласности вышла основополагающая книга «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ» (1997) и была создана ГЛЭДИС (2001).

Однако в настоящее время резонанс ЛЭ в основном отрицательный. В России одновременно расширяется вузовская и поствузовская подготовка лингвиста-эксперта – это хорошо! И есть угроза его депрофессионализации – это плохо... Необходимо снизить конфликтогенность и повысить качество экспертиз. Одна из возможностей – улучшение образовательного процесса, разработка методик производства ЛЭ и прицельное формирование экспертных компетенций [Галяшина 2017: 34–36]. Но под административным давлением не работают даже самые валидные методики… Другая возможность – разработка деонтологической проблематики, рефлексия «должного» и «долга» в экспертной деятельности; ср. концепцию

деонтологии СМИ [Лазутина 2017]. В конечном счете это аргумент на рынке экспертных услуг: «Соблюдение профессиональной этики – соответствие во всех ситуациях, возникающих как в ходе производства экспертизы, так и иных сферах судебно-экспертной деятельности, высокому социальному статусу судебного эксперта, принципиальная недопустимость причастности судебного эксперта к “судебному произволу под покровом науки”» [Экспертная этика: эл. ресурс].

Но если при обучении экспертов в юридическом вузе профессиональная этика уже преподается и стоит задача создать специализированную экспертную этику [Колесникова 2018], то на филологической базе (в курсах под названием «лингвокриминалистика», «юрислингвистика» и др.) она еще не артикулирована и только начинает обсуждаться. Так что возможности совершенствования лингвистической экспертизы заключаются в соблюдении независимости эксперта как законодательно зафиксированного требования – это, конечно, главное. А также в развитии высшего образования с включением в него лингвоэкспертной этики.

Библиографический список

Аминев Ф.Г. Значение этического стандарта судебного эксперта при расследовании преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 93–97.

Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.

Баженова Е.А. Научные исследования Марии Павловны Котюровой // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 13. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. С. 5–10.

Баженова Е.А., Котюрова М.П. Научный текст в глобальном научном дискурсе XXI в. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 143–147.

Бельчиков Ю.А. Лингвистическая экспертиза – целенаправленное герменевтическое исследование // Спорные тексты СМИ и судебные иски. М.: ГЛЭДИС, 2005. С. 15–20.

Галяшина Е.И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–36.

Кара-Мурза Е.С. Общественный резонанс науки о русском языке (на примере лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики) // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгресс исследователей русского языка, МГУ, 20–23 марта 2019 г. Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 317.

Колесникова Н.С. Генезис профессиональной экспертной этики и ее современное состояние // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 178–186.

Котюрова М.П. Толерантность в научной коммуникации // Textus: Этика и социология текста. Вып. 10. СПб.; Ставрополь, 2004. С. 344–350.

Котюрова М.П. Лингвистическая экспертиза: об авторстве научной статьи // Юрислингвистика – 9: Истина в языке и праве. Барнаул, 2008. С. 211–222.

Лазутина Г.В. Деонтология в системе научных представлений о журналистике (по результатам самопознания профессии на конец 2016 г.) // Современная журналистика в аспекте деонтологии. М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. С. 7–31.

Левонтина И.Б. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza (дата обращения 01.02.2019).

Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11–27.

Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникация, организация // Материалы междунар. науч. конф. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 208 с.

Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109–120.

Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе (экстремизм и утрата искренности). URL: https://www.textology.ru/artic (дата обращения 20.02.2017).

Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (2001). URL: https://base.garant.ru/12123142/ (дата обращения 07.04.2019).

Фрумкина Р.М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты). URL: https://www.russ.ru/ist_sovr/if3_fr.html (дата обращения 02.12.2018).

Экспертная этика. URL: http://artifexlipetsk.ru/ekspertnaya-etika/ (дата обращения 09.04.2019).

E.S. Kara-Murza
Associate Professor of Russian Stylistics Department
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

ISSUES OF SCIENTIFIC ETHICS AND LINGUISTIC EXPERTISE

In the works of Prof. M. P. Kotyurova, an important object of analysis is the ethical aspects of scientific discourse (its tolerance), and a special area of applied activity is the linguistic examination of conflictogenic texts. These two topics can be combined through the concept of linguo-expert ethics – a conventional regulator, additional to the legal regulation (Federal law № 73 "On forensic activities"). The current state of LE is considered by many as a crisis. Its overcoming is seen in the improvement of competencies, in the enrichment of the methodological equipment of the expert and in the development of deontological issues for higher education and postgraduate training. An essential condition is the implementation of the legislative principle of the independence of the expert.

Key words: ethos of science, linguistic expertise, linguo-expert ethics.

УДК 81'42

Карпенко Светлана Михайловна
доцент кафедры русского языка
Томский государственный педагогический университет
karpenko_si@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ *ОБРАЗ АВТОРА, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ СТИЛЬ*

В статье рассматриваются в сопоставительном аспекте понятия *образ автора, языковая личность, индивидуально-авторский стиль*. Анализ понятийного содержания терминов проводится с позиций коммуникативной стилистики текста с учетом парадигмы *язык – текст – культура.* Отмечены антропоцентрический и системный характер рассматриваемых понятий, их текстообразующая роль.

Ключевые слова: образ автора, языковая личность, индивидуально-авторский стиль, текст, коммуникативная стилистика текста, культура.

В лингвистике конца XX – начала XXI вв., характеризующейся антропоцентрической направленностью, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с отражением индивидуально-авторского начала в языке, тексте, культуре. В связи с этим особый интерес у исследователей вызывают понятия, на основе которых можно анализировать в тексте как фокусе проявления языка и культуры соотношение целого и частного, общего и отдельного, типичного и оригинального. В лингвистических работах последних десятилетий используются термины *образ автора, языковая личность, индивидуально-авторский стиль*, к настоящему времени хорошо изученные, однако, на наш взгляд, нуждающиеся в сопоставлении их понятийного содержания. Целью статьи, выполненной в русле коммуникативной стилистики текста, является анализ данных терминов с учетом парадигмы *язык – текст – культура.*

Понятие *образ автора* разработано В.В. Виноградовым. Ученый писал: «Образ автора – это индивидуальная, словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [Виноградов 2005: 176]. Подчеркивая организующую роль образа автора в тексте, отличие от реальной личности творца, В.В. Виноградов наметил пути его изучения как текстообразующей категории и возможность реконструкции на основе созданных автором произведений. На эти же характеристики образа автора указывает и М.М. Бахтин, отмечая:

© Карпенко С. М., 2019

«Автор авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, не как к определенности бытия, а как к *принципу*, которому нужно следовать…» [Бахтин 1979: 180] М.М. Бахтин рассматривает образ автора как эстетическую категорию, реализующуюся в художественном тексте: «Творческое сознание автора-художника никогда *не совпадает* с языковым сознанием, языковое сознание только момент, материал, сплошь управляемый чисто художественным заданием» [Там же: 169]. В коммуникативной стилистике текста образ автора анализируется в связи с категорией диалогичности в аспекте системно-деятельностного подхода к тексту [Болотнова 2008: 137]. Итак, образ автора является эстетической категорией, изучается преимущественно в художественной речи, представлен как системообразующий принцип в тексте, им созданном, и реконструируется на основе языковых средств разных уровней, содержащихся в лексической структуре текста, с учетом его признаков – коммуникативности, информативности, концептуальности, интегративности, регулятивности (о признаках текста см.: Гальперин 1981; Сидоров 1987; Болотнова 2008).

Понятие *языковая личность,* введенное в научный обиход В.В. Виноградовым и разработанное Г.И. Богиным и Ю.Н. Карауловым [Богин 1982; Караулов 1987], используется для обозначения любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов [Караулов 1997: 671], и исследуется в рамках разных лингвистических направлений (см., например, обзор работ: [Иванцова 2010, Болотнова 2014]).

Содержание современных представлений о данном понятии связано со значением составляющих его лексем: язык и личность. Точное и лаконичное определение предложено Г.И. Богиным: «Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1982: 22]. В приведенной дефиниции отражены деятельностный и когнитивный аспекты, фиксирующие отношение языковой личности к языку. Язык, являясь средством коммуникации и системой миромоделирования, взаимосвязан как с культурой и обществом (В. фон Гумбольд), так и с сознанием и мышлением индивида. Через язык и посредством языка языковая личность соотносится с данными категориями. То, как человек владеет языком, отражается в его речевой и текстовой деятельности в разных сферах коммуникации и составляет отличительные черты речевой и общей культуры его языковой личности. В лингвистике получила распространение типология языковых личностей на основе критерия отнесенности к определенному типу речевой культуры

(Н.И. Толстой, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина). При этом важны как знания индивида о языке – его структурно-языковых и стилистических нормах, структурной организации, функционально-стилевой и жанровой дифференциации, так и учет его эмоциональных, интеллектуальных, когнитивных характеристик. Изучаются типы и особенности представления языковой личности в разных сферах коммуникации: научной (Котюрова М.П.), публичной (Карасик В.И., Болотнов А.В.), эпистолярной (Курьянович А.В.), разговорной (Иванцова Е.В.), художественной (Виноградов В.В., Болотнова Н.С. др.). Результатом речевой и текстовой деятельности языковой личности являются ее тексты, в которых отражается знание норм языка, особенностей текстовой деятельности, тип общей и речевой культуры.

Пути анализа языковой личности автора произведения зависят от исследовательской стратегии и строятся с учетом ее модели (Богин Г.И., Чернухина И.Я., Караулов Ю.Н.). Наиболее распространена модель языковой личности Ю.Н. Караулова, в соответствии с которой выделяются вербально-семантический, тезаурусный, мотивационный уровни [Караулов 1987]. В художественной коммуникации рассматриваются языковая личность автора и языковая личность персонажа. Анализируя языковую личность персонажа, необходимо соотносить ее с целостным художественным образом [Там же: 33]. При характеристике персонажа художественного произведения обычно рассматривают его речевое поведение или речевую характеристику, речевой портрет, проявляющиеся в речевой деятельности. Анализ речевого поведения как «использование языка людьми в предлагаемых обстоятельствах» [Винокур 1993: 5] проводится с учетом коммуникативно-стилистических и социально-психологических характеристик его участников [Там же] и видов речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо) с проекцией на уровневую структуру модели языковой личности [Караулов 1987]. Соглашаясь с мнением Т.В. Винокур о том, что исследовать проблемы языковой личности удобно на моделях, но для речевого поведения «более пригоден метод типизации в смысле не только лингвистической, но и социальной, и психологической основы понимания его коммуникативно-стилевых свойств» [Винокур 1993: 54], считаем целесообразным исследование языковой личности персонажа художественного произведения в более широком контексте ее проявлений – с учетом социальных, когнитивных, психологических, эмоциональных особенностей.

Таким образом, языковая личность как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им

текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов 1997: 671], может быть включена в парадигму *язык – текст – культура* и рассмотрена с учетом параметров названных категорий. Всё вышеизложенное отражает системный характер проекции особенностей языковой личности на текст и позволяет рассматривать ее как текстообразующую категорию.

Концепция языковой личности автора является в коммуникативной стилистике текста одной из базовых в изучении идиостиля [Болотнова 2008: 336]. Идиостиль как «индивидуально-авторские особенности мировидения и текстовой деятельности, отраженные в тексте как форме коммуникации» [Там же: 37], представляет собой системное явление, аккумулирующее информацию о языковой личности в аспекте ее знания норм языка и функционально-стилистических особенностей текста и умения использовать их в собственной текстовой деятельности. В функциональной стилистике под идиостилем понимается «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [Котюрова 2003: 95]. Таким образом, отражаясь в тексте, идиостиль связан с языком, спецификой его использования языковой личностью, с функциональным стилем как системообразующей речевой разновидностью, с типом речевой и общей культуры личности. Идиостиль имеет системный характер и соотносится как частное и общее с функциональным стилем. Если функциональный стиль обусловлен комплексом экстралингвистических факторов и представлен как в языке (языковые стили), так и в речевых разновидностях (подстили и жанры), то идиостиль характеризует языковую личность в аспекте ее проявления на всех уровнях (вербально-семантическом, тезаурусном, мотивационном) при создании текстов определенной жанрово-стилистической направленности.

Итак, проанализировав понятия *образ автора, идиостиль, языковая личность*, можно отметить их системообразующий характер и рассматривать как значимые антропоцентрические категории, оказывающие влияние на текстообразование и соотносимые с парадигмой *язык – текст – культура.*

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. …д-ра филол. наук. М., 1982. 36 с.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 27–31.

Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной речи // В.В. Виноградов. О теории художественной речи: учебное пособие. 2-е изд., испр. М., 2005. С. 125–243.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 671–672.

Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 95–101.

S.M. Karpenko
Associate Professor of Russian Language Department
Tomsk State Pedagogical University

THE ISSUE OF THE CORRELATION BETWEEN THE TERMS *IMAGE OF THE AUTHOR, LANGUAGE PERSONALITY, INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE*

The article deals with the comparative aspect of the concept of *the image of the author, language personality, and individual author's style.* The analysis of the conceptual content of the terms is carried out from the standpoint of the communicative stylistics of the text, taking into account the paradigm of language - text - culture. The anthropocentric and systemic nature of the concepts under consideration, as well as their text-forming role, are noted.

Key words: the image of the author, language personality, and individual author's style, text, communicative stylistic of the text, culture.

УДК 81.33

Карпова Татьяна Борисовна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tatyana_2000@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Автор статьи излагает свою оценку речеведческого компонента методики русского языка как одной из частных дидактик; показывает историю, современное состояние и перспективы ее развития в отношении представленности в ней функциональной стилистики, постепенно развившейся в многоаспектное речеведение, формирующее у учащихся коммуникативные, языковедческие и культуроведческие компетенции.

Ключевые слова: фундаментальные и прикладные науки, функциональная стилистика, лингводидактика в школе и вузе, динамика функциональных стилей, речеведение.

1. Из истории. Функциональная стилистика как фундаментальное научное направление, появившееся в российской лингвистике в 60-е гг. XX в. и мощно развивавшееся на протяжении десятилетий, не могла не оказать влияния на науку прикладную – методику русского языка. С начала 80-х гг. функциональная стилистика вошла в структуру школьного курса русского языка, а именно в раздел «Методика развития речи», наряду с такими направлениями, как «Обогащение речевого запаса школьников» и «Связная речь». Теория функциональной стилистики была представлена понятиями *стиль речи* (разговорный и книжные стили) и *тип речи* (повествование, описание, рассуждение). Характеристика стиля предполагала три параметра: 1) внелингвистические факторы (в школьном варианте – структура речевой ситуации); 2) стилевые черты (в школьном варианте – признаки стиля); 3) средства выражения стиля. Так, была разработана следующая модель структуры речевой ситуации: где говорим? (в официальной / неофициальной обстановке); с кем? (с одним человеком (1–1) / со многими (1–много); зачем? (общение, сообщение, воздействие). Эта методическая «находка» В.И. Капинос и ее учеников [Капинос и др. 1991] позволила отчетливо осознать: чтобы раскрыть понятие *стиль*, надо выйти за пределы системы языка и проанализировать речевую ситуацию. См.: «Стиль – это явление, которое может быть понято только

© Карпова Т. Б., 2019

при учете целей, задач, ситуаций и сферы общения и самого содержания высказывания» [Кожина 1977: 50].

С этого времени школьная лингводидактика была вынуждена реально повернуться от обучения системе языка к обучению речи, что воплотилось в концепцию коммуникативно-деятельностного подхода к изучению родного языка (см.: [Пленкин 1975, Иконников 1979, Чижова 1987, Капинос 1991, Ипполитова 1992, Львова 1992, Львов 2000, Быстрова 2003, Архипова 2004] и др.).

И хотя в государственном стандарте и стабильной программе среди задач школьного курса русского языка называлось и формирование коммуникативной компетенции как «способности к полноценному речевому общению во всех сферах человеческой деятельности» [Русский язык 1998], однако это положение долгое время носило в основном декларативный характер и не находило реального отражения в практике обучения русскому языку. Такая ситуация продолжалась вплоть до введения новых форм итоговой аттестации (ЕГЭ, ОГЭ), а также новых Федеральных государственных образовательных стандартов – ФГОС [Федеральный государственный стандарт 2010, 2011]. Эти события заставили учителя-словесника повысить профессиональную ответственность за результаты своей деятельности и увеличить объем работы с текстом на уроках русского языка. Примечательно, что количество часов, которые отводятся на курс русского языка в средней школе (с 5 до 9 класса), последние пятьдесят лет практически не менялось (составляет около 750 часов). В общем курсе не менялась и доля уроков развития речи (примерно 130, что составляет всего 16 % от общего числа уроков по предмету). Наконец-то стало для всех очевидно, что реализовать коммуникативно-деятельностный подход к обучению языку только на уроках развития речи невозможно. Необходимо менять общую стратегию обучения и на уроках изучения системы языка работать не по традиционной схеме (от слова, словосочетания к предложению и тексту), а идти иным путем: от текста к анализу его отдельных единиц и снова к тексту, его оценке с учетом только что предпринятого анализа. А главное, работать с текстом не от случая к случаю, а постоянно, в системе.

2. Современное состояние. На наш взгляд, сейчас наблюдается вторая (после включения функциональной стилистики в школьные программы 80-х гг. XX в.) волна кардинального поворота системно-языкового курса русского языка к речеведению. Показательно, что новые ФГОС 2010–2011 гг. в качестве первой задачи курса русского языка в средней школе называют формирование коммуникативных компетенций (традиционно это была третья позиция), а среди трех

сквозных содержательных линий обучения первой линией считают ту, которая как раз и формирует коммуникативные компетенции и представлена разделами «Речь и речевое общение», «Речевая деятельность», «Текст», «Функциональные разновидности языка».

Школьное речеведение, начавшись с постижения основ функциональной стилистики, сейчас расширило свои горизонты и вобрало в себя достижения других речеведческих научных направлений и представляет собой комплексную разноаспектную работу с текстами разной стилистической и жанровой принадлежности. Государственная итоговая аттестация (ГИА) по русскому языку – всероссийские проверочные работы в каждом классе (ВПР), основной государственный экзамен в 9 классе (ОГЭ) и единый государственный экзамен в 11 классе (ЕГЭ) – примерно наполовину состоит из заданий, связанных с речеведением. Этот факт красноречиво говорит о том, что стратегия образования в области родного языка определена и закреплена в формах итогового контроля. И все было бы хорошо, если бы у учащихся не было проблем, связанных с анализом чужих текстов и продуцированием своих: пока они не в полной мере умеют это делать, а учителя не в полной мере могут этому научить.

Назовем некоторые причины, приводящие к этому.

1. Недостаточная (если не сказать низкая) теоретическая подготовка учителей-словесников. В вузовском курсе функциональной стилистики часто отсутствует точное представление об экстралингвистической основе стилей, их стилевых чертах и стилистически маркированных разноуровневых средствах выражения, о динамике в самих функциональных разновидностях русского литературного языка. В связи с этим формируется неточное, иногда даже ошибочное представление о закономерностях функционирования текстов разных типов. Так, например, некоторые учителя до сих пор считают, что единственной функцией публицистических текстов является воздействующая (не информационная, не познавательно-просветительская в определенных случаях, не гедонистическая – в других). В художественных текстах находят прежде всего не общечеловеческие, а социальные проблемы. Основным (практически единственным) средством выражения научного стиля считают термины. И т.д. и т.п.

2. Несовершенство школьных учебников и учебных пособий: их постоянное отставание от теории функциональной и дискурсивной лингвистики (см., напр.: Никитина 1994); отсутствие в действующих учебных комплексах упражнений на правку деформированных текстов, на редактирование правильных, но стилистически неполноценных

текстов; отсутствие упражнений на стилистические и жанровые трансформации. Подобные упражнения могут, на наш взгляд, значительно развить у обучаемых стилистическое чувство, понимание того, что выбор средств выражения напрямую зависит от целевых установок автора, подстиля, жанра текста и т.п.

3. Методические погрешности в деятельности учителя. Так, при обучении рассуждению по исходному чужому тексту учителя-словесники часто ориентируют своих учеников на составление текста с помощью заученных стереотипных фраз. При такой методике работы, так и не поняв проблемы и позиции автора текста, не владея речевыми ресурсами, учащиеся пишут, например, такие фразы: «Этот тезис нашел в моем рассуждении опровергающий аргумент…»; «Обратимся для примеров в чье-нибудь произведение…»; «Его эта проблема так взволновала, что он употребил длинный ряд однородных членов»; «Прочитав этот текст, в моей голове промчалось много мыслей»; «Прочитав текст С. Полякова.., автор данного текста пытается нас прозреть…» (из сочинений ЕГЭ). Считаем, что время и усилия на уроке следует тратить только на понимание текста, а от стереотипности речи, наоборот, уходить.

3. Перспективы. Перспективой развития школьной (и вузовской) лингводидактики, безусловно, должно стать дальнейшее развитие речеведения. Первостепенной задачей считаем развитие его лингвокультурологической составляющей. И хотя эта задача поддерживается педагогическим сообществом, все же ее реализация оказывается сегодня почти недостижимой, поскольку не обеспечивается в достаточной степени программами и учебными комплексами.

Отчасти этот пробел мы попытались восполнить своим учебным пособием [Карпова и др. 2014]. В основе нашего варианта речеведения лежит тематический принцип компоновки дидактического материала, характерный, как известно, для методики изучения иностранного языка. Применение данного принципа в методике изучения родного языка имеет новаторский характер и привносит дополнительные стимулы для интеллектуального и духовно-нравственного развития личности, ее социологизации. Тематический способ компоновки дидактического материала дает возможность не просто дать общее представление о какой-либо стороне окружающего мира, а углубить это представление, выработать к нему определенное отношение, позицию.

Речеведческий курс «Я в окружающем меня мире» включает в себя существенные для восприятия учеником тематические блоки, секторы окружающего мира (*Семья, Малая родина, Русский менталитет* и др.). В соответствии с тематической зоной предлагаются тексты для

многоаспектного анализа, дотекстовые и послетекстовые задания (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и др.). Работа строится на основе речеведческих понятий (*тема* и *идея, устная* и *письменная речь, монолог* и *диалог, стиль, тип речи, жанр* и др.). При этом рассматриваются типичные речевые ситуации, сопровождающие данную тематическую область, а также языковые и речевые средства и способы их репрезентации. Сквозными рубриками являются, например, такие: *Узнай или уточни значение слов (словарь темы); Пиши правильно; Произноси правильно*; *Из истории слов и выражений* и под.

Каждая тема курса включает ряд микротем: например, в теме *Моя семья* выделяются такие микротемы, как *Русские термины родства, Родословная, Отцы и дети, Отношение к матери, Воспитание детей* и др. Каждая микротема представлена типичными для данной тематической зоны текстами разных стилей и жанров, включая фольклорные; предполагает продуцирование школьниками собственных текстов, выполнение творческих заданий разной степени сложности, включая задания исследовательского характера.

Общую цель курса речеведения на основе тематического принципа подбора дидактического материала мы видим в создании на уроке родного языка речевых ситуаций обучающего и воспитывающего характера, вызывающих у учащихся потребность в развернутом высказывании и дающих им опыт эффективного речевого общения. Для нас важно помочь учащимся соотнести главные общечеловеческие ценности с собственным опытом, осознать свои ценностные ориентиры, повысить интерес к изучению родного языка.

Примечательно, что представленная в пособии концепция речеведения напрямую соотносится с современной лингвистической наукой, прежде всего с функциональной стилистикой, дискурсивной лингвистикой, когнитивистикой, лингвокультурологией, межкультурной коммуникацией; с такими научными понятиями, как менталитет, языковая картина мира, языковая личность, концепт, лингвокультурема и др. Это позволяет лингводидактике не отставать от фундаментальных наук, обучать языку и речи на хорошем научном уровне и добиваться высокой функциональной грамотности.

Библиографический список

Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студ. пед. вузов. М.: Вербум, 2004. 192 с.

Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Рус. словесность. 2003. № 1. С. 35–40.

Иконников С.Н. Стилистика в курсе русского языка (VII–VIII классы). М: Просвещение, 1979. 224 с.

Ипполитова Н.А. Текст в системе изучения русского языка в школе. М.: Наука, 1992. 126 с.

Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 классы: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991. 192 с.

Карпова Т.Б., Вергунова Н.Н., Голайденко А.Г. и др. Я в окружающем меня мире: сб. учеб.-метод. матер. по речеведению для учащихся 5–11 кл. Пермь, Редакционно-издательский отдел НИУ ВШЭ, 2014. 230 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

Львов М.Р. Основы теории речи: учеб. пособие для студ. пед. вузов. М.: Academia, 2000. 248 с.

Львова С.И. Язык в речевом общении. М.: Просвещение, 1992. 188 с.

Никитина Е.И. Русская речь: учеб. пособие по развитию связной речи. 5–7 классы. М.: Просвещение, 1994. 190 с.

Пленкин Н.А. Стилистика русского языка в старших классах: пос. для учителей. М.: Просвещение, 1975. 143 с.

Русский язык: Программно-методические материалы: 5-9 классы / Сост. Л.М.Рыбченкова. М., 1998. 184 с.

Федеральный государственный стандарт основного общего образования. М.: 2010 // URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/m1897.html (дата обращения 23.01.2015).

Чижова Т.И. Основы методики обучения стилистике в средней школе. М.: Просвещение, 1987. 176 с.

T.B. Karpova
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

FUNCTIONAL STYLISTICS IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS

The author of the article demonstrates his view on the speech component of the methodology of the Russian language as one of the private didactics; shows the history, current state and prospects of its development in relation to the representation in it of functional stylistics, developed in modern linguodidactics in multi-aspect speech, forming students ' communicative, linguistic and cultural competence.

Key words: fundamental and applied sciences, functional stylistics, linguodidactics in the schools and universities, the dynamics of functional styles, speech study.

УДК 808:81'27

Катышев Павел Алексеевич
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
PAKatyshev@pushkin.institute

РЕЧЕВОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Речевое вовлечение рассматривается в связи с процессом воздействия за счет опосредованных форм коммуникации. Специфика вовлечения в данном случае определяется сквозь призму авторского отношения к чужой смысловой позиции. Содержанием этого отношения выступает установка на уравнивание автора и адресата, транслируемая посредством дискурсивных форм, в том числе речевых жанров.

Ключевые слова: опосредованная коммуникация, речевое вовлечение, дискурс, жанр.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование»

Понятие «<речевое> вовлечение» (involvement) используется, как правило, в исследованиях непосредственной интеракции. Так, интеракциональная социолингвистика соотносит его с готовностью и способностью субъектов принимать активное участие во взаимодействии на основе общих языковых и социокультурных знаний и имеет дело с наблюдаемым состоянием нахождения в интеракции, отличным от простого совместного присутствия [Gumperz 1982; 1992]. В дискурс-анализе вовлечение – это один из функционально-языковых параметров, характеризующий такой семиотически маркированный тип участия в коммуникативном событии, который предполагает по преимуществу наличие между собеседниками непосредственного контакта во времени и пространстве [Chafe 1982; 1985; 1987], некоей душевной связи, достигаемой людьми в общении и соединяющей их с событиями и обстоятельствами [Tannen 2007]. В этнографии речи вовлечение рассматривается прежде всего через национально и социально маркированные формы взаимодействия [Besnier $1994_{а,б}$].

Тем не менее обращение к категории речевого вовлечения для анализа опосредованных форм коммуникации не лишено смысла.

© Катышев П. А., 2019

Доказательство тому – работы, посвященные изучению речевого взаимодействия, устанавливаемого жанрами моно- / мультимодальной коммуникации [Engagement in Professional Genres 2019; Hyland 2005; 2017; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016; Suau-Jiménez, Dolón Herrero 2007].

Примечательно, что на начальных этапах разработки проблематики в лингвистике и коммуникативно-ориентированных дисциплинах такие жанры не включались в область исследования вовлечения (считалось, что вовлечение представляет собой феномен, связанный с *непосредственным* участием интерактантов в коммуникативном процессе [Гуляева 2016; 2018]). Со временем все же возобладал более взвешенный подход, позволяющий рассматривать письменную фактуру общения в качестве среды для вовлечения, вследствие чего его специфика в рамках опосредованной коммуникации определяется сквозь призму особого *авторского отношения к чужой смысловой позиции* (чужому голосу). Содержанием этого – диалогического! – отношения выступает установка на «уравнивание» автора и (воображаемого и / или реального) адресата. В частности, содержанием диалогического отношения, ориентированного на вовлечение в коммуникацию адресата научной статьи, может выступать намерение привлечь читателя на свою сторону, сделать его собеседником, оказать ему «помощь» в интерпретации содержания сообщений и т.д., что поддерживается специфическим набором речевых приемов, связанных с контролем познавательной деятельности реципиента, демонстрацией солидарности с научным сообществом, установкой на соответствие ожиданиям читательской аудитории (см., в частности: [Hyland 2005; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016] и др.).

Развитие исследуемой проблематики (ее преобразование из involvement-study – исследования вовлечения в устное взаимодействие – в engagement-study – исследование вовлечения, осуществляемого посредством графически фиксируемых моно- и полимодальных текстов) в значительной мере происходило под влиянием металингвистической (интеракциональной) концепции М.М. Бахтина о диалогических отношениях, преломляемых в словах письменного текста.

Согласно данной концепции, чтобы стать диалогическими, отношения «должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов» [Бахтин 1979: 212]. В текстах, отражающих диалогические отношения, чужое слово может быть либо изображенным (например, репликой персонажа), либо «двуголосым», содержащим в себе также какую-либо авторскую установку на его использование (например, с целью стилизации, пародирования, инициирования полемики и т.д.). При этом попасть в

фокус авторской интенции могут не только целые высказывания, но и их значащие части и отдельные слова, а также языковые стили, социальные диалекты, собственные высказывания автора и их части (если он занимает по отношению к ним некоторую дистанцию), т.е. многое из того, что ассоциируется с позицией другого, в том числе и адресата [Там же: 214].

Впрочем, наибольший интерес в связи с разработкой проблематики вовлечения представляют явления «двуголосого слова», т.е. дискурсивные феномены, обладающие «двояким направлением» [Там же: 215], в частности референцией к *самому чужому слову* (в том числе другой смысловой позиции) и *авторскому отношению к нему*. Не случайно в работах по метадискурсивным аспектам коммуникации подчеркивается важность не только «дизайна» реципиента [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974], но и продумывания стратегии его «сближения» с автором [Hyland 2001; 2004; Myers 1989], поскольку и то и другое приводит в конечном счете к активации таких дискурсивных феноменов, которые объективируют и самого адресата, и авторскую «концепцию» сосуществования с ним; см., например, перечень приемов, к которым прибегают представители метадискурсивного подхода при описании вовлечения, передаваемого письменными текстами: *мы-конструкции*, *комментарии*, *маркеры общепринятого (знакомого, разделяемого) знания*, *директивы*, *вопросы* [Hyland 2001; 2004; 2005; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016; Suau-Jiménez 2019]. Однако будет справедливым отметить, что многообразие дискурсивных и социальных практик не позволяет расценивать механизм вовлечения как нечто однородное и универсальное, а следовательно, устанавливать конечный список приемов, направленных на объединение автора и читателя.

Изучение различных дискурсивных и социальных практик, а также манифестирующих их жанров свидетельствует о том, что:

(1) вовлечение может применяться в качестве инструмента, которым пользуется вовлекатель для создания общих с адресатом ценностей (в этом случае два сознания находятся как бы в одинаковых условиях и созидают на равных правах; при этом вовлекатель может отказывать себе в равенстве по статусу с вовлекаемым, придавая знанию последнего большее значение, чем своему, считаясь с его интересами и потребностями и т.д.);

(2) зачастую автор строит свой текст как загадку, размышляя над которой адресат обогащается особым опытом чтения произведения (см. теорию «читательского отклика» [Fish 1980; Iser 1980]);

(3) если субъект вовлечения отказывает вовлекаемому в равенстве по статусу, в уровне осведомленности, мировоззренческой зрелости и

т.д., то вовлечение приобретает черты расположения, направленного на формирование у адресата готовности разделить с вовлекающим какие-либо взгляды на что-либо, совместно действовать с ним и т.д.;

(4) возможны ситуации, в которых вовлечение (вовлеченность) составляет фон для дальнейших манипуляций с вовлекаемым (в этом случае акценты смещаются на некоторую степень сходства с вовлекателем, с оглядкой на которую осуществляется коммуникация с адресатом;

(5) в случае же полного слияния позиций вовлекающего и вовлекаемого (их неразличения) мы можем иметь дело с самововлечением, при котором субъект (бывший объект вовлечения) сам организует свою активность ради интересов дела.

Отдельного комментария заслуживает жанровый компонент вовлечения, осуществляемого вовлекателем посредством письменной коммуникации. Задача сделать адресата участником какого-либо коммуникативного (и шире – социокультурного) процесса может быть решена с помощью жанра в том случае, если последний рассматривается как *социальное действие* [Martin 1992: 250], осуществляемое между социо-дискурсивными агентами в условиях определенных корпоративных практик, дискурсивных процедур и культур. Тем самым письменные жанры могут подразумевать взаимодействие между автором и читателем как социо-дискурсивными агентами, которым предписаны определенные статусы, роли и функции в задаваемом коммуникативном контексте. В этом случае жанр квалифицируется в качестве инструмента, которым пользуются индивиды и дискурсивные сообщества для достижения собственных целей; при этом достижение планируемого результата с помощью жанра не осуществимо до тех пор, пока социо-дискурсивные агенты не будут согласованы по коммуникативной цели и не будут интегрированы в дискурс посредством других высказываний и оформляющих их текстотипов [Fairclough 1992]. Именно поэтому вовлечение выступает ключевым социо- / когнитивно- / дискурсивным концептом, определяющим не только характер и особенности субъекта / субъектов вовлечения, но и специфику функционирования жанров, обеспечивающих потребности индивидов и социальных групп.

Библиографический список

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Гуляева М.А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 65–69.

Гуляева М.А. О мере вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (131). С. 99–103.

Besnier N. Involvement // Encyclopedia of language and linguistics / R.E. Asher et al., eds. Vol. 4. Oxford: Pergamon Press. 1994_a. P. 1770–1772.

Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 22. 1994_b. P. 279–299.

Chafe W. Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature // Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy / In Deborah Tannen (ed.). Norwood, NJ: Ablex. 1982. P. 35–53.

Chafe W. Linguistic Differences Produced by Differences between Speaking and Writing // Literacy, Language, and Learning / In David R. Olson, Andrea Hildyard, and Nancy Torrance (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 105–123.

Chafe W., Danielewicz J. Properties of Spoken and Written Language // Comprehending Oral and Written Language / In Rosalind Horowitz and S. J. Samuels (eds.). 1987. P. 83–113.

Engagement in Professional Genres / ed. by Carmen Sancho Guinda. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 341–358.

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: University Press., 1992. 269 p.

Fish S. Literature in the Reader: Affective Stylistics // Reader-Response Criticism. From Formalism to Post-Structuralism / ed. by Jane P. Tompkins. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press., 1980. P. 70–100.

Gumperz J. Contextualization and Understanding // In Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon / eds. A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. P. 229–252.

Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. 225 p.

Hyland K. Bringing in the reader: Addressee features in academic articles // Written Communication. 2001. №18(4). P. 549–574.

Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // Journal of Pragmatics. 2017. № 113. P. 16–29.

Hyland K. Patterns of engagement: Dialogic features and L2 student writing // Analyzing academic writing: Contextualized frameworks / L. Ravelli, R. Ellis (Eds.). London: Continuum, 2004. P. 5–23.

Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. № 7 (2). P. 173–192.

Hyland K., Feng (Kevin) Jiang. «We must conclude that...»: A diachronic study of academic engagement // Journal of English for Academic Purposes. 2016. № 24. P. 29–42.

Iser W. The Reading Process: A Phenomenological Approach // Reader-Response Criticism. From Formalism to Post-Structuralism/ ed.by Jane P. Tompkins. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press., 1980. P. 50–69.

Martin J.R. English Text: System and Structure. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. XIV. 620 p.

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // Applied Linguistics. 1989. № 10. P. 1–35.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4 (Part 1). P. 696–735.

Suau-Jiménez F. Engagement of readers/customers in the discourse of e-tourism promotional genres // Engagement in Professional Genres / ed. by Carmen Sancho Guinda. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 341–358.

Suau-Jiménez F., Dolón Herrero R. The Importance of Metadiscourse in the genre 'Promotion of Touristic Services and Products': Differences in English and Spanish // Languages for Specific Purposes: Searching for Common Solutions/ ed. by Dita Galová. Newcastle, U.K.: Cambridge Scholars Publ., 2007. P. 71–79.

Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 233 p.

P.A. Katyshev
Professor of General and Russian Linguistics Department
Pushkin State Russian Language Institute

ENGAGEMENT IN MEDIATED COMMUNICATION

In this paper, engagement is considered in connection with the process of influence induced by mediated forms of communication. The specificity of engagement in this case is determined through the prism of the author's attitude to someone else's semantic position. The content of this relationship is the installation on the alignment of the author and the addressee, broadcast through discursive forms, including speech genres.

Key words: mediated communication, involvement, engagement, discourse, genre.

УДК 81-2

Китанина Элла Анатольевна
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ella_kitanina@mail.ru

ДИМИНУТИВЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

В статье исследуются новые тенденции в использовании диминутивов в народно-разговорной речи. Рассматривается активное образование диминутивов в социолекте «мамский язык», а также проводится анализ ассимиляции заимствованной лексики в рамках категории диминутивности.

Ключевые слова: диминутив, социолект, заимствованная лексика, народно-разговорная речь, прагматический потенциал.

Диминутивность представляется наиболее развитой категорией в русском словообразовании. Прагматические позиции категории диминутивности сегодня усиливаются в совершенно новых сферах межличностного общения. В стилистике антропоцентрический подход в изучении лингвистических сущностей и феноменов становится приоритетным в таких областях, как интернет-сообщество и маркетинг. Новые направления лингвистики выдвинули на первый план круг вопросов, связанных с экспрессивной и эмотивной функцией языка применительно к адресату и интенциям адресанта. Непосредственная эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от семантического аспекта к прагматическому. Об актуальности исследования прагматики языковых единиц свидетельствует большое количество трудов, опубликованных в последние десятилетия [Арутюнова, Падучева 1985; Henne 1995; Булыгина 1998 и др.]

Диминутивы активно и очень широко захватывают различные пласты лексики – терминологическую, абстрактную, заимствованную (в процессе ассимиляции), как никогда распространяются в языке рекламы (*кетчуп «Помидорка», кафе «Кусочки», «Кариночка», «Крошка-картошка» и др.)*. Интересны эргонимы-диминутивы, в которых сочетаются диминутив городского просторечия и англицизм, отражающий категорию престижности. Ср.: «Шамайка House» (название модного ресторана в Ростове-на-Дону) и «Уголек», «Твою рыбку», «Три орешка».

© Китанина Э. А., 2019

Дискуссия об уместности или неуместности употребления диминутивов развернута давно и продолжается непрерывно. В средствах массовой информации и в интернет-пространстве активно обсуждают проблему использования уменьшительно-ласкательных форм в речи. Давно известно, что одни и те же производные номинации выражают и положительную, и отрицательную оценку в зависимости от вида дискурса, но именно в народно-разговорной речи преобладают мелиоративные коннотации. Это явление тесно связано с адресатом, с тем, кто осуществляет коммуникацию в определенных социальных стратах современного общества, концентрируясь именно в городской среде.

Несмотря на отрицательное отношение к диминутивам многочисленных лингвистов, экспертов в области коммуникации, наплыв диминутивов огромен, а «оккупированные» слои лексики безграничны. Например, в веб-форумах популярен особый современный социолект «мамский язык», вобравший в себя большое количество вновь созданных диминутивов, связанных или с периодом ожидания ребенка, или с послеродовым периодом в жизни женщины. Процент мужчин, использующих такой социолект, невелик. Сегодня диминутивов данной тематики настолько много, что их можно типологизировать:

1) наименование женщины с точки зрения ее статуса (планирующая беременность, кормящая ребенка): *планяшка, планюшка, планюшечка, хочушка, хочушечка, овуляшечка, беремулька, беременюлька, беременюшечка, кормяшка.*

2) наименование детей по признаку, характеризующему их: *экошка, годовасик, курносик, кусака, кесаренок, инсеменяшка, ползунок, желтомордик, масянька, июленок, порастушечки* (дети, одного возраста, как правило, детсадовского), *октябренок, январенок, апреленок* и др. по аналогии.

3) номинация явлений, имеющих отношение к беременности: *пихулечки, шевелюшки, выпирушки.*

4) наименование явлений, связанных с планированием беременности: *запузяченьки, тестоманочки.*

Кроме «мамского» веб-форума, диминутивы активно участвуют в ассимиляции заимствований нового времени, заполняя когнитивно-семантические лакуны интернет-пространства (*бугагашечки, бугагашеньки* от англ.*buzzinga, няшка, няшечка (милый, милая)* от япон. *пуа* (рус. *мур*), ср. текст мема *«Няша победа»* или *«винишко делает меня няшкой», сорьки* от англ. *sorry – «еще раз сорьки!», гифка* от англ. *gif, ачивка* от англ. *achivment, аватарка* и др.*)*

У. Вайнрайх писал: «В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречен на постоянную изменчивость… Часть спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков» [Вайнрайх 1999: 24]. Для многих социальных страт современного города главным источником этого «свежего» материала является английский язык.

Как показал анализ фактического материала, диминутивы народно-разговорной речи современного города относятся к словообразовательному и лексико-синтаксическому уровням языка. Диминутивная семантика эксплицируется различными типами слов. Установлено, что наиболее активно категория диминутивности реализуется в сфере производного существительного, что свидетельствует о его большой семантической нагрузке и, что наиболее заметно, об определенном прагматическом потенциале.

Исследование фактического материала позволяет утверждать, что в народно-разговорной речи современного города репрезентантом диминутивности как прагматической категории является производное имя существительное, которое сопровождается наиболее продуктивным суффиксом *-к-*. В маркетинге это, например, запрещенные (отталкивающие клиента) слова продавца, продвигающего товар: *скидочка, заказик, товарчик, покупочка* и т.д. В этом случае звучит пейоративная коннотация диминутива, присутствует оттенок неискренности. Нельзя не заметить, что диминутивы – это гендерные маркеры, так как в речи женщин они встречаются в полтора раза чаще, чем в речи мужчин, так как женщины более эмоциональны. Наиболее яркие, показательные лексемы присутствуют в речи женщин при общении с детьми или животными («Мороженое облизывай по капельке»; «Сейчас кашку будем есть»; «Осторожненько, смотри под ножки»; «Держи спинку прямо»).

Развитие ценностной предметности как особого измерения действительности предполагает, что все когнитивно-эмотивные свойства любого предмета уходят на задний план, а на передний выдвигается социально-культурная функция в системе общественных отношений, определяет подвижность оценок в обширных тематических и лексико-семантических группах – это кулинария, одежда, парфюмерия, жилище, отдых, развлечения. Вместе с вновь образованными диминутивами в русскую лингвокультуру внедряются и новые концепты, которые

существенным образом способны скорректировать национальную концептосферу.

Прагматический потенциал диминутивов довольно велик, а в их основе могут лежать полярные эмоции, испытываемые коммуникантами в различных ситуациях речевого общения. Набор эмоций достаточно широк: они возникают и как результат покровительства малому, и как передача значения незначительности, ненужности, ироническое или саркастическое отношение к предмету речи.

Семантика диминутивов народно-разговорной речи содержит больше эмоциональности и оценочности, чем это представлено этимологически. Эта тенденция прогрессирует, имеет, несомненно, прагматическую направленность категории диминутивности, захватывает определенные сферы коммуникации, а также расширяет и социальные, и возрастные границы использования диминутивов.

Библиографический список

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. Вып. 111. Избранное. М.: Прогресс, 1999. С. 7–42.

Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

URL: http://www.sv-mama.ru/forum/

URL: https://www.babyblog.ru/theme/mamskii-forum

E.A. Kitanina
Professor of Russian Language Department
State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin

DIMINUTIVE AS AN INTEGRAL PART OF PEOPLE'S CONVERSATION OF THE MODERN CITY

The article explores new trends in the use of diminutives in people's colloquial speech. The author considers the formation of active diminutives in "mom language" and analyzes the assimilation of loanwords under the category of diminutives.

Key words: diminutive; sociolect; borrowed vocabulary; national colloquial speech; pragmatic potential.

УДК 81'271.14

Котюрова Мария Павловна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКЕ

Рассматривается трансдисциплинарный подход к языку, осуществляемый в научной школе проф. М.Н. Кожиной. Подчеркивается, что объяснительная стратегия при изучении функционирования языка предполагает соблюдение принципа единства лингвистического и экстралингвистического. Данное положение конкретизируется на примере стилистики научного текста, в рамках которой трансдисциплинарный подход соотносится с положениями науковедения, эпистемологии, психологии и др. Обсуждается необходимость использовать данные смежных наук при изучении публицистических, деловых и др. текстов. Обосновывается продуктивность трансдисциплинарного подхода для исследования актуальных проблем функциональной стилистики.

Ключевые слова: функциональный стиль, трансдисциплинарный подход, смысловая структура научного текста, культура письменной научной речи, редактирование научного текста.

Широко известна методологизация современной науки, а значит и стилистики. В статье обзорного характера обобщим представления о методологической, а именно междисциплинарной / трансдисциплинарной, направленности функционально-стилистических исследований. Отнюдь не всех, а только исследований коллектива кафедры, известного лингвистическому социуму как «Стилистическая школа профессора Маргариты Николаевны Кожиной». Иначе говоря, рассмотрим картину интеллектуальной, научно-познавательной **целостности** этого коллектива.

Важно поставить **вопрос**: в чем проявляется продуктивная роль **расширения оснований** предмета стилистики для научно-содержательного пространства самой стилистики, ее методологии, социальной значимости? Функциональный подход к изучению языка дает основание считать стилистику «всеобъемлющей дисциплиной», «многопрофильной дисциплиной». (А.Д. Швейцер относит это оценочное определение к социолингвистике.)

© Котюрова М. П., 2019

О современном интегральном гуманитарном познании пишут многие ученые. В частности, В.И. Постовалова подчеркивает «сложное переплетение различных программ и парадигм исследования – традиционных и нетрадиционных, границы между которыми являются подвижными» [Постовалова 2018: 102]. В.И. Постовалова считает «определяющей чертой новой интегральной парадигмы изучения лингвистической реальности синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка [Там же: 108]. Бесспорно, что сложность языка как объекта исследования неизбежно, закономерным образом детерминирует трансдисциплинарность современной лингвистики. (Мы использует термин «трансдисциплинарность», поскольку он более точно выражает отношения *связи* наук и отдельных теоретических положений в эпистемическом пространстве.)

На наш взгляд, именно трансдисциплинарный подход способен обеспечить объяснительную сторону исследования. Так, многоаспектность и разноплановость экстралингвистической (в современной лингвистике – дискурсивной) основы научного текста, взятого в качестве объекта изучения, ориентирует исследователя на объяснение полученных собственно лингвистических данных в разных отношениях, например науковедческом и психолингвистическом. Вместе с тем разделение направлений анализа текста с учетом науковедческого и психолингвистического ориентиров не может быть строго очерченным. Это, в свою очередь, неизбежно предполагает обращение не только к общенаучной методологии, но и к данным, полученным смежными (как по горизонтали, так и по вертикали) науками и научными направлениями. Ответить на вопрос, с какой целью отобранные языковые единицы используются в речемыслительной деятельности, с наибольшей полнотой возможно лишь в контексте целого текста благодаря его науковедческому анализу. Для ответа же на вопрос о том, какими средствами, и почему именно такими, эксплицируется познавательный процесс и компоненты мысли, его составляющие, необходимо обратиться не только к науковедческому, но и к психолингвистическому обоснованию полученных данных.

Это значит, что в современной лингвистике функционально-стилистический анализ текста по существу не ограничивается изучением воздействия стилеобразующих факторов на порождение текста, а объективно (в связи с развитием смежных наук и направлений) детерминирует расширение объяснительной сферы функционирования языка за счет изучения воздействия на текст дискурсивных (хотя бы сильнодействующих) факторов.

Из лингвистической литературы известно: к концу 80-х гг. стало ясно, что проблему семантики научного текста в ее динамическом аспекте невозможно решить без углубленного анализа экстралингвистической основы научного стиля речи [Кожина 1997]. По существу именно на этом пути на кафедре русского языка и стилистики Пермского университета сформировалась методологическая установка придавать особое значение экстралингвистической основе функционального стиля, изучаемого на материале тех или иных текстов.

Центральным экстралингвистическим компонентом текста является его содержание. Как выяснилось при изучении научного текста, не учитывать параметров этого компонента невозможно. Учитывать же – непросто: содержанию научной литературы посвящено целое научное направление гносеологии – науковедение. Отсюда возникла необходимость (востребованность) обратиться к науковедению, имеющему такой же «фундамент», что и стилистика (без текста научное знание недоступно). При этом особенно важно то, что возник научный интерес к неизведанному – результату, который будет получен (несомненно!) при расширении и углублении основания исследования.

Думается, небезынтересен методологический «штурм» проблемы смысловой структуры научного текста. Аморфный «бульон» содержания (любого) научного текста был осмыслен – в рамках научной школы – не в чисто логическом отношении (понятие, суждение, умозаключение…; логические отношения и т.д.) и даже не в логико-семантическом (как они выражены языковыми единицами), а в деятельностном – с учетом особенностей научно-познавательной (эпистемической) деятельности субъекта. Это означало обращение прежде всего к смежным со стилистикой наукам – науковедению и эпистемологии (изучающей научную познавательную деятельность), а также психологии научного познания и др. Объект изучения расширился и детерминировал два подхода. Первый подход [Котюрова 1988] оперировал такой условно названной нами единицей, как *эпистемическая ситуация*, объединяющая три плана познаваемого смысла – *онтологический*, *методологический* и *аксиологический*. (В «обиходе» стилистической школы проф. М.Н. Кожиной такой подход к изучению научного текста получил название «знаниевого».) Позднее эти терминированные понятия были поддержаны и развиты в исследованиях Т.Н. Плюскиной, Е.А. Баженовой, Н.В. Данилевской, Л.В. Кушниной, Л.С. Тихомировой, Н.В. Соловьевой и др.

Учитывая положения эпистемологии со стороны фактора «субъект речи», Л.М. Лапп предложила оригинальную модель интерпретации научного текста и описала его стилевые особенности, обусловленные

коммуникативно-познавательной деятельностью ученого, представленной фазами продуктивного мышления [Лапп 1993].

Поиск именно **текстовой** композиционно-смысловой единицы научного текста был осуществлен Е.М. Крижановской. Сложность поиска обусловлена тем, что не было выработано единого представления о **принципах** организации текста**.** С позиций эпистемологического и психологического подходов к изучению научного текста в стилистику введено понятие «коммуникативный блок», выявлены и описаны «введение темы», «постановка цели и задач исследования», «формулировка проблемы», «выдвижение гипотезы» и др. [Крижановская 1996, 2000]. Обобщенные и крайне абстрактные модели единиц анализа научного текста наполняются конкретным содержанием. Речь идет о таких непростых единицах анализа, как **интерпретативная модель** научного текста с учетом этапов познавательной деятельности ученого, **эпистемическая ситуация** как единица знания, **коммуникативный блок,** построенный по определенным моделям, но допускающий широкий спектр варьирования речевых средств.

В дальнейшем разработанная Е.А. Баженовой функциональная модель целого научного текста объединила сложно организованную систему смыслов (единиц анализа) – *субтекстов*, соотнесенных с экстралингвистической основой научного текста [Баженова 2001]. Наше знание о смысловой структуре научного текста обогатилось…

Здесь важно сказать о подготовленности проблемы к ее решению. К тому времени на кафедре укоренился деятельностный подход к пониманию и дальнейшему изучению научного текста. Этот подход был применен в качестве теоретического фундамента при разработке принципов редактирования текста *целого* научного произведения. Принципиально новым явилось развитие одного из важнейших понятий психологии – *внимания*, дифференцированного на такие разновидности, как: 1) *волнообразное*, при котором вершина «волны» соотносится с «ловушкой» – той или иной текстовой трудностью; 2) *челночное*, т.е. «внимание назад», когда надо сохранить единство компонентов высказывания (например, при семантическом и грамматическом согласовании подлежащего и сказуемого); 3) *скачкообразное* внимание, которое проявляется при неясности связи компонентов в тексте, когда необходим ретроспективный контроль; 4) *паутинное* внимание, которое необходимо при многокомпонентном глагольном или отглагольно-именном управлении и возникающей вследствие такого управления избыточности, «вязкости» речи; 5) *спиралевидное* внимание, которое легко соотнести с общей стратегией редактирования в связи с полифоничностью как порождения, так и восприятия текста при

мысленном укрупнении его единиц. Подчеркнем, что в процессе редактирования (и саморедактирования) текста автор и редактор реализуют не просто внимание, но именно *целостное композиционное* мышление [Котюрова, Баженова 2008: 10–45].

Дальнейшее проникновение в экстралингвистическую основу научного текста реализовано Н.В. Данилевской [2005] в специальном – комплексном – рассмотрении третьей стороны эпистемической ситуации, а именно оценки в лингвостилистическом, философском и психологическом толковании. В результате стало бесспорным утверждение об особой значимости оценки, выступающей в роли механизма, стимулирующего динамический процесс как при получении нового знания, так и при развертывании научного текста.

Оценивая изучение научного функционального стиля во второй половине XX в., М.Н. Кожина писала об этих работах: «Все это позволяет рассматривать научный текст как отражение *динамики познания*» [Кожина 1997].

На волне, можно сказать, восторженного отношения к научному стилю учениками М.Н. Кожиной рассмотрены проблемы функционирования языка в широком контексте. Представляется уместным привести оценочное суждение В.Н. Телия о том, что «в стилистических штудиях был *сохранен интерес* к речевой деятельности» [Телия 1991: 10].

Изучению научного функционального стиля во второй половине XX в. была посвящена обзорная статья М.Н. Кожиной и М.П. Котюровой (Stylistyka–VI: «Русская стилистика»). Обзор заканчивался утверждением, что «со времени известной дискуссии (1954–1955 гг.) стилистика научной речи, начав свое развитие почти с нуля, превратилась в *мощную ветвь* функциональной стилистики» [Кожина 1997: 162]. В том же выпуске журнала проф. М.Н. Кожина представила свое видение путей развития функциональной стилистики как науки синтетической, значит, междисциплинарной, комплексной, глобализирующей гуманитарные исследования, в дальнейшем по существу и развившейся в *речеведение*.

К общенаучным факторам, способствовавшим развитию стилистики как синтетической науки, отнесем следующие:

1) востребованность объяснительной функции научного знания; отсюда внимание к экстралингвистическому (позднее – дискурсивному) контексту функционирования языка;

2) осознание значимости методологии исследований, определение и уточнение научных подходов к изучению функционирующего языка;

3) активизация тенденции к углублению и расширению научного

знания; в стилистике – пристальное внимание к субъекту речи, пользующемуся языком в разных сферах деятельности и коммуникативных ситуациях;

4) активизация тенденции к дифференциации и интеграции научного знания; формирование новых дисциплин, выдвижение идеи речеведения – комплексной, синтетической науки о функционирующем языке;

5) усиление антропоцентризма – субъективного компонента познавательной деятельности, выразившегося в применении интерпретации, т.е. субъективного объяснения объективных явлений, и др. факторы.

Развитие смежных наук создало дополнительные условия для получения научного знания в области функциональной стилистики. Номинации относительно новых подходов в языкознании: структурный, системный, коммуникативный и др. – явно свидетельствуют, с одной стороны, о дифференциации лингвистического знания, с другой – об их интеграции: когнитивно-дискурсивный подход, когнитивно-дискурсивно-интерпретативная парадигма, когнитивно-функционально-стилистический подход и др. Важно подчеркнуть креативность, продуктивность, перспективность лингвистического знания в методологическом отношении в связи с учетом широкого научно-дискурсивного контекста, особенно в условиях перехода к исследованию текста целого произведения.

Глубокая функционально-стилистическая проблематика была вскрыта В.А. Салимовским в процессе исследования жанров речи на материале научных академических текстов. На основании скрупулезного, убедительного анализа материала автор утверждает, что «познавательно-коммуникативная деятельность субъекта речи, характеризующаяся специфическими принципами идеологического преломления действительности, *кристаллизуется в смысловой системе текста*» [Салимовский 2002: 31], формируя и определяя репертуар и организацию жанров речи.

В плане применения трансдисциплинарного подхода к изучению научного текста интересным явилось исследование Л.С. Тихомировой. В стилистику научной речи введено понятие *плотности содержания* текста, объясняющее развитие и представление научного знания в произведении. «Рассматривая текст как процесс развития мысли (когнитивный процесс), т.е. в динамическом аспекте, мы акцентируем процессуальность этого свойства текста, которое в таком случае именуем *уплотнением*; рассматривая текст как результат оформления мысли, т.е. в статическом аспекте, акцентируем атрибутивность,

качественность этого явления и фиксируем эту особенность термином *плотность* содержания текста» [Тихомирова 2006: 3–4]. На основе анализа материала с учетом степени плотности текста установлены такие типы текстов, как *конденсированно плотный, гармонично плотный, «рыхлый»* и *«вязкий»* тексты [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011, ч. II, гл. 3 – автор Л.С. Тихомирова, 71–150].

Некоторые положения лингвистики и смежных наук, например гносеологии, науковедения, теории аргументации, психологии, теории речевой коммуникации и др., оказались актуальными и продуктивными при их комплексном использовании. В частности, потребовалось экстралингвистическое обоснование вводимого в стилистику нового понятия *толерантность научной речи*. На этом основании можно утверждать, что в исследованиях Н.В. Соловьевой [Соловьева 2008; Соловьева, Тихомирова 2012] реализован *трансдисциплинарный*, интегративный, дискурсивно-функционально-стилистический подход к изучению текстов научных дискуссий, а в дальнейшем – также текстов медиакоммуникации, в частности интернет-СМИ, рекламных и др. Важно, что Н.В. Соловьева и Л.С. Тихомирова реализовали четкое методологическое условие – «дискурсивно-стилистический подход предполагает исследование текста с позиций дискурсивного и стилистического анализа в комплексе. При этом дискурсивный компонент ориентирован на учет влияния экстралингвистических факторов (не только сильнодействующих стилеобразующих) на порождение текста – в зависимости от установки исследователя, а стилистический компонент связан с изучением языковых средств репрезентации содержания этого текста» [Соловьева, Тихомирова 2012: 17–18]. Благодаря применению такого подхода авторами сформирована экстралингвистическая основа толерантности научной речи, значит, найдены новые аргументы для философского и риторического понятия «толерантность речи». В рассматриваемом отношении важно подчеркнуть, что продолжены традиции функционально-стилистического изучения лингвистических особенностей текстов.

Функциональная стилистика не могла не обратиться к вопросу о проявлении авторской индивидуальности в текстах разных стилей. Особенно глубоко были изучены тексты в пределах стилистики художественной речи, в то время как, по мнению И.В. Самойловой, «научному стилю некоторые лингвисты отказывали в праве экспликации особенностей языковой личности» [Самойлова 2009: 9]. Существенно, как подчеркивает И.В. Самойлова, что эта проблема (авторской индивидуальности в научном тексте. – *М.К.*) имеет, бесспорно, трансдисциплинарный характер.

Данное утверждение поддерживается и другими исследованиями. Например, на материале газетных аналитических статей посредством количественного и функционально-семантического анализа наиболее употребительных частиц выявлена тенденция к широкому использованию частиц-дискурсивов, придающих высказыванию дополнительные ограничительные и усилительные значения. Интерпретация полученных данных соотнесена с воздействием на газетный текст сильнодействующего дискурсивного (психолингвистического) фактора «критическая направленность мышления журналиста» [Млинарова 2018].

Именно трансдисциплинарный подход применен к интерпретации полученных количественно-качественных данных по использованию языковых единиц, формирующих концепт *цвет* в произведениях В. Набокова и А. Фадеева, в художественном пространстве которых проявились разные типы креативной языковой личности, наделенные способностью к «окрашиванию» индивидуальной текстовой картины мира. Интерпретация полученных данных по методике психолога Макса Люшера с учетом их функционально-семантического анализа дана в канд. диссертации К.В. Дмитриевой, которой удалось через колоративы представить когнитивные особенности творческой личности писателей [Дмитриева 2012: 241].

Продолжая анализ методологии получения знания в области функциональной стилистики, из совокупности методологических компонентов типа *подход, идея, гипотеза, аргументы, концепция, теория, закон* остановим внимание на компоненте *подходы* с акцентом на характеристике «трансдисциплинарность». Определим контуры освещения вопроса в области функциональной стилистики на фоне методологии гуманитарного знания, а именно: а) когнитивной лингвистики, б) речеведения. Кроме того, учтем, что трансдисциплинарный подход – один из актуальных в пределах функциональной стилистики. Далее рассмотрим этот вопрос лишь в отношении **публицистического** стиля, причем в рамках новых научных направлений, одним из которых является юрислингвистика.

Рост правосознания российских граждан в последние годы обусловил активизацию лингвоюридических исследований: появились работы В.Н. Базылева, А.Н. Баранова, Е.И. Галяшиной, В.Д. Голева, О.Н. Матвеевой, сборник статей «Юрислингвистика» (1999–2011). При этом существенно, что трансдисциплинарность как методологический принцип предполагает использование в качестве фундамента, объясняющего речевую системность текстов, знаний из смежных отраслей науки. Так, при изучении текстов исполнительной власти,

естественно, необходимо опираться на правоведение, в частности теорию административного права, политологию, документоведение, делопроизводство.

В перестроечные годы своевременным ответом на актуальный социальный заказ явилось исследование М.А. Ширинкиной на тему о вторичном деловом тексте, который образуется в результате интерпретации законодательного акта, несомненно, требующего доступного разъяснения. По определению автора, «вторичный деловой текст можно понимать как текст, созданный на основе законодательного текста с изменением авторской интенции “предписать” на интенцию “разъяснить” и выполняющий функцию интерпретации законодательных положений» [Ширинкина 2001: 7].

Заканчивая заметки о методологической продуктивности трансдисциплинарного подхода к изучению языка, функционирующего в разных сферах деятельности и репрезентированного в текстах, имеющих различные стилистические особенности, подчеркнем, что даже лаконичный обзор некоторых научных исследований в рамках одного творческого коллектива свидетельствует об эвристической силе трансдисциплинарного подхода.

Библиографический список

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

Дмитриева К.В. Концепт *цвет* в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте (на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»): дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2012.201 с.

Кожина М.Н., Котюрова М.П. Изучение научного функционального стиля во второй половине XX в. // Stylistyka – VI. 1997. С. 145–171.

Котюрова М.П. Когнитивно-функционально-стилистический подход к культуре письменной речи // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. Вып. 9. С. 120–127.

Котюрова М.П. Культура письменной научной речи в когнитивно-эпистемическом отношении // Това чудо – езикът! Изследования в чест на проф. д-р Живко Бояджиев. София, 2007. С. 228–237.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. 394 с.

Крижановская Е.М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 1. Пермь, 1996. Глава X. С. 323–340.

Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: канд. дис. … филол. наук, Пермь, 2000. 195 с.

Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 217 с.

Млинарова Б. Семантика и функции частиц в современных газетных статьях на русском языке в дискурсивном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2018. 25 с.

Постовалова В.И. Язык как духовная реальность (пневматологический подход в гуманитарном познании) // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. XXXII: В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е.С. Кубряковой. 2018. С. 102–109.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст).Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с

Самойлова И.В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2009. 20 с.

Соловьева Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

Соловьева Н.В., Тихомирова Л.С. Толерантность в речевой коммуникации. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2012. 154 с.

Тихомирова Л.С. Плотность научного текста: комплексный подход к ее изучению: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2006. 26 с.

Ширинкина М.А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2001. 19с.

M.P. Kotyurova
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

TRANSDISCIPLINARY APPROACHES OF MODERN STYLISTICS

The article represents the research methodology, namely the transdisciplinary approach to language in the framework of the scientific school created by Professor M.N. Kozhina. The explanatory strategy in researching language functionality in speech varieties implies the need for keeping to the integrity of linguistic and extralinguistic subjects and therefore the insight into the extralinguistic base of functional speech style. Working with texts that focus on scientific knowledge required application of transdisciplinary approach that includes science of science, epistemology, psychology of scientific research etc. The transdisciplinary approach proved its efficiency for researching various problems of functional stylistics e.g. the problems of concept structures in scientific texts.

Keywords: functional style, transdisciplinary approach, concept structure of scientific text, culture of written scientific speech, editing scientific texts.

УДК 811.133.1'37

Крючкова Анна Евгеньевна
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
Минский государственный лингвистический университет
kruchkova.hanna@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ В ЗНАЧЕНИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО ЛИЦА

В статье исследуется проблема значения имен собственных, которое не может быть определено без обращения к экстралингвистической информации, представленной в энциклопедическом словаре дескрипциями сведений о референте. Анализируя дефиниции имен исторических личностей, библейских, мифологических и литературных персонажей, автор делает вывод о том, что объективные знания и субъективное восприятие тесным образом переплетаются в сигнификативном компоненте их значения, но в разной степени. Для исторических, библейских и мифологических имен релевантным представляется, в первую очередь, описание событий, связанных с жизнью их носителей, тогда как в основе значения литературных имен лежит обобщенный авторский образ, однозначно воспринимаемый представителями определенного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: имя собственное, значение, денотативный компонент, сигрификативный компонент, экстралингвистическая информация, объективные сведения, субъективное восприятие.

Начиная с конца XIX в. лингвисты неоднократно поднимали вопрос наличия / отсутствия значения у имени собственного, решение которого они предлагали с точки зрения двух диаметрально противоположных позиций: имя собственное рассматривалось как наиболее значимый лингвистический знак или как знак, не имеющий значения.

С середины 70-х гг. XX в. проблема значимости получила новое обоснование: исследователи установили, что поскольку имя собственное употребляется в речи, то оно имеет значение, хотя и «глубоко отличное» от имени нарицательного [Щерба 1974: 278]. Исходя из того, что имя собственное «приобретает вполне реальный смысл, как только мы узнаем скрывающиеся за ним социальные отношения» [Старостин 1978: 36], определить его значение невозможно без обращения к экстралингвистической информации. В рамках такого подхода ученые обратились к анализу связи семантики имени собственного со знаниями человека.

Так, философ-логик С. Крипке видит связь имени собственного

© Крючкова А. Е., 2019

человека с реальной действительностью в том, что корректное использование этого лингвистического знака требует знания *цепочки событий, соотносящихся с его референтом* («chain of events») [Kripke 1982: 36]. Формирование значения имени включает два этапа: исходный – акт наречения («initial baptism»), в процессе которого дается имя референту – жесткий десигнатор как основа для включения сведений; и последующий этап – передача референтной компетенции в ходе коммуникативных актов («transmission»). Оба этапа тесно взаимосвязаны: «При рождении родители дают имя ребенку, говорят о нем со своими друзьями. Другие люди знакомятся с ним. В ходе такого рода общения имя передается словно по цепочке от звена к звену» [Drapeau Vieira Contim 2005: 71].

Известность распространяемой «по цепочке» информации в определенном лингвокультурном сообществе становится предпосылкой для последующей фиксации имени человека в словаре, но не в толковом, как для имени нарицательного, а энциклопедическом [Никитин 1978: 32]. Это обусловлено лингвистической природой имени собственного – неспособностью обозначать понятие, но способностью реализовать референцию к конкретному знаменитому лицу.

Будучи онтологически **экстралингвистическим параметром**, цепочка связанных со знаменитой личностью событий входит в дефиницию значения ее имени через *пучки дескрипций* регулярного и непрерывного изменения во времени сведений о референте. Термин ‘пучок дескрипций’ («cluster of descriptions») обозначает совокупность знаний, которые непосредственно соотносятся с именем собственным лица и являются истинными лишь при условии, если есть индивид, отвечающий данному набору описаний [Searle 1958: 166–173].

Как видим, семантический объем имени при жизни человека постоянно увеличивается в связи с социальной активностью его носителя, что сопровождается расширением сигнификативного компонента благодаря увеличению количества экстралингвистических знаний о референте и появлению субъективных оценок его деятельности. Поступательное смещение социальной роли проходит в своем развитии три этапа: *знакомое лицо – известная личность – знаменитая личность, вошедшая в историю*. При этом денотативный компонент – *лицо мужского / женского пола* остается стабильным [Крючкова, 2013: 56].

На последней ступени – *знаменитая личность, вошедшая в историю,* – сигнификативный компонент «закрывается»: значение сводится к наиболее важным с позиций социума сведениям о знаменитой личности, включенным в словарную дефиницию. При этом

объективные знания становятся основополагающими, тогда как субъективное отношение к носителю имени со временем становится нерелевантным.

Так, например, дефиниции имен деятелей искусства, литературы или философов, представленные во французском энциклопедическом словаре «Le Petit Larousse», обобщают объективную информацию о направлении, в рамках которого они работали; дефиниции имен генералов или людей, имеющих воинские звания, включают сведения об их профессиональной деятельности, участии в военных кампаниях; политических деятелей – сведения об их государственной деятельности: *Amboise, Georges d' (Chaumont-sur-Loire 1460 – Lyon 1510) – prŭlat et homme d'Ĭtat franzais. Archevкque de Rouen (1494), cardinal (1498), lŭgat du pape en France (1501), il tint une place ŭminente dans l'Ĭtat de 1498 a 1510 en tant que principal ministre de Louis XII, dont il dirigea la politique italienne* 'Жорж д'Амбуаз (Шомон-сюр-Луар 1460 – Лион 1510) – французский прелат и государственный деятель. Архиепископ Руана (1494), кардинал (1498), папский легат во Франции (1501). Он сыграл важную роль во Франции 1498–1510 гг. как главный министр Людовика XII и ответственный за итальянскую политику', и т.д.

Анализ дефиниций *библейских имен* выявил вариативность денотативного компонента *библейский персонаж: 1) человек реальный: Abraham* 'Авраам', *saint Luc* 'Св. Лука' и др.; *2) духовное существо: Gabriel* 'Архангел Гавриил', *Michel* 'Архангел Михаил'; *3) верховное существо: Jésus-Christ* 'Иисус Христос'.

Сигнификативный компонент имен с денотативным компонентом *человек реальный* представлен дескрипциями сведений о происхождении и семейном положении библейского персонажа, его социальном статусе, результатах деятельности и поступках. В отличие от исторических имен в дефиниции не представлены лишь годы жизни персонажа.

Значение имени *Gabriel* с денотативным компонентом *духовное существо* включает дескрипции, дающие информацию о последующем развитии событий всего библейского текста: *Gabriel – ange messager de Dieu, qui explique à Daniel le sens de ses visions, annonce à Zacharie la naissance de Jean-Baptiste et à Marie la naissance de Jésus* 'Архангел Гавриил – посланник Бога, который объясняет Даниилу смысл его видений, приносит весть Захарии о рождении Иоанна Крестителя, Марии – о рождении Иисуса'. А сигнификативный компонент имени *Jésus-Christ* с денотативным компонентом *верховное существо* содержит сведения о его носителе как основателе христианства и Мессии от Бога. Как видим, дескрипции, представленные в словаре, тесно переплетаются

с событиями экстралингвистического плана и основаны на них, но не в реальной жизни, а в зоне библейского текста.

Анализ дефиниций мифологических имен также выявил несколько проявлений денотативного компонента *мифологический персонаж*: 1) *существо, почитаемое человеком: Aphrodite* ‘Афродита’, *Zeus* ‘Зевс’ и др.; 2) *существо, превосходящее человека: Hercule* ‘Геркулес’, *Circé* ‘Цирцея’ и др.; 3) *существо, подобное человеку: Achille* ‘Ахилл’, *Sisyphe* ‘Сизиф’ и др.; 4) *существо фантастическое, необычное для человека: Argus* ‘Аргус’, *Minotaure* ‘Минотавр’ и др.

Специфика вариативности денотативного компонента мифологического имени заключается в том, что, в отличие от библейского, она неизбежно предполагает разное, но устойчивое отношение человека. Сигнификативный компонент, формируемый дескрипциями экстралингвистических сведений, представленных в мифологии, раскрывает, в свою очередь, это отношение: *почему* почитаемый, *почему* превосходящий, *почему* подобный и *почему* необычный. Так, например, основу значения имен с денотативным компонентом *существо фантастическое, необычное для человека* эксплицируют дескрипции весьма странного внешнего вида их носителей: *Minotaure – monstre à corps d’homme et tête de taureau* ‘Минотавр – чудовище с телом человека и головой быка’.

Дело обстоит иначе с литературными именами. Специфика их денотативно-сигнификативной структуры проявляется в полной или частичной утрате цепочки событий, соотносящихся с референтом в зоне текста. Дескрипции же субъективного отношения к персонажу, напротив, становятся определяющей частью сигнификативного компонента в силу стабильности, однозначности и устойчивости авторского образа. Так, например, дефиниция имени *Don Juan – personnage légendaire d’origine espagnole. Séducteur impie et cruel* ‘Дон Жуан – легендарный персонаж испанского происхождения. Нечестивый и жестокий соблазнитель’ – вполне прозрачно эксплицирует денотативно-сигнификативную структуру его значения. Денотативный компонент *personnage de* является устойчивым и неизменным. Сигнификативный компонент включает следующие сведения о персонаже – *légendaire, d’origine espagnole,* – дающие объективную, но весьма краткую информацию, и субъективное восприятие – *séducteur impie et cruel*, – представляющую авторский образ, который и определяет значение имени *Don Juan.* Дефиниция дескриптивно предельно сжата, но семантически – объемна: значение обобщает все отрицательные восприятия легендарного соблазнителя.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить следующие положения.

1. Значение *имени собственного человека* или *персонажа* (библейского, мифологического, литературного) представлено тесным переплетением экстралингвистического знания с лингвистическими дескрипциями.

2. Значение денотативного компонента имени собственного человека – *лицо мужского / женского пола* – является неизменным и постоянным. Специфика сигнификативного компонента проявляется в закономерном расширении объема от значения *человек, знакомый в узком кругу,* к значению *личность, известная в обществе*. Семантический предел *знаменитая личность, вошедшая в историю,* свидетельствует о закрытости значения, представленного в дефиниции энциклопедического словаря экстралигвистической информацией – дескрипциями сведений о знаменитой личности, обобщающими ее социально значимые роли.

3. Денотативный компонент библейских и мифологических имен индивидуализируется в разных проявлениях. Сигнификативный компонент имен этих подклассов представлен объективными сведениями о персонаже, которые известны представителям лингвокультурного сообщества из библейского текста или мифа.

4. Специфика значения литературного имени раскрывается прежде всего в сохранении однозначности денотативного компонента *персонаж из* и доминировании в сигнификативном компоненте субъективного отношения над объективным знанием. Значение представлено дескрипциями общих сведений о прецедентном тексте или персонаже и основано на индивидуальном авторском образе, который однозначно воспринимается всеми членами общества.

Библиографический список

Крючкова А.Е. Динамика семантики культурно значимых имен собственных лица во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 05. Минск, 2013. 196 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

Старостин Б.А. Некоторые методологические проблемы теории собственных имен // Имя нарицательное и собственное: сб. ст. М.: Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, 1978. С. 34–42.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

Drapeau Vieira Contim, F. Kripke: référence et modalités. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 155 p.

Kripke S. La logique des noms propres. Paris : Les Editions de Minuit, 1982. 173 p.

Searle, J. R. Proper names // Mind. Oxford University Press 1958. № 266. Vol. 67. P. 166–173.

H.Ev. Kruchkova
Associate Professor of Phonetics and Grammar of French Department
Minsk State Linguistic University

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC COMPOSANTS IN THE PROPER NAME MEANING

The article examines the problem of the proper names meaning, which cannot be defined without reference to extra-linguistic references fixed in the encyclopedia by descriptions of information about the possessors of studied names. Analyzing the names definitions of historical personalities, biblical, mythological and literary characters, the author underlines that objective information and subjective perception are closely intertwined in the significative component, but with varying degrees. For historical, biblical and mythological names, the descriptions of real events related to their possessors' life are mostly relevant, whereas the meaning of literary names is based on a generalized author's image uniquely perceived by representatives of a certain linguocultural community.

Key words: proper name, meaning, denotative component, significative component, extra-linguistic information, objective information, subjective perception.

УДК 8.81.42

Куделько Татьяна Анатольевна
аспирант кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
pray-1977@mail.ru

КОНЦЕПТ, АНТИКОНЦЕПТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

В статье анализируются понятия *концепт, художественный концепт*, *антиконцепт* и рассматривается проблема выбора одного из этих понятий применительно к исследованию концептосферы детского фэнтези Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Утверждается, что отношения данных ментальных единиц носят более сложный характер, чем антонимия. Интерпретация нереального мира в детском фэнтези Дж. К. Роулинг позволяет обосновать понятие *фэнтезицепта* – специфического мыслительного конструкта жанра фэнтези.

Ключевые слова: концепт, антиконцепт, художественный концепт, антонимия, жанр детского фэнтези, фэнтезицепт.

Когнитивно-дискурсивное терминоведение как одно из актуальных направлений современного терминоведения занимается изучением различных форматов знания и поиском когнитивных механизмов концептуализации. В рамках этого направления актуальным является вопрос о соотношении понятий *концепт* и *антиконцепт*, последнее из которых рассматривается не только как средство формирования знаний, но и как инструмент интерпретации исходного концепта (см.: [Новодранова 2007; Гуреева 2007; Степанов 2004; Кубрякова 1996; Боева-Омелечко 2014; Непшекуева 2015; Буженинов 2017] и др.).

«Концепт» является одним из основных терминов современной лингвистики. Опорной теорией в большинстве исследований является концепция Е.С. Кубряковой, трактующей его как оперативную, содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [Кубрякова 1996: 92–93]. В отличие от концепта, «антиконцепт» трактуется как «продукт глубинных познавательных противоречий, присущих самим познавательным объектам» [Новодранова 2007: 148]. С точки зрения исследователя, антиконцепт представляет собой усложненный концепт, который ему не

© Куделько Т. А., 2019

всегда противопоставлен, но включает дополнительные признаки. При этом полагается, что антиконцепт является производным от концепта, имеет более сложную организацию, представляет собой результат концептуальной деривации, важнейшие механизмы которой включают соположение, развитие, достраивание, сравнение и перспективацию. Соотношение понятий *концепт* и *антиконцепт* основывается на противопоставлении, однако, как отмечают исследователи, его нельзя сводить к простому проявлению антонимии.

Необходимо отметить, что антиконцепты получили пристальное внимание в терминологии медицины. Так, например, В.Ф. Новодранова [Новодранова 2007] и Е.А. Слоева [Слоева 2007] исследовали антиконцепт *болезнь*, который противопоставлялся концепту *здоровье*, и антиконцепт *отклонение от нормы*, который противопоставлялся концепту *норма* [[Новодранова 2007: 148–155]. Изучая антиконцепт *миазм* (исходный концепт – *гомеопатическая конституция*), А.Э. Буженинов выявляет возможность противопоставления антиконцепта концепту на разных уровнях, т.е. антиконцепт может принадлежать отличной от исходного концепта категории [Буженинов 2017: 169]. Исследование антиконцепта *миазм* показало, что последний является сложно организованной мысленной структурой с двумя концептуальными признаками: конкретным проявлением миазма и характером миазма. Исследования в данной области показывают, что концепт и антиконцепт, являясь форматами знаний одного порядка, имеют возможность противопоставляться друг другу на уровне категорий (например, проявление признака или состояние).

В соответствии с тремя типами противоположностей В.Ф. Новодранова выделяет три семантических типа терминов-антонимов, которые показывают, что соотношение «концепт – антиконцепт» является противопоставлением более широкого порядка и одним из способов его выражения будет языковая антонимия [Новодранова 2007: 148–155]:

– первый тип характеризует качественную, пространственную, временную противоположность: победа – ничья – поражение;

– второму типу свойственно отношение дополнительности: успешный удар – неуспешный удар;

– третий тип предусматривает разнонаправленность действий, признаков: атаковать – защищаться.

Антиконцепты отражают познавательные концепты в их развитии. Так как антиконцепт не только противопоставляется концепту, но и является эффективным средством его интерпретации, возможность принадлежности к разным категориям позволяет осмысливать концепт и

антиконцепт с позиций других категорий, например, понятие может концептуализироваться как свойство или как состояние. Тем самым открываются всё новые концептуальные признаки понятий, что способствует росту научных знаний.

В связи с этим одним из дискуссионных вопросов является возможность оперировать понятиями *концепт* и *антиконцепт* применительно к жанру фэнтези, а также уместность обращения в этом случае к понятию *художественный концепт.* Обозначенный жанр «переносит читателя в абсолютно отличный от реального мир со своими законами и правилами», в котором, однако, продолжают существовать «основные человеческие мотивы: добро и зло, борьба и согласие, власть и повиновение» [Эл. ресурс]. Этот мир представляет собой отклонение или отступление от нормы, нечто нереальное. Инвариантным для жанра фэнтези является концепт *аномальный художественный мир*, так как именно он структурирует все содержание произведения и составляет концептуальный стандарт жанра фэнтези [Плотникова 1997: 48]. С.Н. Плотникова понимает под концептуальным стандартом жанра инвариантный концепт или инвариантную концептуальную систему, к которым должен восходить любой конкретный текст данного жанра [Там же]. В отношении жанра фэнтези, полагаем, можно рассмотреть возможность разработки понятия *фэнтезийный концепт* (*фэнтезицепт*). ***Фэнтезицепт*** определяется нами как многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания фэнтезийного мира, хранящий информацию о сочетании реального и вымышленного в жанре фэнтези.

Предметом нашего исследования является языковая репрезентация фэнтезийного концепта *образование* в произведениях Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Этот фэнтезийный концепт сопрягает в себе общее, особенное и единичное. Общее проявляется на общекультурном и общечеловеческом уровне; особенное можно отметить на национальном уровне; единичное проявляется в специфике индивидуально-авторской вымышленной фантазийной модели образования, образно реализованной в художественном произведении, в образности авторского мышления в целом, в его индивидуальном стиле.

Фэнтезицепт *образование* основан на сочетании вымысла и реальности. Фэнтези как жанр оказывает влияние на интерпретацию одного из базовых универсальных и общекультурных концептов (концепт *образование*). Важным фактором, обусловливающим преломление концепта *образование*, является и «детскость» фэнтези Дж. К. Роулинг.

Библиографический список

Боева-Омелечко Н.Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 39–42.

Буженинов А.Э. Антиконцепт и концепт как структуры различный категорий в терминологии (на материале гомеопатической терминологии) //Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 167–171.

Гуреева Е.И. Понятие «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 16–20.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.

Непшекуева Т.С., Губиева С.Ю. Антиконцепт “green economy” как результат процесса перекатегоризации // Политематический сетевой эл. журнал КубГАУ. 2015. № 110. С. 1006–1013.

Новодранова В.Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.: Калуга: Эйдос, 2007. С. 148–155.

Плотникова С.Н. Когнитивные принципы создания аномального художественного мира // Глубинные аспекты языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 1998. С. 123–131.

Плотникова С.Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 4: Жанр и концепт. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 262–272.

Слоева Е.А. Когнитивно-дискурсивный подход к описанию анатомического объекта: автореф. дис. …канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 182 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004, с. 42–67.

URL: http://zhurnal.lib.ru/e/estell_gd/fantasy1.shtml (дата обращения 29.03.2019).

T.A. Kudelko
Postgraduate of Linguadidactics Department
Perm State University

CONCEPT, ANTICONCEPT, ART CONCEPT: TO THE QUESTION OF THE DEFENITIONS' RELATIONS

The article deals with one of the actual problems in terminology – the relations between *concept, art concept and anticoncept* in the sphere of scientific knowledge. The author concentrates on the way to define these terms in the fantasy genre of Harry Potter. These mental units have the contrast much more than in the case of antonymy. The author underlines that the term *anticoncept* has a deeper meaning structure than the terms *concept* or *art concept* themselves. The interpretation of the unreal world in the children fantasy of J.K. Rowling makes it possible for us to offer a new term – ***fantasycept*** which is defined as a kind of construct of the fantasy genre.

Key words: concept, anticoncept, art concept, antonymy, fantasy genre of J.K Rowling in Harry Potter, fantasycept.

УДК 811.161.1'367

Кукуева Галина Васильевна
профессор кафедры филологического
образования и журналистики
Сургутский государственный педагогический университет
kupala@inbox.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РЕЧЕВОЙ ТКАНИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА)

В статье анализируются контаминированные формы чужой речи, представляющие собой результат интеграционного процесса в сфере художественного синтаксиса. Материалом исследования послужили рассказы В.М. Шукшина как образец гибридных текстов, характеризующихся активностью воспроизведения форм чужой речи в их взаимодействии. В результате анализа установлено, что контаминированные формы чужой речи рождаются путем «расщепления» графических, пунктуационных и синтактико-стилистических границ между речевыми партиями повествователя и персонажей. В рассказах В.М. Шукшина данные формы разрушают монолитность авторской речи, способствуют формированию несобственно-авторского повествования как полифонического и полистилевого типа речи.

Ключевые слова: чужая речь, синтаксис художественной речи, интеграционный процесс, речевые партии повествователя и персонажей, рассказы В.М. Шукшина.

Общая парадигма развития культуры XX в. свидетельствует о вовлеченности языка в процесс моделирования единых общекультурных процессов. Изменения лингвокультурологического характера находят отражение в лексическом и синтактико-стилистическом строе речи. Немаловажное место в данном механизме занимает интеграционный процесс, предполагающий объединение каких-либо речевых явлений, фактов в единое целое. Следствием этого служат сочетание резко контрастных стилистических элементов в художественной речи, диалогичность, семантическая дифференциация, стремление к краткости, эллиптичности, компрессии – или, напротив, к эксплицитности.

Ярким образцом интеграции художественной речи являются тексты, демонстрирующие «несомненную связь языковых новаций с литературно-художественными процессами» [Покровская 2000: 30]. На фоне этой взаимосвязи в композиционно-речевой и языково-

© Кукуева Г. В., 2019

стилистической структуре текста важными видятся: субъективация повествования, глубокое взаимопроникновение, размытость и стертость границ между речью автора и «словом» персонажей, диалогичность, усиление разговорного начала.

Под влиянием интеграционного процесса принципиальные изменения в языке художественной литературы претерпевает типология форм чужой речи: изменяется структурная и функциональная сторона конструкций. Разрушение авторского монологического повествования детерминируется активностью воспроизведения чужих субъектно-речевых сфер, диалогически совмещающихся в пределах одного высказывания, группы высказываний или целого текста. Композиционно-речевые формы, в системе которых ведущее место отводится диалогу, «сходятся» в несобственно-прямой / несобственно авторской речи – сферах взаимодействия субъектно-речевых линий повествователя (рассказчика) и персонажей – и формируют нетрадиционные, «контаминированные формы чужой речи» [Покровская 2001: 306] как знаки, свидетельствующие о динамичности композиционно-речевой структуры произведения.

Цель статьи – рассмотреть влияние интеграционного процесса на контаминацию форм чужой речи в текстах малой прозы В.М. Шукшина.

Обращение к рассказам данного писателя как к материалу, демонстрирующему интеграцию форм чужой речи, продиктовано тем, что его произведения, отражая общие процессы развития жанровой формы 60-х гг. XX в., наглядно демонстрируют свойственное малой прозе явление «гибридности» и синкретичности [Кукуева: 2006; Куляпин: 2012; Рыбальченко: 1999].

В качестве контаминированных форм будут рассмотрены прямая речь и несобственно авторское повествование. Выбор конструкций для анализа обусловлен, во-первых, их функциональной значимостью в текстах рассказов В.М. Шукшина [Василевская: 1994; Хисамова: 2007; Чувакин: 2013], во-вторых, активностью «размывания границ» между структурами, синтаксическим слиянием как результатом интеграции. Анализируя общие тенденции развития синтаксиса художественной речи Е.А. Покровская, отмечает: «нигде синтаксическое слияние не проявляется так рельефно, <…> как в снятии границ между речью автора-повествователя и персонажа, ни одна синтаксическая конструкция не отказалась от свойственного ей интонационно-пунктуационного оформления, а произошло это лишь с прямой речью, диалогом, которые четко отделялись графически, пунктуационно и интонационно от контекста, а начиная с 60-х гг. наблюдаются различные варианты их слияния с контекстом» [Покровская 2000: 315].

Отличительной чертой прямой речи и несобственно авторского повествования служат утрата традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены одного субъектно-речевого слоя другим, отсутствие вводящих и комментирующих ремарок.

В рассказах В.М. Шукшина контаминированные формы прямой речи, как правило, создаются благодаря совмещению в одной структуре прямой и косвенной конструкции. Рассмотрим один из простых, но при этом частотных примеров совмещения: *А кругом говорили,* ***что «ах, какая красота!»*** («Чудик»). Синкретическая форма чужой речи имеет в своем составе, с одной стороны, авторскую ремарку (*а кругом говорили*) как обязательный компонент конструкции с прямой речью, с другой – изъяснительный союз *что*, сигнализирующий о перестройке конструкции в косвенную. Однако номинативно-оценочное предложение в речи «необозначенных» персонажей (*ах, какая красота!*), междометие, восклицательная интонация, кавычки свидетельствуют о субъективной стороне высказывания, традиционно свойственной не косвенной, а прямой речи. Синтаксическое слияние разных конструкций с чужой речью, безусловно, нарушает гармонию иерархического синтаксиса, воздействует на читателя, воспринимающего текст, заставляет его со-участвовать в «раскручивании» разных голосов.

Более сложная форма интеграции просматривается в разрушении традиционного авторского монолога повествовательного типа и формировании несобственно-авторского повествования как полистилевого и полифонического типа речи. Довольно часто в речевой композиции рассказов В.М. Шукшина разрушение монолитности речевой партии повествователя организуется путем перехода от косвенной речи к свободной прямой речи и далее к персонажному монологу, данному в обрамлении авторского «слова»: *Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная и дура. Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега. Он злился на всех и втайне удивлялся: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она... Черт их знает, людей: как возьмутся языками чесать, так не остановишь. Они же не знали, какая она остроумная, озорная. Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет* («Беспалый). Зачин данного рассказа начинается с косвенной речи, передающей точку зрения окружающих о главной героине – Кларе. Семантико-стилистический рисунок конструкции сохраняет субъективно-оценочные интонации жителей: *Все*

кругом говорили (РЕМАРКА)*, что у Сереги Безменова* ***злая*** *жена*. ***Злая, капризная*** *и* ***дура***. Далее звучит авторский «голос», представленный в виде комментария к поведению Сереги Безменова: *Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега*. Казалось бы, далее должна последовать развернутая речевая партия повествователя с подробным анализом или объяснением нетипичной реакции героя, но вместо этого вводится конструкция со свободной прямой речью, воспроизводящая стилистику и интонацию «слова» героя, его восхищение женой: *Он злился на всех и втайне удивлялся* (РЕМАРКА)*: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она…* Далее авторское повествование полностью заменяется монологом главного героя, о чем свидетельствуют эмоционально-экспрессивный характер и разговорная основа конструкций ***Черт их знает****, людей: как* ***возьмутся языками чесать****, так не остановишь. Они же не знали, какая она* ***остроумная****,* ***озорная****.* ***Как она ходит!*** *Это же поступь,* ***черт возьми****, это движение вперед, в ней же тогда* ***каждая жилочка живет и играет****, когда она идет.* В приведенном текстовом фрагменте включенного монолога персонажа интерес вызывает фраза: ***Они же не знали****, какая она остроумная, озорная.* На основании сопоставления видо-временных форм глаголов в воспроизведенных репликах героя и в авторском комментарии, можно предположить, что данная фраза принадлежит «голосу» повествователя, т.к. в речи Сереги Безменова доминируют глаголы настоящего времени несовершенного вида *не видят, не понимают, ходит, каждая жилочка живет и играет, идет.* В речи повествователя, напротив, частотны формы прошедшего времени несовершенного вида глаголов *говорили, видели, понимали, не видел, не понимал, злился, удивлялся,* в которых сложность распознавания «голосов» автора и персонажа объясняется отсутствием графических маркеров перехода от одной субъектно-речевой сферы к другой. Интеграция нескольких конструкций с чужой речью внутри речевой партии повествователя ведет к полифоническому звучанию всего рассказа.

Таким образом, интеграция обнажает динамический процесс развития художественной речи. На уровне композиционно-речевой структуры данный признак проявляет себя в контаминированных формах чужой речи. Результатами сосуществования, чередования в отдельно взятой композиционно-речевой форме разных субъектно-речевых сфер являются коллажность и полистилизм повествования – признаки, наглядно проявившиеся в малой прозе В.М. Шукшина и в дальнейшем предопределившие такие черты художественно-речевой структуры современных текстов, как «несбалансированность»,

варьирование в плане диффузности / компактности речевых партий повествователя и персонажей.

Библиографический список

Василевская Л.И. Типы речи и композиционно-речевые приемы в рассказах В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул, 1994. С. 79–99.

Куляпин А.И. Творческая эволюция В.М. Шукшина. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. 203 с.

Кукуева Г.В. Авторская стратегия как одно из оснований типологического описания рассказов В.М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2006. №1–2. С. 40–48.

Рыбальченко Т.Л. Литературные жанры. Рассказ // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999. С. 219–227.

Покровская Е.А. Динамика русского синтаксиса в XX в.: лингвокультурологический анализ. Ростов-на/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2000. 436 с.

Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина). М.: Изд-во МПГУ, 2007. 352 с.

Чувакин А.А. Филолого-коммуникативный взгляд на малую прозу В.М. Шукшина // Исследования по семантике. Уфа, 2013. Вып. 25. С. 335–343.

G.V. Kukueva
Professor of Philological Education and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University

INTEGRATION PROCESS IN SPEECH PLAN OF ARTISTIC TEXTS OF THE XX CENTURY (ON THE MATERIAL OF STORIES BY V.M. SHUKSHIN)

In article the contaminated forms of someone else's speech representing result of integration process in the sphere of art syntax are analyzed. As material of a research stories by V.M. Shukshin as a sample of the hybrid texts which are characterized by activity of reproduction of forms of someone else's speech in their interaction served. As a result of the analysis it is established that contaminated forms of someone else's speech are born by "splitting" of graphic, punctuation and sintaktiko-stylistic borders between speech parties of the storyteller and characters. In stories by V.M. Shukshin these forms destroy solidity of the author's speech, promote formation not actually - the author's narration as polyphonic and polystyle type of the speech.

Key words: someone else's speech, syntax of artistic speech, integration process, speech parties of the storyteller and characters, stories V.M. Shukshin.

УДК 81'38

Куликова Ирина Степановна
доцент кафедры русского языка
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
krokus34@mail.ru

Салмина Диана Валентиновна
доцент кафедры русского языка
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
salminad@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕКСТАХ АКАДЕМИКА Н.Я. МАРРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Предметом исследования является использование фразеологизмов для создания образно-оценочного слоя научного дискурса. Материалом послужили статьи и доклады Н.Я. Марра, посвященные «новому учению о языке», в которых обнаружилась насыщенность фразеологией, противоречащая нормам академического стиля. Наряду с экспрессивно-эмоциональными метафорами и образными политическими клише 20-х гг. фразеологизмы позволяют создать портрет академика Н.Я. Марра как нестандартной языковой личности.

Ключевые слова: образность и эмоциональная оценочность в научном тексте, трансформация фразеологизма, фразеологизм, языковая личность.

Кто он, Николай Яковлевич Марр? Злой гений науки, чей миф «нового учения о языке» сыграл роковую роль и в судьбе отечественной лингвистики, и в личных судьбах многих ученых (см. [Алпатов 1990])? Или теоретик и философ языка, «кто за “языковым поворотом” истории усмотрел примат роли языка в культуре, жизни, познании и общении людей» [Шилков 2004: 74]? Видимо, и то, и другое. Но для нас важно не содержание учения Марра и не оценка «марризма» в истории советского языкознания, а проявление ученого как своеобразной языковой личности.

В качестве эмпирического материала нами выбраны четыре текста, вошедших в 3-й том избранных трудов Н.Я. Марра «Язык и общество» [Марр 1934]: статья 1924 г. «О яфетической теории» и три доклада, прочитанные перед разной аудиторией в Москве. Во всех этих работах Марр выступает не только как теоретик яфетидологии, но и как страстный пропагандист и защитник «нового учения о языке», у

© Куликова И. С., Салмина Д. В., 2019

которого, кроме горячих сторонников, не без основания было много противников, особенно в Москве. О сложности ситуации дает представление начало доклада «Язык и мышление», прочитанного на Чрезвычайной сессии АН СССР: «Товарищи, “язык и мышление” на отрезке моего выступления с темпом умещения минут в тридцать, сорок, хотя бы в час – это предприятие безумца, собирающего бурю в сито, когда вопрос трактуется о лингвистических данных, да еще на основе нового учения об языке, мало кому известного или известного преимущественно в до неузнаваемости искаженном освещении враждебных настроений» (5: 90).

Уже этот небольшой фрагмент дает возможность почувствовать своеобычность языковой личности Марра. По воспоминаниям О.М. Фрейденберг, «это был человек великой умственной страсти. Он весь, с совершенно исчерпывающей силой, был отдан единой творческой мысли – только одной своей теории» и «отдавался порыву, бурно бросаясь с головой и без остатка в стихию борьбы» [Фрейденберг 1988: 14]. Примечательно следующее ее наблюдение: «Его [Марра] ум не был дискурсивным» [Там же], а это значит, что в нем было чрезвычайно сильно эмоциональное начало, мало заметное в академически выдержанном описании материала, но ярко проявляющееся в полемических работах ученого, особенно в его докладах, т.е. при прямом контакте с критически настроенной аудиторией.

В приведенном примере, кроме вторжения в научный текст метафоры, бросается в глаза и весьма причудливая контаминация фразеологизмов *буря в стакане воды* (ирон. ‘Волнения, споры из-за пустяков’) и *носить* / *черпать воду решетом* (ирон. ‘Делать что-либо заведомо впустую, без результата’).

Если метафоры в научном дискурсе достаточно хорошо изучены, то фразеологизмы внимания не привлекали. Нам удалось найти единственную работу, посвященную фразеологизмам в научно-академических текстах русских лингвистов, где – в отличие от традиционного взгляда на противопоказанность образно-экспрессивных фразеологизмов строгим жанрам научного стиля – прямо утверждается (и подтверждается анализом обширного материала), что «в число узуальных средств создания образности научного текста входит образная фразеологическая единица, то есть такая, которая сохранила свою внутреннюю форму» [Зуга, Зливко 2014].

Обилие фразеологизмов в анализируемых работах Марра бросается в глаза и превосходит все возможные нормы: на 107 страниц проанализированного текста приходится более 50 фразеологизмов,

включая фразеологические сочетания *вопиющее противоречие*, *золотые россыпи*, *чреват последствиями*, *захватить врасплох*, *диаметрально противоположный*.

При этом преобладают не фразеологизмы книжного происхождения (*порочный круг*, *оставаться* «*в нетях*», *плоть от плоти*), вполне возможные в научном тексте, но разговорная фразеология. Прежде всего без фразеологии не обходится у Марра оценка состояния традиционного компаративизма. Редкие признания наличия «в индоевропейской лингвистической литературе» «золотых россыпей прекрасных мыслей» (5: 155) перекрываются негативной оценкой «зашедшей в тупик индоевропейской лингвистики» (5: 74), чему служат и фразеологизмы с семантическими компонентами ‘беспомощность (научная несостоятельность)’: «…работники по индоевропейской сравнительной грамматике, абсолютно не поддерживаемые в таких случаях материалами из других родственных языков, поскольку речь идет о значении ‘хорош’‖’добр’, беспомощно бьются, как рыба об лед …» (5: 11); ‘отсутствие (исследований)’: «…в смысле научных достижений, например, по этрусскому или баскскому языкам в западной Европе хоть шаром покати» (5: 70); «…остается в загоне целый ряд сложнейших проблем» (5: 76); «…пока спит непробудным сном глубже проработанный опыт установления родства египетского языка с индоевропейскими» (5: 73); «Оставим Индию и Китай в стороне, как оставляет их в стороне, т.е. по существу обходит молчанием, буржуазная Европа и буржуазная Америка…» (5: 113).

Однако сфера использования фразеологизмов отнюдь не ограничена в работах Марра полемическими контекстами. Не менее часто используются фразеологизмы и для характеристики различных аспектов «нового учения о языке»:

– очерчивание круга проблем: «Сейчас берем восточную Европу, отрезок исключительного интереса не только потому, что своя рубашка к телу ближе, но потому, что сейчас проблема о восточной Европе… составляет наиболее актуальную часть напряженного исследовательского внимания…» (5: 170);

– выход в сопредельные гуманитарные науки: «…если говорить об общей почве для работы, то яфетидология должна была бы найти ее и в отношении историков права <…> полагаю, что с исследователями материальной культуры почва эта уже нащупана» (5: 75); «Нужно, чтобы марксист-историк подошел и взял это в свои руки» (5: 175);

– формулировка важнейших положений яфетидологии: «…с этим фактическим положением рука об руку идет то положение, сигнализируемое языком, что чем ближе к нам звено, тем больше

усиливается классовость и классовая борьба в мировом масштабе» (5: 119); «Развитие речевой культуры состояло <…> в переводе звуковых символов <…> на рельсы все более и более расширенного использования в быту и в дальнейшем – на рельсы их передвижки в массовый обиход» (5: 72); «...язык-звучание берет верх над мышлением, как уже сложившиеся господствующие классы берут верх над трудящимися, предпосылка стадии, когда формальная логика, достояние классового мышления, вместе с их создавших классом, смещается диалектико-диалектическим мышлением <…>, где мышление берет верх над языком и имеет еще более брать верх (пока в бесклассовом обществе не возникнет единый язык)» (5: 118); «…ручной язык взял верх» (5: 120); «…как долго логическое мышление удержится и не сдаст ли оно массово своей позиции новой системе мышления, о строе которой мы сейчас можем, предполагается, лишь гадать» (5: 70).

О.В. Зуга и С.Д. Зливко в своей работе особое внимание уделяют авторской трансформации фразеологизмов в академических научных жанрах. Приведем один пример из этой работы – «окказиональную модификацию» фразеологизма *разложить по полочкам* у В.А. Звегинцева: «…современная лингвистика давно уже покинула ту полочку, на которую ее усадила традиция» [Зуга, Зливко 2014]. Подобный механизм трансформации находим и у Марра: «…процветавшая в блестящей изоляции старая наука об языке… основательно села на мель и упорно желает сидеть» (5: 154). Возможно расширение фразеологизма, а также перестановка или замена его компонентов. Так, на одной странице дважды встречается трансформированный фразеологизм *заблудиться в трех соснах* (разг. неодобр. ‘Не суметь разобраться в чем-либо простом, несложном’): «…люди с прочно установившимися взглядами и представлениями, в том числе и ученые специалисты, о трех космических понятиях – ‘неба’, ‘земли’ и ‘солнца’ – в анализе этих слов блуждают, как среди трех сосен…» (5: 97); «…умозаключения в вопросе о мышлении, которые являются продуктом работы специалистов, путавшихся в трех соснах до действительного оформления марксизма…» (5: 97). С интерпретацией семантики, связанной с древнейшими культами, связан риторический вопрос «Где же зарыта в этот раз, по-видимому, действительно “культовая» собака”?» (5: 98).

Обилие фразеологизмов в текстах Марра, для которого родным языком был не русский, а грузинский, наводит еще на одну, возможно, небесспорную, мысль о его языковой личности: давно замечено и отражено в художественной литературе, что одним из способов показать

абсолютно свободное владение неродным языком является особое пристрасти к фразеологии.

Каковы бы ни были причины, важен результат: наряду с метафорами и образными идеологическими клише 20-х гг. фразеология обеспечивает высокую эмоционально-оценочную заряженность марровских текстов. Порождающие ее объективные условия научного труда – «личностно-психологический компонент познавательной деятельности, связанный с эмоциональным откликом ученого на проблемную ситуацию и способы ее разрешения», стремление воздействовать на читателей или слушателей «не только силой разума, но и силой чувства» [Котюрова, Баженова 2008: 83–84] – усугубляются психологическим типом личности Н.Я. Марра: страстный пропагандист «нового учения о языке», в полемике с «индоевропейской лингвистикой» он не стесняет себя нормами академического стиля.

Библиографический список

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм // Знание – сила, ноябрь–декабрь 1990]. URL: http://www.speakrus.ru/articles/marr.htm (дата обращения 23.03.2019).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/ (дата обращения 18.03.2019).

Зуга О.В., Зливко С.Д. К проблеме описания фразеологизмов в научно-академических текстах (на материале работ русских языковедов) // В мире научных открытий, 2014. URL: http://naukarus.com/k-probleme-opisaniya-frazeologizmov-v-nauchno-akademicheskih-tekstah-na-materiale-rabot-russkih-yazykovedov (дата обращения 26.03.2019).

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта : Наука, 2008. 280 с.

Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3: Язык и общество. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. 423 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/ (дата обращения 23.03.2019).

Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре. / предисл. И.М. Дьяконова; публ. и примеч. Н.В. Брагинской (по материалам электронного архива О.М. Фрейденберг 1936 г.) // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 181–204. URL: http://freidenberg.ru/docs/nauchnyetrudy/stat'i/vospominanijaomarre (дата обращения 23.02.2019).

Шилков Ю.М. Философия языка Н.Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб., 2004. С. 72–82. URL: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/veche_almanakh/veche_vypusk_16/79-1-0-4050 (дата обращения 22.03.2019).

I.S. Kulikova
Associate Professor of Russian Language Department
The Herzen State Pedagogical University of Russia

D.V. Salmina
Associate Professor of Russian Language Department
The Herzen State Pedagogical University of Russia

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXTS OF ACADEMICIAN N.YA. MARR AS A MANIFESTATION OF HIS LANGUAGE PERSONALITY

The subject of this article is the use of phraseological units to create a figurative assessment layer of scientific discourse. The articles and reports by N. Ya. Marr devoted to the "new doctrine of language" served as the material for the study. In the sources mentioned, a saturation of phraseology was revealed that contradicted the norms of the academic style. Along with expressive-emotional metaphors and figurative political clichés of the 20s, idioms allow you to create a portrait of Academician N. Ya. Marr as a non-standard language personality.

Key words: imagery and emotional evaluation in a scientific text, transformation of a phraseological unit, phraseological unit, linguistic personality.

УДК 81'255.4:81'42

Кушнина Людмила Вениаминовна
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
lkushnina@yandex.ru

ОТ РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА К СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ В АСПЕКТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена юбилею профессора Марии Павловны Котюровой, труды которой по методологии и стилистике русского языка получили признание как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Исследования М.П. Котюровой обладают междисциплинарной значимостью, введенные ей термины успешно используются представителями других научных направлений: психологии, сопоставительной лингвистики, теории перевода, когнитивной лингвистики. Автор статьи обращает особое внимание на идею речевой системности, плодотворность которой прослеживается в русле современного когнитивного переводоведения, представленного в синергетической модели перевода – переводческом пространстве.

Ключевые слова: речевая системность, стереотипность, творчество, эталонный научный текст, гармоничность, синергетика перевода.

Научное творчество Марии Павловны Котюровой обладает несомненной эвристической значимостью ввиду его многоаспектности и трансдисциплинарности. Исследования М.П. Котюровой раскрывают универсальность и глубину научного подхода автора, предлагающего новые неожиданные решения традиционных проблем в соответствии с современными социально значимыми когнитивными, дискурсивными, культурноречевыми проблемами, интересующими отечественных и зарубежных исследователей.

Как показывает наша исследовательская практика, достижения ученых в моноязычной коммуникации могут послужить мощным импульсом для выявления сущностных закономерностей двуязычной, переводческой коммуникации. Действительно, в работах М.П. Котюровой мы встречаем, во-первых, термины и понятия, которые ранее мы употребляли в своих работах, но в иной трактовке; во-вторых, мы находим термины и понятия, которые мы ранее не использовали, но которые находят отражение в наших исследованиях и в исследованиях наших учеников; в-третьих, мы обнаруживаем термины и понятия,

© Кушнина Л. В., 2019

имеющие общенаучное, общелингвистическое значение, что находит отражение в работах коллег, учеников, единомышленников.

Обратимся к статье «Речевая системность (к развитию понятия)», которая послужила отправной точкой наших размышлений [Котюрова 2013].

Автор признает системность как «…сущностное свойство речи (текста), которое обеспечивается совокупностью таких признаков, как смысловая и формальная целостность, связность, структурность и др.» [Котюрова 2013: 39]. При этом автор подчеркивает, что «…реальный текст целесообразно понимать как синергетическую речевую систему, включающую и стандартизированные, и хаотичные, асистемные элементы» [Котюрова 2013: 39].

Обратим внимание на ключевые, в рамках нашей концепции перевода, понятия: системность, синергетическая речевая система, гармонично плотный текст. Эти понятия представлены и в наших исследованиях, где они получают иное толкование. Перевод мы трактуем как синергетическую систему транспонирования множества гетерогенных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Эти смыслы в основном имплицитны, и они формируются как в текстовых полях, так и в полях субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента. Мы предложили новую аксиологическую доминанту процесса перевода – гармоничный перевод, трактуя гармонию как согласованность, соразмерность смыслов исходного и производного текстов. Текст гармоничен, если его смысловое пространство соотносимо с текстом оригинала и с культурой перевода. При этом культурное соответствие не означает словарного соответствия, и оно часто является результатом приращения смыслов, т.е. их синергии. Мы полагаем, что гармоничных переводов может быть бесконечное множество, так как каждый переводчик формирует в своем сознании индивидуально-образный смысл, который синергетически взаимодействует с другими смыслами переводческого пространства, в результате чего происходит приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Именно на пересечении культурно-языковых пространств возникает произведение, которое продолжает существование текста в новой среде, приобретая новое «культурное измерение».

Приведем в качестве примера поэтический текст для детей Р. Сэф в переводе Анри Абриля [Abril 2006]:

Роман Сэф. Урок французского

Один судак – большой чудак,
Который жил в реке,
Умел молчать на чистом французском языке.
Его просили все вокруг
Жуки и трясогузки:
Ну помолчите, милый друг,
Немного по-французски.
Он ничего не отвечал,
Но все молчал, молчал, молчал.

Henri Abril. Leçon de français
Il y avait dans la rivière
Un gros brochet qui savait se taire
En français.
Les canards si bavards,
Les hochequeues lui demandiaent:
Cher ami, cher brochet,
Taisez-vous un peu
En français.
Et le brochet se taisait
Se tesait tout le temps
En pur français.

Как видим, в тексте перевода отсутствуют некоторые лексемы оригинала, они либо заменены на другие, либо опущены. Например, слово «судак» заменено на «brochet» («щука»), слово «жуки» заменено на «canards» («утки»), слово «чудак» опущено при переводе и заменено на «gros brochet» («большая щука»). Если мы воспользуемся термином М.П. Котюровой «контур», заметим проявление «контурного мышления» переводчика: в оригинале словосочетание «на чистом французском языке» присутствует в начале текста, в переводе «en pur français» – в конце текста, что позволяет сохранить авторскую идею.
При этом мы констатируем, что перевод гармоничен, так как его смыслы соразмерны смыслам оригинала, и текст на французском языке читается столь же легко и естественно, как текст на русском языке.

В своих работах ученый описывает плотность как существенный признак текста, относящийся к характеристике его содержания: «Не может быть текста, не обладающего плотностью. Другое дело, что она проявлена в разной степени, градуально, как лишь частичное отражение

(а не полное выражение) речемыслительной деятельности – из-за ее объемности, синкретичности и интегральности» [Котюрова 2007: 152–153].

Понятие плотности текста получило дальнейшее развитие в диссертационном исследовании Л.С. Гиренко, выполненном под руководством М.П. Котюровой. Под нашим руководством выполнено диссертационное исследование П.Р. Юзманова, который изучал информативность русскоязычного и немецкоязычного образовательного дискурса [Юзманов 2012]. Опираясь на методику «измерения» плотности, изложенную Л.С. Гиренко, автор работы использовал плотность в качестве объективного параметра «измерения» гармоничности перевода. В своей работе П.Р. Юзманов показал, что соразмерность информативной плотности текстов оригинала и перевода означает достижение переводческой гармонии, и как следствие, успешное взаимодействие коммуникантов, принадлежащих разным лингвокультурам.

Нельзя не сказать и о том, что М.П. Котюрова является вдохновителем научного творчества коллег и единомышленников. Объединив наши усилия, Мария Павловна способствовала тому, что были написаны и опубликованы совместные статьи. Особенно значима статья «Актуализация обыденного сознания как одна из причин коммуникативных сбоев в научных и художественных (переводных) текстах», опубликованная в Вестнике Пермского университета «Российская и зарубежная филология» [Котюрова, Левченко, Кушнина 2015]. Этот процесс является поистине трансдисциплинарным, т.к. каждому соавтору необходимо «выйти за рамки» своего научного направления, чтобы создать единый, цельный, связный текст.

Рассуждая о системности перевода, соотносимой с речевой системностью, постулируемой М.П. Котюровой, обратимся к понятию эпистемической ситуации, которое мы используем для обоснования нашей концепции переводческого пространства. Эпистемическая ситуация, ориентированная на выявление трех ведущих компонентов текста – онтологического, методологического, аксиологического, имеет гораздо более широкое исследовательское поле, чем изложено в работах М.П. Котюровой. Мы апробировали данное понятие на ключевых понятиях переводческого пространства – гармония, когниция, синергия – и установили корреляцию между ними. Мы полагаем, что их совокупное рассмотрение позволит выстроить новую парадигму когнитивного переводоведения, исследовать его системность на новом уровне. Этот уровень мы определяем как эпистему перевода.

Мария Павловна Котюрова создала и продолжает создавать научное пространство, которое расширяет традиционные границы лингвистики, вовлекая в свою орбиту не изведанные ранее пространства.

Библиографический список

Гиренко Л.С. Лексические средства выражения плотности содержания (в русских научных текстах XVIII в.) / Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 140–152.

Котюрова М.П. Плотность научного текста: подходы к её изучению // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. Вып. 11. С. 142–155.

Котюрова М.П. Речевая системность (К развитию понятия) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2013. Вып. 17. С. 27–44.

Котюрова М.П., Левченко Е.В., Кушнина Л.В. Актуализация обыденного сознания как одна из причин коммуникативных «сбоев» в научных и художественных (переводных) текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 1 (29). С. 45–54.

Юзманов П.Р. Категория информативности в русском и немецком документном образовательном тексте/дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 22 с.

Abril H. Anthologie de la poésie russe pour enfants. Editions Circé, 2006. 185 p.

L.V. Kushnina
Professor of Foreign Languages, Linguistics and Translation Department
Perm National Research Polytechnic University

FROM SPEECH SYSTEMACITY TO TRASLATION SYSTEMACITY IN THE SPACE OF TEXT, DISCOURSE, CULTURE

The article is devoted to the jubilee of Professor Marija Pavlovna Kotjurova. Her works on methodology and Russian language stylistics are commonly renowned among Russian and foreign linguists. The research works of M.P. Kotjurova reveal an interdisciplinary importance; the terms discovered by the researcher are being used successfully by the representatives of other scientific fields, – psychology, comparative linguistics, translation theory, cognitive linguistics. The author of the article pays particular attention on the idea of speech systemacity effectiveness that becomes evident considering contemporary cognitive theory of translation. Within of it the author's conception of translation space is represented.

Key words: speech systemacity, stereotype, creativity, etalon scientific text, harmony, synergy, translation.

УДК 811.112'37

Лапина Лариса Григорьевна
доцент кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
lapina48@mail.ru

ЯЗЫК ОБРАЗОВАНИЯ (BILDUNGSSPRACHE) В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Рассматривается статус «языка образования» (*Bildungssprache*) в дискуссиях современных немецкоязычных авторов в связи с глобализационными процессами в Европе. На материале немецкого образовательного дискурса делается вывод о выделении в смысловой структуре «языка образования» трех основных значений и предлагается их развернутый анализ.

Ключевые слова: образование, язык образования, образовательный дискурс, языковая политика, многоязычие, интеграция мигрантов.

Качественное образование является одним из главных рычагов интеграции в современных обществах. Новый всплеск интереса к этой проблеме связан с тем вызовом, с которым столкнулись европейские страны при интеграции мигрантов в европейское образовательное пространство. С образованием (Bildung) неизбежно коррелирует и понятие языка образования (Bildungssprache), которое по-разному трактуется в различных сегментах образовательного дискурса.

Разные интерпретации языка образования восходят к древневерхненемецкому слову “bildunga”, которое, в свою очередь, было калькой от латинского «imagination» и имело значение “Schöpfung” (высок. «творение», «создание», «произведение»), “Verfertigung” (книжн. «изготовление»). Специализация значения появилась у слова “Bildung” не сразу: лишь в конце XVIII в. оно стало употребляться в «образовательном» значении [Babenko 1997: 11–12]. А в XIX в. немецкий язык был уже признанным языком в области образования и науки, во многом благодаря авторитету великого писателя и просветителя Иоганна Вольфганга Гете. Образованием в XIX в. называли прежде всего образование в области языков и литературы, истории и эстетики [Die Deutschen in ihrer Welt 1992: 173].

Как известно, в Европе в исторической последовательности в качестве языков образования сменили друг друга: греческий язык и латынь (латынь вплоть до средневековья и нового времени), французский язык (период Просвещения), немецкий язык (язык науки в

© Лапина Л. Г., 2019

XIX и XX вв.). Немецкий язык, до начала XX в. выполнявший в Европе свою историческую культурную миссию, был почти обязательным языком в области естественных наук и играл по отношению к носителям немецкого языка за пределами Германии важную объединяющую и идентифицирующую роль. Объективно он и впредь должен был оставаться стратегически важным европейским языком. Однако две мировые войны и фашизм нанесли ему невосполнимые репутационные потери. Когнитивный потенциал немецкого языка с его богатейшим словарным составом и безграничными словообразовательными возможностями, как канал доступа к достижениям мировой науки, культуры и образования, сейчас, к сожалению, мало кого интересует. Явно недостаточной является представленность немецкого языка в международных организациях и в ЕС, что существенно снижает его участие в политической коммуникации [Ammon 2017: 15]. Претензии немецкого языка, являющегося в семи странах государственным языком, на место одного их мировых языков уступили место его пониманию как второго иностранного языка (после английского), конкурирующего по некоторым позициям в Европе с французским языком.

Другой гранью проблемы языка образования является предпринимаемая в настоящее время ревизия роли древних языков в системе европейского образования. В качестве примера резкой критики традиционных для Европы языков образования можно сослаться на аргументацию Нади Тома [Thoma 2015], которая подвергает анализу статус греческого и латинского языков в учебных заведениях немецкоязычных стран. В конце XVIII в., в связи с появлением идеи общего образования для народа на базе родного языка (Allgemeinbildung), монополия языков образования была нарушена, однако в XIX в. В. фон Гумбольдт в своей концепции гуманистической гимназии снова вернул древним языкам их прежний статус.

В результате реформы по унификации немецкого литературного языка конца XIX в. язык образования интерпретировался в немецком культурном пространстве в 20-х гг. XX в. как *высокий* и *чистый* язык образованных людей, проявляющийся в первую очередь в области произношения, в противовес диалекту, который считался языком низших слоев населения [Там же: 180–182]. По мнению Нади Тома, эталонная роль древних языков должна быть подвергнута сомнению хотя бы потому, что, призванные быть мерилом для сравнения, они в настоящее время ни для кого не являются родными языками, поэтому можно утверждать, что немецкий язык насаждается сегодня мигрантам в качестве языка образования искусственно, наподобие латыни в средние века.

Авторы коллективной монографии “Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften“ подвергли тотальной ревизии все «школьные» каналы передачи когнитивной информации: язык обучения в средней школе, изучаемые в гимназии древние классические языки, а также академический немецкий язык высшей школы. Впрочем, критика всякий раз ведется с одних и тех же позиций неприятия нормативно-корректного немецкого языка, понимаемого как инструмент господства и дискриминации некоренного населения [Thoma, Knappik 2015: 263]. Защищая права мигрантов, авторы ведут прямое наступление на позиции основных европейских языков в системе образования, активно привлекая понятие лингвицизма как специфической формы расизма [Springsits 2015: 91].

Итак, являясь каналом передачи формально организованного знания в школьной системе, язык образования делает главным предметом рассмотрения школу как основное поле деятельности обучающихся и их языковые компетенции, необходимые для успешного обучения в школе [Mecheril, Quehl 2015: 158]. Поэтому при анализе языка образования эксперты обращают внимание на три его основные функции: коммуникативную, направленную на понимание и передачу сложного знания; эпистемическую, предполагающую овладение языком образования как инструментом мысли, и социально-символическую, сводимую к социальному позиционированию [Thoma 2015: 183–184].

Наиболее проблемную группу с точки зрения овладения всеми функциями языка образования составляют дети мигрантов; наблюдается «этнизация топоса малообразованных семей» [Mecheril, Quehl 2015: 163]. Социальный и образовательный статус детей мигрантов существенно ниже, чем у детей из семей социально ущербных немецких граждан, поэтому немецкие эксперты выступают за разработку учебных пособий нового поколения для интеграционных целей. Европейская модель языкового образования предполагает изучение всеми (кроме первого, родного, языка) также двух последующих языков общения, таким образом, конечной целью является умение общаться на нескольких языках, а не стремление к перфекционизму в освоении одного языка, даже если он является государственным языком страны пребывания. Эти требования в какой-то степени отодвигают проблему языка образования в первоначальном смысле на задний план.

Обратимся к еще одной трактовке понятия Bildungssprache, в которой оно традиционно коррелирует с понятием словесной культуры (Wortkultur). Герхард Аугст в своей дискуссионной статье пытается дать на материале качественной журналистики (хотя бы в первом приближении) определение языка образования, своеобразным маркером

которого является в первую очередь особый словарный состав (Bidungswortschatz) [Augst 2016: 1], употребление слов и выражений высокого образовательного регистра. При этом он развивает идеи Юргена Хабермаса [Habermas 1981], который отграничивает язык образования (Bildungssprache) от обиходно-разговорного языка (Umgangssprache) и языка науки (Wissenschaftssprache), к которому относится и специальный язык (Fachsprache), хотя в некоторых контекстах это разграничение не всегда возможно.

Систематизируя рассуждения Г. Аугста по поводу языка образования, можно констатировать следующее:

– Язык образования не сводится к специальной терминологии (Fachwörter), которой владеют, в принципе, все люди, имеющие высшее образование: речь идет о словах и выражениях, свидетельствующих о высочайшей словесной культуре (языке высокой образованности) в рамках классического гуманитарного образовании, что проявляется, например, в особом метаязыке, в свободном оперировании такими словами и выражениями, как diskursiv, Normativitäten, Symbolpolitik, Verfeindungsstrategie, Plausibilitätseffekt, Diversity-Rhetorik, konstituieren, polarisieren, neu buchstabieren, anschlussfähig werden и т.п. Лексикон образования структурирован совершенно особым образом: его носитель оперирует общенаучными понятиями и теориями (преимущественно из области культурологии, гуманитарных и социальных наук, знаниями из области античной мифологии, истории, религии, искусства и литературы.

– Носители просвещенной элиты, располагая обширными познаниями из многих наук, владеют способами получения научного знания, в том числе относительно дискуссионных тем, представляющих общественный интерес. Они обладают отточенными, риторически и дискурсивно выверенными аргументационными стратегиями.

– Язык образования в его концептуально развитой письменной форме (die konzeptionelle Schriftlichkeit) свидетельствует о *когнитивной академической языковой компетентности* (die “Cognitive Academic Language Proficiency” – CALP), а концептуально выдержанная устная речь (die konzeptionelle Mündlichkeit) намного превосходит *базовые коммуникативные навыки обычного человека* (die “Basic Interactive Communication Skills” – BICS) [Cummins 1984].

– Лексикон образования является в рамках литературного языка стилистически маркированной формой, что проявляется, начиная со второй половины XX в., в словарных пометах: bildungsspr. (bildungssprachlich). Он не дается человеку от природы, а приобретается в качестве особого языкового регистра в ходе систематического

(высшего) образования и представляет собой динамическое явление, подверженное изменениям и обновлениям.

– Доля лексикона образования в общем словарном составе языка не превышает 2 %. Этот словарный состав по-разному представлен в корпусах текстов и слов, а также в различных жанрах СМИ, целевой группой которых являются высокообразованные люди.

– Интерес представляет также коммуникативная функция лексикона языка образования в этих текстах, поскольку даже в сопоставимых по статусу СМИ дистрибуция и «плотность» маркированных слов и выражений может быть различной.

– Лексические единицы языка образования можно градуировать по степени их книжности, прецедентности и т.п., путем присвоения помет от “bildungssprachlich” до “(hoch)bildungssprachlich”. Употребление лексикона образования может быть признаком индивидуального стиля того или иного автора. Г. Аугст характеризует язык образования как остроумную стилистическую игру с языком, а также как эксклюзивную компетенцию.

Обобщая приведенные выше взгляды немецких авторов, можно утверждать, что изменение традиционной роли языков и характера языковых контактов в эпоху глобализации сказалось на изменении смысловой структуры слова Bildungssprache: в немецком образовательном дискурсе наметилась существенная дифференциация, связанная с выделением у этого слова трех значений:

1) язык, обеспечивающий доступ к наследию мировой и национальной культуры (в широком смысле этого слова), язык с богатыми культурными и историческими традициями (также Kultursprache); в зависимости от исторических условий в статусе языка культуры могут выступать разные языки;

2) язык образовательной сферы, на котором ведется преподавание в школах и вузах (также Unterrichtssprache, Schulsprache); набор языков образования в этом смысле также может варьироваться;

3) язык высокообразованных людей, эрудиция (Weltwissen) и словесная культура (Wortkultur) которых проявляется в первую очередь в особом лексиконе (Bildungswortschatz); лица, владеющие высочайшим регистром литературного языка, могут быть представителями любой национальной культуры.

В условиях миграционного общества Bildungssprache в первом значении постепенно теряет свою актуальность.

Библиографический список

Ammon, Ulrich. Die heutige Stellung der deutschen Sprache in der Welt und ihr Zusammenhang mit Sprachenfragen in der Grande Région / Großregion // Muttersprache. Jahrgang 127 **(**2017). № 1/2. S. 10–21.

Augst, Gerhard. Bildungsswortschatz: Bestimmung – Verwendung – Funktion // Muttersprache. Jahrgang 126 **(**2016). № 1. S. 1–10.

Babenko N.S. Über einige kulturbedingte Konnotationen des Begriffs *Bildung* // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1997. DAAD. S. 11–17.

Cummins, James. Zweisprachigkeit und Schulerfolg // DDS, 3, 1984. S. 187–198.

Die Deutschen in ihrer Welt: Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde // Herausgegeben von Paul Mog in Zusammenarbeit mit Hans-Joachim Althaus. Berlin und München: Langenscheidt, 1992. 264 s.

Habermas, Jürgen. Umgangssprache, Wissenschaftssprache, Bildungssprache // Kleine politische Schriften I–IV. Frankfurt am Main, 1981. S. 340–363.

Mecheril, Paul, Quehl, Thomas. Die Sprache der Schule. Eine migrationspädagogische Kritik der Bildungssprache // Thoma, Nadja, Knappik, Magdalena (Hg.) Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. S. 151–177.

Springsits, Birgit. „Nein, das kann nur die Muttersprache sein". Spracherwerbsmythen und Linguizismus // Thoma, Nadja, Knappik Magdalena (Hg.). Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. S. 89–108.

Thoma, Nadja. Ein »neutrales Vergleichsmedium, das niemandes Muttersprache ist«? Zur Bedeutung der (>Bildungs<) Sprachen Latein und Griechisch in fachdidaktischen Diskursen der amtlich deutschsprachigen Migrationsgesellschaft. In: Thoma, Nadja, Knappik Magdalena (Hg.). Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. S. 179–203.

Thoma, Nadja, Knappik, Magdalena (Hg.). Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. 345 s.

L.G. Lapina
Associate Professor of Linguodidactics Department
Perm State University

THE LANGUAGE OF EDUCATION (BILDUNGSSPRACHE) AS ELUCIDATED BY MODERN GERMAN-SPEAKING AUTHORS

The article concerns the status of "the language of education" (Bildungssprache) in the discussions of modern German-speaking authors inspired by the processes of globalization in Europe. Studying the material of the German educational discourse led to the conclusion about identification in the semantic structure of "the language of education" of the three main meanings; their in-depth analysis is suggested.

Key words: education, the language of education, educational discourse, language policy, multilingualism**,** integration of migrants.

УДК 372.811.161.1(497,4)

Лесневска Димитрина Спасова
доцент кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики
Университет мирового и национального хозяйства в Софии
dimitrina_lesnevska@abv.bg

Лесневска Радослава Владиславова
аспирант
Высшее строительное училище им. Любена Каравелова в Софии
rlesnevska@gmail.com

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РКИ В БОЛГАРСКОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена особенностям эколингвистического подхода к обучению русскому языку как иностранному в болгарской аудитории. Эколингвистический подход к обучению иностранным языкам рассмотрен как глобализованный подход. Дана характеристика таких показателей эколингвистического подхода, как экологическое сознание, экограмотность, экологическая компетентность, транскультурная компетентность. Проведен анализ современного состояния обучения русскому языку как иностранному в русле глобального образования в Болгарии. Раскрыта специфика преподавания русского языка как инославянского в болгарской аудитории. Подчеркивается важность диалога русской и болгарской культур для сохранения славянской исторической памяти при обучении РКИ в болгарской аудитории.

Ключевые слова: эколингвистический подход, трансдисциплинарное образование, глобальное образование, эколингводидактика, русский язык как иностранный, русский язык как инославянский, валеология, экологическая компетентность, транскультурная компетентность, экологическое сознание, экограмотность, культура речи, подход лингва-франка.

В настоящее время под эгидой ЮНЕСКО и Совета Европы разработаны принципы глобального образования в интересах устойчивого развития. Согласно Программе глобального образования Совета Европы [Основни насоки 2012] глобальное образование «открывает глаза и умы людей к реалиям глобализованного мира». В Постановлении Министерства образования Болгарии 2016 г. [Наредба 2016] подчеркивается, что гражданское, валеологическое, экологическое и межкультурное образования взаимосвязаны и образуют междисциплинарный комплекс. В Российской Академии образования утверждена концепция общего экологического образования в интересах устойчивого развития [Захлебный 2012]. Современная экопедагогика

© Лесневска Д. С., Лесневска Р. В., 2019

направлена на креативное, открытое образование, имеющее новую экосоциальную межкультурную перспективу. Экодидактика разрабатывает и утверждает новую экосистемную методологию обучения и преподавания на основе междисциплинарного экологического подхода. В эпоху глобализации трансдисциплинарное образование осуществляется в рамках таких междисциплинарных предметов, как антропология, экология, культурология и т.п., методическим ядром которых является синергетика – наука о жизни в сложном, меняющемся мире.

В эпоху глобализации вопросы методики преподавания языка рассматриваются в свете эколингвистики – нового направления в языкознании, сформировавшегося на стыке социолингвистики, психолингвистики, когнитивистики и философии языка. Экологический подход к изучению языков исследует взаимодействие между средой, языками и людьми, говорящими на этих языках. Предметом изучения эколингвистики является состояние языка как семиотической системы, его «семантическое здоровье», обусловленное социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими на язык, языковое сознание и речевую культуру, пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, а также обогащения и развития, с другой [Сковородников 2013]. На теоретической базе экопедагогики сформировалась новая методика преподавания иностранных языков (ИЯ) – эколингводидактика. Этот термин введен в научный обиход проф. В.В. Сафоновой в докладе на Международном научном симпозиуме Шуменского университета им. Константина Преславского в апреле 2018 г. [Сафонова 2018]. Главным подходом к обучению ИЯ в рамках эколингводидактики является эколингвистический подход, интегрирующий межкультурный, контрастивный, дискурсивный, лингвокультурологический, социокультурный, этнокультурный и когнитивно-прагматический подходы к иноязычному обучению [Лесневская 2018].

Эколингвистический подход предполагает обучение ИЯ, основанное на диалогическом общении. Изучаются различные компоненты культуры речи (языковой, коммуникативный, этический, эстетический), а также риторика, стилистика, нормированность речи в интерлингвальном и транслингвальном аспектах (диалог культур). Познавательная деятельность включает образовательный компонент (понимание иностранной культуры), воспитательный компонент (толерантность) и практический компонент (использование иностранного языка как средства общения).

Эколингвистический подход детерминируется такими факторами, как экологическое сознание, функциональность, когнитивность, экограмотность, валеологичность, экологическая культура, адаптивность. Дифференцирующими признаками, отделяющими эколингвистический подход от других подходов, являются экологическое сознание, экограмотность, валеологичность, экологическая культура. Эколингвистический подход направлен на формирование экологической компетенции. Экологическое сознание (этико-аксиологическое сознание) предполагает диалог с окружающей средой, формирование единства организма (общества) и внешней среды, акцентирование внимания на исконные, общечеловеческие ценности, соблюдение этических и культурологических норм. Валеологический компонент на уроках ИЯ состоит в направленности преподавания на утверждение здорового образа жизни с целью экологического воспитания, развития экологической культуры и экограмотности обучающихся. Мотивация и энтузиазм, а также доброжелательность, терпимость, эмпатия, целостность и непрерывность являются главными условиями преподавания и обучения ИЯ.

Понятие когнитивности в свете эколингводидактики предполагает тщательный отбор концептов (базовых и универсальных) и работу с ними. Картина мира является ментальной сущностью, результатом процессов концептуализации и категоризации образов мира. Целью обучение ИЯ является формирование иноязычной концептосферы. При преподавании ИЯ в русле глобального, трансдисциплинарного образования важно подчеркнуть онтологичность языка, отраженность в нем физического мира и бытия духа, в котором объединяются опыт жизни народа, традиции, история, культура и духовные ценности.

Экологическая компетентность при обучении ИЯ включает в себя компетентности интегрированных подходов (межкультурная, лингвистическая, дискурсивная, лингвокультурологическая, социокультурная, этнокультурная и прагматическая компетентности) в модифицированном виде. Экологическая компетентность предполагает формирование жизненной потребности в саморазвитии и гармонии со средой и природой. Кроме межкультурной компетентности, в рамках экологической компетентности выделяется транскультурная компетентность. Для формирования транскультурной компетентности при обучении ИЯ используется подход лингва-франка, при котором изучаются основные, общечеловеческие правила вежливости и коммуникативные стратегии, сопоставляя и сравнивая их с национальными этническими и социальными стереотипами родного и изучаемого языков.

Эколингвистический подход к обучению русскому языку как иностранному (РКИ) в болгарской среде имеет свои особенности. В Болгарии русский язык изучается как инославянский, поскольку болгарский язык относится к южной подгруппе славянской группы индоевропейской языковой семьи, т.е. родной и изучаемый язык являются родственными славянскими языками. Для оформления лингвистической компетенции на русском языке применяется контрастивный сравнительно-сопоставительный подход, выделяется общая славянская лексика. Изучается русская литературно-нормированная речь как основа культуры русской речи. На базе теоретических исследований системы ценностей в языке и культуре на общеславянском фоне [Седакова 2015] при обучении РКИ в болгарской среде учитывается общность славянской аксиологии. На уроках русского языка нужно включать исторические и культурные комментарии, которые основываются на общности истории и культуры русского и болгарского народов. Большое значение имеют экотексты на тему взаимосвязи и взаимопонимания человека и природы, защиты окружающей среды, ведения здорового образа жизни на изучаемом русском языке. В этом отношении большую ценность представляет собой книга академика Д.С. Лихачева «Русская культура», которая была переведена на болгарский язык в 2018 г. В своих работах, в частности в «Русской культуре», Д.С. Лихачев утверждает, что экология культуры и экология языка составляют единое целое.

Согласно целям глобального образования и задачам эколингводидактики, кроме обучения русскому языку, имеющему статус международного языка, необходимо обучение второму иностранному языку в болгарском иноязычном образовании. Большое значение приобретает экологическая составляющая предметного содержания обучения РКИ в болгарской аудитории. При обучении иноязычной русской профессиональной коммуникации важно разграничение экологичной коммуникации (соблюдение речевого этикета и норм русского литературного языка, толерантность в общении, культура русской речи в функционально-стилистическом аспекте) от неэкологичной коммуникации (клевета, диффамация, оскорбление, антикультура русской речи) в рамках дискурсов СМИ, юриспруденции, медицины, рекламы, делового языка и др. Эколингвистический подход в рамках обучения РКИ в Болгарии обеспечивает экологичность межкультурной коммуникации, воспитание вторичной языковой личности, отвечающей условиям мультикультурализма.

Библиографический список

Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н., Грачев В.А. Концепция общего экологического образования в интересах устойчивого развития // Университет В.И. Вернадского. 2012. Спец. выпуск (39). С. 55–59.

Лесневска Д.С. Современные подходы к обучению русскому языку как инославянскому в болгарской аудитории // Славистика XXII. 2018. С. 140–147.

Наредба № 13 от 21 септември 2016 г. за гражданското, здравното, екологичното и интеркултурното образование. 11.10.2016 г. Министър на образованието и науката.

Основни насоки за глобално образование. Global Education Resources. Council of Europe. 2012.

Сафонова В.В. Учебник РКИ как инструмент межкультурной подготовки студентов: экологические и социокультурные проблемы проектирования // Русистика 2018. Экология языка. Современная коммуникация. Шумен: Изд-во Химера, 2018. С. 388–391.

Седакова И.А. Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М.: Индрик, 2015. С. 237–259.

Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 196–197.

D.S. Lesnevska
Associate Professor of Foreign Languages and Applied Linguistics Department
University of National and World Economy in Sofia

R.V. Lesnevska
Postgraduate student
University of Structural Engineering and Architecture “Lyuben Karavelov” in Sofia

ECOLINGUISTICS APPROACH TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE BULGARIAN AUDIENCE

The article is devoted to the particularities of ecolinguistic approach to teaching Russian as a foreign language in the Bulgarian audience. Ecolinguistic approach to foreign language teaching is considered as a globalized approach. The characteristic of such indicators of the ecolinguistic approach as ecological mentality, ecological literacy, ecological competence, transcultural competence is given. The current state of teaching Russian as a foreign language in line with global education in Bulgaria is analyzed. The specificity of teaching Russian as another Slavic language in the Bulgarian audience is revealed. The importance of dialogue of Russian and Bulgarian cultures for preservation of Slavic historical memory in teaching Russian as a foreign in the Bulgarian audience is emphasized.

Key words: ecological approach, transdisciplinary education, global education, ecolinguodidactics, Russian as a foreign language, Russian language as another Slavic language, wellness, ecological competence, transcultural competence, ecological mentality, ecological literacy, culture of speech, Lingua-Franca approach.

УДК 81'27

Ломыкина Наталья Юрьевна
старший преподаватель кафедры стилистики русского языка
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ladylibra1410@gmail.com

МЕДИАРЕЧЬ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ: ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ВЕДУЩИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

Речь в медиаэфире рассматривается с учетом специфической экранной конситуации в единстве с экстралингвистическими факторами. Просодия медиаречи – составная часть практической стилистики, инструментарий, который требуется мультимедийному журналисту. Рассматриваются выразительные возможности просодии в зависимости от типа речи и жанровых особенностей журналистских материалов. Сформулированы практические рекомендации по звучанию подготовленного монолога в информационных программах.

Ключевые слова: просодия, медиаречь, конвергенция, подготовленный монолог, пауза.

Стремительное развитие интернета спровоцировало цифровую трансформацию медиасферы. Развитие поисковых систем (Google, Yandex), формирование идеологии Web 2.0 с ключевым понятием «контента, созданного пользователями», выход YouTube на международный рынок, распространение социальных сетей (Facebook, Twitter, ВКонтакте) привели к тому, что многоканальность стала обязательным условием существования журналистского продукта на рынке. Сегодня редакции недостаточно просто издавать газету или журнал, обеспечивать работу телеканала, радиостанции или сайта – важно оперативно поставлять контент на разные платформы, трансформируя его в зависимости от типа носителя и от специфики аудитории. Конвергентная редакция нового типа (англ. – convergence newsroom) объединяет под общим брендом взаимодействие печатной, аудио-, теле- и интернет-версии и адаптирует их к потребностям своей аудитории [Качкаева (ред.) 2010: 23]. При подготовке специалистов для работы в условиях многоканальности представляется крайне важным уделять внимание изучению звучащей речи. Журналист конвергентной редакции должен быть готов выйти в эфир по телефону, взять интервью перед камерой, озвучить сюжет, снятый на смартфон, дать видеокомментарий с места событий и так далее. Воспринимая текст зрительно, почти каждый может расставить для себя смысловые

© Ломыкина Н. Ю., 2019

акценты, почувствовать внутреннюю логику текста и его эмоциональную окраску, но адекватно и качественно воспроизвести тот же текст в звучащей речи способны немногие. Проблема озвучивания текстов, неспособности донести до аудитории даже собственный, качественно написанный материал часто становится причиной профессиональных неудач.

В связи с этим представляется важным делать упор на изучение особенностей звучащей медиаречи, которая понимается как разновидность устной речи, специфика которой определяется при передаче информации по телевидению или онлайн. Дело в том, что специфика телекоммуникации, при которой информация передается с помощью «тройной зависимости (изображение – звук – речь)» [Светана 1976: 32] в эпоху цифровизации распространяется на все мультимедийные СМИ, использующие онлайн-вещание. Это подтверждает, например, тенденция ведущих радиостанций транслировать онлайн работу радиостудии, сближая радиоэфир с телевизионным. Знание законов звучащей речи, владение выразительными возможностями просодии переходит в разряд базовых компетенций мультимедийного журналиста вне зависимости от основной специализации.

Определяющим принципом медиакоммуникации является открытая диалогическая форма контекста, стремящаяся повторить структуру межличностного общения. Журналистика стремится к общению прямому («эффект присутствия»), личностному («эффект доверительности») и двустороннему («эффект диалогичности») [Багиров 1978: 12]. Речь, звучащая в медиаэфире, все больше тяготеет к устной разговорной речи – аудитория хочет видеть и слышать живого человека с собственным мнением, а не статиста, монотонно воспроизводящего заранее написанный текст. И восприятие сообщения во многом зависит от того, ***как*** оно произнесено. Важно не только то, ***что*** говорится, но и то, ***как*** говорится. Просодия как совокупность основных признаков звучащей речи определяет качество звучащей медиаречи. Под просодией вслед за Н.Д. Светозаровой мы понимаем «совокупность звуковых средств, которые накладываются на последовательность сегментных единиц (фонем) и служат для объединения их в значимые языковые единицы – слова, синтагмы, высказывания» [Светозарова 1982: 3]. Объектами изучения и анализа становятся все ключевые просодические характеристики:

– мелодика высказывания, которая определяется изменением основного тона голоса (восходящий тон, нисходящий, ровный, восходяще-нисходящий и нисходяще-восходящий);

– темп речи (количество звуков, произнесенных в единицу времени);

– длительность и интенсивность звучания;

– пауза как временный разрыв в потоке устной речи; во взаимодействии с мелодикой пауза членит речь, выполняя интонационно-синтаксические функции (выделяем паузы межсинтагменные, межфразовые, логические, психологические, дикторские; паузы, выраженные сменой тона, без физического перерыва в звучании [Ломыкина 2006: 29]; заполненные и незаполненные паузы хезитации [Анощенкова 1982: 55], или паузы колебания;

– ударение (синтагматическое, фразовое, логическое и эмоциональное эмфатическое ударение).

Необходимо обращать внимание на функционирование в речи каждого из этих элементов, говорить о нормативном использовании и выразительных возможностях интонационного членения, синтагматического и логического ударения, разного типа пауз. Это важно для определения типа речи и оптимального для конкретных условий коммуникации интонационного контура. Подготовленный к работе в медиаэфире автор выбирает интонационную модель звучащего текста в зависимости от жанра программы и знает, какие приемы звучащей речи обеспечивают максимально эффективную коммуникацию.

Важную роль в выражении коммуникативного значения играет взаимосвязь темпа и мелодики речи, функционирование основных видов пауз. Паузы, которые во взаимодействии с мелодикой членят речь, выполняя интонационно-синтаксические функции, большинством исследователей называются интонационными (иногда их называют синтаксическими). В зависимости от того, границей какой единицы речевого потока является интонационная пауза, выделяем межсинтагменные (/) и межфразовые паузы (//). Они составляют основу паузирования для всех типов речи. Например: *Я хочу поддержать своей музыкой страну / которую люблю всем сердцем // Ван Клайберн / посвящает свои московские концерты / всем жертвам террора //* (В. Флярковский, «Новости Культуры»). Для журналистов, работающих в медиаэфире, умение правильно членить речевой поток на синтагмы – условие верного понимания и воспроизведения текста. Практика показывает, что именно логическое членение вызывает наибольшие затруднения у начинающих журналистов.

Как показывает экспериментальный анализ, интонационная пауза может быть выражена только сменой тона на границе двух синтагм без реальной остановки звучания, при этом на слух она воспринимается как

пауза. Это паузы, выраженные сменой тона (&). Например: *Я представлю наших гостей / Татьяна Москвина / писатель & Добрый вечер // Ольга Свиблова & директор московского дома фотографии / Добрый вечер //* (А. Архангельский, «Тем Временем»).

Под логическими понимаются межсинтагменные паузы, которые группируют слова во фразе по смыслу и обладают смыслоразличительной способностью, подчеркивают важность сообщения, его смысл (*Я прикрыл ее / плащом Андрея // – Я прикрыл ее плащом / Андрея //*).

Когда пауза свидетельствует о затруднении в выборе слова, она рассматривается как элемент невербальной коммуникации. Это неинтонационные паузы, они образованы в местах, не предназначенных для членения. Они могут быть непреднамеренными (паузы хезитации (§) и сознательно образуемыми (психологические паузы (|). Паузы хезитации выполняют соединительную функцию, объединяя отдельные элементы фразы или высказывания в целое. За счет заполненной паузы хезитации разорванное интонационно, а иногда и синтаксически, высказывание воспринимается слушателем как единое целое. Например: *Потому что: / если мы § а-а § не научимся § а-а § открытыми глазами смотреть на того кто к нам приходит // Если мы не научимся § любить их как самих себя § ничего хорошего и не будет //* (А. Архангельский, «Тем Временем»). Психологическая пауза – это неинтонационная, сознательно образованная пауза, связанная не с мыслью и не со структурой текста, а с чувством. Такая пауза передает эмоциональную окраску слов, выражающих душевное состояние, настроение и переживание говорящего. В журналистской медиаречи необходимо выделить еще одну разновидность неинтонационных преднамеренных пауз – дикторские паузы (/) (впервые отмеченные Е.А. Брызгуновой). Такие паузы встречаются, как правило, в речи ведущих информационных программ и корреспондентов новостей, особенно в текстах так называемого шпигеля (краткого анонса основных информационных событий, предваряющего выпуск новостей). Например: *Премию мира & мирному атому // Агентство / Маготэ & отмечено нобелевским комитетом //* (Е. Андреева, «Время»). Появление дикторских пауз не мотивировано смыслом высказывания. Изначально они были вызваны требованиями акустики: дикторы, работавшие в студии, делали небольшие паузы между словами, чтобы эхо одной фразы не накладывалось на другую. Затем такая манера чтения стала восприниматься как характерная особенность дикторской речи и позднее распространилась на информационное вещание (не случайно студенты и начинающие журналисты активно используют

именно дикторские паузы при озвучивании информационных текстов). Дикторские паузы обычно появляются перед сложными именами и названиями, на границе микротем, перед словами иностранного происхождения.

Просодический облик журналистского высказывания обусловлен сочетанием различных типов речи в условиях медиакоммуникации. Основные типы медиаречи: монологическая – диалогическая (в зависимости от количества коммуникантов), подготовленная – спонтанная (в зависимости от опоры на подготовленный текст), тщательная – непринужденная (в зависимости от внимания к звуковой стороне речи), речь в кадре – речь за кадром (в зависимости от присутствия журналиста в кадре).

Речь профессионального журналиста в медиаэфире квазиспонтанна, что обусловлено его профессиональными навыками, фоновыми знаниями по раскрываемой теме, наличием сценарного плана, подготовкой к эфиру, а также общими требованиями к речевому поведению и качеству речи журналиста. Кроме того, она должна тяготеть к тщательности. Это не означает высокого стиля произношения и полного фонетического состава всех произносимых слов, но журналистская речь в медиаэфире должна отличаться четкостью, правильностью произношения, красотой и полнотой звучания.

В новостных и информационно-аналитических программах прежде всего используется **подготовленный монолог**, поскольку необходимо передавать большой объем информации, насыщенной фактами, именами, цифрами, цитатами известных общественных и политических деятелей.

Требования к просодическому оформлению подготовленных информационных монологов: простота и единообразие интонационного контура синтагм и фраз, активное использование дикторских пауз и пауз, выраженных сменой тона, нечастотное употребление логических пауз, недопустимость психологических пауз и пауз хезитации, отсутствие усиленного логического и эмфатического ударения, стабильный ускоренный темп. Индивидуализация в текстах этого типа создается в первую очередь за счет мелодики, повышения / понижения тона и вариативности темпа.

Библиографический список

Анощенкова А.М. Роль явлений хезитации в процессе речепроизводства // Тезисы докладов науч.-метод. конф. «Просодия текста». М.: МГПИИЯ, 1982. С. 54–56.

Багиров Э.Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978. 152 с.

Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М.: Аспект Пресс, 2010. 200 с.

Корнев М. Дистрибуция контента: кто, что, куда и как? // Журналист. 2016. № 11. URL: http://jrnlst.ru/content/distribuciya-kontenta-kto-chto-kuda-i-kak (дата обращения 25.03.2019).

Крамер А.Ю. Радиожурналистика в эпоху конвергенции // Медиаскоп. 2017. Вып. 1. URL: http://www.mediascope.ru/2281 (дата обращения 20.03.2019).

Ломыкина Н.Ю. Просодические характеристики речи телеведущих: на материале программ социально-культурной тематики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 234 с.

Ломыкина Н.Ю. Просодические особенности телевизионной речи // Труды кафедры стилистики русского языка. М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. С. 103–107.

Ломыкина Н.Ю. Просодия медиаречи в условиях конвергенции // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 34–47.

Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.

Светана С.В. Телевизионная речь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 151 с.

Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 176 с.

Creech B., Mendelson A.L. Imagining the Journalist of the Future: Technological Visions of Journalism Education and Newswork // The Communication Review. 2015. 18(2). P. 142–165.

Kalogeras S. Transmedia Storytelling and the New Era of Media Convergence in Higher Education. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 276 p.

Phillips A. Journalism in context: practice and theory for the digital age. London & NY: Routledge, 2015. 174 p.

N.J. Lomykina
Senior Professor of Russian Stylistics Department
Moscow State University named after Lomonosov

MEDIA SPEECH IN THE CONTEXT OF CONVERGENCE: PROSODIC CHARACTERISTICS OF HOST'S SPEECH IN THE INFORMATION PROGRAMS

Speech on the air is considered in unity with extralinguistic factors and specific on-screen consituation that determine the specifics of the modern media. The article discusses the expressive possibilities of prosody, depending on the type of speech and the genre features of journalistic materials. The results of the research show how to use the full range of prosodic opportunities for the most effective media communication. Practical recommendations for the prepared monologue in information programs are formulated.

Key words: prosody, media speech, convergence, prepared monologue, pause.

УДК 81'42

Ляшенко Елена Станиславовна
старший преподаватель кафедры английского языка № 2
Белорусский национальный технический университет
liolikl@list.ru

ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ДВУХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ: НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ

Выявляются типичные характеристики языковой репрезентации ситуации качественного изменения, которые обусловлены отнесенностью текста к тому или иному типу (научному или художественному). Раскрывается зависимость речевых систем от специфики познавательной деятельности индивида в соответствующих коммуникативных сферах.

Ключевые слова: текст, научный, художественный, речевая системность, ситуация, качественное изменение.

В современном языкознании существует множество критериев и признаков, по которым проводится классификация и типологизация текстов различной функционально-стилевой принадлежности. При этом в текстотипологических исследованиях российских лингвистов определяющее значение имеет концепция, отправной точкой которой послужили труды М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Э.Г. Ризель. Суть данного направления заключается в «выявлении закономерных особенностей организации речи / текста и способов осуществления текстовой деятельности как предопределяемых спецификой формы общественного сознания и вида социокультурной деятельности» [Чернявская 2010: 29]. Этот подход принят в качестве исходного при разграничении основных функциональных стилей, соотнесенных с первостепенными сферами человеческого сознания, каждой из которых соответствует конкретный вид познавательной деятельности людей и социально значимая коммуникативная сфера (научная, обиходно-бытовая, религиозная, литературно-художественная и т.д.). Дальнейшее развитие и более системное воплощение разработки в области типологического описания текстов и выделения различных функциональных стилей получили прежде всего в глубоких научных изысканиях Пермской лингвистической школы под руководством М.Н. Кожиной.

© Ляшенко Е. С., 2019

Наряду с этим одним из возможных направлений также является изучение того, как отражены в тексте различные сферы деятельности или – более лингвистично – различные денотативные области. Обобщенная ситуация качественного изменения, смоделированная на основании анализа словарных дефиниций глаголов лексико-семантической группы качественного изменения и включающая шесть партиципантов (субъект, объект, параметр, инструмент, исходное состояние / форму существования объекта изменения, результат), получает уточнение в предложениях, в которых вербализуются определенные фрагменты внеязыковой действительности.

В соответствии с целями и задачами настоящего исследования для анализа были отобраны предложения с предикатами качественного изменения из двух различных функционально-стилевых типов текстов – научного и художественного. Научный тип текста представлен англоязычными естественнонаучными энциклопедическими словарными статьями, которые согласно своей доминирующей коммуникативно-прагматической функции принадлежат к «справочно-энциклопедической» [Котюрова 2008: 255] разновидности текстов в сфере научной коммуникации. В свою очередь, художественный текст представлен романами британских и американских авторов XX в. Необходимо отметить, что жанр романа относится к эпической разновидности художественного текста.

Языковая репрезентация ситуации качественного изменения в предложениях научных и художественных текстов характеризуется определенными особенностями, что связано с наличием существенных расхождений в понимании сущности процессов качественного изменения на уровне научных и обыденных знаний. Выявленные отличительные черты прежде всего затрагивают сферу *функционирования предикатов изменения в научных и художественных текстах* и область *номинации составляющих некоего фрагмента окружающего мира и их отражения в предложении*.

Так, специфика употребления предикатов качественного изменения в рассматриваемых типах текстов обусловлена реализацией на текстовой плоскости принципа *речевой системности функционального стиля*. Она состоит в том, что исходя из целей и задач коммуникации в определенной общественной среде, проявляющейся в ней формы мышления, типа содержания и т.д., в речи / тексте активизируются конкретные языковые единицы и их значения [Кожина 2011: 92].

Наблюдения над закономерностями употребления глаголов-предикатов качественного изменения в научном тексте в сравнении с

художественным достаточно показательны для раскрытия понятия речевой системности. В качестве иллюстрации покажем формирование речевой системности функционального стиля на примере использования глагола *melt* ‘таять’ в научном и художественном типах текстов. Так, совокупные результаты анализа предложений нашей выборки показали, что в естественнонаучных текстах этот глагол активно реализует одно типичное для данного типа текстов научно-терминологическое значение выражения изменения агрегатного состояния вещества, а точнее, переход из твердого состояния в жидкое под действием тепла (например, случай (1)). Кроме того, при употреблении в форме настоящего неактуального времени глагол *melt* используется в предложениях, где указывается на свойство определенного объекта обращаться в жидкое состояние при детерминированных условиях, обстоятельствах (например, случай (2)).

(1) *Similarly, if a mixture of water and ice in a glass is heated, its temperature will not change until all the ice* ***is melted*** ‘Аналогично, если нагреть смесь воды и льда в стакане, ее температура не изменится до тех пор, пока весь лед не растает’[1].

(2) *The ionic compound sodium chloride (NaCl), for example,* ***melts*** *at about 800° C (1470° F), but <…>* ‘Ионное соединение хлорида натрия (NaCl), например, плавится при температуре около 800° C (1470° F), но <…> ’.

В художественных текстах данный глагол зафиксирован в качестве гораздо более многозначного, чем в научных. Он используется согласно стилевой специфике этого функционального стиля в переносном и прямом значениях. Во-первых, при описании перехода в умиленное, разнеженное состояние либо для выражения постепенного исчезновения. Во-вторых, в значении ‘уменьшаться в объеме, сгорая (о свече)’, а также в значении ‘обращаться в жидкое состояние’. Например, предложения (3), (4), (5), (6).

(3) *Hollis's pessimism began to* ***melt*** *away* ‘Пессимизм Холлис стал снижаться’.

(4) *He stood there watching as the faint sound of the jet engines died and the blinking navigation lights* ***melted*** *into the black night* ‘Он стоял и смотрел, как затихает слабый звук реактивных двигателей и мигающие навигационные огни растворяются в черной ночи’.

(5) *During the spring flooding season, as the winter snows* ***melted****, the water swept down the lower reaches in huge surges* ‘В период весенних наводнений, когда таяли зимние снега, огромные водяные волны катились вниз по течению’.

(6) *As the candles* ***melted*** *to lumps,* <…> ‘Когда свечи догорели (дословно: ‘растаяли’) до огарков, <…>’.

В случае (3) глагол *melt* употребляется в составе сложного фазового сказуемого для передачи изменения в лучшую сторону негативного взгляда на жизнь, унылого настроения. В предложении (4) данный глагол функционирует в значении ‘исчезать, пропадать, постепенно сокращаясь, прекращаясь’. Далее он используется в прямом значении при описании превращения снега в воду (пример (5)) и для передачи уменьшения свечи при сгорании (пример (6)).

Затрагивая вопрос о номинации составляющих ситуации качественного изменения, следует отметить, что гораздо большее разнообразие обнаружено при анализе языкового материала из художественных текстов, поскольку в них источником, объектом, результатом процесса изменения может быть любое существо, предмет или явление. Так, например, лексическими средствами номинации субъекта-деятеля выступают существительные, именующие человека и его внешние и внутренние характеристики, а также существ высшего порядка; субъекта-силы – существительные, именующие силы природы, стихийные бедствия или катастрофы, виды энергии; субъекта-каузатора – существительные, именующие события, конкретные предметы или явления, служащие причиной изменения исходного объекта. В свою очередь, в научных текстах семантические классы слов, выступающие в качестве субъекта, объекта, результата изменения, строго регламентированы сферой естествознания.

Говоря о вариантах соотношения поверхностной и глубинной структур предложений с предикатами качественного изменения в художественных произведениях и научных статьях, следует отметить, что конгруэнтность семантики и синтаксиса, а также отсутствие прямой соотнесенности компонентов различных уровней предложения встречаются в выборках из обоих типов текста. При этом в художественных текстах синтаксическое развертывание предложений с предикатами качественного изменения от «деятеля / источника / каузатора к объекту изменения (в его исходной форме) или его параметру при помощи инструмента / средства и далее к результату» при активном предикате наблюдается практически в два раза чаще, чем в научных. Полученные результаты можно объяснить тем, что внимание авторов художественных произведений сосредоточено на действующих или воздействующих субъектах. В то время как в научных текстах акцент делается на объекте и действиях над ним [Дмитриева 2006: 69].

Существенные отличия вскрыты в понимании сути процесса превращения в разных коммуникативных сферах. В научной он

предстает как постепенный процесс, включающий различные взаимосвязанные промежуточные фазы и этапы, причинно-следственные отношения. В литературно-художественной сфере процесс превращения может проявляться как мгновенный, неожиданный и спонтанный. Он распространяется на трансформации, происходящие под воздействием ирреальных сил; на сущностные кардинальные преобразования любого предмета – как одушевленного, так и неодушевленного, конкретного и абстрактного, реального и сказочного; на изменение агрегатных состояний вещества; на последовательную смену времени суток и т.д. Ср., например, предложения (7) и (8).

(7) *Water that enters minute cracks in rocks on the surface of the Earth creates an enormous amount of pressure when it freezes,* <…> ‘Вода, которая попадает в мелкие трещины в камнях на земной поверхности, создает огромное давление, когда она замерзает, <…>’.

(8) *Before a full minute passed, the frigid atmosphere turned the water to ice* ‘Менее чем за минуту воздействие холодного воздуха превратило воду в лед’.

В обоих иллюстративных примерах речь идет о переходе воды из жидкого состояния в твердое (лед). При этом в предложении (7), отобранном из энциклопедической статьи, данный переход получает языковую репрезентацию как качественное модификационное изменение, для передачи которого употребляется параметрический глагол *freeze*. В предложении (8), отобранном из художественного романа, изменение агрегатного состояния воды вербализуется как превращение, которое в обыденном понимании носит быстрый, спонтанный характер.

Таковы наиболее типичные характеристики вербализации ситуации качественного изменения, свойственные двум различным функционально-стилевым типам тестов – научному и художественному.

Примечания

[1] Здесь и далее по тексту перевод иллюстративных примеров наш. – *Л.Е.*

Библиографический список

Дмитриева И.В. Функциональные стили и жанры с позиции категорий общения // Стиль. 2006. № 5. С. 63–76.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011. 464 с.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 128 с.

Ye.S. Lyashenko
Senior Lecturer of English Language Department № 2
Belarusian National Technical University

TEXTOTYPOLOGICAL FEATURES OF VERBALIZING THE SITUATION DENOTING QUALITATIVE CHANGE IN TWO FUNCTIONAL AND STYLISTIC TYPES OF TEXTS: SCIENTIFIC AND LITERARY

The article is devoted to the identification of typical distinctive features of verbalizing the situation denoting qualitative change that are determined by the text attribution to a particular type (in this case, scientific or literary). Dependencies of speech systems on the specific character of the individual's cognitive activity in the corresponding communication spheres are revealed.

Key words: text, scientific, literary, speech consistency, situation, qualitative change.

УДК 81'27

Малышева Елена Григорьевна
заведующая кафедрой журналистики и медиалингвистики
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
malysheva_eg@mail.ru

Егошкина Виолетта Александровна
старший преподаватель кафедры журналистики и медиалингвистики
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
v.egoshkina@yandex.ru

ФАТИЧЕСКАЯ РАДИОБЕСЕДА КАК БАЗОВЫЙ ЖАНР РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО РАДИОДИСКУРСА

В статье рассматриваются характеристики фатической радиобеседы, которая квалифицируется как базовый жанр современного развлекательного радийного дискурса. Обсуждаются тематические особенности жанра, специфика его речевого воплощения с точки зрения стилистических характеристик.

Ключевые слова: развлекательный радийный дискурс, речевой жанр, фатическая радиобеседа, устная публичная речь, разговорная речь.

В современном развлекательном телевизионном и радийном дискурсе преобладает фатический тип общения с адресатом. При этом жанровая квалификация программ развлекательного радиодискурса с точки зрения традиционной теории жанров радиожурналистики представляет, по-видимому, определенную сложность: не случайно весьма частотна такая их жанровая номинация, как «шоу» или «утреннее шоу», если речь идет об утренней составляющей радиоэфира. Так, например, радиопрограмма «Бригада У», выходящая на радиостанции «Europe +», хоть и позиционируется создателями как «утреннее шоу», однако вряд ли полностью соответствует заявленному медиажанру. Если учитывать лишь один из жанрообразующих признаков шоу – обязательное использование интерактивных форм общения с адресатом (зрителем/слушателем), то в таком случае практически любую современную развлекательную радиопередачу можно будет назвать шоу.

Говоря о жанровой специфике современных утренних радийных передач, можно, по-видимому, утверждать, что они входят в поле такого вторичного речевого жанра, как ***фатическая беседа*** (ее иногда называют ***светской***), включающего первичные речевые жанры *шутка,*

© Малышева Е. Г., Егошкина В. А., 2019

флирт, подтрунивание, ироническое замечание, болтовня, сплетня, фатический диалог, анекдот, приветствие/прощание и под.

Полагаем, фатическая беседа вообще и радиобеседа в частности во многом пересекается с жанром smalltalk, или неинформативной беседы, который представляет собой ядро поля фатики. Разновидностью smalltalk является, по мнению И.А. Стернина, светская беседа – «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [Стернин 1996: 66]. При кажущейся важности тем, которые могут обсуждаться будто бы очень заинтересованно и профессионально, раскрытие темы, ее обсуждение все же никогда не бывает основной целью светской беседы. Заметим, что характеризуемая нами фатическая радиобеседа, несомненно, имеет общие черты со светской беседой (прежде всего коммуникативная цель и коммуникативные отношения адресанта/адресата), однако тематические характеристики светской беседы как таковой и фатической радиобеседы существенно отличаются.

Как известно, одной из характерных черт светской беседы, несмотря на «тематическую свободу» фатики [Винокур 1993: 11], является имплицитность, «табуированность» определенных тем. Сегодня публицистический дискурс в целом и радиодискурс в частности характеризуются чрезвычайно тематической широтой и открытостью. Более того, создается впечатление, что грань между «подходящими» и «неподходящими» для эфира темами стерлась.

Например, в «Бригаде У» активно затрагивается тема секса, причем в совершенно разнообразных аспектах: начиная с однополых отношений и связанных с ними социальных переворотов и заканчивая обсуждением камасутры и самых нестандартных мест для секса:

На последнем ряду в кино ***целоваться и забавляться уже не актуально***. ***Сейчас хочется большего экстрима***. *Кстати, давай опрос проведем. А что? А ну-ка, пишите,* ***у кого какие самые экзотические места для любви? Давайте обмениваться опытом***. *Так сказать, поможем друг другу в поисках; Во Франции вообще непонятно что.* ***Лесбиянки женятся. Или замуж выходят****? Вот тоже, кстати, вопрос, как теперь это назвать? Женитьба или замужество?; Не, ну а* ***геи*** *как воспитывать детей будут? Как потом ребенок в школе объяснит, кто его родители?;* ***Камасутра – вообще главная книга***. *Все ее читали, ну, или смотрели. Ага, тайком от родителей. Вот давай у слушателей спросим, кто видел хоть раз в жизни Камасутру. И вообще полезная эта штука или нет?*

Все эти темы без каких-либо комплексов обсуждаются в прямом эфире. В связи с этим уместно привести мнение И.А. Стернина, который говорит о том, что сейчас можно выделить новый жанр «трепа», который как нельзя лучше отражает современную ситуацию в радиодискурсе [Стернин 1996: 27]. Но поскольку данный речевой жанр не изучен и как таковой не оформлен в самостоятельный, правомернее будет говорить о жанре программ, подобных «Бригаде У», как о малоинформативной, фатической радиобеседе.

Разумеется, коммуникативная инициатива в данном жанре принадлежит журналистам, их реплики характеризуются спонтанностью, неподготовленностью, самоперебивами, частой сменой тематической доминанты, что сближает их с известными слушателю образцами разговорного диалога / полилога. При этом адресованы реплики как непосредственному собеседнику, так и опосредованным участникам полилога. Конечно, фатическая радиобеседа ориентирована прежде всего на массового адресата, однако именно диалоги с конкретными слушателями, в которых репрезентируются подчеркнуто фамильярные отношения между ведущим программы и его собеседником, создают иллюзию дружеского «трепа», участниками которого являются адресаты. Перенос «коммуникативной инициативы» осуществляется по линии наибольшей тематической ценности новой реплики или имитации такой ценности, вопроса к собеседнику:

Вот я сейчас все думаю, почему мир так помешался на диетах. Все худеют. Мужики худеют, девчонки худеют. Есть вообще такие барышни, что даже домашних пусичек на диету садят. ***Вот прикинь, Джем, давай*** *твоего кота на диету посадим?* ***Что думаешь****?;*

– Пробки заполонили все. Не только в Москве. За город едешь – и то пробка. Пока доедешь по такой жаре, уже умереть хочется.

– ***Кстати, ты слышал****, что в Америке в очередной раз забыли ребенка в машине на солнце?*

Очевидно, что фатическая радиобеседа, как и светская беседа, включает в себя элементы таких жанров smalltalk, как *болтовня*, *сплетня*. Однако в них отсутствуют признаки речевых жанров *разговор по душам* или *исповедь*, что определяется соответствующей жанровой спецификой. Заметим, что радиоведущие, работающие в изучаемом жанре, с одной стороны, сами тяготеют либо к дружеской/светской беседе, либо к болтовне / сплетне, а с другой – «задают» соответствующую речежанровую и коммуникативную «тональность», инициируя диалог / полилог:

Расскажи нам, что нового в шоубизе. ***Кто что ел, кто с кем спал, в чем на выставку пришел****?; Джей Ло предложили продюсеры*

сесть на диету. На что она сказала, ***мол, никуда я не сяду****.* ***Вам придется работать с полной девочкой****. И точка.*

Итак, тематика фатических радиобесед чрезвычайно разнообразна: это и веяния моды, и обсуждение пробок, и опоздания на работу и соответствующие наказания, и диеты, и макияж, и «какой смех кому нравится», и новые способы лечения депрессии, а еще новинки кино, гаджеты, новые компьютерные игры, жизнь звезд шоу-бизнеса и т.д. Вообще, круг тем чрезвычайно широк, причем порой даже сложно уловить, когда происходит переход от одного объекта обсуждения к другому. Именно так формируется непрерывный малоинформативный диалог, или, как уже отмечалось, треп.

В свете сказанного выше создается впечатление, что речь ведущих программ такого жанра может быть квалифицирована как собственно разговорная, а не как имитация разговорной речи, о чем часто заявляют исследователи языка СМИ. Впрочем, мы не склонны делать такой радикальный вывод. По нашему мнению, стилистическая специфика фатической радиобеседы заключается в «совмещении» языковых черт «кодифицированного литературного языка и разговорной речи, обусловливающей фатическую составляющую устно звучащей речи» [Босый 2006: 4]. Тем не менее сегодня стоит говорить о том, что объем разговорных элементов в медиатекстах, представленных в развлекательном радиодискурсе, позволяет делать вывод о преобладании разговорного над кодифицированным в изучаемом типе дискурса. Разговорный характер радиотекстов таких программ проявляется не только в содержательно-тематической составляющей, но и на всех уровнях языка, прежде всего фонетическом, лексическом и синтаксическом.

Так, в речи радиоведущих передач подобного жанра частотны следующие фонетические явления, характеризующие разговорную речь (см. подр. об этом [Земская 2016]: упрощение групп согласных, высокая вариативность произношения, количественная и качественная редукция гласных, растяжка гласных, разговорные интонации, нечеткая артикуляция звуков и т.п.:

Ну что, может ***[мош]****, эту тему выберем для игры на сегодня?* («Вейкаперы», 08.05.2018); *Ну что же, приветствую вас, коллега.* ***Здравствуйте [драс’т’и]****!* («Сергей Стиллавин и его друзья», 16.11.2017); *Вот новый фильм «Красавица и чудовище»* ***[ч’идов’иш: ’и]*** *смотрела? Как тебе?* («Вейкаперы», 20.03.2017); *Да ла-адно! Пра-авда?* («Йети-шоу», 12.10.2016).

На лексическом уровне речь ведущих отмечена частотным использованием семантически опустошенных слов, жаргонизмов,

сленговых выражений, разговорной лексики, в том числе разговорных этикетных формул, окказионализмов, междометий:

– Новая песня прозвучала в эфире «Нашего радио». Группа «Сплин» с треком «Когда пройдет сто лет». Как вам, друзья мои?

*– Вообще **тема**, как по мне. Я же люблю творчество Васильева, это всем известно* («Подъемники», 18.05.2018); *Ну что, давайте проголосуем. Ты как, **бро**, ты за повышение пенсионного возраста или против?* («Сергей Стиллавин и его друзья, 15.6.2018); *Ну что, за наш автопром можно только порадоваться. Видимо, они все же совершили **апгрейд**, и теперь нас ждет что-то стоящее* («Йети-шоу», 11.08.2017); *Ну что вы, в самом деле? Вы же **москвист*** (москвич. – *Е.М.*). *Надо соответствовать статусу!* («Сергей Стиллавин и его друзья», 06.10.2016); *Ну, что, ребята, я нашел отличный **тречок**. Думаю, его сейчас и послушаем. **Звучки** там такие классные, а в середине вообще **улет**. На второй минуте просто **качает*** («Бригада У», 18.08.2016); *«Почему женщины **виноватят** мужчин?» – так сегодня звучит наша тема, друзья* («Сергей Стиллавин и его друзья», 08.02.2019); *Хэй, народ! **Просыпайтесь! Подъем! Не спать**, сони, **включайте** радио, «Бригада У» в эфире уже!* («Бригада У», 20.03.2016).

Разумеется, устный характер развлекательных программ и их коммуникативные особенности детерминируют использование элементов разговорного синтаксиса, в том числе парцеллированных конструкций, эллипсиса и т.д.: *Сегодня в «Рекорд-клабе» только лучшие миксы от диджеев радио RECORD. Всем рекомендую, всем советую. Отличная музыка, компания и настроение* («Вейкаперы», 08.12.2016).

Итак, фатическая радиобеседа – это вторичный речевой жанр, специфическими чертами которого являются установка на поверхностное, взаимно приятное, но ни к чему не обязывающее фатическое ты-общение с адресатом и между соведущими; неограниченная тематика общения практически без тематических «табу»; частотность использования разговорных элементов всех уровней; ориентация на языковую креативность.

В целом именно это ощущение «”свободного трепа”, разговора “ни для чего”, просто так, ради удовольствия поболтать, и придает особую окраску таким программам» [Майданова, Калганова 2006: 167].

Библиографический список

Босый П.Н. Современная радиоречь в аспекте успешности/неуспешности речевого взаимодействия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2006. 24 с.

Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его

функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. М.: Флинта, 2016. 482 с.

Майданова Л.М., Калганова С.О. Практическая стилистика жанров СМИ: учеб. пособие. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. 334 с.

Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: , 1996. 73 с.

E.G. Malysheva
Head of Journalism and Medialinguistics Department
Omsk State University Dostoyevsky's name

V. A. Egoshkina
Lecturer of Journalism and Medialinguistics Department
Omsk State University Dostoyevsky's name

PHATIC RADIO TALK AS A BASIC GENRE OF ENTERTAINING RADIO DISCOURSE

The article examines the characteristics of the phatic radio talk, which qualifies as a basic genre of contemporary entertainment radio discourse. Discussed thematic features of the genre, the specifics of his speech incarnation in terms of stylistic characteristics.

Key words: entertaining radio discourse, speech genre, phatic radio talk, an oral public speech, speaking.

УДК 81'37

Маркова Татьяна Дамировна
доцент кафедры преподавания русского языка
как родного и иностранного
Нижегородский государственный лингвистический университет
tdmarkova@mail.ru

ОТГЛАГОЛЬНЫЙ СУБСТАНТИВ КАК ОСОБАЯ ФОРМА МЫСЛИ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Статья посвящена вопросу семантических взаимоотношений глагола и отглагольного имени. Автор рассматривает данный вопрос в двух аспектах – в аспекте словообразовательной семантики производного имени и его грамматической «генетики» в языке и в аспекте смысловых связей, возникающих между производящим глаголом и отглагольным субстантивом в тексте. Результатом названных процессов является наращивание смыслопередающего потенциала языковой системы.

Ключевые слова: отглагольная деривация, имя существительное, глагол, производящее слово, производное слово, словообразовательное значение, контекстуальная семантика.

Если говорить о взаимоотношениях между различными морфологическими классами слов, то чрезвычайный интерес представляют связи глагола и имени существительного. Две эти категории, занимая ведущее место в системе языка, выступают по отношению друг к другу как два полярных начала. Это выражается в их формальных, грамматических признаках, в их роли в предложении, в тяготении других частей речи к этим двум грамматическим центрам предложения. Но наряду с этими процессами в языке наблюдается и взаимопроникновение глаголов и имен существительных, одним из подтверждений чего может служить отглагольная деривация существительных, в результате которой появляются единицы, объединяющие семантические свойства и глагола, и имени. В производных отглагольных именах совмещаются богатые грамматические и валентностные возможности двух частей речи, благодаря чему выражаемое понятие снабжается многими дополнительными характеристиками. Синтез имени и глагола знаменует собой более дифференцированное и детальное отражение фактов действительности.

Как известно, семантика производных слов находится в тесной связи с семантикой производящих, представляет собой своеобразный

© Маркова Т. Д., 2019

сплав лексического значения производящего и семантики форманта. Эти положения разработаны в трудах многих языковедов: Б.Н. Головина, Г.А. Николаева, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.С. Немченко, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова и др. Об этом писал Г.О. Винокур: «Значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [Винокур 1959: 21]. Такое свойство производных слов традиционно называется мотивированностью: «Производные слова являются мотивированными обозначениями предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов» [Тихонов 1985: 29]. Мотивированность производной единицы приводит к тому, что в составе значения такого производного могут быть структурно вычленены семы, унаследованные от производящего, что делает семантику производного «многослойной», особенно если в результате словопроизводства образовано слово, относящееся к отличной от производящего категории частей речи.

Русский глагол интересен тем, что его семантика пронизана временными и видовыми значениями, обновляющими в речи каждое глагольное употребление. Категория имени выражает предметность, вынесенную за временные рамки. «Форма имени существительного предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка» [Виноградов 1947: 46]. Таким образом, контраст между именем существительным и глаголом ярок, противостояние этих двух глобальных категорий уравновешивает текст, позволяет выразительно оттенить смысловое своеобразие наименований предмета и действия. Что же касается отглагольного имени, то для него характерна двойственность семантики: предметное значение накладывается на исходное значение глагольной категории. Элементы категориальной семантики проникают глубоко в значение слова, часто их трудно бывает вычленить из общей семантической структуры. Отглагольный субстантив – это одновременно и обозначение «связи вещей», и сама «сущность связей» [Гумбольдт 1984: 200].

Различия категориальной семантики имени и глагола и потенциальные возможности того и другого прекрасно видны, к примеру, в следующем фрагменте из «Белых ночей» Ф.М. Достоевского: *Простите, если я вам скажу опять что-нибудь такое… Но вот что: я*

не могу не прийти сюда завтра. Я мечтатель, у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях. Я промечтаю об вас целую ночь, целую неделю, весь год… Для именного обозначения действия (*мечтанья*) необязательна детерминация временем, поэтому в тексте нет ни малейшего намека на продолжительность *мечтаний*. Для глагольного же обозначения (*промечтать*) дополнительные характеристики времени и продолжительности действия являются если не обязательными, то, по крайней мере, естественными и желательными. И в тексте мы видим подтверждение этому: герой будет мечтать не вообще, а *целую ночь, целую неделю, весь год*. Таким образом, конкретное действие, обозначенное глаголом *промечтать*, является частным случаем самостоятельной и абсолютной (с точки зрения времени) деятельности, обозначенной субстантивом *мечтанье*. В свою очередь, эта деятельность обусловлена тем, что герой – *мечтатель*. Перед нами разворачивается панорама действия в разных его проявлениях. Компоненты этой панорамы органично взаимосвязаны и дополняют друг друга. Имя, называющее процесс, занимает здесь важное место, позволяя глаголу оттенить особенности его семантики как категории и помогая более плавно и логично перейти от деятеля к действию.

В семантике отглагольного имени хранятся многие смысловые потенции исходного глагола. Совмещая в себе как семантику категории имени, так и унаследованную, но видоизмененную семантику производящего глагола, отглагольное имя по-своему отображает познаваемое. Грамматическое, словообразовательное и семантическое своеобразие глагола и отглагольного имени, с одной стороны, и их генетическая и смысловая близость, с другой стороны, позволяют совместить в рамках языковой системы тождество внеязычного содержания и разнообразие форм его воплощения на разных участках этой системы [Потебня 1958: 93].

Внедряясь все глубже в систему языка, разрастаясь там в различных направлениях, вступая во все новые связи с самыми разными компонентами системы, внеязычное содержание все больше разрабатывается, получая при этом новые импульсы для дальнейшего проникновения внутрь системы. Так обогащается языковая система, растет ее мыслепередающий потенциал. Освоение внеязычным содержанием определенных направлений «в недрах» языковой системы приводит к стимуляции деятельности различных механизмов, особенно словообразовательного и семантического, что в дальнейшем может приводить даже к опережению языком различных мыслительных

операций. Так появляются не отдельные производные, а целые ряды дериватов, организованные отношениями синонимии. Создается впечатление «автоматической» работы словообразовательных моделей, в результате которой имеют место «всплески», рождаются целые единства – ряды производных синонимов. Языковая система как бы «впрок» нарабатывает фонд наименований. В содержании каждого вновь возникшего наименования, благодаря накоплению «опыта» функционирования в речи, развиваются две составляющие: одна – минимальная, постоянная, отраженная в дефиниции, другая – переменная, актуализирующаяся в тексте, варьирующаяся по объему (условно) от нуля до бесконечности. Семантическое развертывание переменной составляющей словесного значения в тексте является закономерным процессом, отражающим глубинные мыслительные процессы.

Что же касается направлений, в которых идет разработка внеязычного содержания, то они определяются не только объективно существующим в природе порядком вещей, но и своеобразным стереотипом познания объективной действительности конкретным языковым коллективом, а также возможностями языковой системы.

В процессе отражения и познания действительности реализуются познавательные возможности языка и мышления. Мышление должно дискретно отразить бесконечную картину мира, развернувшуюся перед взором познающего субъекта. Иного пути познания человеку не дано, и в этом причина нетождественности отражения и отражаемого. Но мышление «препарирует» познаваемую действительность при помощи совершеннейшего инструмента – языка. Многообразие языковых форм и категорий, в которые «выливается» мысль, обеспечивает отражаемому «новую жизнь» – жизнь в слове. Так для последующих поколений закрепляются результаты познания – потомкам нет необходимости познавать заново то, что постигли их предки: все это хранит языковая память – необходимо лишь глубже познавать свой родной язык. В дальнейшем человек постигает многое не непосредственно, а через слово, опираясь на которое можно все более и более раздвигать горизонты непознанного, складывая в тайниках своего языка плоды мыслительного труда – наследие для грядущих поколений.

Библиографический список

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947. 785 с.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.

Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. 534 с.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.

T.D. Markova
Associated Professor of Russian Teaching Department
Nizhny Novgorod State Linguistics University

VERBAL SUBSTANTIVE AS A SPECIAL FORM OF THOUGHT IN LANGUAGE AND TEXT

The article is devoted to semantic relations of the verb and formed from it substantive. The author considers this issue in two aspects. First, it is an aspect of derivational semantics of a derived noun and its grammatical "genetics" in language. Second, it is an aspect of semantic connections between the generating verb and its derived noun in a text. The result of these processes is the extensions of the semantic potential of a language system.

Key words: verbal derivation, noun, verb, producing word, derived word, word-formation meaning, contextual semantics.

УДК 811.161.1'42 + 811.161.1'38

Матвеева Тамара Вячеславовна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tomat-44@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИДИОСТИЛЯ УЧЕНОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОФЕССОРА М.Н. КОЖИНОЙ)

Рассматривается подход к анализу речевой индивидуальности ученого в аспекте энергетики текста. Этот подход дополнителен по отношению к функционально-эпистемической концепции категории автора научного текста, разработанной М.П. Котюровой, и нацелен на выявление общих особенностей индивидуальной речевой деятельности, связанных с темпераментом личности. Термин *энергетика* предлагается как синтезирующее речетекстовое понятие, включающее в себя категории движения (изменения, динамики), волеизъявления (целеполагания) субъекта речи и экспрессивности (интенциональности). Отдельное средство выражения энергии может быть обозначено термином *энергема*. Предлагаемая концепция демонстрируется на материале научных трудов профессора М.Н. Кожиной; анализируются два характерных для данного автора приема экспликации авторской энергии: накопление отрицания и применение краткой фразы как ритмический способ выделения существенной информации. Это позволяет сделать вывод об энергетической силе рассмотренных текстов и речевой манеры ученого в целом.

Ключевые слова: речевая индивидуальность ученого, энергетика текста, энергема, речевой прием, отрицание, прозаический ритм.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №18-012-00382 А

Исследование речевой индивидуальности ученого обычно строится на когнитивной основе, основанием которой является представление об эпистемической ситуации [Котюрова 1988]. Автор научного текста рассматривается как субъект познавательной деятельности с присущими ему целостным отношением к предмету изучения, стилем мышления и познавательным интересом [Салимовский 2010; Котюрова 2011]. Функционально-эпистемическая трактовка авторской индивидуальности ученого позволяет описать индивидуальный речевой стиль в рамках профессиональной научной речевой деятельности. Однако профессия не исчерпывает человека, так что возможны дополнения этой теории,

© Матвеева Т. В., 2019

характеризующие речевую индивидуальность ученого за пределами ее профессионального наполнения.

В данной работе предлагается подход к анализу речевой индивидуальности автора научного произведения на основе понятия *энергии текста*. Это понятие имеет прямое отношение к такому фундаментальному свойству психики, как темперамент личности, направляющий индивидуальное своеобразие деятельности человека.

Темпераментом в психологии называют «закономерное соотношение устойчивых индивидуальных особенностей личности, характеризующих различные стороны динамики психической деятельности и поведения» [БПС: 486]. Деятельностный характер данного определения проявляется и при характеристике таких свойств темперамента, как «индивидуальный темп и ритм психических процессов, степень устойчивости эмоций, экспрессивность и энергичность движений, напряженность волевого усилия» [Там же]. Все они являются динамическими и наиболее устойчивы применительно к личности их носителя, так что должны проявляться в его профессии и результирующих профессиональную деятельность текстах.

Вопрос описания индивидуальных черт темперамента того или иного ученого упирается в методологию исследования и общее представление о наборе речевых средств выражения устойчивого динамического состояния и поведения личности в научном тексте его авторства. Будем опираться на понятия *энергии* и *энергетики текста*, сформулированные в [Матвеева 2000; 2017]. Данные термины, экстраполированные в область лингвистики текста из области физики и философии, трактуются как синтезирующие речетекстовые понятия, объединяющие в себе категории движения (изменения, динамики), волеизъявления (целеполагания субъекта речи) и экспрессивности (интенциональности), включающей в себя компоненты эмотивности, оценочности и интенсивности [Матвеева 2017: 839]. Объединяющим названные категории компонентом является динамика, движение: в философии энергия понимается как общая мера различных форм движения (изменения) материи [БЭС: 1221]; она количественно измерима и пропорциональна мере движения. В структурном текстотипологическом плане категория *энергетики* представляет собой функционально-семантическое поле с соответствующими субполями, в плане речетекстового выражения она обеспечена средствами всех языковых уровней, суперсегментными средствами, а также речевыми приемами и текстовыми структурами. Отдельное такое средство, взятое типологически, может быть обозначено термином *энергема* текста. В рамках жанра статьи ограничимся обзором отдельных устойчивых

проявлений динамичности (энергем) на материале научных трудов профессора М.Н. Кожиной.

Предварительное обследование текстов М.Н. Кожиной показало строгое следование канонам научного функционального стиля и жанра со стороны яркого представителя анализирующего, по М.П. Котюровой, познавательного стиля со свойственными ему понятийным дискретно-логическим способом мышления и объективированным способом изложения. В рассмотренных текстах наблюдается полное отсутствие научного эгоцентризма, нет ни малейшей склонности к созданию собственного образа или к речевой экзальтации. В дискуссии автор толерантен, образность применяется лишь с объяснительной целью, иностилевых включений нет. Налицо объективность, взвешенность, композиционная отчетливость – строгая и сложная, в соответствии с объектом и масштабом рассуждений, речевая манера ученого.

Означает ли это, что в данных текстах не проявляется темперамент личности, что их энергетика минимальна? В качестве доказательства противоположного рассмотрим два характерных для данного автора приема, которые непосредственно эксплицируют авторскую энергию.

1. Накопление отрицания.

В онтологическом аспекте научный текст характеризуется наличием субтекстов старого знания и нового знания, что отражает преемственность познавательной деятельности [Баженова 2001: 23, 29]. При переходе к новому знанию автор научного текста, как правило, обозначает недостаточно исследованную, на его взгляд, проблемную зону и называет недостатки сложившейся теории вопроса, т.е. формирует позицию отрицания по отношению к старому знанию. Так определяется участок существующей теории, с которым связан авторский замысел ученого и на котором будет формироваться новое знание. Критичность по отношению к старому знанию не обязательно оформляется на базе открытого отрицания, например, можно использовать фигуру умолчания, подчеркивая лишь актуальность нового знания, интерес к новому аспекту проблемы и т.п.

Наш материал показывает не просто использование энергем открытого отрицания, но целые блоки отрицающих утверждений, что и названо здесь *накоплением отрицания*. В ранних трудах это проявляется особенно ярко. Прежде чем перейти к представлению собственной гипотезы и ее доказательству, М.Н. Кожина формирует «платформу научной неудовлетворенности» наличным состоянием теории, см.: *…многие проблемы … еще не нашли своего решения; до сих пор недостаточно четко определены; освещение этих вопросов страдает рядом недостатков; Проблема же речи … почти совсем не изучается;*

совершенно недостаточно разрабатывается вопрос о …; такая постановка вопроса философски и теоретически несостоятельна; вопрос решается … не на достаточном основании и т.д. (КМН 192–195[1] – монография 1966 г.) – во введении использовано 20 открытых отрицательно-оценочных высказываний. Не столь массированно, но всё же определенно такой заход осуществляется и в работах конца 90-х гг.: *термин-понятие текст … не имеет …общепринятого определения; далеко не всегда получает особое определение; словоупотребление «целый текст» далеко не всегда оговаривается* (16–17) – статья 1996 г. содержит 6 отрицательно-оценочных высказываний во вводной части. Собственное открытое отрицание подтверждается прецедентными текстами того же типа, так, в статье 1998 г. (36) приводятся отрицательно-оценочные мнения М.М. Бахтина и Р. Шенка.

Отрицание здесь не является только грамматической или логической категорией, действующей в рамках предложения-высказывания. Оно носит текстовой характер и связано с оценкой общего исследовательского состояния в избранной области знания. Такое отрицание может рассматриваться как способ обоснования необходимости изменить данное состояние путем собственных научных построений, которые и приводятся в научном тексте впоследствии.

Сам по себе прием открытого отрицания широко распространен и не является индивидуальным стилистическим признаком, однако накопление отрицания – это индивидуализированное стилистическое явления. Его экспрессия создается как за счет предпочтения средств открытого отрицания скрытым, так и за счет нагнетания семантики неудовлетворенности наличным положением дел путем повторения однородных прагматических смыслов на относительно небольшом текстовом пространстве. Данное текстовое явление, на наш взгляд, является непосредственным свидетельством личностных свойств автора: его открытости, убежденности, смелости.

2. Краткая фраза как ритмический способ выделения существенной информации.

Ритм речевого произведения характеризуется регулярностью чередования тех или иных просодических единиц, вплоть до фразовых. Ритмичность свойственна не только стихотворной, но и естественной речи, а синтагмы как первичные ритмические единицы одновременно обеспечиваются семантико-синтаксически, интонационно и физиологически (последнее связано с опорой на естественный дыхательный ритм) [Черемисина 1989: 35–36]. Одним из параметров фразового прозаического ритма является объем высказывания, непосредственно влияющий на темп речи. Установленная

закономерность – «в художественном тексте слова, наиболее важные по смыслу или эмоциональной значимости, располагаются в относительно небольшой синтагме, где замедление темпа подчеркивает их» [Там же: 185] – проявляется и в научной речи. Кроме того, будем помнить о воздействующей силе контраста, который может быть и ритмическим. Известная склонность научной речи к широкому распространению простых и применению сложных синтаксических структур приводит к большому объему высказываний (более и много более двадцати слов) как стилистической норме данного стиля. На этом фоне контрастно выделяются краткие высказывания, приобретающие воздействующую силу, в том числе на ритмическом основании.

Местоположение такого (объемом до десяти слов) высказывания, как правило, не случайно. В нашем материале ритмическая энергема обычно располагается в выводном композиционном фрагменте текста: *Иначе говоря, речь, речевая деятельность не только индивидуальна, но и социальна* (КМН 48); *Вопрос этот требует специального, тщательного изучения* (55). *Таковы основные виды художественно-образной речевой конкретизации* (282). Изредка применяются группы из двух коротких высказываний с очень коротким вторым: *Мы назвали лишь некоторые задачи, требующие рассмотрения в русле речеведения.* ***Можно отметить и другие*** (57). Короткое предложение может быть финальным в целом тексте: *В этом и состоит главный практический «выход» функциональной стилистики* (13); *Как все отрасли речеведческого плана, стилистика является синтетической наукой* (89).

Своеобразным семантическим признаком короткой завершающей фразы является ее плотная смысловая связь с предшествующим высказыванием. Короткое завершение часто содержит в своем составе анафорическое местоимение или местоименное наречие: ***Отсюда*** *понимание диалога как взаимодействия* (КМН 42), *Можно было бы назвать и ряд других задач ...* ***Их*** *множество* (58); *Стремление* ***это*** *вполне законное* (211). Иногда связь соседних предложений такого рода устанавливается с помощью сочинительного или подчинительного союза*:* ***Однако*** *все же вопрос остался не лишенным дискуссионности* (51); ***Но****, возможно, это тот случай, когда количество переходит в качество* (56); *Этот принцип подсказывает и пути ...* ***Хотя,*** *к сожалению, не всегда учитывается* (84). Такое завершение содержательного фрагмента (по типу парцелляции) указывает на ритмико-интонационное предназначение короткой финальной фразы.

Краткая фраза может также служить композиционно-смысловым вводом во фрагмент: *Конкретизируем мысль на примере научных*

текстов, которыми мы занимаемся (КМН 9); *Остановимся на этом подробнее* (25); *Несколько слов о косвенной конкретизации* (280). Иногда подобные вводы, несмотря на их краткость, выделяются в самостоятельный абзац: *Начнем с вопросов стиля* (150). *Прежде всего, два замечания.* (448); Часто с помощью данного приема оформляется проблемный вопрос или их группа: *Как же связан предлагаемый метод анализа с научной стилистической традицией?* (213); *Откуда появилось это дополнительное к словам или, лучше сказать, главное содержание? Чем оно выражено?* (216).

С помощью краткой фразы оформляются также прагматически значимые утверждения: *Вначале это вызывало недоумение* (КМН 51); *Это исследования не стилистического плана* (207); *Иногда возникает вопрос, можно ли говорить …* (далее с красной строки. – *Т.М.*). ***Да, можно*** (233). *Детализировано ли описание и каким образом детализировано – это вопрос самого содержания, самой мысли.* ***Так видит писатель*** (245).

Таким образом, краткая фраза в рассмотренных текстах выполняет несколько функций, но реализация каждой из них связана с логическим усилением, выделением нужного автору актуального смысла, т.е. сообщает данной синтаксической структуре статус текстовой энергемы. Кроме того, за счет данного приема научная речь приобретает признаки естественного изложения, не связанного жестко с условиями книжной стилистики. Широкое использование краткой фразы свидетельствует о внутренней свободе автора.

Для описания идиостиля профессора М.Н. Кожиной представляет также большой интерес анализ применения стилистических фигур (особенно синтаксических) и оценочных характеристик, использование лексической и грамматической синонимики, отбор вводных слов и оборотов с модальным значением. Однако и приведенный материал показывает особенности «лирического героя» рассмотренных научных текстов – человека открытого, волевого и сильного, мысль которого рельефна и постоянно напряжена в поиске научного результата.

Примечания

[1] Здесь и далее источник обозначается аббревиатурой КМН (Кожина М.Н.) в круглых скобках; цифрами обозначается страница издания (см. библиографический список).

Библиографический список

Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: автореф. дис. докт. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 42 с.

БПС – Большой психологический словарь / сост. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.. Олма-пресс, 2004. 672 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2005. 1247 с.

КМН – Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Перм. ун-т, 2002. 475 с.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: Пермь: ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», 2011. 394 с.

Матвеева Т.В. Энергетика текста // Изв. Урал. ун-та. Гуманитарные науки. 2000, № 17. Вып. 3. С. 107–112.

Матвеева Т.В. Измерить энергию текста // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017/ № 3 / P. 838–850.

Салимовский В.А. Опыт исследования идиостиля ученого (на материале текстов Л.Н. Мурзина) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2000. № 9. Вып 3. С. 113–133.

Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1989. 240 с.

T.V. Matveeva
Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

TO THE PROBLEM OF THE SCIENTIST'S IDEOSTYLE (BASED ON THE TEXTS OF PROFESSOR M.N. KOZHINA)

There considered an approach to the analysis of the scientist's speech individuality in the aspect of the text energy. The approach is additional in relation to the functional-epistemic concept concerning the category of the author of a scientific text developed by M.P. Kotyurova and aims to identify common features of individual speech activity associated with the individual's temperament. The term *energy* is considered as a concept which synthesizes speech and text, including categories of movement (changes, dynamics) and volition (goal-setting) of the subject of speech and the category of expressivity (intentionality). A separate tool like *energy* can be termed e*nergema*. The proposed concept is demonstrated on the material of scientific works by Professor M.N. Kozhina. Two methods of explication of the author's energy characteristic are analyzed: the accumulation of negation and use of a brief phrase as a rhythmic method of extracting essential information. It allows us to draw a conclusion about the energetic power of the reviewed texts and the speech manner of the scientist as a whole.

Key words: scientist's speech individuality, energy, energema, speech manner, negation, prosaic rhythm.

УДК 81'42

Пастухов Александр Гавриилович
заведующий кафедрой иностранных языков
Орловский государственный институт культуры
alexander.pastukhov@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ – ДИСКУРСИВНЫЙ – ЖАНРОВЫЙ? СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ МЕДИАТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы возникновения новых стилистических форматов на фоне протекающих процессов массовизации и индивидуализации коммуникации. На примере печатных медиатекстов показаны важнейшие экстраполяции характеристик медийного стиля на уровне дискурса и жанра.

Ключевые слова: функциональный стиль, дискурсивный стиль, жанровый стиль, медиаречь, медиатекст, журналистский жанр

Введение. Одной из актуальных проблем, определяющих современную повестку дня, является осознание общественной функции журналистики. В последние годы сфера ее компетенции существенно изменилась, журналистика «сервилизируется», отчего изменяется и ее главное социальное предназначение. Движение к новой медиальной парадигме, а также изменения в языке массмедиа, технологическая революция требуют уточнения целого ряда понятий, связанных с журналистикой и ее миссией [Свитич 2013: 16].

В плане медийного освещения не теряет своей значимости изучение «функциональной стилистики, как стилистики коммуникативной и прагматически ориентированной» [Хазагеров 2005: 13–14]. Это требование предполагает уточнение трех связанных друг с другом задач. *Первая* состоит в концептуальной фиксации коммуникативного пространства, т.е. окультуривания всего коммуникативного поля. Это непосредственно входит в сферу компетенции культуры речи, призванной обеспечить приемлемую проекцию системы функциональных стилей (ФС), обслуживающих различные сферы: образование, массовую информацию, право и т.п. Стиль медиа, на наш взгляд, в первую очередь нуждается в «перезапуске», так как стилевая дифференциация в нем достигла своей наивысшей точки. Кроме того, в пересмотре нуждаются критерии, лежащие в основе систематизации продуктов речевой деятельности, а также актуальные свойства медиаречи, такие как *медиальность, гипертекстуальность*, *интердискурсивность* и т.п.

© Пастухов А. Г., 2019

Вторая задача – отражение в стиле культуры институциональной коммуникации и, соответственно, требование обращения к частным функциональным стилистикам. Локальные дискурсы отдельных социальных групп нуждаются в описании и отграничении, что особенно важно для ситуаций коммуникативного и культурного взаимодействия.

Третья задача охватывает, выражаясь глобально, коммуникативную эффективность речевого акта, т.е. суть интенциональной стилистики, изучающей связь стиля и интенций говорящего.

К сожалению, сегодня все чаще приходится иметь дело со смешением этих трех (назовем их условно) тактик, что нередко заводит в тупик: существование стилей оказывается поставленным под сомнение в ситуации, когда любое отклонение от нормы ведет к ухудшению качества речи и речевой культуры. Однако выяснение места ФС в современных условиях вполне оправданно и целесообразно, так как оно актуализируется действием *альтернативных текстовых функций*, которые должны быть отграничены друг от друга. Это касается не только принципов дизайна текстового сообщения в широком смысле слова (неформальность, литературность, терминологичность, образность / безóбразность и др.), но и других коммуникативных функций (передача информации, контроль поведения, формирование мнения).

Если не производить подобного различения, то алгоритм стилистической оформленности теряет свою систематику. Более того, он переворачивает вещи с ног на голову, поскольку ситуация с ФС и их отношением к сфере коммуникации, речевым (текстовым) типологиям, функциям текста остается весьма запутанной. Ср., напр., терминологическое нагромождение: *бытовая речь, научные тексты, директивный стиль, художественная литература, массовая печать*, которые хотя и идентифицируются алгоритмически, но не обнаруживают внутренней логики, а следовательно, ограничены для последующего анализа в своей цельнооформленности и информационной ценности. По этой причине здесь совершенно необходим расширенный и унифицированный многоступенчатый алгоритм [см.: Hoffmann 2007: 11], о котором пойдет речь в данной публикации. Важно при этом, чтобы каждый из этапов сопровождался выработкой альтернативных принципов в конструировании стиля.

1. Функциональный стиль. Отечественная исследовательская традиция 60–70 гг. прошлого века отчетливо показала, что изменение соответствующей парадигмы в языкознании во многом способствовало становлению стилистики и ее отдельного направления – функциональной стилистики. Переход от языка к рéчи стал господствующей тенденцией тех лет и породил термин «речеве́дение». «Функциональная

стилистика на многие годы стала дисциплиной, которая исследует не столько язык, сколько речь» [Кожина 1966: 13].

В современных условиях *теория функциональной стилистики* корреспондирует с ФС и в значительной степени образует неразрывное единство функций как в отношении содержания и соответствующей сферы коммуникации, так и стиля, т.е. формы его воплощения. В центре этой теории, как известно, находятся вопросы тексто-типологических, композиционных и жанровых особенностей, которые являются типичными для соответствующей области использования языка.

Мнение о междисциплинарном характере ФС высказывалось уже на начальных этапах становления функциональной стилистики. Тогда подчеркивалось, что речь идет о лингвистической науке, изучающей употребление языка под влиянием внешних факторов. Производимый на этой основе анализ видов речевой деятельности и соответствующих им форм сознания: научного, художественного, религиозного и др. – рассматривает их не просто как внешние детерминанты речи, но и как формы ее содержательно-смысловой организации. Скажем больше, в современных условиях, повторяя мысль М.П. Котюровой, *толерантность* функциональной стилистики проявляется именно в ее открытости – готовности содействовать решению прикладных задач, в частности проблемы стилевой дифференциации языка, и поэтому «система все еще расширяема» [Котюрова 2008: 7]. Соответственно, вполне оправданным является распространение теории функциональных стилей на изучение речевых феноменов из сферы медиа, парламентаризма, образования, армии, экологии и т.д.

Другим ключевым моментом теории ФС является мнение о том, что каждый ФС имеет фиксированный набор языковых черт. Это, однако, не означает, что все тексты, созданные в той или иной области коммуникации, будут иметь идентичные конструктивные особенности. Но функциональные стили – это прежде всего типизированные стили, и в их описании следует учитывать те особенности и комбинации признаков, которые признаются типичными и соотносимыми с функциями языка. Ясность должна существовать и в отношении границ конкретной коммуникативной области.

2. Дискурсивный стиль медиа. Оперирование понятием *функциональный стиль* предполагает, как известно, представление о нем как о крупной системе, которая противопоставлена аналогичным по ряду параметров. Напротив, понятие *дискурс*, не обладая жесткой привязкой к сферам общественной жизни, связано с представлением об изменчивых коммуникативных средах, в которых складываются иерархические отношения на уровне жанров текста, через которые дискурсы реализуют

свои коммуникативные функции [Бабенко 2006: 46]. По этой причине *стиль,* будучи характерным способом речевых действий субъекта, решает определенные когнитивно-коммуникативные задачи и выполняет роль связующего звена между текстом и дискурсом [Пастухов 2015b: 46–47]. Обретая свою «материальную оболочку» через фиксацию в тексте, стиль характеризуется как когнитивно-коммуникативное событие, погруженное в жизнь языковой личности или всего общества, т.е. как *дискурс*.

Экстраполяции характеристик стиля на уровень дискурса позволяет обеспечить учет различных оснований. Кроме того, стиль манифестирует действие целого ряда разноуровневых характеристик: 1) содержания; 2) формы; 3) набора языковых элементов, через «комбинацию и трансформацию» которых собственно эксплицируется информация о стиле [Пастухов 2015b: 47].

Подобные экспликации, разновидности и «манеры речи» (ведения дискурса) носителей языковой культуры определяются регулярным и последовательным использованием ими интерактивных и языковых стратегий в коммуникации. Их выбор происходит неосознанно, что обусловлено присущими языковому сообществу глубинными ценностными ориентирами, верованиями и ожиданиями, а также принятыми в соответствующей лингвокультуре конвенциями общения, которые в аналогичных коммуникативных условиях могут вести общение поразному, реализуя свойственный их культуре *дискурсивный стиль* [Гришаева, Цурикова 2006].

3. Жанровый стиль (Textsortenstil) в медиа. Распространение стилистического исследования на ткань и содержательно-смысловую сторону речевого произведения, рассматриваемого под углом зрения объективации в нем социокультурной деятельности (научной, художественной, религиозной и др.), сближает стилистику с науками об «идеологическом (знаковом) творчестве» [Салимовский 2010: 204] и реализуется в жанрах.

В этом смысле прагматическая ситуация медийного текстопорождения находит свое отражение в ранжировании и верификации значительной массы текстов. В условиях медийной коммуникации для них характерно действие определенных интенций и степени воздействия. Этот принцип, правда, не срабатывает в большинстве фикциональных текстов, но для медиатекста более важным будет показать его имманентные функции, в том числе стилистические, отраженные сквозь призму внутренних коммуникативных функций [Пастухов 2016a: 64].

Создание типологий и классификаций в массмедийной коммуникации не случайно сопровождается расширением репертуара

коммуникативных форм и форматных адаптаций. В широком спектре успешных медийных продуктов содержательные аспекты презентируют себя самыми различными способами, в том числе через формальный характер предложений, непосредственно связанных с медийным содержанием, системой жанров или композиционных форм. Такие понятия, как *формат, жанр, композиционно-речевая форма, тип текста, текст-образец* и др., в журналистских и лингвистических исследованиях используются для того, чтобы закрепить стабильность соответствующих социальных и коммуникативных порядков [Пастухов 2015a: 149].

Следует также отметить, что стилистические особенности медийных речевых жанров в большинстве случаев индицируются с опорой на соответствующие текстовые образцы (*Textmuster*), в которых, с одной стороны, показаны требования к дизайну текста, а с другой – отношение к его коммуникативным параметрам. Следуя концепции жанра текста (*Textsorte*), определим сначала задачи жанра. *Стандартная задача* конституирования медийных жанров как стилевых стандартов состоит в том, чтобы обозначить рефлексии жизненных обстоятельств (партнерство, род занятий и т.д.) в соответствии с их коммуникативными параметрами. В этой ситуации автор медиатекста выступает в роли эксперта по обсуждаемой теме, выстраивает отношения с читателем т.д., а медиааудитория, в свою очередь, проявляет (адекватный / неадекватный) интерес к соответствующей теме (топику).

Заключение. Отражение разнообразных дискурсивных практик и рефлексия речемыслительных процессов непосредственно активируют и объективируют цели медиадискурса. Среди атрибутов последнего следует назвать не только уже упомянутую распространенность и доступность информации, но и возможности тиражирования медиарепрезентаций, а также их повторяемость в плане предложений информационно-идеологического содержания. Развертывание логико-смысловых цепочек и активизация образно-метафорических связей в них приоритетно также в плане «приближения» смысла, ведь для рекуррентной актуализации информации абсолютно необходима ее постоянная корректировка с целью повышения на выходе ее эффективности (комментирование, продвижение, оппонирование и т.п.) [Пастухов 2016b: 79].

Библиографический список

Бабенко Н.С. Функциональный стиль как лингвистический объект в прошлом и настоящем // Эвристический потенциал концепций проф. Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс: Тез. докл. Междунар. науч. конф. 19–22 окт. 2006 г. М.: МГЛУ, 2006. С. 45–46.

Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Дискурсивный стиль / Глоссарий терминов // Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: ИЦ «Академия», 2006. 300 с.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1966. 213 с.

Котюрова М.П. Функциональная стилистика – толерантное научное направление // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 12. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2008. С. 5–11.

Пастухов А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Ученые записки Орловского гос. университета. 2015a. № 5 (68). С. 148–153.

Пастухов А.Г. Публицистический – журналистский – медийный: к формированию новой стилистической парадигмы // Масс-медиа и массовые коммуникации: опыт, проблемы, перспективы. II Междунар. науч. коллоквиум. Белгород, БелГУ, 1–2 октября 2014 г.: Сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, 2015b. С. 45–60.

Пастухов А.Г. Прагматика высказывания, прагматическая стилистика и медиатекст // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации. Материалы I Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции. Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2016a. С. 63–66.

Пастухов А.Г. Медиатекст: стилистическое разнообразие или диффузность свойств? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14. Орел: ОГИК, «Горизонт», 2016b. С. 75–98.

Салимовский В.А. Функциональная стилистика как речеведение // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5 (11). С. 202–207.

Свитич Л.Г. Миссия журналистики: поле понятий и терминов // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 3. С. 16–36.

Хазагеров Г.Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля) // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах. Вып. 3. Ставрополь, 2005. С. 13–21.

Hoffmann, Michael: Funktionale Varietäten des Deutschen – kurz gefasst. Potsdam: Universitätsverlag, 2007. 48 p.

A.G. Pastukhov
Head of Foreign Languages Department
Orel State Institute of Culture

STYLISTIC PARADIGM (FUNCTIONAL – DISCURSIVE – GENRISTIC) IN AITS APPLICATION TO THE MEDIA TEXT STUDY

The article deals with the emergence of new stylistic formats in connection with the parallel processes of mass information coverage and individualization of communication. Using examples of printed media texts the main extrapolations of the style characteristics to discourse and genre levels are presented.

Key words: functional style, discursive style, genre style, media speech, media text, journalistic genre.

УДК 811.161.1'38:821.161.1(2Рос=Рус)"1890–1920"

Петрова Нина Геннадьевна
доцент кафедры теории и методики дошкольного образования
Новосибирский государственный педагогический университет
npetrova@ngs.ru

ЗАВЕТЫ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ И ФУТУРИСТОВ: ОБЩЕЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В АСПЕКТЕ РЕГУЛЯТИВНОСТИ

На материале стихотворений, содержащих в своем составе и / или заглавии лексическую единицу *завет*, из сборников стихов «Me eum esse» (1897) В.Я. Брюсова, «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903), «Только любовь» (1903) К.Д. Бальмонта и «Громокипящий кубок» (1913) И. Северянина рассматриваются особенности наставлений / наказов знаковых фигур серебряного века. Установлено, что заветы символистов В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта, а также родоначальника эгофутуризма И. Северянина последователям или потомкам в указанных сборниках стихов связаны с «правилами» поведения как в жизни, так и в поэтической деятельности. Общим у ярких представителей символизма и футуризма при формулировании заветов как людям вообще, так и конкретному лицу (лицам) является употребление разных видов лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме как частном случае повтора, что позволяет трактовать их в качестве универсальных концептообразующих элементов.

Ключевые слова: теория регулятивности, лексическая регулятивная структура, синтаксический параллелизм, поэтический текст, символизм, эгофутуризм.

Художественная концепция бытия, будучи своего рода «формулой» творческого мировоззрения первой трети XX в., проявилась, по мнению И.В. Гречаник, ярче всего в художественной литературе и прежде всего в поэзии [Гречаник 2004: 3–4].

В связи с этим несомненный интерес представляет обращение к наставлениям / наказам знаковых фигур серебряного века, адресованным людям вообще или конкретному лицу (лицам), неизвестному современному читателю, но хорошо известному лирическому герою (автору).

Материалом для анализа послужили стихотворения из сборников стихов «старших символистов»: В.Я. Брюсова «Me eum esse» (1897), К.Д. Бальмонта «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903),

© Петрова Н. Г., 2019

«Только любовь» (1903), а также сборника стихов родоначальника эгофутуризма И. Северянина «Громокипящий кубок» (1913), содержащие в своем составе и / или заглавии лексическую единицу *завет.*

Следует отметить, что настоящая статья выполняется в русле теории регулятивности – одного из направлений коммуникативной стилистики текста, развивающейся на протяжении уже 25-ти лет под руководством Н.С. Болотновой в Томском государственном педагогическом университете. (Об основных этапах становления и тенденциях развития данного направления, изучающего текст и как форму коммуникации, и как явление идиостиля см., напр.: [Болотнова 2018].)

Сущность регулятивности как системного качества текста, выделенного впервые Е.В. Сидоровым, заключается в том, «что через восприятие получателем сообщения текст определенным образом *управляет его коммуникативной деятельностью* (курсив наш. – *Н. П.*), определяет ее с точки зрения идеального содержания, количества и характера речемыслительных действий, их структуры, взаимного сцепления, мотивации, конечного продукта деятельности и т. п.» [Сидоров 1987: 44].

Наблюдения показали, что заветы ярких представителей серебряного века последователям или потомкам в указанных сборниках стихов касаются «правил» поведения как в жизни в целом («жизнестроительства»), так и в выбранной деятельности для достижения в ней успеха (признания).

Обратимся к примерам.

В стихотворении «Юному поэту», написанном после встречи с тринадцатилетним поэтом А. Браиловским и вошедшем в раздел «Новые заветы» сборника «Me eum esse» (1897), В.Я. Брюсов сформулировал три завета, соблюдение которых позволит начинающему автору стать настоящим поэтом: *Юноша бледный со взором горящим, / Ныне даю я тебе три завета: /* ***Первый прими: не живи настоящим, / Только грядущее – область поэта. // Помни второй: никому не сочувствуй, / Сам же себя полюби беспредельно. // Третий храни: поклоняйся искусству, / Только ему, безраздумно, бесцельно.*** *// Юноша бледный со взором смущенным! // Если ты примешь моих три завета, Молча паду я бойцом побежденным, / Зная, что в мире оставлю поэта* [Брюсов 1973: 99–100].

Употребление двух эксплицитно связанных лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма как частном случае повтора (частично

конгруэнтной рамки и создающей регулятивное единство лексической регулятивной структуры, состоящей из трех контактно расположенных параллелей), позволяет В.Я. Брюсову акцентировать читательское внимание как на адресате заветов, так и на их сути: жить будущим (грядущим), полюбить себя, осознав свое высокое предназначение (ср. вторую заповедь Иисуса Христа из Ветхого Завета: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»), а также быть до конца преданным выбранному делу. (Подробнее о типах и видах лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма, см., напр.: [Петрова 2011]).

Любопытно, что количество заветов (три) коррелирует с троекратным повтором, являющимся обязательным элементом развития сюжета русских народных сказок и прежде всего волшебных.

В отличие от В.Я. Брюсова, И. Северянин в стихотворении «Завет» актуализирует внимание читателей на ряде творчески переосмысленных нравственных законов, данных людям Богом, важнейшим из которых выступает любовь (любовь к другим, включая и врагов!). Адресат при этом носит обобщенный характер: *Целуйте искренней уста – / **Для вас раскрытые бутоны,** / **Чтоб их не иссушили стоны,** / **Чтоб не поблекла красота!** // **С мечтой о благости Мадонны** / Целуйте искренней уста! // Прощайте пламенней врагов, / **Вам причинивших горечь муки,** / **Сковавших холодом разлуки,** / **Топящих в зле без берегов.** // **Дружней протягивайте руки,** / Прощайте пламенней врагов. // Страдайте стойче и святей, / **Познав величие страданья.** // **Да не смутят твои рыданья** / **Покоя светлого детей!** // **Своим потомкам в назиданье** / Страдайте стойче и святей! // Любите глубже и верней – / **Как любят вас, не рассуждая,** / **Своим порывом побуждая** / **Гнать сонмы мертвенных теней...** // **Бессмертен, кто любил, страдая, –** / Любите глубже и верней!* [Северянин 1988: 93].

Ср. фрагмент знаменитой Нагорной проповеди Христа из книги Нового Завета, в которой сформулированы нравственные заповеди христиан: «А Я говорю, любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Матф. 5: 43–44].

Как видно, смысловое развертывание поэтического текста осуществляется за счет дистантно расположенных параллелей 4-х лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме, образующих 4 формально конгруэнтных регулятивных рамки на уровне блоков высказываний, совпадающих со строфами.

Употребление на уровне строф формально конгруэнтных рамок не только отражает авторскую интенцию, но и создает сильную

регулятивную стратегию однородного типа, обеспечивающую управление познавательной деятельностью читателей.

По способам регулятивности, т. е. с точки зрения принципов организации поэтического текста, в данном стихотворении наблюдается стратегия *императивно-пояснительного типа* (как и в стихотворении В.Я. Брюсова). Она возникает благодаря глаголам в повелительном наклонении в составе параллелей лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме, а также за счет того, что параллели регулятивных структур, образующих регулятивные рамки на уровне блоков высказываний, представляют собой в большинстве случаев главные части сложных предложений, придаточные части которых содержат пояснительный смысл. (О регулятивных стратегиях художественного текста см. в работе [Болотнова 2011: 268–275]).

Если лирические герои стихотворений В.Я. Брюсова и И. Северянина постигли законы жизни / бытия и выступают в качестве субъектов лирических адресаций, то лирический герой К.Д. Бальмонта находится в их поиске и поэтому выступает то в качестве субъекта лирических адресаций, то в качестве адресата. См., например, стихотворения «Слово завета» из сборника «Горящие здания», «Выбор» из сборника «Только любовь» и др.

В стихотворении «Завет бытия» из сборника «Будем как солнце» лирический герой одновременно выступает в двух ипостасях: и в качестве субъекта лирических адресаций (косвенно), и в качестве адресата. Такая смена коммуникативных позиций, поддерживаемая также чередованием трех пар дистантно расположенных параллелей двух лексических регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, создает динамику стихотворения: *Я спросил у свободного ветра, / Что мне сделать, чтоб быть молодым. // Мне ответил играющий ветер: / «Будь воздушным, как ветер, как дым!» // Я спросил у могучего моря, / В чем великий завет бытия. // Мне ответило звучное море: / «Будь всегда полнозвучным, как я!» // Я спросил у высокого солнца, / Как мне вспыхнуть светлее зари. // Ничего не ответило солнце, / Но душа услыхала: «Гори!»* [Бальмонт 1989: 147–148].

Показательно, что собеседниками лирического героя К.Д. Бальмонта выступают ветер, море и солнце (ср. обращение Королевича Елисея к солнцу, месяцу и ветру в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина), которые заведомо не могут не только воспринять обращенную к ним речь, но и ответить.

Представляется, что обращение к силам природы не случайно: именно они обладают мудростью веков, поскольку, в отличие от человека, «живут вечно» и поэтому вправе давать советы и наставления.

Небезынтересно, что наставления / наказы лирическому герою дают не только природные стихии, но и сам Бог. См., например, стихотворение «Ребенок» из сборника «Только любовь»: *И вдруг мне послышался Голос, / Откуда-то с неба ответ / На то, что так больно боролось, / В душе выжигая свой след. <….> «Будь равен со слабым и сильным, / И к каждому мыслью спеши. // Не медли в томленьи могильном, / Но слушай напевы души»* [Бальмонт 1989: 274–278].

Тем самым круг собеседников лирического героя К.Д. Бальмонта косвенно свидетельствуют об избранности поэта. Ср. также стихотворение из сборника «Будем как солнце» (1903) «Я с каждым могу говорить на его языке ... ».

Подведем некоторые итоги.

Анализ стихотворений, содержащих в своем составе и / или заглавии лексическую единицу *завет*, из сборников стихов «старших символистов»: «Me eum esse» (1897) В.Я. Брюсова, «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903), «Только любовь» (1903) К.Д. Бальмонта, а также сборника стихов «Громокипящий кубок» (1913) эгофутуриста И. Северянина показал следующее:

– заветы В.Я. Брюсова касаются того, как преуспеть в поэтической деятельности;

– завет И. Северянина связан с «правилами» поведения в жизни;

– у К.Д. Бальмонта «завет бытия» неоднозначен и касается как жизни (существования), так и предназначения поэта, сущности поэтического творчества.

Если лирические герои стихотворений В.Я. Брюсова и И. Северянина выступают в качестве субъектов лирических адресаций, так как постигли законы жизни / бытия, то лирический герой К.Д. Бальмонта находится в их поиске, поэтому чаще выступает в качестве адресата.

Наличие в стихотворениях В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и И. Северянина, содержащих заветы последователям или потомкам, разных видов лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме как частном случае повтора, и их сопряженности позволяет трактовать данный тип лексических регулятивов в качестве универсального элемента, служащего для передачи концептуальной информации.

Библиографический список

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. 608 с.

Болотнова Н.С. Регулятивные стратегии в поэтической деятельности // Болотнова Н.С., Бабенко И.И. и др. Коммуникативная стилистика текста:

лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 266–275.

Болотнова Н.С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистки текста (к 25-летию научного направления) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2018. Вып. 4 (193). С. 32–40.

Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. 670 с.

Гречаник И.В. Художественная концепция бытия в русской лирике первой трети XX в.: автореф. дис. … доктора филол. наук. М., 2004. 31 с.

От Матфея святое благовествование. URL: https://bibleonline.ru/bible/rst78/mat-5/ (дата обращения 25.03.2019).

Петрова Н.Г. К. Бальмонт и В. Брюсов: общее и индивидуальное в организации познавательной деятельности читателей в поэтических текстах без заглавий // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 205–216.

Северянин И. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.

Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.

N.G. Petrova
Associate Professor of Theory and Methodology Pre-school Education Department
Novosibirsk State Pedagogical University

BEHESTS OF RUSSIAN SYMBOLISTS AND FUTURISTS: THE COLLECTIVE AND THE INDIVIDUAL IN TERMS OF REGULATIVITY

The article considers the peculiarities of behest / exhortation of Silver Age significant figures on the basis of the poems that contain a *behest* lexical unit in the texts and/or in their headings from the collections of poems “Me eum esse” (1897) by V.Ya. Bryusov, “The Burning Buildings” (1900), “We shall be as the Sun” (1903), “Only love” (1903) by K.D. Balmont and “The Cup of Thunder” (1913) by I. Severyanin. It is identified that the behests of such symbolists as V.Ya. Bryusov and K.D. Balmont and the forefather of egofuturism I. Severyanin as well for the followers and descendants in the given collection are connected with the “rules” of behavior both in real life and in the creative activity. All brilliant representatives of symbolism and futurism formulated common behests both for all people and for a specific person (people).While formulating them they used different types of lexical regulative structures based on the stylistic device of syntactical parallelism as a private case of repetition that allows these structures to be interpreted as universal concept-building elements.

Key words: theory of regulativity, lexical regulative structures based on the stylistic device of syntactical parallelism, poetic text, symbolism, egofuturism.

УДК 81'25

Пластинина Нина Анатольевна
доцент кафедры лингвистики и перевода
Нижневартовский государственный университет
nina.plastinina2011@yandex.ru

СИСТЕМА СМЫСЛОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматривается смысловая система переводческого предисловия (кванты смысла) как синергетическая система, взаимодействие элементов которой отражает метадискурсивную деятельность переводчика-субъекта. В результате анализа автор устанавливает, что кванты смысла переводческого предисловия являются универсальными и отражают осознание переводчиком единства всех трех аспектов познавательной деятельности.

Ключевые слова: метадискурсивная деятельность переводчика, метапереводческая деятельность, переводческий метатекст, переводческое предисловие, кванты смысла, эпистемическая ситуация

Сложная синергетическая природа переводческого метатекста – его способность, с одной стороны, вбирать синергию смыслов исходного и производного текстов и отражать уникальную «точку зрения» переводчика, с другой – позволяет нам проследить познавательную и мыслительную деятельность переводчика-субъекта.

Переводческий метатекст, являясь частью сложной архитектоники целого текста, становится предметом пристального научного интереса, весомым документальным наследием, в котором отражен сложный лингвокогнитивный процесс метаперевода и метадискурсивной деятельности, осознанные стратегии и выбор переводческих решений, идентичность и смыслы исходного текста, самоидентичность перевода и проспекция его восприятия потенциальным читателем.

В процессе сложной лингвокогнитивной деятельности переводчика по аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода переводчик осмысливает текст оригинала целостно. В созданном им метатексте это знание трансформируется, подчиняясь законам линейной структуры текста. Если в процессе перевода происходит транспонирование смыслов из одной лингвокультуры в другую, то в процессе порождения метатекста переводчик «обнажает» поле переводчика, рефлексирует над ним, и ментальная репрезентация приобретает вербальное воплощение, что позволяет проследить

© Пластинина Н. А., 2019

функционирование когнитивного механизма метапереводческой деятельности в явном виде [Кушнина, Пластинина 2016].

В своих исследованиях системности, смысловой структуры и лингвистической природы переводческого метатекста, а именно переводческих предисловий и послесловий, а также их функционально-стилистических аспектов, мы обратились к концепции эпистемической ситуации М.П. Котюровой [Котюрова 1996].

Формально предшествующее тексту перевода, переводческое предисловие выполняет основную свою функцию – облегчить восприятие текста реципиентом. Однако его смысловое наполнение возникает только в результате успешного завершения всей метадискурсивной деятельности. Текст перевода не является аннотированием исходного текста, но результатом его переосмысления переводчиком, его индивидуального видения ключевых концептов и образов оригинала. В тексте предисловия отражено стремление переводчика передать значимость текста для читателя. Включая в текст предисловия собственные комментарии и критические замечания, переводчик перестает быть «невидимкой» и «голосом» автора текста, выходит из тени и становится автором. В результате текст предисловия оказывается гораздо более свободным, чем текст собственно перевода, он содержит как расшифрованные смыслы автора, так и новые смыслы, привносимые переводчиком, что в совокупности порождает новые смыслы реципиента. В этом отношении иллюстративным представляется сравнение переводчика с импортером иностранной культуры, ее послом и рационализатором полисистемы культуры принимающей [Voinova, Shleisinger 2016].

Обращение к концепции эпистемической ситуации является ключом к пониманию признаков метатекста, что позволило подойти к анализу текста с позиций единства лингвистического и экстралингвистического, рассмотреть глубокое и разностороннее влияние экстралингвистических факторов на формирование глубинной и поверхностно-речевой структуры метатекста. Такой подход позволил нам в целях анализа расчленить метатекст на соответствующие смысловые компоненты – кванты смысла, некие единицы смысла, обладающие, с одной стороны, многомерностью, многоплановостью, многозначностью, с другой стороны, неразложимостью, неделимостью.

Онтологически кванты смысла переводческого предисловия понятийно насыщены, связаны с предметным содержанием старого и нового знания. М. Сомерс и Г. Гибсон равным образом полагают, что переводческое предисловие есть не что иное как “ontological narrative” (онтологическое повествование – *Здесь и далее перевод наш – Н.П.*),

которое осмысливает, переосмысливает и воссоздает чужое повествование [Somers, Gibson 1993: 30]. Методологически кванты смысла характеризуют познавательную метадискурсивную деятельность переводчика и соотнесены с экстралингвистической ситуацией. Аксиологически кванты смысла обладают оценочной коннотацией, связаны с личностным характером познавательной деятельности, проявляют спектр его личностных качеств, как элитарной творческой личности. Коммуникативно-прагматический компонент квантов смысла соотносится с текстообразовательной деятельностью, т.е. сложным процессом трансляции всех экстралингвистических факторов метадискурсивной деятельности в собственно лингвистические, текстовые.

Проведенное исследование корпуса из предисловий к переводным произведениям англоязычных авторов разных лет[1] позволило вычленить следующие кванты смысла: аттракторы текста оригинала, признание автора (похвала автору), контекстуализация и реконтекстуализация перевода, оправдание перевода, рекомендация к прочтению, аппелирование к читателю и переводческий комментарий.

Поясним представленные кванты смысла. Аттракторы текста оригинала – квант смысла, характеризующий автора и произведение в целом**,** переводчик акцентирует внимание на философских, лингвистических, лингвостилистических, лингвокультурологических особенностях текста, способных привлечь потенциального читателя. Признание автора или похвала автору направлены на создание литературного капитала автора в принимающей культуре, т.е. возвышение уже известного инофону автора или создание репутации неизвестного автора. В качестве контекстуализации текста выступает описание темпоральных и социо-культурных факторов, под влиянием которых было написано произведение, переводчик восполняет недостающие потенциальному читателю фоновые знания, необходимые ему для адекватной интерпретации текста. Для реконтекстуализации перевода переводчик высвечивает эмоциональную близость автора и читателя, информирует о параллелях в интертекстуальном пространстве двух культур, подчеркивает ценность переведенного произведения для принимающей культуры, т.е. предпринимает попытку адаптировать лингвокультурные феномены исходного текста для читателей-инофонов посредством своего опыта. Здесь уместно также заметить, что время написания предисловия, его темпоральный аспект может быть обусловлен идеологическими императивами принимающей культуры. Культурная ценность произведения и значимость его перевода на язык другой культуры, возможный вклад этого произведения в мировое и

национальное наследие служат для переводчика оправданием желания перевести текст на русский язык и представить его читателю. Апеллирование к читателю учитывает фактор адресата, проявляющийся во включении в текст эксплицитных и имплицитных обращений к читателю, героям произведения, воображаемому собеседнику, описываемым реалиям, времени и месту действия. Переводчик устанавливает контакт с читателем и управляет его вниманием, прибегая к таким языковым средствам, которые позволят ему этот контакт поддерживать. Квант рекомендации к прочтению связан с намерением, эксплицитным или имплицитным, создать у реципиента потребность в прочтении произведения. Переводческий комментарий вбирает в себя размышления о профессиональной деятельности переводчика вообще и/или стратегиях и трудностях перевода данного произведения в частности. В качестве автора метатекста переводчик делится своим опытом перевода и найденными переводческими решениями, индивидуальным видением текста и др.

Квант аттракторов текста оригинала является, по нашему мнению, концептуальным ядром всей системы квантов смысла переводческого предисловия, ее семантически доминантным смыслом притяжения остальных элементов системы на основании связности и неделимости квантов смысла. Пересечением множеств является предметная область, образующаяся на основе общих элементов двух или более предметных областей, что позволяет расценивать данную модель как функционально-синергетическую.

Изучение результатов исследований зарубежных ученых показало, что в рамках своих исследований различных аспектов переводческого метатекста большинство из них также вычленяют подобные элементы смыслового наполнения переводческого предисловия и признают их роль в управлении вниманием и пониманием потенциального реципиента. Так, например, китайские исследователи Ся Цзин-ю и Сун Чжи-сян в своей работе “Changing Content of Translators’ Prefaces: With Special Reference to China Yulin Press’s Translated Publications” («Изменения в содержании переводческого предисловия: на материале переводов, опубликованных издательством China Yulin Press») анализируя колебания и изменения в содержательном аспекте предисловий, выделяют следующие 11 параметров для анализа: ” Results indicate that translators’ prefaces fall into 11 kinds in terms of their content, with the occurrence of three of them – genesis, the translator’s conclusion and introduction to the translator – on the increase, whereas that of eight of them – introduction to the author, introduction to the original, genre indication, the translator’s opinion or analysis, statements of intent, contextual information,

commentary on the title and introduction to the translated version – on the decline“ (Результаты показывают, что переводческие предисловия подразделяются на 11 видов относительно их содержания, три из которых – генезис, выводы переводчика и представление переводчика (краткая информация о себе – *прим. наше*) – в стадии роста, в то время как восемь из них – представление автора, представление оригинала, жанровая принадлежность, мнение или анализ переводчика, заявление о намерениях, контекстуальная информация, пояснение названия и представление переведенной версии – в состоянии упадка) [Xia, Sun 2015: 1081].

Иранский ученый Мариам Хуссейнзаде, изучив предисловия к переводам художественной литературы, опубликованные в Иране в течение 60 лет, выделяет 30 тематических аллей, среди которых мы находим презентацию / рекомендацию текста, определение жанровой принадлежности произведения, исторический и социально-культурный контекст оригинала, стратегии перевода, комментарий о подобных произведениях на языке перевода и др. [Hosseinzadeh 2015].

Обращение к опыту зарубежных коллег и проведенный нами анализ корпуса метатекстов[2], составленных переводчиками в результате перевода художественного текста с русского языка на английский, подтвердил выдвинутую ранее гипотезу об универсальности выделенных нами квантов смысла, характер и совокупность которых, по нашему мнению, призваны создать символическую ценность перевода в принимающей культуре.

Данные анализа также позволили заключить, что смысловая система переводческих предисловий 1) является результатом осознания субъектом текстовой деятельности (автором предисловия) трех основных аспектов познавательной деятельности: онтологического, связанного с предметным содержанием научного знания; методологического, связанного с процедурой получения знания, и аксиологического, связанного с ценностной ориентацией субъекта; 2) не зависит ни от лингвокультурной принадлежности переводчика, ни от его индивидуальных особенностей, но определяется сверхзадачей – порождением символической ценности переведенного произведения в принимающей культуре, что, в конечном счете, приведет к интеграции текста перевода в принимающую культуру, т.е. к смысловой гармонии.

Примечания

[1] Предисловия к переводам произведений англоязычных авторов на русский язык (1995–2015), опубликованные в журнале «Иностранная литература», URL: http://inostranka.ru

[2] Предисловия к переводам произведений русскоязычных авторов на английский (1993–2015) опубликованные в журнале «Глас (Glas)», URL: http://www.glas.msk.su

Библиографический список

Котюрова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVШ-XX вв.: в 3 т. Т .II: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 1996. Ч. 1. С. 341–369 .

Кушнина Л.В., Пластинина Н.А. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 118–120.

Hosseinzadeh M. Translatorial Prefaces: A Narrative Analysis Model. URL: http://www.ijelr.in/2.3.15/311-319%20MARYAM%20HOSSEINZADEH.pdf (дата обращения 31.03.2019).

XIA Jing-yi, SUN Zhi-xiang. Changing Content of Translators' Prefaces: With Special Reference to China Yilin Press's Translated Publications. URL: http://www.davidpublisher.org/Public/uploads/Contribute/5653c1774d6f3.pdf (дата обращения 30.03.2019).

Somers M.R., Gibson G.D. Reclaiming the epistemological other: Narrative and the social constitution of identity. URL: http://deepblue.lib.umich. edu/bitstream/handle/2027.42/51265/499.pdf?sequence=1 (дата обращения 30.03.2019).

Voinova T., Shlesinger M. Translators Talk about Themselves, Their Work and Their Profession: The Habitus of Translators of Russian Literature into Hebrew. URL: https://www.erudit.org/fr/revues/ttr/2013-v26-n2-ttr02601/1037131ar (дата обращения 04.03.2019).

N.A. Plastinina
Associate Professor of Linguistics and Translation Department
Nizhnevartovsk State University

SENSE QUANTA SYSTEM OF THE TRANSLATORIAL PREFACE AS EPISTEMOLOGICAL APPROACH EXTERIORIZATION

The article aims at identifying the content configuration of the translatorial preface with special reference to epistemological approach. More specifically, the study shows that a complex synergetic unity of sense quanta within the translatorial preface makes translator's cognitive, interpretational and paratranslating activity explicit and shows his ability to read, interpret, translate and paratranslate any semiotic code of the source text by all possible productions accompanying the translation itself.

Key words: metadiscourse, paratranslation, paratext, translatorial preface, sense quanta, epistemological approach.

УДК 81:34

Поляков Сергей Борисович,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
psb59@rambler.ru

Гилев Игорь Аркадьевич
студент механико-математического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ig.gilew2013@gmail.com

Казакова Анастасия Николаевна
юрист ООО «Строительная компания "Арт-строй"»
annikazakova@gmail.com

АЛГОРИТМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО СОСТАВА ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕДПИСАНИЙ

В статье представлен фрагмент компьютерной программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений в части грамматического толкования фактического состава юридических предписаний для критики предлагаемых суду и участникам дела выборов грамматических правил.

Ключевые слова: алгоритмы, обязательные и альтернативные юридические факты, смысл слов, знаки препинания.

Нами создается компьютерная программа поддержки принятия судебных решений, алгоритмы которой должны вынуждать судью следовать канонам законодательства и науки, не уклоняясь от выводов по всем имеющим значение для дела обстоятельствам и доводам сторон спора. Решение промежуточных задач (выборы) судьей программа должна превращать в мотивированное решение, существенно сокращая сроки рассмотрения дел.

Первые результаты такой работы представлены нами в научных статьях [Поляков 2017: 131–144; 2019: 1027–1044]. Здесь рассмотрим более сложную задачу – создание алгоритмов толкования права, т.е. уяснения участниками юридического дела и судом смысла норм, в соответствии с которыми должно быть решено дело.

Нормы права содержатся в тексте правовых актов (законов,

© Поляков С. Б., Гилев И. А., Казакова А. Н., 2019

договоров и др.), что придает им такое свойство, как формальная определенность. Это свойство должно репрезентироваться особыми языковыми средствами, обеспечивающими ясность, однозначность изложения деяний и обстоятельств, при которых такие деяния дозволены, обязательны, запрещены. Нередко эти требования не соблюдаются нормотворцем, либо субъекты правоотношений не умеют правильно читать правовые акты. Поэтому всегда актуальным является общепризнанный способ толкования права, терминологически называемый правоведами по-разному: грамматическим, языковым, филологическим.

В первую очередь языковой способ толкования права необходим для решения спора по составу юридических фактов и спора относительно соотношения юридического факта в конкретной норме с фактическим обстоятельством дела [Порохнина 2018: 7–76].

Судебное разбирательство (по гражданскому делу в силу ст. 148 Гражданского процессуального кодекса РФ) должно начинаться определением обстоятельств, имеющих значение для дела. Права и обязанности участников правоотношения возникают, изменяются или прекращаются вследствие юридических фактов, т.е. обстоятельств, предусмотренных законом или другой формой права. Совокупность юридических фактов называется фактическим составом, в котором есть обязательные и альтернативные юридические факты.

Например, п. 3 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ: «Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях: 3) несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации». Для увольнения достаточно одного вида несоответствия работника: либо занимаемой должности, либо выполняемой работе. Но каждый из этих фактов порождает право работодателя на увольнение только в совокупности с обязательными фактами: а) недостаточной квалификацией, б) подтвержденной результатами аттестации.

Споры об обязательности или альтернативности того или иного юридического факта не редкость.

Так, ООО «Росгосстрах» отказало в выплате страхового возмещения Негашевой по договору титульного страхования. На дом и земельный участок Негашевой обращено взыскание как на заложенное имущество по ранее состоявшему судебному решению по другому делу.

В пункте 2.1 договора было указано, что объектом страхования является риск утраты недвижимого имущества в результате прекращения, ограничения (обременения) права собственности

страхователя на недвижимое имущество, а именно права владения, пользования, распоряжения домом и земельным участком под ним, принадлежащим страхователю на праве собственности.

Суд удовлетворил иск Негашевой о взыскании суммы страхового возмещения. В апелляционной жалобе ответчик указал, что нет доказательств прекращения права собственности (единства владения, пользования, распоряжения) истицы, подтверждения возникновения права собственности на указанные объекты у иного лица.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменений, Пермский краевой суд в апелляционном определении от 03.02.2016 по делу № 33-1008/2016 указал, что, исходя из буквального значения данного условия договора, страховым случаем является утрата недвижимого имущества либо в результате прекращения права собственности, либо в результате ограничения (обременения) права собственности. В договоре не обозначено, что при утрате собственник имущества должен быть лишен одновременно всех прав – владения, пользования и распоряжения. В пункте 2.1 договора содержится перечисление прав, о чем свидетельствуют запятые между словами.

Нами в создаваемой программе в форме толкования права после окна изложения спорного текста, противоположных позиций и выбора способов толкования, к которым относятся аргументы сторон, предусмотрено окно, представленное на рис. 1. В нем отражаются – как возможные одновременно – выборы:

– стороны придают разный смысл значению слов(а);

– стороны придают разный смысл значению знаков препинания в спорном тексте.

Рис. 1. Различия в применении грамматического способа толкования

При отметке соответствующего выбора всплывают группы правил русского языка для противоположных выводов: спорное обстоятельство является / не является обязательным юридическим фактом для заявленного требования (см. рис. 2 и 3).

Эти правила должны быть соотнесены со спорным текстом вначале участниками спора, затем судьей при проверке выбора участника спора с

содержанием спорного текста. При определенном выборе всплывают конкретизирующие слова, знаки препинания, обнаружение которых в спорном тексте позволяет сделать обоснованный вывод о применении определенного правила, предопределяющего вывод языкового толкования об обязательности спорного юридического факта для заявленного требования. Объем статьи позволяет привести лишь два фрагмента, конкретизирующих выбор правила русского языка (см. рис. 2-1, 3-1).

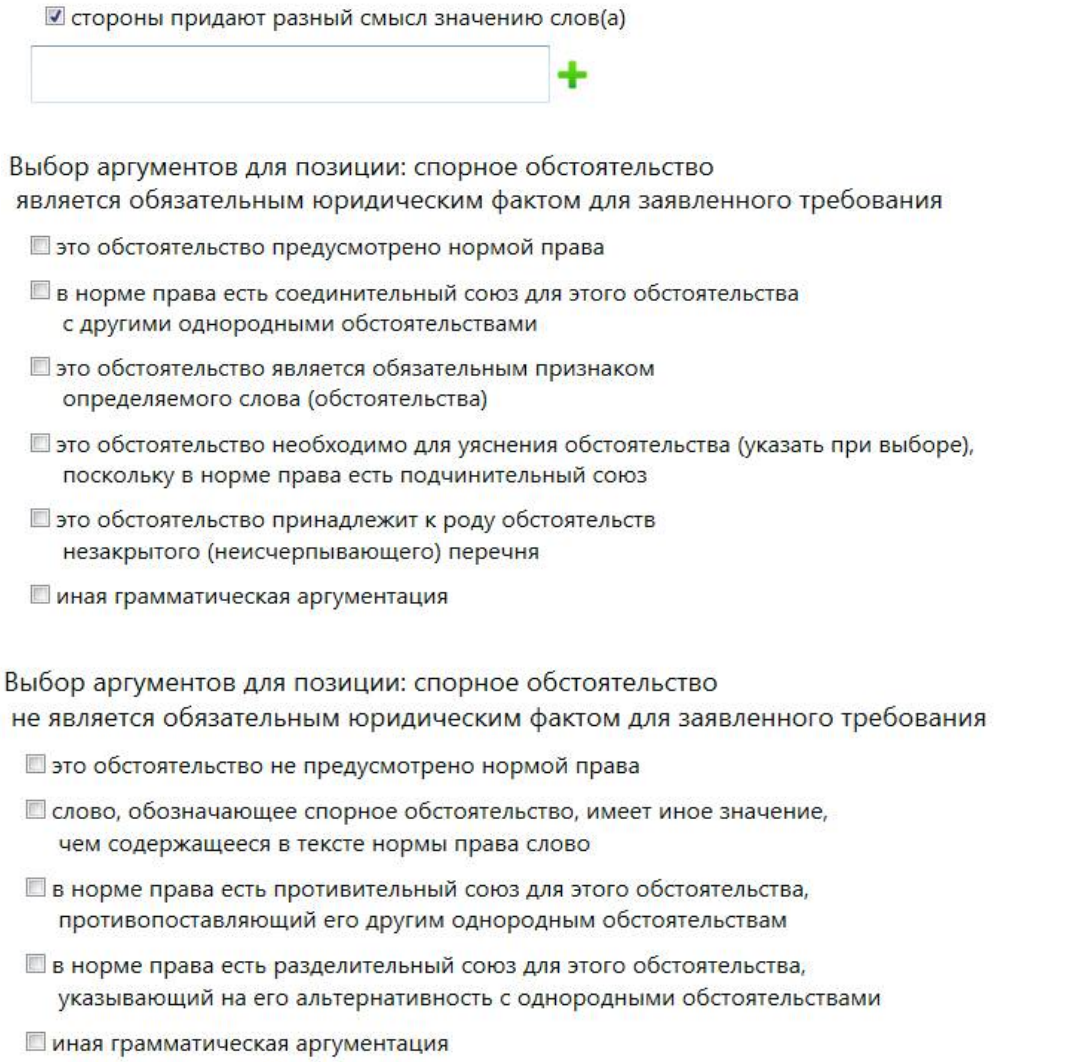


Рис. 2. Выбор: разный смысл значения слов

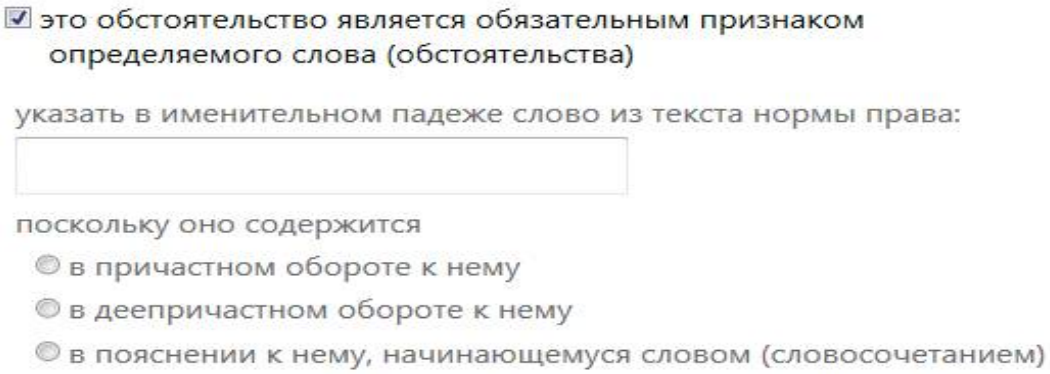


Рис. 2-1. Конкретизирующие слова, знаки препинания , пояснения

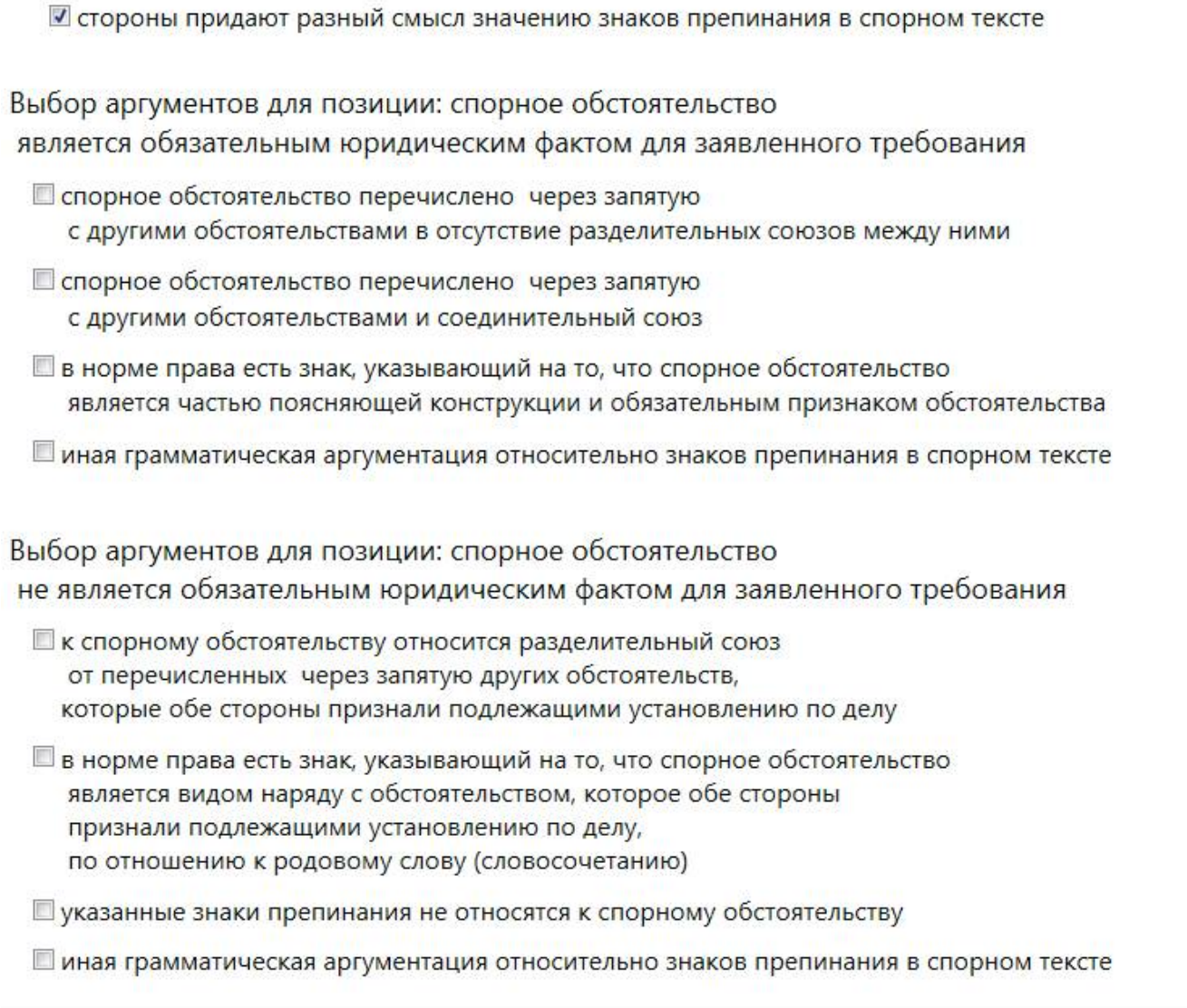


Рис. 3. Выбор: разный смысл значения знаков препинания

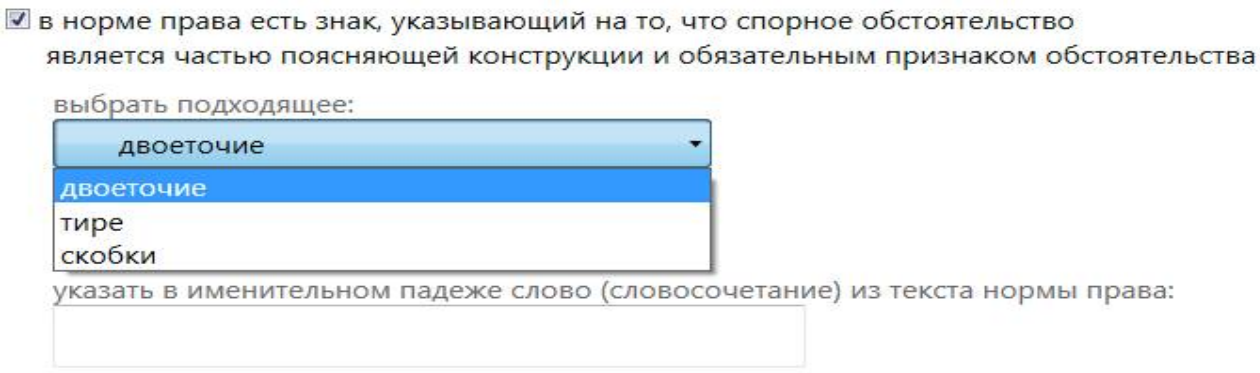


Рисунок 3-1. Конкретизация знаков препинания

В вышеприведенном примере ничего, кроме выбора «спорное обстоятельство перечислено через запятую с другими обстоятельствами в отсутствие разделительных союзов между ними», не обнаруживается. Однако такой выбор приводит к выводу, что имеет значение для дела

прекращение права собственности в совокупности с одним лишь учтенным судом обстоятельством – ограничением права собственности. Это говорит либо о неправильности толкования договора судом, либо о некорректности наполнения нашей программы правилами русского языка.

В любом случае необходима тщательная проверка и корректировка алгоритмов грамматического толкования права лингвистами, чтобы создать продукт, неумолимо приводящий суд к правильному языковому толкованию правовых актов (первичному среди других способов толкования права).

Библиографический список

Поляков С.Б., Колосова Ю.Д. Первый опыт программирования судебного решения // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. № 2. С. 131–144.

Поляков С.Б., Гилев И.А. Алгоритмы определения обстоятельств, имеющих значение для дела, в программе информационно-технологической поддержки принятия судебных решений // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 1 (49). С. 1027–1044.

Порохнина А.А. Алгоритм толкования права в правоприменительной деятельности: магистерская диссертация. Пермь: ПГНИУ, 2018. 135 с.

S.B. Polyakov
Professor of Theory and History of State and Law Department
Perm State University

I.A. Gilev
Student of Mechanics and Mathematics Faculty
Perm State University

A.N. Kazakova
Lawyer in OOO «Stroitelnaya companiya “Art-stroy”»

ALGORITHMS OF GRAMMATICAL INTERPRETATION OF REGULATION SET OF FACTS

In the article a fragment of computer program of informative technical support for passing motivated judgements is shown. The fragment illustrates the part of grammatical interpretation of regulation set of facts. The aim of the article is to get a philological constructive criticism of suggested to court and case participants options of grammar rules that one can use to substantiate arguments for obligatoriness or alternativeness of legal facts during legal norm construction.

Key words: algorithms, obligatory and alternative legal facts, word sense, punctuation marks.

УДК 811.111’36

Прокофьева Елена Владимировна
доцент кафедры истории и грамматики английского языка
Минский государственный лингвистический университет
pr_helen@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Рассмотрены функциональные особенности фразеологических единиц современного английского языка. Описаны узуальная и окказиональная конфигурации, которые образуют ФЕ со своим окружением. Особое внимание уделено стилистическим приемам контекстуального преобразования ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, текст, контекст, узуальное использование, окказиональное использование, прагматический аспект, стилистические приемы.

Проблемы взаимосвязей фразеологической единицы (ФЕ) и текста всегда привлекали многих лингвистов. И это не случайно, ибо познать и выявить глубинные, сущностные характеристики любой языковой единицы, в том числе и фразеологической, можно лишь путем изучения ее связей с другими единицами в конкретном речевом произведении, а именно, в тексте [Гальперин 1958: 167]. Становясь составляющей частью текста, ФЕ приобретают определенную текстовую значимость, под которой понимается «совокупность функций, выполняемых единицами в масштабе текста как относительно завершенного речевого произведения, то есть, прежде всего, их участие в выражении основных категорий текста» [Райхштейн 1983: 76]. Такой подход позволяет отразить динамику развития языка, так как фразеологические единицы раскрывают все свои возможности в процессе речевого использования.

Изучение функционирования ФЕ в контексте может проводиться в разных ракурсах. Различные толкования в лингвистической литературе имеет и сам термин «контекст». По мнению Г.В. Колшанского, «контекст – это совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо единицы» [Колшанский 1980: 5]. Н.Н. Амосова, положившая начало контекстологическим исследованиям в области фразеологии, включает в контекст и само понятие фразеологической единицы [Амосова 1963].

Для изучения коммуникативных особенностей ФЕ важную роль играет так называемый стилистический контекст, основанный не на «минимальных контекстуальных указаниях, идентифицирующих уже

© Прокофьева Е. В., 2019

знакомые значения, а на возможном максимуме индикации, позволяющем заметить появление в слове новых оттенков значения, коннотаций и новых связей с обозначаемой действительностью» [Арнольд 1991: 49]. Стилистический контекст не ограничивается рамками непосредственного окружения элемента, а учитывает дистантные связи в тексте и возможные ассоциации в тезаурусе читателя. Фразеологизм, будучи вовлеченным в такой контекст и взаимодействуя с ним, не только приобретает смысловые оттенки, но и подвергается более или менее существенным структурно-семантическим изменениям и перестройкам, значительно отходя от своего первоначального облика. Стилистический контекст открывает в то же время путь авторским инновациям, выходя за пределы узуса, и приводя, в конечном счете, к разрыву с традицией [Авалиани 1978: 42].

Важнейшим параметром функционирования ФЕ в контексте является тип конфигурации, которую ФЕ образует со своим актуализатором. В теории фразеологического контекста выделяются два типа конфигураций: узуальная и окказиональная [Кунин 1986].

Узуальные ФЕ допускают лишь незначительные варьирования, не нарушающие внутренней организации исходной ФЕ, то есть основным признаком узуальных фразеологических вариантов является наличие семантического тождества. Узуальные вариации могут быть лексическими: *at odd hours – at odd times, silent partner – sleeping partner*; грамматическими (морфологическими и морфолого-синтаксическими): *the gate of heaven – the gates of heaven, the promised land – the land of promise* и позиционными: *to go through fire and water – to go through water and fire*.

Окказиональные преобразования ФЕ связаны не столько с необходимостью новой номинации, сколько с оценкой предметов и явлений реальной действительности, с выражением нашего к ним отношения. Процессы актуализации ФЕ сопровождаются «подгонкой» их семантики и структуры к содержанию и форме ситуативно обусловленного высказывания [Эмирова 1986: 56].

Творческое преобразование фразеологических единиц в совокупности с другими особенностями употребления ФЕ рассматривается как один из приемов:

1) увеличения объема подаваемой информации посредством усиления экспрессивности фразеологической единицы;

2) повышения стилистической значимости и оценочности ФЕ;

3) увеличения воздействующей силы высказывания;

4) привлечения внимания читателя, избежания монотонности повтора;

5) придания свежести, динамичности, выразительности и особого колорита тексту.

В результате окказиональных преобразований также изменяется прагматический аспект значения ФЕ, и сама единица переходит в ранг стилистического приема. В данном случае вариативность рассматривается как средство воздействия на адресата с целью достижения определенного коммуникативно-прагматического эффекта. Более того, в отличие от узуальных оценок, которые являются фиксированными, так как в них могут актуализироваться только те оценочные семы, которые заложены в семантике ФЕ, при окказиональных изменениях оценка может меняться в зависимости от позиции, которую занимает говорящий, а также под влиянием контекста. Например:

“It is true, as Elisabeth Longford says, that Churchill described Attlee as “*a sheep in sheep’s clothing*”. Yet when Colville asked him which of his labour colleges he respected most, he replied: “Attlee”.

Исходной является фразеологическая единица с отрицательной оценочностью *a wolf in sheep’s clothing,* которой присущ ярко выраженный обличительный характер. Заменив компонент *wolf* на слово *sheep,* которое уже имеется в структуре самой ФЕ, автор приводит к трансформации не только предметно-понятийного содержания ФЕ, но и к замене характерной оценки на диаметрально противоположную. Образовавшийся фразеологизм содержит в себе положительные оценочные потенции, обозначая слишком робкого, мягкого, неуверенного в себе человека, у которого есть все основания для этого.

Случаи индивидуально-авторской обработки ФЕ представляют особый интерес. Наиболее интересными представляются следующие случаи окказиональных преобразований: *усечение, вклинивание, замена компонентов* [Прокофьева 2001]. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что вклинивание компонентов и добавление – наиболее употребительные стилистические приемы, причем добавление элементов происходит по линии конкретизации следующих признаков: *качество, размер.*

Качество:

“She wasn't in the position *to fall* ***totally*** *in love*”.

“While I stood by him, helping him as a doctor, as a friend, by every means in my power, I saw him *drain the cup of suffering to the* ***bitter*** *dregs*”.

Вклинивание в первом случае наречия *totally*, а во втором – прилагательного *bitter* предназначено для того, чтобы привлечь внимание адресата, настроить его на соответствующее восприятие высказывания.

Размер:

"You could be the center of attraction at a social event on the 25th, so *make a **big** splash* ".

"Oh, I'm sorry. Come on, Bridget, before I *put my **big** foot in it again*!"

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что вариативные ФЕ характерны в большей степени для текстов СМИ, чем для художественных произведений, так как язык СМИ более подвержен изменениям – в текстах данной функциональной направленности авторы чаще всего прибегают к трансформациям языковых средств с целью реализации определенного коммуникативного намерения.

Библиографический список

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Иностр. лит-ра, 1958. 459 с.

Райхштейн А.Д. Текстовая значимость устойчивых словесных комплексов // Фразеология и контекст: сб. научн. трудов Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. 1983. Вып. 217. С. 76–88.

Колшанский В.Г. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 148 с.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Из-во ЛГУ, 1963. 194 с.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.

Авалиани Ю.Ю., Ибрагимова Х.С., Сабирова О.Б. К лингвостилистической интерпретации художественного текста (на материале фразеологии современной немецкой прозы). Самарканд: СамГу, 1978. 114 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.

Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1986. 92 с.

Прокофьева Е.В. Фразеологизмы библейского происхождения в английском языке (развитие и функционирование). Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2001. 146 с.

E.V. Prokofieva
Associate Professor of History of English and English Grammar Department
Minsk State Linguistics University

PHRASEOLOGICAL UNITS OF ENGLISH AND THEIR TEXT MAKING CAPACITIES

The article deals with phraseological units of English and peculiarities of their functioning. When in the context they can be characterized by two main configurations: common usage and contextual transformations. Contextual transformations of phraseological units are of special interest, which has been illustrated in the article.

Key words: phraseological unit, text, context, common usage, contextual transformation, pragmatic aspect, stylistic devices.

УДК 81'41

Прохватилова Ольга Александровна
профессор кафедры русской филологии и журналистики
Волгоградский государственный университет
12_09@mail.ru

О СПОСОБАХ И ПРИЕМАХ СОЗДАНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

В статье представлены результаты анализа диалогичности медиатекста на материале стенограмм авторских передач радио «Эхо Москвы». Исследование базируется на понимании диалогичности как свойства монологического текста, связанного с воспроизведением в нем элементов диалога, и разграничении трех типов диалогичности – внешней, внутренней и глубинной. Установлено, что для современного медиатекста актуальными являются внешняя и внутренняя диалогичность. Выявлен состав средств внешней и внутренней диалогичности медиатекста, раскрыты их функции.

Ключевые слова: медиатекст, внешняя диалогичность, внутренняя диалогичность, средства внешней и внутренней диалогичности, функции внешней и внутренней диалогичности.

Феномен диалогичности слова, высказывания, текста, мышления является предметом исследования целого ряда наук гуманитарного цикла – риторики, литературоведения, лингвистики, стилистики, психологии, в каждой из которых формируется свое представление о сущности и функциях этого явления.

С позиций лингвистики интерес к изучению диалогичности обусловлен становлением теории диалога. Толкование диалога как основы мыслительной и речевой деятельности привело к развитию функционально-коммуникативного направления, постулировавшего диалогическую природу монологического текста и активизировавшего интерес к изучению диалогичности текста.

В специальной литературе существуют различные трактовки сущности диалогичности. Так, в некоторых стилистических работах диалогичность монологического контекста признается стилистическим приемом и ассоциируется с использованием средств активизации внимания [Славгородская 1986; Винокур 1990 и др.]. Диалогичность рассматривается также как выражение в речи многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения [Дускаева 2012]. Однако в большинстве современных лингвистических исследований диалогичность понимается как

© Прохватилова О. А., 2019

важнейшая текстовая категория и рассматривается применительно к монологическим структурам текста, в рамках которых актуальны диалогические отношения [Кожина 1986; Болотнова 2009, Котюрова 2010 и др.].

Вместе с тем вопрос о категориальном статусе диалогичности текста не нашел однозначного решения. Так, согласно одной точке зрения, диалогичность рассматривается как семантико-стилистическая категория. Основы такого подхода были заложены в работах М.Н. Кожиной [Кожина 1986 и др.], где представлена наиболее полная концепция диалогичности: на материале научных текстов выявлены формы и подробно описаны языковые средства выражения данной категории, определена ее специфика в аспекте полевого структурирования. Однако исследователем недостаточно дифференцированы типы диалогичности, не изучен в полном объеме функциональный потенциал данной категории. Кроме того, разработанный М.Н. Кожиной подход к решению проблемы диалогичности накладывает ограничения по стилю на привлекаемые в качестве материала исследования тексты, в связи с чем его применение на практике не всегда является эффективным.

Мы придерживаемся иной точки зрения на диалогичность и осмысливаем ее в качестве речемыслительной функционально-семантической категории, в которой проявляются те или иные признаки диалога. Наш подход основывается на признании существования в высказывании двух симметричных модусных сфер – сферы субъекта речи («я»-сфера) и сферы адресата речи («ты»-сфера), актуализация которых обеспечивает его авторизацию (т.е. речевую позицию субъекта речи) или адресацию (т.е. направленность речи на адресата).

Опираясь на понятия адресации и авторизации, мы различаем три типа диалогичности – внешнюю, внутреннюю и глубинную, каждая из которых характеризуется набором признаков в плане содержания и комплексом моделей в плане выражения.

Внешняя диалогичность обеспечивается актуализацией в высказывании его «ты»-сферы и эксплицируется за счет введения в монологический контекст языковых форм, наиболее частотных для диалогической ситуации общения. Она отражает диалогические отношения «субъект речи – адресат» и выполняет следующие функции: обозначения статуса адресата, активизации его внимания, выражения отношений между субъектом и адресатом речи.

Внутренняя диалогичность реализует в монологическом контексте один из основных признаков диалога – реплицирование, она связана с актуализацией «я»-сферы высказывания и сопровождается

модификациями этой сферы, т.е. введением в монолог чужой речи, которая представляет собой персонифицированное и авторизированное отражение разных смысловых позиций, точек зрения.

Средствами экспликации внутренней диалогичности являются формы передачи чужого слова – прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. В числе функций воспроизводимой чужой речи можно назвать авторитарную, аргументативную, интерпретирующую, полемическую, конструктивную и др.

Если внешняя диалогичность и внутренняя диалогичность находят воплощение в текстах любой стилистической принадлежности, то глубинная диалогичность присуща в основном религиозным текстам (прежде всего молитве и проповеди) и отражает их специфику. Она является воплощением особого евангельского диалога, который составляет основу религиозного общения, и возникает при цитировании Священного Писания, что приводит к актуализации особого Субъекта речи, и при чтении молитвословий или включении их в религиозный текст, что связано с появлением особого Адресата речи.

Данная концепция дает системное представление о диалогичности и может быть применена к любому стилистическому материалу. Такой подход составляет теоретическую базу для анализа массива языковых фактов в ряде исследований, в том числе диссертационных, которые были проведены на основе научных, публицистических, художественных, рекламных, религиозных текстов (см., например: [Прохватилова 1999, 2018; Чубай 2007, Вотрина 2012, Фотина 2017]).

Современные исследователи медиатекста относят диалогичность к числу его конструктивных принципов [Дускаева 2012, Коньков 2016 и др.]. Между тем на сегодняшний день в описании специфики этого феномена остаются пробелы. Так, в наибольшей степени раскрыты особенности диалогичности газетного медиатекста, имеются работы, связанные с рассмотрением вопросов диалогичности монологических жанров телевизионной речи. Однако медиатексты, создаваемые на радио, в аспекте диалогичности до сих пор не становились предметом специального изучения.

В данной работе в качестве материала использованы стенограммы прозвучавших на радио «Эхо Москвы» авторских передач «Один» (эфиры от 03.06.2017, ведущий Д. Быков; от 25.08.2017, ведущий А. Венедиктов; от 25.08.2018, ведущий С. Пархоменко) и «Код доступа» (эфир от 25.08.2018, ведущий Ю. Латынина).

По нашим наблюдениям, в современном медиатексте диалогичность представлена двумя видами – внешней и внутренней.

Внешняя диалогичность актуализируется благодаря введению в монологический контекст элементов диалога, которые можно разделить на две группы. К первой группе мы относим средства внешней диалогичности, служащие обозначению статуса адресата (его пассивности, единичности / коллективности и др.), в их числе:

1) вводные слова с семантикой привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчеркивания (*понимаете, знаете, видите ли, слушайте* и др.). Например: ***Видите ли,*** *для Адамовича <…> важно было показать, что после всего увиденного этот мальчик готов превратиться в мстителя;*

2) личные и притяжательные местоимения 2-го лица множественного числа (*вы, ваши*), которые могут употребляться ведущим как при обращении ко всей аудитории слушателей (множественному адресату), так и к одному лицу (как форма вежливости), например: *Название лекции «Кровавый закат» совершенно не означает, что* ***вам*** *предъявят дикие сенсационные подробности и кровавые детали <…> Дорогой don_ballon, здесь, мне кажется, проблема в том, что тема слишком сакральна.* ***Вы*** *правы, слишком много было зверств;*

3) вопросно-ответные единства, которые представляют собой перенесение в монологическую речь форм диалога и обычно наблюдаются в тех случаях, когда ведущий, исходя из логики изложения, как бы предвидит вопросы, которые могут возникнуть у аудитории, задает их от лица слушателей и предлагает свой ответ, например: *Есть ли у меня претензии к Светлане Алексиевич? Да. И достаточно серьезные <…> Но если вы, dwan, спросите меня серьезно, верю ли я в случай Билли Миллигана, я вам с полной серьезностью отвечу: нет, не верю;*

4) вопросительные предложения как еще один элемент диалога в монологическом контексте, например: *Блок молчал, пока он читал, молчал, пока его ругали гости. А потом, когда вышел в тесную прихожую на Пряжке…* ***Знаете, да?*** *Там, где вешалка стоит;*

5) глагольные формы 2-го лица множественного числа изъяснительного наклонения (*вы помните, вы знаете, вы слышали*), семантика которых связана с апелляцией к жизненному опыту аудитории, например: ***Вы знаете****, что он был в плену, убежал оттуда, из концлагеря, партизанил.*

Во вторую группу мы включаем такие средства внешней диалогичности медиатекста, которые передают иерархию речевых амплуа участников коммуникации, в их числе:

1) императивные формы 2-го лица, которые используются для выражения иерархических, асимметричных отношений между радиоведущим и слушателями, например: ***Обратите*** *внимание, что во множестве американских фильмов так или иначе это разбирается <…> Пока, в конце концов, не находят единственно верный способ (**догадайтесь** о нем) эту синхронизацию произвести;*

2) глагольные и местоименные формы 1-го лица множественного числа («мы»-формы), семантика которых состоит в выражении отнесенности действия, признака, состояния к группе лиц, включая говорящего. Они употребляются для передачи равноправных отношений участников коммуникации, симметричности позиций субъекта речи и ее адресата, например: *Тут, конечно, показано всем **нам**, до какой степени запущена ситуация в России с очевидностями <…> Мы о Воробьеве **поговорим** отдельно*;

3) обращения – индивидуально-адресованные обращения к конкретным радиослушателям, приславшим вопросы на сайт радиостанции, а также известным деятелям культуры, о которых заходит разговор в передаче, и коллективно-адресованные обращения, включающие апеллятивные обращения («*друзья*», «*братья и сестры*» и «*ребята*»), которые устанавливают определенный регистр общения (доброжелательно-ироничный) и передают лишенный иерархии характер взаимоотношений говорящего и слушающих.

Наряду со средствами внешней диалогичности в медиатекстах обнаруживаются и маркеры внутренней диалогичности. Это чужое слово, которое вводится в монологический контекст в формах прямой и косвенной речи, например: *«Понимать – значит упростить», – говорили Стругацкие; Прав совершенно Луначарский, что название поэмы «150 000 000» имеет прямое отношение к поэме «Двенадцать»*.

Специфика форм передачи чужого слова в медиатексте состоит в приоритете прямой речи над косвенной, что позволяет максимально четко обозначить границы цитирования. Что касается функций воспроизводимой чужой речи, то преобладают, по нашим наблюдениям, аргументативная и конструктивная функции.

Итак, проведенный анализ позволил установить специфику диалогичности современного медиатекста. Она находит проявление в актуализации двух видов – внешней и внутренней диалогичности, номенклатуре используемых средств диалогичности и выполняемых ими функций.

Библиографический список

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.

Винокур Т.Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 310.

Вотрина Е.Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX в.: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 21 с.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.

Коньков В.И. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 58–63.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. 137 с.

Котюрова М.П. Индивидуальный стиль изложения: совокупность логичности, диалогичности и тональности речи ученого // Stil. 2010. № 9. С. 13–26.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 362 с.

Прохватилова О.А. О диалогичности современного медиатекста // Русистика и современность. СПб.: Северная звезда. 2018. В 2 ч. Ч. 1. С. 35–42.

Славгородская Л.В. О диалогизации научной прозы // Стиль научной речи. М.: Наука, 1978. С. 106–117.

Фотина Н.Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А.П. Чехова: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.

Чубай С.А. Диалогичность современной политической рекламы: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

O.A. Prokhvatilova
Professor of Russian Philology and Journalism Department
Volgograd State University

METHODS AND TECHNIQUES OF CREATING DIALOGIC CONTEMPORARY MEDIA TEXTS

The article presents the results of the analysis of Dialogic media text on the material of the transcripts of the author's programs of radio "Echo of Moscow". The study is based on the understanding of dialogicity as a property of monological text associated with the reproduction of dialogue elements in it, and differentiation of three types of dialogicity – external, internal and deep. It is established that external and internal dialogicity are relevant for modern media text. The identified amounts of external and internal dadialogase media texts that reveals their function.

Key words: media text, external dialogue, internal dialogue, external and internal dialogue, external and internal dialogicality.

УДК 81'42

Путина Ольга Николаевна
старший преподаватель
кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
onputina@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОПРОСА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ

В статье исследуются функции прямого и косвенного вопроса в диалогическом единстве. Определяются подходы к изучению вопросов, описывается их связь с ответами в структуре диалогического единства. Вопрос рассматривается как лингвистический объект, обладающий большим функциональным потенциалом. Выявлена специфика вопроса в контексте, рассмотрены прагматические аспекты функционирования вопроса в речи.

Ключевые слова: прямой вопрос, косвенный вопрос, выяснение, выпытывание, диалогическое единство, функциональный потенциал.

Вопросно-ответное диалогическое единство как актуальный предмет современных исследований изучается с позиций теории речевых актов [Yule 1996; Searle и др. 2012], теории коммуникации [Ажеж 2008], теории диалогической речи [Weigand 2009], стилистики текста [Котюрова и др. 2015], лингвистики текста [Левицкий 2004], когнитивной лингвистики [Brożek 2011]. По М.М. Бахтину «слушающий, воспринимая и понимая значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» [Бахтин 1979: 246]. Согласно концепции П.В. Зернецкого, вопрос и ответ относятся к «основным топикальным речевым актам, несущим главную прагмасемантическую информацию в дискурсе» [Зернецкий 1987]. Диалогическое единство как единица диалогического дискурса состоит из стимулирующей и реагирующей реплик, обладает коммуникативной целостностью, интенцией, логико-семантической соотнесенностью [Волоктина 1990: 50]. В этом единстве вопрос и ответ связаны между собой формально-содержательными отношениями. В то же время вопрос обладает определенными функциями в диалогическом единстве. По утверждению А.В. Бондарко, функции языковой единицы выступают, с одной стороны, как потенциальные назначения, цели, обусловливающие определенные типы функционирования или способы поведения данной единицы, с другой − как процессы и результаты реализации этих

© Путина О. Н., 2019

потенций в речи. Мы исследуем функциональный потенциал вопроса как комплекс потенций языковой единицы, которые программируют ее употребление в речи [Бондарко 2004: 84−85].

В зависимости от иллокутивной функции можно выделить два вида вопросов – прямой и косвенный. В прямом вопросе языковая структура совпадает с коммуникативным назначением, сохраняется сема запроса информации и проявляется иллокутивная сила. В косвенном вопросе кроме собственного значения (базисной иллокуции) возникает дополнительный смысл (действительная иллокуция) и базисная иллокуция не совпадает с действительной. Основная сема (запрос информации) нейтрализуется прагматической семой. Соответственно, в косвенном вопросе говорящий передает содержание, дополнительное к реальному сообщению. Косвенный вопрос может выполнять различные коммуникативные функции: угрозы, просьбы, критики, побуждения к действию и др.:

1. *Ты меня понял?* [НКРЯ] (угроза).

2. *Вы сейчас не выходите?* [НКРЯ] (просьба).

3. *Тебе не надоел этот беспорядок?* [НКРЯ] (критика, побуждение к действию).

Очевидно, что косвенный вопрос является полифункциональным. «Причина распространенности и употребительности косвенных высказываний, по-видимому, объясняется их исключительной емкостью и экономностью» [Гак 1982: 17]. Функциональный потенциал косвенного вопроса может быть актуализирован только в контексте.

В рамках нашего исследования основной акцент делается на изучение прямого вопроса, выполняющего свою основную функцию – осуществление запроса информации, например:

1. *−Who are you and what do you want? −I'm a private detective and want to talk to a man named Moose Malloy* [Candler Raymond 1983].

2. *−Чем вас можно удивить? −Меня много чем можно удивить. Хорошими поступками. Искренностью. Честностью* [НКРЯ].

3. *−Что означает для вас весна? −Весна − это символ борьбы за любовь. Борьбы бесконечной, тяжелой, но в случае победы дающей огромное счастье* [НКРЯ].

Однако в зависимости от ситуации общения собеседник, обладающий информацией, может выдать ее полностью или частично; уйти от ответа, ответить уклончиво или промолчать. Выдача или сокрытие информации зависят от коммуникативной установки говорящего, которая определяет одну из разновидностей прямого вопроса – выяснение или выпытывание.

В основу выяснения и выпытывания положен информационный поиск. Это означает, что один из собеседников стремится получить определенную информацию от своего партнера. Инициатива поиска информации чаще принадлежит собеседнику, начинающему процесс общения. При этом он исходит из пресуппозиции о наличии у партнера информации и его желания принять участие в коммуникации. Ответные речевые действия не менее важны, так как именно они определяют в дальнейшем развертывание речевого акта по типу выяснения или выпытывания [Чахоян, Паронян 1989].

В выяснении процесс общения начинается с запроса. Второй собеседник, идентифицируя запрос, совершает конкретное речевое действие – информирование. При этом коммуникативные установки обоих собеседников совпадают: первый стремится получить информацию, а второй настроен на удовлетворение информационного поиска первого:

−*What's the time by your watch?*

−*Quarter to eight* [Agatha Christie 1989].

Тем не менее ответ может не удовлетворить инициатора запроса с точки зрения полноты информации. В таком случае он повторяет свой запрос, который, как правило, уже не является повтором первоначального вопроса, например:

−*What did this man look like?*

−*An ordinary sort of man. Nothing special.*

−*A gentleman or a tradesman?*

−*Not a tradesman. A shabby sort of person. I can't remember* [Agatha Christie 1989].

Повтор запроса, таким образом, направлен на заполнение пробелов в информации, упущенных или не учтенных в ходе информирования. В том случае, если некоторые моменты снова остаются неясными, собеседник продолжает осуществлять запросы.

К.Э. Кочарян, изучая выпытывание, утверждает, что «коммуникативным заданием речевого акта выпытывание является получение речевой информации, от которой адресат уклоняется» [Кочарян 1986: 92]. Выпытывание, как и выяснение, начинается запросом. Однако один из собеседников по какой-либо причине (как правило, экстралингвистического характера) уклоняется от ответа. При этом он может эксплицитно выразить свое нежелание отвечать на вопрос, используя в качестве ответа фразы типа: *I don't know; I don't want to talk about it; I haven't the least idea.* Отказ также может выражаться имплицитно путем предложения ответа, заведомо не

содержащего запрашиваемой информации, или переводом разговора на другую тему, например:

−*What's the matter with the woman?*

−*Let us start our breakfast. The eggs will be cold. Afterwards there are several matters I want to discuss with you all* [Agatha Christie 1989].

Иногда нежелание отвечать на поставленный вопрос актуализируется встречным вопросом или даже молчанием − отказом от вербальной коммуникации. Так или иначе, цель общения остается нереализованной:

−*Harlington, how long has your uncle had that jar?*

−*How long? I really don't know.*

−*Think. Did he buy it lately?*

−*I don't know. I believe he did, now I come to think of it* [Agatha Christie 1989].

Таким образом, в диалогическом единстве вопрос коррелирует с ответом, а структура ответа, в свою очередь, часто обусловлена структурой вопроса. Прямые вопросы осуществляют свою первичную функцию запроса информации и являются более частотными, чем косвенные (83 % против 17 %). Прямой вопрос подразделяется на выяснение и выпытывание на основании коммуникативной установки собеседников. Выяснение, в отличие от выпытывания, значительно более частотно (69 % против 31 %), что в целом подтверждает гипотезу о том, что в большинстве случаев собеседники позитивно настроены на процесс общения и получение ожидаемого коммуникативного результата.

Изучение вопросно-ответного диалогического единства рассматривается нами как весьма перспективное направление по нескольким соображениям. Во-первых, охарактеризовать и объяснить стратегии и тактики речевого воздействия можно с помощью дискурсивных маркеров, функционирующих в вопросе и ответе. Во-вторых, представляет интерес изучение функционального потенциала вопроса и ответа в разных типах дискурса. Наконец, очевидна актуальность сопоставительных исследований диалогического единства в разноструктурных языках.

Библиографический список

Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: СПбГУ, 2004. 208 с.

Волоктина А.И. Коммуникативная структура диалогического СФЕ // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц. Межвуз. сб. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. ун-та, 1990. С. 49−57.

Зернецкий П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1987. С. 89−95.

Котюрова М.П., Дмитриева К.В., Соловьева Н.В. Выражение диалогичности речи в научно-учебных текстах // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). В 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 5. С. 119−123.

Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста: учеб. пособие для студентов вузов. Изд-во Перм. ун-та. Пермь, 2004. 205 с.

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL:http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения 18.03.2019).

Brożek A. Theory of Questions: Erotetics Through the Prism of Its Philosophical Background and Practical Applications. Amsterdam-NY, Rodopi, 2011. 440 p.

Candler R. F. My Lovely // Farewell, My Lovely. Stories. Moscow: Raduga Publ., 1983. 368 p.

Christie A. Selected Detective Prose. Moscow: Raduga Publ., 1989. 400 p.

Searle J., Kiefer F., Bierwisch M. Speech Act Theory and Pragmatics. Springer Science & Business Media. 2012. 320 p.

Yule G. Pragmatics. Oxford, OUP. 1996. 138 p.

Weigand E. Language as dialogue: from rules to principles of probability. Amsterdam, Phladelphia, USA. John Benjamins Publishing Company. 2009. 410 p.

O.N. Putina
Senior Teacher of English Professional Communication Department
Perm State University

FUNCTIONAL MODIFICATIONS AND PRAGMATIC POTENTIAL OF A QUESTION IN A DIALOGIC UNIT

In the article under consideration the functions of a question in a dialogic unit are considered. We still do not have unified consideration about a question, its concepts and criteria of classification in linguistics. The author defines and summarizes existing approaches concerning question investigation, describes the interrelation between an answer and a question in the structure of a dialogic unit, considers a question as an object of linguistics with great functional potential. In the article specific character of a question in the context is revealed, pragmatic aspects of question functioning are investigated in speech. Questions are divided into two types – direct and indirect, direct questions are classified into clarification and ascertainment.

Key words: direct question, indirect question, clarification, ascertainment, dialogic unit, functional capacity.

УДК 81'42

Пушкарева Ирина Алексеевна
профессор кафедры русского языка и литературы
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета
Irina_Pushkareva2016@mail.ru

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПОЭЗИИ: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА О ТВОРЧЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ А.С. САЗЫКИНА В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

В статье рассматривается семантико-стилистическое своеобразие публикаций городской газеты начала XXI в. о творчестве местных поэтов. Смысловыми доминантами в публикациях А.С. Сазыкина являются размышления о феномене эстетического, нравственном содержании поэзии, связи творчества поэта с историей народа и страны. Анализируется эссеистический стиль изложения, включающий метафоры, повторы, инверсии, ряды однородных членов, оценочные средства и приемы диалогизации.

Ключевые слова: региональный медиадискурс, городская газета, аксиосфера газетного текста, тема поэтического творчества, эссеистический стиль.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-412-420001

Трансляция системы ценностей в газетном тексте связана с общественной функцией публицистического стиля, которую В.В. Виноградов характеризует как функцию воздействия, агитационно-коммуникативную функцию [Виноградов 1981: 21]. Содержательная многогранность газетных материалов позволяет им отражать и формировать ценности разных типов в их системных связях. «Публицистический стиль связан с широким спектром общественных занятий и интересов, практическими, политико-идеологическими и культурными отношениями, с узнаванием и осмыслением лиц и событий, формирующих облик сегодняшнего дня. <…> Автор публицистического текста – это человек социальный, облеченный моральной ответственностью, действующий с позиций общественных интересов. В то же время это индивид, человек частный, он выступает от своего имени, опирается на свои взгляды и опыт» [Купина 2013: 231–232]. М.Н. Кожина и Л.Р. Дускаева связывают специфику

© Пушкарева И. А., 2019

аксиологической деятельности журналиста с выражением ценностной системы определенной социальной группы: «Несмотря на то что автор порою глубоко вникает в суть фактов, явлений, умело подбирает аргументы для обоснования своей позиции, он, даже провозгласив примат общечеловеческих ценностей, в конечном итоге воспроизводит оценки какой-то социальной группы. Такая особенность журналистского подхода к отражению действительности и проявляется в характере выражения оценочности» [Кожина, Дускаева 2012: 369].

На страницах массовой городской газеты публикуются тексты, разнообразные по тематике. Так, старейшая газета индустриального Новокузнецка «Кузнецкий рабочий» традиционно уделяет внимание событиям в культурной жизни города и региона. Среди материалов начала XXI в. выделяются развернутые публикации Анатолия Семеновича Сазыкина о творчестве местных писателей и поэтов. А.С. Сазыкин – кандидат педагогических наук, доцент, известный в городе знаток русской и зарубежной литературы, проработавший на кафедре литературы Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее Кузбасской государственной педагогической академии) с 1964 по 2011 гг. Он является Почетным читателем Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя и одним из родоначальников публичных лекций о литературе в городе [Протопопова 2018].

Рассмотрим семантико-стилистические особенности воплощения темы поэтического творчества на материале публикаций А.С. Сазыкина 2014–2015 гг. о Любови Арбачаковой («Литературный портрет шориянки», 23.05.2014), Таяне Тудегешевой («Глоток свежего воздуха», 10.08.2014) и Александре Раевском («“Небесную чашу боясь расплескать”. О сборнике стихотворений Александра Раевского “Стеклянная лестница в небо”», 05.08.2015) [Кузнецкий рабочий] с опорой на семантико-стилистический метод, который М.Н. Кожина характеризует как основной в стилистике, «поскольку стилистика имеет дело с проблемой адекватности выражения оттенков смысла, со стилистическими значениями» [Кожина 1983: 22].

Во-первых, отметим, что свои тексты А.С. Сазыкин строит как персональные, в одной из публикаций называя их жанр *очерком* (05.08.2015). Различные оттенки модальности представляют нам автора как человека, который не может пройти мимо настоящего произведения и поделиться своими мыслями с читателем: *Но идет по этой тропе лирическая героиня поэта, живущего сегодня, сейчас, и это придает ее стихам, при всей их мощной, исторической, народной первооснове, такие индивидуальные черты, которые* ***очень хочется выделить и***

осмыслить (10.08.2014). Автор публикации предстает перед читателем человеком, который берется судить лишь о том, что находится в сфере его компетенции, и не претендует на исчерпывающий анализ произведения, подчеркивая необходимость дальнейших размышлений: ***Не берусь судить*** *о Л.Н. Арбачаковой как художнике, хотя с огромным удовольствием смотрю ее картины, а вот как о поэте* ***позволю себе сказать*** (23.05.2014); *Но я хотел бы закончить свой очерк о сборнике мыслью о том, что основной, ведущий пафос стихотворений Александра Раевского* ***не выразить каким-то однозначным определением*** (05.08.2015).

Во-вторых, отметим такую смысловую доминанту статей А.С. Сазыкина, как размышление о феномене эстетического, нравственном содержании поэзии, связи творчества поэта с историей народа и страны. Мысли об уникальности поэтического творчества переданы в генеритивном регистре, с включением точек зрения писателей и ученых, например: *В свое время Владимир Маяковский утверждал: «Поэзия вся – езда в незнаемое». Это «незнаемое» – все вокруг нас и в нас – от космоса до внутреннего мира человека* (23.05.2014).

Тема нравственного содержания поэзии неоднократно актуализируется в текстах А.С. Сазыкина с помощью ключевого слова «душа», антитезы духовного и материального, повторения имени прилагательного «нравственный»: *Отсюда у поэта такая высокая требовательность* ***к себе внутреннему, к своей душе*** (05.08.2015); *Это и есть то, что Есенин назвал «мечтать по-мальчишески в дым» и что закладывает* ***краеугольный камень души****. Счастливо найден автором этот образ и многое в стихотворениях сборника определит* (05.08.2015); *Конечно,* ***душа*** *лирической героини полна горьких сожалений, вызванных разрушением этих вековых норм и ценностей. Но она отнюдь не намерена оставлять их только далекому прошлому, она утверждает их как ценности вечные, непреходящие, незыблемые* ***для человеческой души*** (10.08.2014).

Приведем примеры воплощения в текстах антитезы духовного и материального: *Тоска по идеалу (подчеркну:* ***не по материальному благополучию, а по духовному, по высшей божьей справедливости)*** *– одна из основных черт русского национального менталитета. Она оплодотворила сюжеты русских сказок, в которых высшая справедливость всегда в мечтах и в стремлении к ним* (05.08.2015). Представим контексты, включающие имя прилагательное «нравственный» и родственные ему сложные слова: *Оговоримся только, что следование литературной традиции и ее развитие означают вовсе*

не повторяемость литературных приемов и образов у разных авторов, а наличие у них единых ***нравственно-эстетических позиций*** *(что может иногда приводить и к повторяемости)* (10.08.2014); *Этот «кто-то» и есть тот высокий* ***нравственно-художественный критерий****, который не позволяет терять чувство реальности ни в творчестве, ни в жизни* (23.05.2014); *За этим образом стоит мощнейшая традиция и мировой, и русской литературы, ближайшая ассоциация – это стихотворение Н.А. Заболоцкого «Слепой». И это ни в коем случае не подражание, а включение в важнейший* ***нравственный принцип бытия****, выраженный в заключительной строфе стихотворения нашего автора* (05.08.2015). Как видим, нравственное в размышлениях А.С. Сазыкина тесно сопрягается с эстетическим (художественным). Не случайно этическая характеристика связана с понятиями, выраженными именами существительными «позиция», «критерий», «принцип», «ориентир», которые репрезентируют значимость для автора статей ценностной ориентации поэта.

Нравственное содержание поэзии включает и такой значимый для А.С. Сазыкина аспект, как связь творчества поэта с историей народа и страны: *Без сомнения, это так. Судьба родного народа и судьба его культуры питают ее творческие корни* (23.05.2014); *Своего рода три эпохи в жизни и истории страны, как они отразились в сердце, сознании и творчестве поэта* (05.08.2015). При этом многое из происходящего сегодня передано с пейоративной оценкой, поскольку нарушает важнейшие ценностные принципы связи с традициями народной культуры и приоритета духовного над материальным: *Давно было сказано, что, когда рушится мир, трещина проходит через сердце поэта. Мир рухнул: развал страны, неслыханное не только в русской, но и в мировой истории ограбление народа под видом приватизации и ваучеризации, крушение и извращение нравственных ориентиров под прикрытием «свободы, сколько унесете», а сколько людей потеряли не просто работу и сбережения, – потеряли себя...* (05.08.2015).

Наконец, остановимся на собственно стилистических чертах текстов А.С. Сазыкина. Автор ненавязчиво использует в них филологическую терминологию, полагаясь на эрудицию читателя и лишь в отдельных случаях объясняя термины посредством вставных и пояснительных конструкций, например: *Чаще всего, как видим, концовка стихотворения,* ***пуант****, может вступать в противоречие со всем стихом или бросать на него неожиданный свет, углубляя тем самым все суждение* (23.05.2014). Манера изложения А.С. Сазыкина – эмоционально-раздумчивая, основанная на эссеистическом стиле, позволяющем представить рассуждение как эмоционально-

экспрессивное живое слово. Используются яркие и емкие метафоры, повторы, инверсии, ряды однородных членов, оценочные средства и приемы диалогизации. Например: *Для выражения этой устремленности Бог дал ей редкое дарование – сразу два крыла – талант художника и талант поэта* (23.05.2014) (метафора, повтор); *Какая экономность словесной кладки и какая полнота передачи трагизма душевного состояния!* (23.05.2014) (метафора, повтор, эмфаза); *Но она* [лирическая героиня] *отнюдь не намерена оставлять их только далекому прошлому, она утверждает их как ценности вечные, непреходящие, незыблемые для человеческой души* (10.08.2014) (антитеза, ряд однородных членов с бессоюзием, инверсия); *Замечателен и еще один объект (или субъект?) отражения в сборнике «Песни шориянки». Это образ лирической героини, вобравший в себя и несомненные черты авторской личности, и черты вообще женские. Образ этот очень динамичный, живой, полный противоречий и очень по-женски логичный* (23.05.2014) (диалогизация в парентезе, ряды однородных членов). Оценки, данные А.С. Сазыкиным, рассказывающим о творчестве поэтов, связаны прежде всего с характеристикой смысловой глубины, эмоциональной окраски стихотворений, яркости образа: *И наконец, в стиле Раевского, эта спасительная самоирония, придающая стихотворению* ***особенный шарм****. Вот такой, не побоюсь сказать,* ***микрошедевр****. Буквально просится для анализа стихотворение «Казашка», столь же* ***живое****,* ***непосредственное*** *и в то же время не о пустячке житейском, а* ***об интересном и значимом явлении бытия***; ***Отличное стихотворение****. В подтексте еще ведь и мысль, что для простого русского человека, не искаженного тяготением к «европейским ценностям», вопрос о национальном достоинстве, как и о личном,– это вопрос больной и острый* (05.08.2015). Диалогизация изложения также определяется эссеистическим стилем, см.: *Оцените…*; *Всмотритесь и вслушайтесь в такие, например, пятистишия…*

Таким образом, в текстах городской газеты поэтическое творчество предстает как голос души, осмысление тайн жизни и тех вопросов, которые не могут иметь однозначного ответа, соединение индивидуального, народного и общечеловеческого, отражение истории, ценностный выбор. Эссеистический стиль, выбранный автором рассмотренных публикаций, позволяет соединить функции информирования и воздействия, выразить социальную оценку по отношению к феномену эстетического. В целом, А.С. Сазыкин убеждает читателя массовой городской газеты в непреходящей ценности поэтического творчества.

Библиографический список

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика // Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981. С. 10–171.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М.: Флинта: Наука, 2012. 464 с.

Кузнецкий рабочий. URL: http://www.kuzrab.ru (дата обращения 10.03.2019).

Купина Н.А. Стилистика современного русского языка / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. М.: Юрайт, 2013. 415 с.

Протопопова Е.Э. Сазыкин Анатолий Семенович // Знаменитые новокузнечане. URL: http://новокузнецк400.рф/persons/261-sazykin.html (дата обращения 15.03.2019).

I.A. Pushkareva
Professor of Russian Language and Literature Department
Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University

TOUCHING POETRY: SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS OF THE MODERN NEWSPAPER TEXT ON CREATIVITY (ON THE MATERIAL OF ARTICLES BY A.S. SAZYKIN IN THE CITY NEWSPAPER "KUZNETSKY RABOCHY")

The article examines semantic and stylistic specificity of the texts on local poets' creativity published in the city newspaper of the early 21st century. In the reflection of the author of articles (A.S. Sazykin), semantic dominants are the essence of the phenomenon of the aesthetic, moral contents of the poetry, ties between the creativity of a poet and the history of the nation and country. Narrative manner is based on the essay style: the author uses bright and comprehensive metaphors, iterations, inversions, series of homogeneous parts of the sentence detailing and strengthening a description, evaluative means, and dialogic devices.

Key words: regional media discourse, city newspaper, axiosphere of newspaper text, topic of poetic creativity, essay style.

УДК 811.161.1-26:811.161.1’42

Сафонова Наталья Николаевна
доцент кафедры филологического образования и журналистики
Сургутский государственный педагогический университет
natniksaf@rambler.ru

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР

Статья посвящена языковой игре в аббревиации, с помощью которой реализуется экспрессивная функция аббревиатур в СМИ, разговорной и художественной речи, а также сетевом и мобильном общении.

Ключевые слова: языковая игра, аббревиатура, экспрессивная функция, словотворчество.

Современная языковая ситуация характеризуется стремлением к использованию игры и игровых приемов практически во всех сферах словесности. Обращение к вопросу о языковой игре (ЯИ) в аббревиации связано с интенсификацией этого процесса в современном русском языке. Многие аббревиатуры сегодня создаются с установкой на словотворчество и выполняют не только номинативную и компрессивную, но и экспрессивную функции. Представим анализ аббревиатур, извлеченных из текстов СМИ, значимых в современном информационном пространстве («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Известия» и др.), телевизионных программ, Интернета, а также из словарей актуальной лексики.

Под языковой игрой понимается сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество, нарушающий строгую языковую, но не ситуативную норму, учитывающую социальную роль говорящего, взаимоотношения участников коммуникации, предмет, тему, цели общения, намерения коммуникантов и многие другие показатели.

В аббревиации наблюдаются следующие способы и приемы ЯИ:

1. **Двойная мотивация** – сознательное использование в качестве аббревиатуры цельнооформленного слова. Например, ***ЮРТА*** – *Южно-Российское Туристическое Агентство,* ***МАМА*** – *Международный Альянс Модельных Агентств,* ***ШАРМ*** – *Шоу АРмянских Мужчин,* ***МИФ*** – *Московский Инвестиционный Фонд,* ***СЛОН*** – *Союз людей за образование и науку,* ***ЗУБР*** – *защитники уникальных богатств России.*

2. **Преднамеренное раскодирование** – побуквенное расщепление нарицательных существительных по аббревиатурному типу и

© Сафонова Н. Н., 2019

наделение их новым номинативным содержанием: ***Челси*** *– чукотский еврей, лихо скупающий игроков;* ***морг*** *– место окончательной регистрации граждан;* ***студент*** *– срочно требуется уйма денег, есть нечего, точка*.

3. **Дезаббревиация** – процесс, обратный механизму аббревиации: Как рассказала программа «Намедни» (НТВ, эфир 08.06.2003), «партия "Единая Россия" решила перед предстоящими выборами президента в 2004 г. использовать инициалы главы государства как рекламный лозунг, так как он "активный избиратель" партии. Пиарщики, можно сказать, "популяризировали" аббревиатуру **ВВП** (Владимир Владимирович Путин). Для каждой социальной, возрастной, профессиональной группы избирателей они изобрели "формулу народного счастья": *для чиновников: Вести Верную Политику; для крестьянства: Встанем Вспашем Посеем; для спортсменов: Время Выигрывать Призы; для бизнесменов: Вместе Всегда Победим; для пенсионеров: Вам Великий Поклон; для военных: Верность Военной Присяге; для женщин: Вы Всегда Прекрасны; для интеллигенции: Воспитаем Великое Поколение; для студентов: Всегда Везде Первый…».* Другие примеры: ***ГМО*** *– Где Можно Отравиться?* ***ЖКХ*** *– Живи Как Хочешь; Жулье, Коррупция, Хамство.* ***ВТО*** *– второпях туда отправились.*

4. **Обыгрывание отаббревиатурных производных:**

– **псевдомотивация** – выделение заглавных букв аббревиатуры с целью привлечения внимания, появление нового оттенка смысла или значения, мотивированного ситуацией, в словах, тождественных по звуковому или буквенному составу. С помощью псевдомотивации авторы стремятся выделить наиболее существенную деталь в слове, расставить необходимые акценты. Этот прием часто используется в СМИ для создания заголовков: ***СМИ****рение амбиций,* ***ГУМ****анизм в у.е., Самое б****ОРЗ****ое время, Единая Европа* ***УЕ****ла всех; Нефть под* ***ОПЕК****ой, Деньги, Вашингтон* ***ЦИК****нул на Киев, Нет с****ПАСЕ****нья от Эстонии,* ***ВТО****ржение чужих, Нас* ***ВТО****птали, Как* ***УК****расть миллион, голая* ***ПРО****паганда;*

– **контаминация** – образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Контаминация часто допускают нарушения орфографической нормы, и графическое выделение в этом случае является единственной возможностью избежать закрепления ненормативного облика слова в памяти носителей языка, так как сама выделенная часть воспринимается как нечто необычное в привычном слове: ***ПИФ****игизм, объ****ЕГЭ****рить, свидетели* ***ЕГЭ****овы, баба-****ЕГЭ****, действие* ***ВИЧ****итания, весенняя со****НАТО****;*

страсбургские ***ПАСЕ****делки,* ***МРОТ*** *в мешке, без****ГМО****злое предложение, от****ЦБ****ятина, которые у****ММ****ыкнули;*

– **графогибридизация** – выделение в слове иноязычной аббревиатуры, написанной латиницей: т*ульский* ***PR****яник; Прощай,* ***PR****езидент,* ***SOS****тавь компанию живым*, ***VIP****уск,* ***VIP****ендрись*.

Аббревиатуры обыгрываются не только в русском языке, но и в других (в частности, в английском), причем модели обыгрывания во многом идентичны (и в русском, и в английском языке, к примеру, используется игровая расшифровка: ***BMW*** *(марка немецкого авто)* расшифровывается *Big Money Works – Большие деньги работают; бандитская машина воров; безбашенное мужское вождение; БезМерные Возможности; быстрая машина вселенной; Будешь Молодым Всегда; Берегись, Мелюзга – Взлетаю; Будет Много Выпендрежа* и др.).

Чаще всего обыгрываются инициальные звуковые и буквенные аббревиатуры, которые в настоящее время являются самым продуктивным типом. Как правило, они создаются с установкой на благозвучие и близки обычному слову, поэтому легче подвергаются языковой игре. Среди них встречаются социально значимые аббревиатуры, обозначающие актуальные реалии: ЕГЭ – единый государственный экзамен, ПРО – противоракетная оборона, ВТО – Всемирная торговая организация, ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство.

Спектр способов языковой игры с аббревиатурами наиболее полно представлен в СМИ. Языковая игра в публицистике подчинена выражению оценочности – одному из главных стилеобразующих факторов публицистических текстов. Поскольку в основе любой оценочности лежит намерение журналиста привлечь внимание к своей позиции, оценка обязательно должна нести в себе экспрессию. Вот как это выглядит в текстах СМИ:

– оценка власти, политической ситуации в стране и мире: ***СНГ*** *– Спаси Нас, Господи!* ***ФБР*** *– Фсе Боремся с Россией. Голая* ***ПРО****паганда. Американцев* ***ПРО****брало,* ***ПРО*** *в Румынии* ***ПРО****тив нас.*

– оценка экономических и социальных явлений: ***ЖКХ*** *– Жилищно-коммунальная хиромантия*, ***ГИБДД****лое дело,* ***ЕГЭ*** *– Единое горе эпохи, – сказали дети,* ***НИИ*** *к селу,* ***НИИ*** *к городу*, *В* ***ВУЗ*** *не дует?*, *Путин вьетнамцам –* ***АТЭС*** *родной* и др.

Языковая игра с аббревиатурами активно используется в заголовках газетных и журнальных статей, в лидах – с целью привлечения внимания. Как правило, в заголовке приводится аббревиатура, а в лидирующем абзаце содержится ее обыгранное толкование. Следует отметить, что при

обыгрывании контаминированных аббревиатур авторы мало внимания уделяют орфографическим нормам, главным является фонетический критерий, обусловливающий двойную мотивацию.

Обыгрывание аббревиатур в Интернет-коммуникации и сокращений в смс-коммуникации подчинено экономии времени, места, речевых усилий, желанию создать свой язык сокращений, показывающий принадлежность человека к Интернет-сообществу. Приведем несколько примеров: ***AFAIK*** (*as far as I know*) – *насколько мне известно*, ***ASAP*** (*as soon as possible*) – *как можно скорее*; ***BB*** (*bye, bye*) – *пока*; ***IMHO*** (*in my humble opinion*) – *по моему скромному мнению*; ***LOL*** (*laughing out loud*) – *громко смеяться*; ***THNX*** (*thanks*) – *спасибо*; ***CYO*** (*see you online*) – *до встречи в онлайне* (*сети*) и др.

Смс-коммуникация предполагает компрессию текста (конденсацию смысла) за счет средств разных языковых уровней, в частности словообразовательных: усечения (*универ, пед, комп*); аббревиации (***ДР*** – *День рождения*, ***МЖД*** – *Международный женский день*, ***НГ*** – *Новый год* и др.).

Коммуниканты сетевого и мобильного общения являются творцами нового языка. Описанные средства коммуникации не только предоставляют человеку новые возможности создания и передачи сообщений, но и вовлекают его в языковую игру. В молодежном жаргоне и разговорной речи языковая игра с аббревиатурами подчинена развлекательной функции, стремлению к эпатажу. Возможности обыгрывания аббревиатур в художественном тексте безграничны и зависят лишь от потенциала автора. В большинстве случаев здесь обыгрываются частные житейские ситуации, а не глобальные социальные процессы. Дарья Донцова, например, использует в своей книге «Скелет из пробирки» (2002) аббревиатуру «Обманбанк»: – *Как, вы сказали, называется учреждение? – удивился я. – Обманбанк? – Ну да, – пояснил строитель. Объединенный московский аналитический банк, а что?*

В целях выразительности используется столкновение общеупотребительного слова и звуковой аббревиатуры, в результате чего общеупотребительное слово получает расшифровку, не связанную со словарным толкованием:

– Вот-вот, Милон был их покровителем и заказчиком. Теперь же им на смену появилась другая секта – БРАТСТВО ЕДИНОЙ СВОБОДЫ.

– БЕС. Да, я знаю об этом. Может быть, вы правы, и нам еще придется обратить на этого БЕСа особое внимание (Василий Головачев «Гарантирую жизнь»).

Итак, особенности ЯИ в аббревиатурном словотворчестве в разных сферах языка различны: в СМИ преобладает оценочный потенциал ЯИ, в Интернет- и смс-коммуникации – экспрессивный, в современной художественной литературе и в молодежном жаргоне – экспрессивный и развлекательный. В других сферах языка – научной и официально-деловой языковая игра с аббревиатурами невозможна по причине специфики этих сугубо книжных стилей, обладающих строгим набором нормированных языковых средств.

Таким образом, языковая игра в настоящее время активно используется для словотворчества, в том числе и аббревиатурного, и является показателем демократизации современного русского языка.

Библиографический список

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: УрГПУ, 2012. 165 с.

Хайдарова В.Ф. Краткий словарь интернет-языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 319 с.

Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI в. М.: АСТ; Астрель, 2011. 766 с.

N.N. Safonova
Associate Professor of Philology Education and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University

EXPRESSIVE FUNCTION OF USING ABBREVIATIONS

The article is devoted to the language game in abbreviation by means of techniques in which the expressive function of using abbreviations in the language of the media, in colloquial and artistic speech, in networking and mobile communication is realized.

Key words: language game, abbreviation, expressive function of language, creation of words.

УДК 81’42

Сергеева Елена Владимировна
профессор кафедры русского языка
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
elena.v.sergeeva@gmail.com

«ТРАДИЦИОННАЯ» ОБРАЗНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

Статья посвящена специфике художественного дискурса, понимаемого как уникальный коммуникативно-эстетический феномен, специфическая нарративность которого относится к виртуальной реальности, замещающей истинную с целью ее творческого преображения для оказания воздействия на духовный мир адресата с помощью различных языковых и образных средств. Среди признаков художественного дискурса выделяются прежде всего лингвоцентричность и индивидуальная образность, причем вторая категория наиболее значима для определения специфики художественного дискурса, поскольку художественное содержание воспринимается как таковое благодаря художественному же воплощению. Следовательно, художественный дискурс может быть определен также как особая внепрагматическая форма существования национального языка, ориентированная на эстетизированное воссоздание реальности. В качестве примера подобного феномена рассматривается текст романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, лингвоцентричность, индивидуальная образность, эстетическая актуализация.

Феномен художественного текста в течение всего XX в. интересует лингвистов не меньше, чем литературоведов. В последние десятилетия в подобных исследованиях все чаще употребляется термин «художественный дискурс». Несомненным признаком художественного дискурса, т.е. совокупности текстов, ориентированных прежде всего на эстетическую функцию и воспринимающихся как воплощающих особую виртуальную реальность, служит восприятие его именно как *художественно-эстетического* феномена.

Если обратиться к современной языковой и культурной ситуации, то наличие произведений, служащих только для развлечения (детектив, любовный роман, фантастика, фэнтези и т.д.), закономерно вызывает вопрос об их художественности и о том, что может считаться художественным текстом.

© Сергеева Е. В., 2019

Определение художественного дискурса в лингвистической науке уже формулировали различные исследователи, в том числе А.С. Гафарова [Гафарова 2011], Л.В. Миллер [Миллер 2003], Н.С. Олизько [Олизько 2011]. Однако представляется, что при рассмотрении данного термина следует обратить особое внимание на его уникальность и эстетичность. Художественный дискурс может быть определен как уникальный коммуникативно-эстетический феномен, специфическая нарративность которого относится к виртуальной реальности, замещающей истинную с целью ее творческого преображения для оказания воздействия на духовный мир адресата с помощью различных языковых и образных средств. Подобный дискурс может быть охарактеризован как особая форма существования национального языка – внепрагматическая, ориентированная на индивидуальное эстетизированное воспроизведение реальности.

Для подобного дискурса характерна коммуникативная специфика, связанная с тем, что его целеустановка внепрагматична, а само создание языкового кода – цель не в меньшей мере, чем воздействие на интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата. Поэтому среди признаков художественного дискурса можно выделить два наиболее важных – лингвоцентричность и индивидуальную образность.

Лингвоцентричность художественного дискурса во многом связана с тем, что в этой разновидности дискурса категория информативности воплощается достаточно специфически, поскольку его основу составляет не столько сюжет «фабулообразующий», сколько сюжет «образообразующий».

Языковая и художественная картина мира автора, его точка зрения на виртуальную реальность текста и подтекст прочитываются именно исходя из значения и сочетаемости лексем в тексте, а собственно «художественная информация» воплощается с помощью эстетической актуализации языковых, прежде всего лексических, единиц.

Образность в художественном дискурсе соотносится с его ориентированностью на эстетическую интерпретацию реальности, подразумевающую не только воспроизведение узуальных образов, но и создание оригинальных тропов и развернутых окказиональных образных конструкций, причем эта особенность не зависит от времени написания произведения и связана лишь со степенью одаренности и с художественными взглядами автора.

Образность – неотъемлемая черта истинно художественного произведения, причем она основывается на системе «традиционных» метафор, сравнений, эпитетов и пр., в которую органично включаются авторские тропы и семантически трансформированные лексические

единицы, за счет чего возникает эстетическая актуализация *всех* художественных средств в тексте. Именно эта актуализация позволяет воспринимать даже неоригинальные экспрессемы как окказиональные или близкие к ним единицы.

Авторская художественная картина мира предельно ярко выражается при воплощении образной системы произведения. Разнообразие способов эстетического переосмысления слов, типы и количество тропов, степень традиционности средств, создающих «пространство» виртуальной реальности, становятся основой художественности текста и определяют его смыслопорождающий эффект.

Если обратиться к художественным текстам, которые наилучшим образом демонстрируют упомянутое явление, то оптимальным примером подобного текста может быть назван роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», которому присущи основные признаки художественного текста: и лингвоцентричность, и индивидуальная образность. Помимо этого, традиционные, трансформированные и индивидуальные художественные средства употребляются в зависимости от того, что изображает автор и сквозь призму мировосприятия какого персонажа читатель видит мир.

Мир нормальной жизни, естественного человеческого существования, мир природы представлены автором прежде всего через образ, будь то простейший эпитет, традиционное сравнение или индивидуальная метафора: *Глухой стон январской метели* [Яхина 2018: 9]; *Вокруг свирепо танцует метель… Небо огромной серой ватой провисло меж острых вершин елей* [22]; *Хищными серпами и лезвиями кос, зубастыми пилами и граблями,.. тупорылыми молотками* [46]; *Сердце превращается в такой же вязкий кисель, как треснувшее в руке яйцо…* [51]; *Жестяными цветами распускаются флюгеры* [133].

Жизнь в тюрьме, в жутком эшелоне на пути на поселение, в голодном поселке ссыльных не соотносима с какой-либо эстетикой вообще, поэтому образные средства в контекстах, связанных с этими фрагментами сюжета, во-первых, редки, а во-вторых, чаще всего воплощают отрицательный коннотативный элемент: *Щурясь, как кроты, люди выбираются…* [157]; *Гигантскими змеями – составы из десятков вагонов* [158]; *Костлявые пальцы причалов* [206]; *Хоть и громко работает мотор, а – надрывно, с неровной одышкой* [212]; *Густая зелень плавится в глазах, тяжелеет, чернеет. Метель белых пузырей вьется кругом, бьет в лицо* [222].

Для мира живой природы, к которому близка главная героиня и который она так ярко воспринимает, характерны разнообразные

комплексы, сочетающие в себе несколько разных видов тропеических средств: *Пышная зеленая грудь левого берега круто вспучивалась, словно подоспевшее в кадушке тесто, падала ярким изумрудным отражением в свинцовое зеркало реки. Вода тяжелым широким полотном лениво вилась вокруг, уходила в синеву горизонта… правый берег… у воды стелился низко, покладисто, а потом вскипал раскидистым пригорком, щерился клыками утесов* [233].

Следует отметить, что те фрагменты виртуальной реальности, которые видит читатель через призму восприятия Зулейхи, особенно ярки и насыщены красками оригинального и свежего мировосприятия человека скромного и незаметного, но сильного и неординарного, умеющего понимать красоту и величие жизни. Это демонстрирует значительное количество примеров: *Снег… хрустит… сочно – как свежая капуста* [65]; *Солнечно-желтое, звонкое на морозе зерно* [67]; *Раскинувшаяся внизу равнина кажется гигантской белой скатертью, на которой рука Всевышнего разметала бисер деревьев и ленты дорог. Караван… тонкой шелковой нитью тянется за горизонт…* [88]; *Причудливыми цветами вырастают облачка пара* [92]; *Каменные дома… как огромные резные шкатулки* [133]; *Хребты зеленых холмов в неровной щетине сосен и елей* [214]; *В последний день лета облака белы и летучи, как яблоневый цвет, а Ангара – темна глубокой, отдающей в черное синевой…* [351]; *брызнут юной зеленью деревья, и шелковая трава затопит… землю* [394].

Не случайна и любовь героини к отрицательному (как он, казалось бы, должен восприниматься) персонажу – «красноордынцу» Игнатьеву, который тоже умеет тонко чувствовать окружающий мир: *Из-под надвинутого на брови козырька фуражки виднеются иссиня-зеленые спины холмов, каменные щеки обрывов. Мелкая солнечная рябь горит на воде жарко, огненной чешуей* [217]; *…спускаться по каменистой тропке меж валунов, то розоватых, то бело-зеленых от мягкого кудрявого мха, – до светлой, будто облысевшей прогалины; дальше – через редкий сосняк, шагающий по огромным и плоским, крытым редкой травой камням, – к пологому спуску; через рыжие свечи сосен и черные щетки елей – вниз…* [236]; *длинный и черный, с хищными усами антенн и выпученными глазищами фонарей катер, вдруг нарисовавшийся на темно-синем зеркале воды* [326].

Итак, образность рассмотренного произведения не только позволяет воспринимать этот текст как эстетический феномен, но и имеет содержательную значимость, становясь средством, организующим восприятие адресата-читателя.

Библиографический список

Гафарова А.С. Художественный текст vs художественный дискурс // Материалы международной Интернет-конференции «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», посвященной 70-летию факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, 2011. URL: http://rgf.tversu.ru/node/486 (дата обращения 25.11.2017).

Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. 156 с.

Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 164–166. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-kak-polilog-avtora-chitatelya-i-teksta (дата обращения 13. 03. 2019).

Яхина Гузель. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2018. 512 с.

E.V. Sergeeva
Professor of Russian Language Department
The Herzen State Pedagogical University of Russia

"TRADITIONAL" IMAGE AS A CRITERION OF THE ART OF LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF ROMAN G. YAHINA "ZULEIKHA OPENS EYES")

The article is devoted to the specifics of artistic discourse, which is understood as a unique communicative-aesthetic phenomenon, which specific narrative relates to virtual reality, replacing the true one with the aim of its creative transformation to influence the addressee's spiritual world through various language and figurative means. Among the signs of artistic discourse are primarily linguocentricity and individual figurativeness, and the second category is most significant for determining the specifics of artistic discourse, because artistic content is perceived as such thanks to the artistic embodiment. Consequently, artistic discourse can also be defined as a special non-pragmatic form of the existence of a national language oriented towards aestheticized re-creation of reality. As an example of such a phenomenon, the text of the novel by G. Yakhina "Zuleikha opens his eyes" is considered.

Key words: discourse, artistic discourse, linguocentricity, individual imagery, aesthetic actualization.

УДК 81’42

Сиротинина Ольга Борисовна
профессор кафедры русского языка,
речевой коммуникации и русского как иностранного
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
skunak@mail.ru

ЕСТЬ ЛИ СПЕЦИФИКА В ДОСТИЖЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ?

В статье отмечена значимость изучения научных текстов в Пермской школе и работах одного из ее основных представителей – М.П. Котюровой. Внесены дополнения к достижениям ученого в выявлении специфики эффективности научных текстов, утверждается необходимость соблюдения новых требований к публикациям. Доказывается, что достижение эффективности научного текста связано с разнообразием типов адресатов при невозможности адресанта прогнозировать эти различия. Обращено внимание на неизбежность утраты дискурсивной составляющей текста прошлых лет в неактуальной научной коммуникации.

Ключевые слова: научный текст, эффективность коммуникации, специфика формирования, адресант, адресат.

Для любой коммуникации важна ее эффективность, которая прежде всего основана на правильном и полном понимании адресатом замысла адресанта (см. [Рискогенность 2015, Сиротинина 2018*а*]). Понимание зависит не только от адресанта, но и от типа адресата (степени его подготовленности к восприятию того, что задумал сообщить адресант), условий, в которых проходит общение и т.д., о чем в работах Пермской школы, конечно, говорится тоже, но, на мой взгляд, недостаточно акцентируется, хотя в научном общении большую роль играет роль временного расстояния между созданием текста и его восприятием именно в научной коммуникации.

Остановимся на этом подробнее. В каждом тексте есть дискурсивная составляющая, адресатом не всегда понимаемая. Научная коммуникация в принципе не только актуальная (см. [Коньков 2015, 2016]), и это ее свойство обязательно должно учитываться, по крайней мере в письменной форме речи (теперь благодаря новым техническим возможностям хранения устной речи, и в лекциях, и докладах).

Пермская школа функциональной стилистики русского языка (см. учебники разных лет издания М.Н. Кожиной [Кожина, Дускаева,

© Сиротинина О. Б., 2019

Салимовский 2008], М.П. Котюровой [Котюрова, Баженова 2008] и др.), известная всему миру, изначально тесно сотрудничала и продолжает сотрудничать с Саратовской школой изучения функционирования языка, естественно, иногда со спорами, но всегда с обоюдным уважением к иному мнению. В Пермской школе, основанной М.Н. Кожиной и продолженной ее учениками (одним из ярких продолжателей является Мария Павловна Котюрова), основное внимание уделялось и уделяется научной речи. Конечно, она изучалась и изучается далеко не только в Пермской и Саратовской школах (см. хотя бы [Матвеева 1984; Комарова 2010; Купина, Матвеева 2015; Чернявская 2017]), но в этой статье речь не о них.

Мне посчастливилось общаться с М.П. Котюровой не только с помощью чтения ее трудов и в личных беседах, но и быть оппонентом ее кандидатской и докторской диссертаций. Уверена, что все ее статьи, монографии (как личные, так и в соавторстве), учебники и учебные пособия еще долго не утратят своей актуальности. Но все меняется, и даже при нашей с ней жизни их дискурсивная составляющая уже начинает теряться, как и любой другой научной продукции, утрачивая прежде всего часть своей новизны. Недаром в современные требования к отзывам оппонентов, ведущих организаций и заключениям советов после защиты внесены новые пункты (указания новизны, теоретической и практической значимости работы, а в «Заключениях» еще и **что** конкретно разработано, доказано, введено и **как** соотносится с данными и взглядами предшественников), что как раз и составляет дискурсивную часть. Теперь все чаще соответствующие пункты начинают требовать от авторов и при публикации статей.

Еще совсем недавно не было практики аннотирования, а потом аннотации потребовались, но сначала только **о чем**, теперь обязательно и с указанием основных результатов исследования. Это необходимо из-за необъятного увеличения количества публикуемых результатов познания.

Благодаря Интернету расширяются возможности поиска нужной информации, но и ужесточаются формальные (и на первый взгляд, излишние) требования к публикуемым текстам. Но от выполнения этих требований тоже зависит восприятие публикаций, их эффективность. В результате авторы научных текстов, относящиеся к типу адресантов-специалистов, разнообразны в своем авторстве не только в соответствии со своим стилем изложения мысли, но и в каждом тексте в зависимости от типа прогнозируемого адресата [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011].

В научной коммуникации ее эффективность достигается прежде всего учетом адресантом типа адресата – отсюда требование указывать, на кого ориентировано то или иное издание или лекция. В лекциях и учебных пособиях (учебная разновидность научного стиля) адресант обязательно ориентируется на курс и основную специальность подготовки студентов, в школе – на класс, а следовательно, возраст и уровень полученных уже знаний. В печатных изданиях это обязательно пишется для ориентации возможных адресатов.

Но, как уже было сказано, научный стиль рассчитан и на его неактуальную коммуникацию. Мы читаем и будем читать не только научные труды, изданные в XXI в. Всегда ли нам доступна при этом та дискурсивная составляющая, на фоне которой была тогда так значима новизна и научная значимость их исследований? Даже студенты, специально изучающие историю языкознания, вряд ли осознают значимость трудов прошлых лет в такой же, как в год первого издания или перевода, полной мере. Именно из-за незнания того, что было известно современникам первой публикации, студенты и даже исследователи истории лингвистики не могут по достоинству оценить вклад в науку работ ученого прошлых лет, а фактически часто и трудов современных коллег.

Самые страшные грехи адресанта – плагиат, который может быть и неосознаваемым (человек не читал чей-то труд с тем же, что у него, мнением или читал, но забыл об этом) и недобросовестность (подтасовка данных). Поэтому всегда нужны точные сведения о материалах, на результатах анализа которых сделаны выводы, и оговорки типа *Насколько нам известно*, *По нашим данным*. Чтобы не спутать ваше мнение с чужим: *солидаризируясь с мнением такого-то*; *подтверждая вывод такого-то нашими данными*, *приходим к мнению*, *что это объективная реальность* и т.д.

Лингвисту необходимо помнить, что дедукция в отношении исследования речи **очень опасна**: всегда (или во всяком случае нередко) можно найти в безбрежном океане речи какие-то случайные ее факты в подтверждение своей на самом деле неоправдавшейся гипотезы.

Если во многих других науках повторение эксперимента с тем же результатом является достоверным подтверждением истинности действия того или иного фактора, в лингвистике полное воспроизведение **всех** условий речи невозможно, поэтому категоричности утверждений следует избегать, используя дискурсивы *можно предположить*, *видимо*, *вероятно* и только при анализе конкретного факта, а не установления закономерности, дискурсивы *очевидно*, *безусловно* [Викторова 2015, 2016].

Во второй половине XX в. в моду вошли вычисления степени достоверности по статистическим формулам вероятной ошибки 0,95 или 0,97, но оказалось, что из-за отсутствия нормального распределения случайности фактов эти формулы применять нельзя. В речи очень многое зависит от «конвоя» (термин Т.М. Николаевой), степени официальности / неофициальности, особенностей мышления как адресанта, так и адресата, не говоря уж о степени речевой компетентности того и другого. Дискурс – это речь, погруженная в жизнь [Арутюнова 1990: 136]. И именно поэтому дискурсивная составляющая научных текстов так быстро исчезает: меняются жизнь и знания об окружающем нас мире, космосе, самом человеке, языке, что-то в наших знаниях увеличивается и прежние устаревают, а что-то просто забывается и потому уже не понимается адресатом.

Адресант о свойстве системы языка и речи все время изменяться должен всегда помнить. Но многое в понимании зависит и от адресата, особенно в научной коммуникации [Матяшевская 2017, 2018*а*, *б*]. Типы адресатов, а не только конкретные личности в каждом типе и виде научной коммуникации, очень разные. М.П. Котюрова и Н.В. Соловьева в своей монографии «Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)» справедливо обращают внимание на разное восприятие научного текста и необходимость учета этого: не только разных типов адресатов, но и фактов «актуализации обыденного познания» при порождении и восприятии научного текста еще в предисловии и в первой же главе; зависимости понимания научного текста от таких свойств конкретного читателя, как дискурсивная компетентность, его «умение читать по диагонали» и «познавательная потребность» [Котюрова, Соловьева 2017: 13].

Именно эти очень разнообразные по цели и степени проявления качества адресата внутри каждого его типа составляют специфику достижения эффективности научной коммуникации, отличающей ее от всех других сфер общения. Вторая составляющая (а возможно, и равная первой по своему проявлению) – роль самого выстроенного текста (и устного, и письменного: соблюдение в нем строгой терминологичности и нормативности замен терминов во избежание повторов общенаучными лексемами, а не синонимами терминов; строгая логичность с использованием нужных для понимания дискурсивов) [Викторова 2015, 2016].

И ни в одной из других сфер общения такой зависимости от адресата нет. В повседневном общении первостепенную роль для достижения его эффективности играют «конвой» речи, непосредственность общения с возможностью переспроса, отношения

общающихся (семья, родственники, друзья, степень знакомства), цели. В художественной (при исключении филологов) важны пол и возраст читателя, многое зависит от чтения или восприятия читаемого вслух мастерами. В официально-деловой сфере, как и в научной, очень важен сам выстроенный текст, но, в отличие от научной сферы, достижение его эффективности во многом зависит от невозможности полной адекватности понимания замыслу адресанта (адресатом всегда ищется и часто находится возможность, хотя бы призрачная, обойти запреты на какие-либо действия).

Меняется жизнь – меняются и все сферы общения, узус языка и нормы речи, а затем и система языка. Появляются новые жанры и даже новые формы речи (когда-то кроме устной появилась и письменная, теперь интернет-речь, в какой-то степени совмещающая особенности письменной и устной, но в целом отличающаяся и от одной, и от другой). Естественно, что меняется и научная коммуникация (см. [Очерки 1994, 1996, 1998] и коллективную статью саратовцев [Изменения 1969]).

Появление Интернета изменило очень многое: с одной стороны, невероятно облегчило поиск нужной информации об авторах, публикациях, нормах, реальных фактах (появились Национальные корпусы языков, электронные библиотеки), с другой – стало невозможно уследить за всем, что происходит в безбрежном океане речи [Сиротинина 2018*в*], и чрезвычайно ускорились происходящие не только в речи, но уже и в языке изменения. В результате всего этого в лингвистике формируются все новые и новые ее отрасли. Можно только поражаться умению М.П. Котюровой за всем следить, чему примером служит и уже упомянутая монография в соавторстве с Н.В. Соловьевой (см. огромный список используемой в ней литературы из многих отраслей лингвистики и смежных с ней наук).

В Пермской лингвистической школе успешно исследуется не только научная коммуникация, но именно она находится в приоритете как по материалу и достижениям ее исследований, так и по признанию в мире еще при жизни создателя школы – профессора М.Н. Кожиной, которую ее ученики и продолжатели не забывают, даже после ухода М.Н. Кожиной из жизни.

Одним из самых результативных продолжателей школы М.Н. Кожиной является как раз юбиляр М.П. Котюрова – автор и главный соавтор многих книг (монографий и учебных пособий), широко известных в лингвистическом мире и активно используемых в магистратуре и аспирантуре, менее широко в бакалавриате Саратовского университета (в спецсеминарах и курсе «Научная коммуникация»). В

каждой книге и каждой статье М.П. Котюровой обязательно есть что-то новое, еще никем, в том числе и самой Марией Павловной, ранее не отмеченное. Так обстоит дело и с замечательной монографией 2017 г. «Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)» (в соавторстве с Н.В. Соловьевой), опубликованной в качестве учебного пособия в московском издательстве «Флинта».

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.

Викторова Е.Ю. Специфика русской научной речи сквозь призму употребления в ней дискурсивов (опыт сравнения русского и англоязычного научного дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 83–101.

Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2015. 404 с.

Изменения 1969 – Изменения в языке научной прозы / Сиротинина О.Б., Бах С.А., Богданова В.А. [и др.] // Вопросы стилистики / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1969, вып. 3. С. 56–67.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 192 с.

Коньков В.И. Слово живое и мёртвое (о двух коммуникативных типах речи) // Актуальные проблемы стилистики, 2015. № 1. С. 36–43.

Коньков В.И. Принцип описания актуальной медиаречи // Актуальные проблемы стилистики, 2016. № 2. С. 106–115.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2017. 264 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности учёного: монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права». Пермь, 2011. 393 с.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2015. 415 с.

Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. 132 с.

Матяшевская А.И. Вариантность и вариативность устного научно-популярного жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 220–225.

Матяшевская А.И. «Рассказы» о научной работе // Экология языка и коммуникативная практика. 2018*а*. № 1. С. 51–58.

Матяшевская А.И. Жанр открытой лекции как особая разновидность устной научной речи // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред.

М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Вып. 18. Кн. II. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2018*б*. С. 109–118.

Очерки 1994, 1996, 1998 – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н. Кожиной: в 3 т.: Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. Ч. 1. 304 с.; Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Ч. 1. 380 с.; Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категория научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.

Рискогенность 2015 – Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова, М.А. Кормилицына [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 188 с.

Сиротинина О.Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. 2018*а*. № 1. С. 59–70.

Сиротинина О.Б. Что обеспечивает эффективность современного научного текста? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ООО «Горизонт», 2018*б*. Вып. 15. С. 21–30.

Сиротинина О.Б. Современная коммуникация: достижения и потери в погоне за эффективностью // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2018*в*. Вып. 18. С. 5–17.

Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.

O.B. Sirotinina
Professor of Russian Language, Speech Communication
and Russian as a Foreign Language Department
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky

ARE THERE ANY PECULIARITIES IN MAKING ACADEMIC TEXTS MORE EFECTIVE?

The article marks the meaningful role played by the Perm academic school and one of its successors – M.P. Kotyurova. The article adds some news ideas and facts to her achievements in researching the peculiarities of effective communication in academic texts. The given paper claims the necessity to follow new requirements in publishing articles. It is proved that the ways to make academic texts more effective are connected with the variety of addressee types and the lack of the possibility for the addressor to forecast different goals when separate addressees of one type read texts. The author draws attention to the fact that the loss of discourse components in the texts of previous years in non-actual communication is inevitable.

Key words: academic text, effective communication, peculiarities of formation, addressor, addressee.

УДК 821.161.1:81’42

Сироткина Татьяна Александровна
доцент кафедры филологического образования и журналистики
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

ЭТНОНИМЫ И СОЧЕТАНИЯ С ОТЭТНОНИМНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ КАК МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ А. ИВАНОВА

В статье на материале творчества современного писателя Алексея Иванова рассматриваются этнонимы и сочетания с отэтнонимными прилагательными как маркеры идиостиля данного автора.

Ключевые слова: этнонимы, маркеры идиостиля, Алексей Иванов.

В научных поисках последнего десятилетия внимание исследователей все больше привлекает такая отрасль лингвистического знания, как лингвоперсонология, которая ставит во главу угла изучение особенностей идиостиля различных авторов. О творчестве современного писателя Алексея Иванова написаны уже не только отдельные статьи, по его произведениям снимаются фильмы и защищаются диссертации. Однако отдельного разговора о такой черте его идиостиля, как использование этнонимов и сочетаний с отэтнонимными прилагательными, пока еще не состоялось.

Естественно, что писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности. На примере текстов исторической прозы Алексея Иванова можно рассмотреть, каким рисует автор исторических романов образ «человека этнического», определить функции этнонимов и отэтнонимных образований в текстах писателя.

Важная роль этнонимов в художественном тесте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности. Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых парадигм этнонимов, например, вогулы – вогуличи – вогульцы: *В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут* [Иванов 2003: 91]; *Брешет, вогуличи налетели* [Там же: 62]; *Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали* [Иванов 2005а: 45].

© Сироткина Т. А., 2019

Помимо этого мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют русские люди, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, вогулы – *русами*, а татары – *урус*: *Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в Янидор, куда пригласили и молодого князя русских* [Иванов 2003: 72]; *Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях* [Там же: 72]; *Русы-новгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка* [Там же: 13].

Средством объективации в текстах исторической прозы служат не только сами этнические имена (*вогулы*, *русские*, *татары*, *остяки* и т.д.), но и названия деревень, фамилии героев, прозвища. Наиболее актуальными для рассматриваемых произведений являются следующие виды этнотопонимов и этноантропонимов:

1. Оронимы (камень Пермяков, Вогулинская гора, Чувашский мыс, Чувашева гора, Югорский камень): *Деревня Пермякова расселась на левом берегу напротив камня Пермякова* [Иванов 2005а: 552]; *А вот скала Вогулинская Гора так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми остриями обиженной кучей* [Там же: 551]; *В октябре 1582 года под Чувашским мысом разразилась решающая битва* [Иванов 2007: 194].

2. Ойконимы (деревни Пермякова, Полякова): *Жаль, умер разбойник Пермяков, от чьего корня пошла деревня* [Иванов 2005а: 552]; *Напротив камня на правом берегу стояла ныне исчезнувшая деревня Полякова* [Иванов 2007: 56].

3. Антропонимы. Пермская фамилия Зырянкин, прозвища Татарин, Зыряниха, Еран (так в Прикамье называли бродячих остяков) – все эти отэтнонимные образования очерчивают этнокультурное пространство текста, наполняя его художественными ассоциациями автора: *С детства его звали Татарином за маленький рост и скуластое, смуглое лицо* [Иванов 2003: 38]; *Прохора Зырянкина в Кашке любили не шибко; полдеревни у него в должниках ходило* [Иванов 2005а: 270]; *Народ будто ошалел, когда увидел, что Зыряниху притащили за волосы уже мертвую – лопнуло бабье сердце* [Там же: 270]; *Никто сюда не ходит, кроме охотника Ерана* [Там же: 657].

Многие этические и нравственные оценки отражаются через оппозиции, связанные с функционированием этнонимических единиц. Так, традиции и мораль этнографической группы русских кержаков противопоставляется укладу жизни русских: *После кондовых кержацких посадов стыд было смотреть на русскую нищету и голь* [Там же: 594]. У людей, принадлежащих к одной нации, но разным этнографическим группам, возникает проблема взаимопонимания: *Кержакам душу*

православную не понять, молчи уж! [Там же: 434]. Напротив, некоторые этнические имена стоят в одном ряду на шкале оценки: *Что остяки на Иртыше, что вогулы на Чусовой – всё одно* [Там же: 359]; *Истяжельство – то же беспоповство, только с вогулами и для сплавного дела* [Там же: 240].

Писатель использует этнические имена для этической оценки поступков героев. Традиционно при этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера личности, общественного образа жизни определенным моральным нормам и требованиям. Показательны, например, высказывания героев А. Иванова, отражающие представления русских, связанные с носителями «чужих» культур: *Татары – они как кошки живучи* [Там же: 518]; *Простаков пермякам всегда хватало* [Там же: 553].

Лиричность повествованию придают отдельные стихотворные контексты, в которых употребляются этнонимы: *На широких крыльях песни унесу вас в край преданий, // пусть слова мои, как зерна, в вашем сердце прорастают, // есть запев у древних песен, есть начало у народа, // сероглазые чудины жили в парме в давний век* [Иванов 2003: 87].

В интервью Г.М. Ребель писатель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое… Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно» [Иванов 2004: 14].

В статье А. Иванова, опубликованной в одном из пермских журналов, с иронией описан процесс «овогуливания» современного русского человека в условиях туристического похода: «Овогулившийся человек – это человек, три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле. Рожа у него – кирпичного цвета, покрыта грязной щетиной, глаза заплыли, волосы свалялись, руки порезаны крышками банок с тушенкой, которой он закусывал, спина прожжена костром, шапка и сотовый телефон потеряны, штаны порваны. Это очень счастливый человек. В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул» [Иванов 2005в].

На примере произведений Алексея Иванова мы убеждаемся в том, что все многообразие выразительных возможностей этнического имени может проявляться «в рамках двух взаимосвязанных подфункций

стилистической функции – информационно-стилистической и эмоционально-стилистической» [Крюкова 2004: 26].

Информационно-стилистическая функция включает в себя следующие подфункции:

1. Характеристику объекта. В произведении А. Иванова «Географ глобус пропил» этнические имена входят в астронимы. Характеристика объектов звездного неба осуществляется через национально-культурные образы: *У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские Копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское копье… Целый год я не видел их такими яркими* [Иванов 2005б: 399].

2. Характеристику персонажа. Реалии, относящиеся к материальной культуре того или иного народа, могут использоваться для характеристики поведения героев: *Он расстелил холстину и, скрестив ноги, торчал на ней в головах у Федьки вогульским болванчиком* [Иванов 2005а: 571].

3. Характеристику среды обитания. Окружающая природа является олицетворением души того народа, который живет на данной территории. Эта принадлежность природы человеку описывается с помощью отэтнонимных прилагательных: *А городовские казаки были самым крепким русским корнем на этой когда-то дремуче-вогульской реке* [Там же: 590].

Эмоционально-стилистическая функция проявляется в способности этнического имени выражать чувства автора и формировать эмоциональное отношение к изображаемому. Этнонимы входят в состав различных сравнительных оборотов: *Сел в солому над Осташей, как вогульский болванчик, и тихо бормотал* [Там же: 280]; *Каменным татарским малахаем лежала в лесах Юрта, а за ней – речка Кисели и неожиданно зеленый Веселый луг* [Там же: 580].

Сравнение ельника с вогульскими собаками, солнца с вогульской тарелкой, эха с голосом вогульской лесной нечисти позволяют А. Иванову показать картину событий не только более ярко, но и более достоверно, ощутимо, весомо: *Мимо барки по берегу бежал ельник, точно стая остроухих вогульских собак* [Там же: 648]; *Небо опасно нависло над горой, как перевернутый омут, на дне которого блекло отсвечивала серебряная вогульская тарелка солнца* [Там же: 197]; *Здесь на крик человека нелюдским окликом отзывалось эхо – голос вогульской лесной нечисти* [Там же: 539].

Таким образом, этнонимы и сочетания с отэтнонимными прилагательными являются яркой чертой идиостиля Алексея Иванова. С помощью данных языковых единиц автор отражает этническую составляющую ментальности народов, проживающих в регионе.

Этнонимы, функционирующие в текстах исторической прозы, отражают оппозицию «свой – чужой», служат средством объективации, выполняя функцию реально-исторической достоверности, а также выполняют эмоционально-стилистическую функцию, являясь средством художественной выразительности.

Библиографический список

Иванов А. Чердынь – княгиня гор. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 348 с.

Иванов А. Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе // Филолог. 2004. № 4. С. 10–18.

Иванов А. Золото бунта. М.: Азбука-классика, 2005а. 542 с.

Иванов А. Географ глобус пропил. СПб.: Азбука, 2005б. 426 с.

Иванов А. Овогуливание «чайников» // Premium-club. 2005в. Декабрь.

Иванов А. Message: Чусовая. М.: Амфора, 2007. 488 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.

T.A. Sirotkina
Associate Professor of Philology Education and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University

ETHNONYMS AND COMBINATIONS WITH THEIR ADJECTIVE DERIVATIVES AS MARKERS OF A. IVANOV IDIOSTYLE

In the article on the material of the contemporary writer Alexei Ivanov ethnonyms and combinations with their adjective derivatives are considered as markers of the idiostyle of this author.

Key words: ethnonyms, markers of idiostyle, Alexey Ivanov.

УДК 81’33+81’42

Сологуб Ольга Павловна
доцент факультета иностранных языков и литератур
Национальный Тайваньский университет
olsolpa@mail.ru

ДОКУМЕНТОНИМЫ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В работе представлен структурно-семантический и коммуникативно-прагматический анализ документонимов. Семантика имен формируется в большинстве случаев путем метонимических переносов и обусловлена семантикой производящих перформативных глаголов. В ходе функционирования происходит специализация значения производящих глаголов либо производных отглагольных существительных. Структура документонимов подвергается расширению / редукции, степень которых зависит от вида документа, его целевого назначения.

Ключевые слова: официально-деловая речь, типы документов, документоним, официализация, деофициализация.

Одной из актуальных задач документной лингвистики является описание конститутивных единиц официально-деловой речи, их роли в формировании официального начала документного текста. В предыдущих наших работах был осуществлен анализ официонимов [Сологуб 2013] и бинарных клише [Сологуб 2016]. Этот ряд продолжают документонимы, которые до сих пор не подвергались целенаправленному лингвистическому анализу.

В первую очередь обратимся к содержанию термина *документоним*. Происхождением данного термина мы, очевидно, обязаны А.В. Суперанской [Суперанская 1973], которая, создавая классификацию имен собственных, выделяет документонимы как особую группу онимов. При этом состав данной группы определяется достаточно широко: сюда включаются названия мероприятий, учреждений, предприятий, обществ, средств передвижения, периодических изданий, документов и законов. В более поздней работе [Суперанская 1978] автор сужает объем номинативной группы, подразумевая под документонимами наименования источников информации, функционирующих в сферах библиотечного каталогизирования, машинного поиска, реферирования, выдачи информации. В настоящее время термин *документоним* периодически употребляется в лингвистических работах, однако его дефиниция не определена, он отсутствует в современных лингвистических словарях, а

© Сологуб О. П., 2019

также в специализированном словаре Н.В. Подольской [Подольская 1988]. Задача определения данного феномена может быть решена при более глубоком его рассмотрении.

Вопрос об определении объема рассматриваемой номинативной группы решается посредством обращения к номенклатуре документов, где выделяются три основные группы последних: юридические, управленческие и финансовые. Наиболее широкое употребление в речевой практике получила группа управленческих документов, которая и является объектом нашего рассмотрения. Управленческие документы по функциональным основаниям делятся на: 1) организационные, отражающие основные принципы деятельности организации (*устав, положение, должностная инструкция, штатное расписание, правила внутреннего трудового распорядка, положение, регламент* и др.); 2) директивные, фиксирующие указания вышестоящих органов (*постановление, решение, приказ, распоряжение, указание* и др.); 3) информационно-справочные, содержащие информацию о фактическом положении дел и служащие основанием для принятия решений, издания распорядительных документов (*протокол, акт, докладная и объяснительная записка, справка, служебные и коммерческие письма* и др.). Приведенные номинации образуют базовый лексический фонд данной номинативной группы.

Большая часть документонимов обладает прозрачной словообразовательной структурой, за которой легко угадывается значение того или иного наименования документа. По происхождению большинство из них являются отглагольными существительными, образованными от перформативных глаголов со значением волеизъявления. Их семантика формируется на основе метонимической модели «действие → результат действия»: *постановление* ‘акт управления административного органа, издаваемый на основе правительственных законов и указов‘ ← *постановление* ‘процесс действия по знач. глаг.: *постановить, постановлять*‘ ← *постановлять* ‘принимать решение относительно чего-л., устанавливать‘ (Е) (Здесь и далее толкование значений производится по Общему толковому словарю [http://tolkslovar.ru/u2994.html], из которого извлекались данные толковых словарей А.П. Евгеньевой (Е) и Д.Н. Ушакова (У). – *О.С.*). Таким же образом формируется семантика документонимов *решение, распоряжение, указание, приказ*.

В некоторых документонимах реализация данной семантической модели происходит в редуцированном виде, о чем свидетельствует отсутствие указаний в словарях на значение опредмеченного действия, например: *(штатное) расписание* ‘таблица, график, в которых

содержатся указания о времени, месте и последовательности совершения чего-л.‘ ← *расписывать* ‘распределять между кем-л., назначать кому-л., чему-л., делая запись об этом‘ (Е). То же наблюдается в документонимах *(докладная, объяснительная) записка, (деловое) письмо, (должностная) инструкция, регламент, протокол.* В еще большей степени процесс семантического развития редуцирован в документонимах *устав* и *положение* в силу устаревания одного из ЛСВ производящих глаголов. Так, по данным словаря Г.А. Крылова, слово *устав* произошло от глагола *уставити* ‘установленное‘ [http://rus-yaz.niv.ru]. Документоним *положение* образован от устаревшей формы глагола *положить* в значении ‘решить, постановить‘ (У); *указание* – от *указывать* устар. ‘предписывать указом‘ (Е).

В отдельных случаях при формировании семантики документонимов реализуются иные метонимические модели. Так, например, документоним *справка* образован по модели «содержимое → вместилище»: *справляться* ‘обращаться к кому-л., куда-л. для получения сведений, выяснения чего-л. и т.п.; осведомляться‘ → *справка* ‘сведения, сообщаемые кому-л., получаемые кем-л. в результате запроса, поисков и т.п.‘ → *справка* ‘документ с такими сведениями‘ (Е). Примером реализации метонимической модели «действие → инструмент действия» является документоним *правило (правила внутреннего трудового распорядка)* ‘постановление, предписание, устанавливающее тот или иной порядок в исполнении чего-н., норма‘ ← *править* ‘осуществлять верховную власть над кем-л., чем-л.; управлять, властвовать‘ (Е).

В силу своей функциональной прикрепленности к официально-деловой сфере семантика документонимов получает соответствующую специализацию, которая, как правило, формируется вначале у производящих глаголов, становящихся затем либо самостоятельными словами, либо отдельными ЛСВ слова. Например, глагол *постановлять* обособился как самостоятельная лексема от однокоренных глаголов (*устанавливать, становиться, восстанавливать, останавливать* и др.) с самостоятельным значением ‘принимать решение относительно чего-л.’ (Е). Документоним же *решение* в своем специализированном значении ‘постановление, приговор, определение’ есть производное от ЛСВ глагола *решать* ‘выносить постановление, принимать решение’ (Е). В некоторых случаях производящий глагол не содержит специализированного значения – оно формируется в самом производном-документониме. Например, значение документонима *(служебная, докладная, объяснительная) записка* ‘краткое письменное изложение существа какого-л. дела, сообщение о чем-л. в официальной форме‘ сформировалось на основе общеязыкового значения

производящего глагола *записывать* ‘отметить, зафиксировать письменно для памяти‘ (Е).

В итоге общую схему формирования семантики документонимов можно представить следующим образом:

документоним ← (метонимия) отглагольное существительное ← перформативный глагол

Специализация значения

Структура документонимов подвержена процессам расширения в направлении конкретизации, уточнения целевого предназначения документа, сферы его действия, особенностей функционирования и пр.

Во-первых, расширение структуры происходит на уровне наименования некоторых видов документов. Причиной этого является слишком широкая семантика родового имени, наличие других типов документов с данным родовым именем (ср.: *инструкция – инструкция по технике безопасности, инструкция по применению, техническая инструкция* и др.). В связи с этим возникает потребность в конкретизирующем компоненте, как правило, атрибутивном: *должностная инструкция, штатное расписание, докладная* и *объяснительная записки, служебные* и *коммерческие письма*.

Во-вторых, документонимы расширяют свою структуру путем указания сферы распространения действия документа (должностного лица или структурного подразделения): *должностная инструкция главного бухгалтера, менеджера отдела продаж; Устав Ассоциации выпускников НГТУ-НЭТИ* и под.

В-третьих, документонимы начинают «обрастать» дополнительными компонентами при употреблении в основном тексте документа, когда в мотивировочной его части производится ссылка на тот или иной документ, например: (1) *Распоряжение мэрии города N от* ... (дата) *№ ... «О предоставлении обществу с ограниченной ответственностью* ... (наименование организации) *в аренду земельного участка для размещения и эксплуатации торгового киоска по* ... (адрес)*»;* (2) *Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;* (3) *Методика определения нормативов потребления жилищно-коммунальных услуг, утвержденная комитетом Российской Федерации по муниципальному хозяйству* ... (дата)*;* (4) *Письмо комитета администрации* ... (название региона) *по жилищно-коммунальному и газовому хозяйству № ... от* ... (дата) и т.п. В качестве дополнительных компонентов выступают структурно-семантические

блоки, с предельной точностью передающие исходную информацию о документе, придающие документу юридическую силу (автор документа, дата, регистрационный номер, заголовок документа, адрес и пр.). Введение информации подобного рода способствует полному, однозначному восприятию документа, его интерпретации, исключает возможность разночтений. Употребление документонимов в таком виде – в виде номинативных комплексов – в значительной степени способствует официализации текста. С другой стороны, эти номинативные комплексы в сочетании с предлогами причинно-целевой семантики (*в соответствии, на основании, в целях* и т.д.) реализуют текстообразующую функцию, выступая в качестве необходимого структурного компонента стереотипного текстового блока – мотивировочной части документа.

Степень «обрастания» документонима снижается в оперативных документах, прежде всего в деловой переписке, например: (1) *Сообщаю, что с ...* (дата) *вступило в действие новое* ***Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных бумаг от …*** **(дата)** → (2) *В соответствии с* ***Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг****, эмитент обязан раскрывать информацию ...* → (3) *Пересылаю Вам письмо, которое касается вступления в силу нового* ***Положения о раскрытии информации*** → (4) *В новом* ***Положении об информации*** *об этом ничего не сказано* → (5) *См. новое* ***Положение****.* Структура употребляемого документонима определена необходимостью оперирования наиболее значимой в деловых отношениях информацией; с развитием переписки отпадает необходимость повторения отдельных информационных блоков, и структура документонима в итоге сводится лишь к общему указанию вида документа.

В еще большей степени процессы структурно-содержательной редукции наблюдаются в документах, составленных рядовыми носителями языка. Так, например, в обращениях в официальные инстанции их авторы порой ссылаются на определенные документы, и эти ссылки носят, как правило, самый общий характер: (1) *Я, ...* (Ф.И.О.) *заключила* ***договор*** *с ГУП ЖКХ, по которому мне обязаны предоставлять жилищно-коммунальные услуги. Качество этих услуг должно соответствовать обязательным требованиям* ***государственных стандартов, строительных норм и правил****, которые в соответствии с* ***законом «О защите прав потребителей»*** *устанавливают обязательные требования качества услуг;* (2) *С 1996 г. сократили нам норму угля, не получаем дрова, не пользуемся услугами за свет. Спрашивается, что зимы сибирские стали короче и мягче? Или*

отменили ***Постановление о коммунальных услугах сельским учителям****?;* (3) *На основании* ***Закона о защите прав потребителей и Гражданского кодекса РФ*** *требую возместить мне убытки, причиненные Вашей компанией, в размере 2000 (две тысячи) рублей.* Подобная редукция вызывает действие обратных процессов – процессов деофициализации текста.

В итоге, рассмотрев структурно-семантические и функциональные свойства документонимов, мы можем дать следующее определение: документонимы – это специализированная группа имен, функционирующих в официально-деловой речи, придающих тексту официальный характер за счет специфических семантических (выражение волеизъявления), структурных (расширение структуры с целью указания релевантной управленческой информации, обладающей юридической силой), функциональных (расширение – редукция структурно-семантических компонентов как факторы процессов официализации – деофициализации текста) признаков наименования.

Библиографический список

Сологуб О.П. Официонимы как единицы официального функционирования языка // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 17. Пермь, 2013. С. 95–103.

Сологуб О.П. Бинарные клишированные словосочетания официально-деловой речи // Болгарская русистика. 2016. № 2. С. 18–29.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.

Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978. С. 5–33.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

Общий толковый словарь. URL: http://tolkslovar.ru (дата обращения 03.04.2019).

Этимологический словарь русского языка (Крылов Г.А.). URL: http://rus-yaz.niv.ru (дата обращения 03.04.2019).

O.P. Sologub
Associate Professor of Foreign Languages and Literatures Department
National Taiwan University

DOCUMENTONYMS: STRUCTURE, SEMANTICS, FUNCTIONING

The article provides a structural-semantic and communicative-pragmatic analysis of documentonyms. The semantics of names is formed in most cases by metonymic translations and is due to the semantics of producing performative verbs. In the course of functioning, specialization in the meaning of producing verbs or of derivative verbal nouns occurs. The structure of the documentonyms is subject to expansion / reduction, the degree of which depends on the type of document, its purpose.

Key words: official business language, document types, documentonym, officialisation, deofficialisation.

УДК 81’37:821.161.1(474.3)

Стойкова Татьяна Александровна
вед. науч. сотрудник факультета переводоведения
Вентспилсская высшая школа
tatjana.stoikova@venta.lv

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ЛАТВИИ (1918–1940 гг.)

В статье исследуются особенности языка русской публицистики Латвийской Республики (1918–1940 гг.). Основное внимание уделяется варьированию лексической семантики относительно языка метрополии, анализируется функционирование и семантика знаковых идеологем 20–30-х гг. XX в. *безбожник*, *церковник*.

Ключевые слова: русский язык, язык публицистики, лексическая семантика, идеологема.

В истории Латвии 1918–1940 гг. – это период существования независимого государства, первой Латвийской Республики, во времена которой русский язык не был однородным. С одной стороны, это был своеобразный «полудиалект» [Семенова 177: 196] – язык малообразованных слоев городского населения, подпитывающийся русскими говорами тех территорий, откуда пополнялась численность городов. С другой – это был язык интеллигенции, который, сохраняя преемственность, т.е. особенности русского литературного языка предшествующего периода, когда территория Латвии входила в состав Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.), постепенно стал развиваться обособленно, вырабатывая собственные региональные черты, отличающие его от языка метрополии. В статье используются публицистические материалы газеты «Сегодня» – одного из основных источников этого регионального варианта русского литературного языка. Будучи самым авторитетным русским изданием и «ровесницей» первой Латвийской Республики, газета выходила с 1919 по 1940 гг.

Как показывают исследования [Стойкова 2007, 2009; Кошкин 2009], данный вариант русского языка, представленный в текстах публицистики, характеризуется следующими основными особенностями: 1) консервацией, или архаизацией, языка на всех уровнях (графико-фонетическом, морфологическом, лексическом), демонстрирующей преемственность русского литературного языка периода Российской империи; 2) интерференциями и заимствованиями из государственного латышского языка как результата тесного

© Стойкова Т. А., 2019

взаимодействия местных языков на территории Латвии на фоне роста престижа латышского языка в укрепляющемся национальном государстве; 3) варьированием лексической семантики относительно языка метрополии, что особенно ярко проявилось в варьировании семантики общественно-политической лексики, а именно слов-идеологем.

Цель данной статьи – показать варьирование лексической семантики на примере функционирования некоторых знаковых идеологем первой половины XX в. в русской публицистике Латвии. Теория идеологемы, как известно, берет начало в трудах М. Бахтина и основательно разработана в современных исследованиях Н.А. Купиной, А.П. Чудинова, Н.И. Клушиной, Е.Г. Малышевой и др. В общем виде можно говорить о двух подходах в понимании идеологемы: 1) языковая единица, имеющая в своем значении идеологический компонент, включающий оценку (Н.А. Купина, А.П. Чудинов и др.); 2) когнитивная единица, концепт, обладающий неким идеологическим содержанием (Н.И. Клушина, Е.Г. Малышева и др.) [Малышева 2009].

Мы придерживаемся первого, узко лингвистического толкования понятия.

Любую языковую картину мира маркирует базовая оппозиция «свой – чужой». Идеологемы, группируясь по краям оппозиции, поляризуют языковое сознание и картину мира носителей языка. Источником лексикографических значений рассматриваемых ниже слов-идеологем является академический толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСУ), который отразил языковое сознание новой эпохи в его становлении, так как издавался в 1935–1940 гг., как раз во времена первой Латвийской Республики, где собственная лексикография была развита слабо. Главным образом издавались и переиздавались двухъязычные (русско-латышские, русско-немецкие) и трехъязычные (русско-латышско-немецкие) словари, что закономерно, потому что языковая ситуация этого периода характеризуется как немецко-русско-латышское трехъязычие [Семенова 1977: 212].

Идеологемами рассматриваемой эпохи становятся не только новые слова, недавно появившиеся в языке, например *большевизм* (*большевик*, *большевистский, большевиствующий)* или недавно заимствованные – *фашизм* (*фашист, фашистский*), но и слова, давно известные, – *церковник* (*церковный*), *безбожие* (*безбожник*, *безбожный*).

Языковая единица развивается в идеологему под влиянием экстралингвистических факторов: общественно-политического уклада, идеологической модели мира, которую обслуживает, и т.д. Так, слово *безбожие,* означающее ‘отрицание бога’, в новую эпоху развивает

значение ‘борьба с религией, антирелигиозная идеология или деятельность (нов.)’ [ТСУ 1: 104]. Слово *безбожник* (‘человек, не верующий в бога, атеист’) также развивает значение ‘член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.)’ [ТСУ 1: 104]. Эти значения сформировались в 20–30-е гг. и отражают идеологию советского государства и деятельность общественной антирелигиозной организации «Союз воинствующих безбожников» (СВБ). Пафос задач СВБ передает, например, следующий фрагмент статьи из центральной российской газеты «Правда», рассказывающей об открытии второго съезда безбожников:

Пролетариат *создает* ***высочайшую мораль*** *– она станет общечеловеческой.*

Вчера в Москве открылся II всесоюзный ***с’езд безбожников****. Собрался самый стойкий, самый выдержанный* ***актив безбожия*** *– той «религии будущего», к которой неизбежно, неотвратимо движется мир. <...> кажется, что уже и руками можно осязать буйную поросль нового, сбросившего с себя <...>* ***проклятые «святые ризы»****, в которых тысячелетиями путалось человечество* (Правда, 11 июня 1929 г.).

Идеологический компонент лексем *безбожие*, *безбожник* содержит положительную эмоциональную оценку, и место идеологемы *безбожник (безбожие)* в языке метрополии – на полюсе «свой», о чем свидетельствует и ее сопряжение в контексте с идеологемой *пролетариат*, подкрепленное эмоционально оценочным *высочайшая мораль*, в оппозиции к пейоративному оксюморону *проклятые «святые ризы»*.

Лексемы *безбожник, безбожие, безбожный* фиксируются в двухъязычных словарях Латвийской Республики [Понэ 1928: 9; Дравниекс 1923: 36]. Контексты латвийской публицистики (сохранена орфография и пунктуация оригиналов) показывают, что в диаспорном варианте русского языка данная идеологема примыкает к полюсу «чужой»:

Мы участники этого Собора – высшіе патріархи православія, явились слѣпымъ орудіем в рукахъ ***безбожной власти****. <...> Несмотря на великіе гоненія церкви православной,* ***уничтожить вѣру Христову безбожники безсильны*** *<...>* ***нечистая рука безбожниковъ*** *не смѣетъ касаться святыни народной – православной церкви* (Сегодня, 1 июня 1924 г.); *Неужели васъ не страшитъ этотъ* ***ужасъ****, который настанетъ для вѣры Христовой, когда воспитываемое сейчасъ в духѣ атеизма молодое поколѣніе подростетъ и широкой* ***лавиной безбожья*** *заполнитъ всѣ необъятные уголки Россіи* (9 июля 1924 г.); ***Безбожная Пасха*** *въ Сов. Россіи. <...> организуются «****безбожные колхозы****», т.е.*

коллективы крестьянъ, берущихъ на себя обязательство проповѣдовать ***безбожіе*** *среди своихъ сосѣдей* (5 апреля 1931 г.); ***Безбожныя карты*** *въ Сов. Россіи. Антирелигіозныя игральныя карты – новое оружіе <...>* ***на безбожномъ фронтѣ****. Трудно догадаться, почему именно игральныя карты по мысли большевиковъ должны служить факторомъ усиленія* ***безбожія*** *въ народѣ. <...> При антирелигіозныхъ сов. картахъ имѣется и «джокеръ». Въ немъ – квинтэсенція* ***большевицкой безбожной премудрости*** (30 августа 1931 г.).

Очевидно, что идеологический компонент включает отрицательную эмоциональную оценку, которая развивается в образно-экспрессивных контекстах на основе: оксюморона (*безбожная Пасха)*, метафор (*лавина безбожия, безбожный фронт, безбожные карты)*, антитезы (*нечистая рука безбожников – святыня православной церкви*), иронии (*квинтэсенція большевицкой безбожной премудрости*).

Лексема *церковник*, развившаяся в 20–30-е гг. в идеологему, фиксируется в русско-латышском словаре Я. Дравниекса [Dravnieks 1923: 34], а также в русско-латышско-немецком словаре (KLV), созданном под руководством известного деятеля латышской культуры Кришьяниса Валдемарса [KLV 1872: 640]. В ТСУ значение лексемы толкуется следующим образом: 1. То же, что церковнослужитель; 2. Лицо, сохранившее религиозные предрассудки и поддерживающее церковь [ТСУ 4: 1221]. Очевидно, что в языковом сознании метрополии идеологема *церковник* (*церковный*) содержит отрицательную оценку и примыкает к полюсу «чужой», что подтверждается публицистическими контекстами, например следующим – из советской газеты «Правда»:

Церковники *– активные* ***помощники кулака****. В связи с выборами в советы оживилась деятельность* ***церковников*** *и* ***сектантов****.* ***Попы*** *вместе* ***с кулаками*** *распространяют всевозможные слухи о «чудесах», о войне и т.д. <...> Некоторые* ***попы*** *пытаются замаскироваться* ***под друзей бедноты*** *и* ***врагов кулачества*** (11 января 1929 г.).

Полюс «чужой» здесь поддерживается идеологической лексикой – *церковник*, *поп*, *сектант*, *кулак*, *кулачество;* полюс «свой» – номинацией *беднота*. В условиях гонений на православную церковь в советской России в 20–30-е гг., когда к антирелигиозной пропаганде привлекали служителей церкви, слово *церковник* в соответствующем контекстуальном окружении получило противоположные идеологические смыслы. Вот типичные контексты употребления слова в публицистике Латвии:

Помилованіе не коснулось митрополита [Виніамина – *Т.С.*]. *Это подтверждается и бесѣдой редактора журнала «Наука и религія»*

большевика церковника *Михаила Горина съ предсѣдателемъ ВЦИК'а М.И. Калининымъ* (11 августа 1922 г.); *А готовящійся на пасхальной недѣлѣ Соборъ въ Москвѣ, надъ которымъ работают* ***большевиствующіе церковники въ тѣсномъ единеніи съ чекистами****, руки которыхъ еще дымятся от пролитой крови* ***пастырей****!* (1 апреля 1923 г.); *Совѣщаніе* ***большевиствующіхъ церковниковъ*** *<...> высказалось противъ всякаго примиренія съ патріархомъ Тихономъ, котораго Евдокимъ и* ***большевиствующіе церковники*** *признали «нераскаяннымъ виновникомъ церковной разрухи, <...> не принадлежащимъ православной церкви»* (14 июня 1924 г.); ***Большевиствующіе церковники*** *избрали новый синодъ, который для церковной жизни, по опредѣленію проф. Зарина, долженъ соотвѣтствовать ВЦИК'у* (15 октября 1925 г.).

В языковой картине мира диаспоры Латвии оппозиция «свой – чужой» переворачивается: здесь «чужой» – это «свой» в картине мира метрополии и наоборот. Таким образом, в языковой картине мира латвийской диаспоры *церковник* в сочетании со словами *большевиствующий, советский, большевик, чекист,* соотносится с полюсом «чужой», что экспрессивно подчеркнуто окказиональной антонимией языковых синонимов *церковник – пастырь*. Заметим, что активный неологизм *большевиствовать* (в форме *большевиствующий*), по-видимому означающий 'действовать по-большевистски', не закрепился в языке (и не отразился в словаре эпохи).

Как показывает анализ языкового материала, идеологемы семантически эластичны, способны впитывать антагонистические идеи и противоположные оценки, контексты их употребления насыщены поляризованной общественно-политической лексикой. Экстралингвистические факторы: «выключенность» Латвии из социально-политического, лингвокультурного пространства России и ориентация на коммуникативное пространство Европы, разность идеологических моделей мира советской России и буржуазной Латвии – определили поляризованность идеологического компонента (в первую очередь оценочных значений) в семантике одних и тех же идеологем.

Источники

Газета «*Правда*». Орган ЦК и МК ВКП(б), выходит с 1917 г. (БАН, СПб.).

Газета «*Сегодня*». Рига, 1919–1940 гг. (Латвийская Национальная Библиотека, Рига).

Библиографический список

Кошкин И.С. Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX в. // Humaniora Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и

метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Tartu: Tartu Universitate, 2009. С. 82–102.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. URL: https://psibook.com/linguistics/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya.html (дата обращения 22.03.2019).

Понэ А. Русско-латышский словарь. Рига: Склад у Акц. общ. «Вальтерс и Рапа», 1928. 326 с.

Семенова М.Ф. Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге // Контакты латышского языка. Рига: Зинатне, 1977. С. 192–214.

Стойкова Т.А. Формирование языка русскоязычного меньшинства: русский язык Латвийской Республики 1918–1940 гг. и язык метрополии // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Т. 3. Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка. София: HERON PRESS, 2007. С. 211–218.

Стойкова Т.А. Влияние латышского языка на русский язык Латвийской Республики 1918–1940 гг.: процессы интерференции // Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Tartu: Tartu Universitāte, 2009. С. 188–201.

ТСУ – Толковый словарь русского языка / ред. Д.Н. Ушаков. В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1935–1940.

Dravnieks J. *Latviski-krieviska vārdnīca*. Rīga: Valtera un Rapas apgāds, 1923. 528 p.

KLV – *Krievu-latviešu-vācu vārdnīce*, izdota no Tautas Apgaismošanas Ministerijas / *Русско-латышско-немецкий словарь*, изданный Министерством народного просвещения / *Russisch-lettisch-deutsches Wörterbuch*, herausgegeben vom Ministerium der Volksaufklärung. М.: В университетской типографии, 1872. 687 с.

T. Stoikova
Assistant Professor
Ventspils University of Applied Sciences

SOME FEATURES OF LANGUAGE OF THE RUSSIAN JOURNALISM OF LATVIA (1918–1940)

The main features of language of the Russian journalism of Latvia in the period of the first Republic of Latvia (1918–1940) are specified in article, however the attention of the author is focused on one characteristic feature – variation of lexical semantics concerning mother country language. Variation of lexical semantics is brightly shown in functioning of words ideologems therefore on the example of sign ideologems of the 20-30th of the 20th century *безбожник* ‘the atheist’, *церковник* ‘the churchman’ is considered.

Keywords: Russian, journalism language, lexical semantics, ideologem.

УДК 811.112.2

Табанакова Вера Дмитриевна
профессор кафедры английской филологии и перевода
Тюменский государственный университет
veratab@inbox.ru

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ФОН АСТРОНОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В НАУЧНОМ И ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается двойственная природа астрономического термина и ее раскрытие в интегрированном дискурсе. Показывается, что в лексикографическом дискурсе термин семантизируется одновременно и как знак специального понятия, и как слово со своим культурологическим фоном. В научном дискурсе «диалог между автором и читателем» проходит в режиме постоянного переключения с логического на образное, с абстрактного на конкретное мышление.

Ключевые слова: семантика термина, научный дискурс, логическое и образное мышление.

Остановимся на тексте заголовка и попытаемся раскрыть исходные позиции исследования, обосновать его цель. Начнем со словосочетания «генетический фон», которое в данном контексте не является медицинским термином, но содержит частичный перенос признаков из дефиниции термина «ген»: Ген (греч. genos – происхождение) – структурная и функциональная единица наследственности, единица наследственной информации [Толковый словарь психиатрических терминов 1995: 86].

Подобно гену, астрономический термин, как никакой другой демонстрирует структурное и функциональное совмещение наследственной информации своих «родителей» – науки и культуры. Вот как об этом пишет автор книги «Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах» Джеффри Корнелиус: «Современная астрономия формировалась, питаясь поэтическим видением Вселенной, пришедшим к нам из Месопотамии и Древнего Египта и от древних Греков. В результате появились общие всем очертания созвездий, нашедшие отражение в греческих мифах, дополненные арабской мудростью и вошедшие ныне в сокровищницу мировой культуры. Последующие страницы раскроют суть удивительной традиции, в которой сплелись воедино древний миф и современная наука» [Джефри Корнелиус 2000: 9].

Данная статья продолжает тему двойственной природы термина-знака, которая прослеживается как на лексическом уровне, так и на

© Табанакова В. Д., 2019

текстовом. При этом глубина проникновения в содержание термина обусловлена не только лингвистическими – концептуальное и метафорическое начало в термине [Табанакова 2011а, 2011б, 2013], но и экстралингвистическими, дискурсивными параметрами – образование и профессиональный статус автора и читателя [Табанакова 2013, 2014].

Используя книгу Д. Корнелиуса в качестве источника языкового материала, попробуем раскрыть специфику семантики астрономического термина-знака, а затем проследить его смысловое прочтение в научном и популярном дискурсе. Здесь хотелось бы обратить внимание на разделение в заголовке статьи союзом «и» научного и популярного дискурса вместо привычного «научно-популярного». Сделано это намеренно, с целью сначала развести эти уровни общения, а затем проследить их взаимодействие в момент интерпретации значения термина в контексте. Такое условное противопоставление созвучно противопоставлению нового в науке и технике у Ю.М. Лотмана: «Новое в технике – реализация ожидаемого, новое в науке и искусстве – осуществление неожиданного. Из этого вытекает и то частное следствие, что в привычном фразеологизме „наука и техника“ союз „и“ прикрывает собой отнюдь не идеальную гармонию. Он лежит на грани глубокого конфликта [Лотман, 2000:18].

Конфликтность образного и логического в научном термине не носит столь глубокого характера. Они не сталкиваются напрямую, не противостоят одно другому, поскольку принадлежат разным уровням – языку и речи. В специальном тексте и в профессиональном общении принято считать, что на первый план выходит специальное понятие. До тех пор, пока мы рассматриваем термин изолированно – как знак, его логическая и метафорическая составляющая существуют отдельно как абстрактные характеристики. Как только термин попадает в речь, они интегрируются, приходят во взаимодействие и смешиваются в каких-то пропорциях.

Своеобразие астрономического термина в том, что метафорический (мифологический) компонент присутствует не только в его лексической форме, но и в содержании. В тесном переплетении они раскрываются в специальном, научном дискурсе, который, в свою очередь, можно охарактеризовать как синтез специального и неспециального знания.

Цель данной статьи – показать противоречивую семантику астрономического термина и выявить ее раскрытие в интегрированном научном и популярном дискурсе.

Самыми яркими по своей объективно смешанной семантике астрономическими терминами являются названия созвездий. В «Глоссарии астрономических терминов» читаем:

Созвездия – участки звездного неба, на которые его условно разделили еще в глубокой древности, и которые получили названия, навеянные наблюдаемой конфигурацией звезд, легендами и мифами [Глоссарий астрономических терминов: эл. ресурс].

В этом определении легко просматривается образный, неспециальный характер понятия *созвездие*, поскольку признаки в нем большей частью выражены общелитературными словами – *участок звездного неба, наблюдаемой, конфигурацией звезд, навеянные легендами и мифами.* Единственным на первый взгляд термином кажется слово *звезда*. Но в том же самом словаре оно определяется как *массивный самосветящийся газовый шар той же природы, что и Солнце,* и это определение тоже вряд ли можно воспринимать как дефиницию специального понятия.

Вместе с тем, у термина *созвездия* есть и научная составляющая, а у понятия *созвездия* есть специальные признаки. Мы их видим во второй части этой же словарной статьи:

Современные границы, делящие всю небесную сферу на ***88 созвездий****, были установлены Международным Астрономическим Союзом в 1922–35 гг. Эти границы проходят только вдоль* ***суточных параллелей*** *и* ***кругов склонений экваториальной системы координат эпохи*** *1875 г.*

Подтверждением терминологического статуса определяемого слова в этой части является наличие нескольких терминов, имеющих строго научные дефиниции, понятные специалистам (они выделены в тексте как онлайн сноски). Другими словами, в словарной статье совмещаются образное и логическое начало астрономического термина-знака.

Нужно отметить, что современные электронные словари, особенно словари открытого типа, в отличие от традиционных печатных словарей, все больше приобретают дискурсивный характер. Например, в «Большом астрономическом словаре» Ханны Ньюкасл мы прослеживаем так называемый «дискурсивный стиль» описания прагматики астрономического термина:

Термины «затмение» и покрытие не очень строги. Если термином «затмение» обозначить попадание тела в тень от солнечного света, то, строго говоря, как солнечные «затмения», так и явления, наблюдаемые при затемнении в двойных звездах, являются покрытиями. Однако использование термина «Затмение» в этих

контекстах общепринято; ***Покрытие*** *– проход одного астрономического объекта непосредственно перед другим, так что для наблюдателя его свет экранируется* [Ньюкасл 1997: эл. ресурс].

А сейчас перейдем к монографии Д. Корнелиуса и попытаемся отследить, в каких пропорциях и в какой последовательности специальная и культурологическая информация подается в тексте, а главное, как она воспринимается и понимается читателем. Здесь следует обратиться к двум способам мышления – образному и логическому. В связи с этим вспомним размышления Джорджа Лакоффа о традиционном и нетрадиционном взгляде на мышление в его известной книге «Женщины, огонь и опасные связи», само название которой, как и название книги Д. Корнелиуса, уже задает двойственность интерпретации. В предисловии мы читаем: «Традиционный взгляд рассматривает мышление как чисто логическую способность. Новый взгляд рассматривает образные аспекты мышления – метафору, метонимию, использование ментальных образов как центральные для разума, а не как периферийную и несуществующую добавку [Лакофф 2011: 9].

Книга «Звездное небо» состоит из пяти глав. Первые две главы «Ночное небо» и «Полные карты неба» содержат научную информацию. Остальные три главы «Главные созвездия», «Малые созвездия» и «Блуждающие звезды» посвящены детальному описанию звезд и созвездий как в строго астрономических, так и в культурно-исторических терминах мифов и легенд. Приложение, куда входят алфавитные указатели на разных языках и глоссарий, включают специальную информацию. Таким образом, по своей макроструктуре текст начинается и заканчивается научными знаниями с «вкраплением» популярного культурологического знания.

Все описания созвездий и звезд однотипны по своей структуре, поэтому рассмотрим эту структуру на примере описания одного созвездия ОРЕЛ. Описание состоит из трех частей. Начинается оно следующим текстом:

Небольшое, но красивое созвездие Орла находится к югу от созвездия Лебедя. Глядя на это созвездие, ***полуночная кульминация*** *которого наблюдается в июле, мы легко увидим в нем орла, летящего через Млечный Путь на восток. Это* ***экваториальное*** *созвездие, а потому доступно для наблюдений практически отовсюду, кроме высоких* ***северных и южных широт****. Самая яркая звезда Орла, Альтаир, представляет собой одну из вершин так называемого* ***Большого летнего треугольника северного полушария*** *звездного неба* [Корнелиус 2000: 42].

Как видим, первая часть описания задействует в основном образное мышление и поэтому доступна для понимания читателям, не владеющим специальными знаниями. Выделенные нами полужирным шрифтом термины подтверждают это, поскольку реализуют в этом контексте прежде всего свое «ближнее значение».

Вторая часть содержит перечисление ярчайших звезд с их физическими параметрами и, следовательно, требует специальных знаний для понимания. В третьей части достаточно подробно, с цветными иллюстрациями описываются мифы. Таким образом, описание созвездия начинается и заканчивается раскрытием образной составляющей семантики термина, а научная информация содержится в середине. Такая структура требует от читателя переключения с образного на логическое мышление и обратно.

Подведем итоги всему сказанному:

1. В семантике астрономического термина с древних времен уживаются два разных начала – образная ассоциация и понятийная соотнесенность.

2. В научном дискурсе – словарях и книгах – термин семантизируется одновременно и как знак специального понятия, и как слово со своим культурологическим фоном.

3. В научном дискурсе «диалог между автором и читателем» проходит в режиме постоянного переключения логического и образного, абстрактного и конкретного мышления.

Библиографический список

Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. 1995. URL: http://ktoeslineya.ru/biblioteka/giperchild/slovar_psih_terminov.pdf (дата обращения 22.03.2019).

Глоссарий астрономических терминов. URL: http://www.astronet.ru/db/glossary/ (дата обращения 22.03.2019).

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров. Статьи; Исследования; Заметки (1968–1992). СПб: Искусство–СПб, 2000. 704 с.

Ньюкасл Х. Большой астрономический словарь / В ред. Р. Мандрика. 2010. URL: http://slovo.yaxy.ru/129.html (дата обращения 22.03.2019).

Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. 208 с.

Табанакова В.Д. Логическое и образное в научном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011б. № 24(239). Вып. 57. С. 46–48.

Табанакова В.Д. Логическое и образное в термине // Вестник ТюмГУ. Филология. 2011а. № 1. С. 76–81.

Табанакова В.Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник ТюмГУ. Филология. 2014. № 1. С. 72–81.

Tabanakova Vera Dmitrievna
Professor of English philology and translation Department
Tyumen State University

GENETIC BACKGROUND OF ASTRONOMICAL TERM IN SCIENTIFIC AND POPULAR DISCOURSE

The article discusses the dual nature of the astronomical term and its functioning in the integrated discourse. In the lexicographic discourse the term is being semanticized as a sign of a special concept and as well as a word with its cultural background. In the scientific discourse, the "dialogue between the author and the reader" takes place in the mode of constant switching from logical to figurative, from abstract to concrete thinking.

Key words: term semantics, scientific discourse, logical and figurative thinking.

УДК 81’42

Факторович Александр Львович
профессор кафедры истории и правового регулирования
массовых коммуникаций
Кубанский государственный университет
af03@mail.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ДИСКУРСЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

Особенности соотношения официальных стереотипов и научного творчества характеризуются на материале текста лингвистической экспертизы. Устойчивость стереотипа и динамика творчества освещаются интегративно. Дискурсивная поддержка и когнитивная координация определяются как взаимосвязанные тенденции. Такой подход реализуется в единстве растущей значимости интегративного объяснения и междисциплинарных доминант. Корреляции раскрываются на примерах разнородности объектов лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: категоризация, дискурс, дискурсивная поддержка, лингвистическая экспертиза, системные отношения, текст.

1. Лингвистическая экспертиза (ЛЭ) как специфический текст обладает значительной иллокутивной силой представленных в нем речевых актов. Вероятно, поэтому он нередко являет собой динамику баланса между контрастными и притом взаимодополнимыми свойствами [Леонтьев 2006: 216; см. также Пацюкова и др. 2019: 80–82]. С той же особенностью отчасти связан и рост лингвоэкспертного пространства в отрадно-угрожающих масштабах, его многогранность. В такой познавательной ситуации правомерна задача, поставленная в предлагаемой работе, – соотнести в составе ЛЭ два вектора: опору на официальный стереотип, его стилевые константы, и научный поиск с неизбежной динамикой. Задача решается на материале объемной многоплановой экспертизы конца 2018 г., включающей как официальные стереотипы, так и элементы научного творчества и использованной в судебном решении, которое вступило в законную силу. Поставленная задача решается в двух аспектах: рассматривается специфика категоризации и системность в объектном пространстве.

2.1. Обратимся к первому аспекту, учитывая его особенно тесную связь с методологией анализа. Методологически опорным служит подход М.П. Котюровой, соединяющий поступательное развитие традиционной стилистики и формируемую новую область знаний с рабочим именованием «лингвистическое науковедение». При этом

© Факторович А. Л., 2019

вводится и динамично освещается категория эталонного научного текста – через особую генерализацию: «нет эталонного текста. (…). Есть *представление* об образцовом тексте» [Котюрова 2016: 65. Выделено автором. – *А.Ф.*]. Принципиален при указанной категоризации учет системной динамики: характеризуя эталонный текст, исследователи ссылаются на М.Н. Кожину, писавшую «о системе открытой, доступной изменению и развитию» [Котюрова, Соловьева 2017: 9]. Данную категоризацию методологически поддерживает и лингвистическая характеристика познания как такового: «…познание не является копированием действительности, но преимущественно предстает как процесс выдвижения субъектом предположений…» [Манаенко 2017: 36–37]. Возможно, по этой причине (в единстве с иными) «научный текст всегда двойственен» [Комарова 2017: 679]. Творческое начало при такой категоризации закономерно, отчасти самоочевидно.

Это значимо для экспертирования сферы права, поскольку ее официальная коммуникация отражает принципиальную дискурсивную неоднозначность (см.: [Велиев 2019: 120]). Показательно также, что в этой категориальной сфере определяется, например, понятие «полицейский регистр речи» [Олссон 2018: 8–11]. Как можно полагать, с эталоном и регистром исследователи соотносят и категорию «автор текста»; такова показательная серия сферы философии языка: «С возвращением, автор, но где же твой “текст” и “язык”? О вербальных данных в статике и динамике» [Вдовиченко 2018: 121 и след.]. Эта категориальная корреляция позволяет, в частности, доказывать системную ложность установления авторства – фальсификацию признательных показаний, когда полицейский, следователь и т.п. преступно выдает свой дискурс за речевую продукцию обвиняемого (в ситуациях оговора и вынужденного самооговора). Оборот из философского подзаголовка «…но где же твой текст?» обретает при этом особый смысл.

2.2. Обратимся ко второму аспекту рассмотрения – систематике объектного пространства. Проиллюстрируем его примером ЛЭ, которая выполнялась в соответствии с адвокатским запросом от 4 сентября 2018 г. по материалам уголовного дела № 1-137/2018 (рассматривалось четырежды в разных судебных инстанциях Республики Адыгея с экспертизами четырех различных специалистов). Экспертировался материал показаний интеллигентного рабочего, обвинявшегося в приобретении наркотиков и отрицавшего само это событие. Его дискурс включает два сегмента: протокол, представленный следователем и подписанный обвиняемым; и объяснение, которое обвиняемый представил непосредственно (далее автор протокола – АП, автор

объяснения – АО). В многомерной ЛЭ остановимся на центральном вопросе: «1) Является ли автором представленных на исследование текстов протокола и объяснения одно и то же лицо?» Рассмотрение вопроса соответствует типовой автороведческой экспертизе с опорой на единство «дискурс – текст»: «имеется пример текста (текстов) некоторого автора Х. Необходимо установить, является ли он автором и некоторого другого текста» [Баранов 2009: 484].

Текст ЛЭ включает два слоя. Во-первых, официальные стереотипы, отражающие ст. 228 действующего УК, с ее подпунктами; во-вторых, соотнесенные с ними элементы, отражающие научно-творческую сторону ЛЭ. Первый условно выделяемый текстовый слой – стереотипное именование правонарушения, в котором семантически опорным является номинация «наркотические средства», его иллюстрация данным сочетанием, воспроизведение в ЛЭ речи обвиняемого и сопутствующие этому характеристики иных стереотипов, предположительно относимых к полицейскому регистру речи. См.:

«Ст. 228. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (в ред. Федерального закона от 19.05.2010 N 87-ФЗ).

В стереотип входят совпадающие с правовыми терминами (изосемичные) номинации, воспроизводимые в ЛЭ из показаний АП, якобы принадлежащих обвиняемому: «достав из своего кармана вышеуказанные свертки с наркотическим средством “Марихуана”, бросил их …Как выглядит куст данного наркотического средства, мне достоверно известно».

Стереотипность прослеживается не только в представлении правовых норм, но и в четырех речевых особенностях: 1) смещении субъекта в деепричастной конструкции; 2) многокомпонентных сложных предложениях с нагромождением придаточных; 3) обособленных второстепенных членах, выраженных причастными и деепричастными оборотами; 4) нагнетании лексем, характерных для официальной речи: «данный», «вышеуказанный».

Такие стереотипы в тексте ЛЭ необходимы – но недостаточны. Они определяются в данном типе текста только в единстве с элементами научного творчества, образуя особую целостность. В целях характеристики совместимости выявим в этом едином целом второй текстовый слой. Элементы научного творчества представлены во

фрагментах ЛЭ, нацеленных на коррекцию и на корреляции в экспертируемых объектах (АП и АО), а в конечном счете – на развенчивание фальсификаций. При этом возможна парадоксализация. Такова характеристика первой из упомянутых выше особенностей объекта – смещения субъекта в деепричастной конструкции.

Смысл разрушен, допущена грубая грамматико-речевая неточность: «…11.02.2018, будучи в гостях у своей бывшей супруги.., у меня произошел на бытовой почве конфликт со своей бывшей супругой». В предложении использовано деепричастие *будучи*, возглавляющее оборот в функции обособленного распространенного обстоятельства времени. Деепричастие по нормам грамматики и типичному словоупотреблению называет действие того же субъекта, что и спрягаемый глагол-сказуемое. См.*:* «Глагол-сказуемое и деепричастие обозначают действие одного субъекта…Деепричастный оборот употреблен ошибочно в следующих предложениях: **Проходя мимо красивой клумбы, на их лицах появляется улыбка.* Эти и подобные предложения должны быть исправлены…» [Бельчиков 2009: 281. Выделено автором. – *А.Ф.* См. то же в ряде работ: Романов, Филипов 2012: 188; Розенталь 2005: 323. См. также незабвенный, высмеянный А.П. Чеховым оборот: *подъезжая к станции, у меня слетела шляпа* – оборот банальный и, видимо, бессмертный]. В нарочитой, неточной, искусственной речи это непреложное правило иногда нарушается: в случае таких ошибок деепричастие относится к одному субъекту, а глагол-сказуемое – к другому. Именно такое нарушение дважды представлено в дискурсе АП. В вышеприведенном примере устанавливается нарушенная связь: мысль выражена так, что «конфликт был в гостях». Ср. правильное выражение, характерное для разговорной речи и соответствующее особенностям коммуникации АО: «*Когда я был в гостях …у меня произошел конфликт с бывшей супругой».

Ярко подтверждает характерную искусственность речи АП, ее сконструированность, нарочитость другой аналогичный пример: «По пути домой, будучи в салоне вышеуказанного автомобиля “Такси”, находясь в х. Новый Сад Тахтамукайского района, нас остановили сотрудники ДПС». Подлежащее в предложении – «сотрудники ДПС». Простое глагольное сказуемое – «остановили». Обстоятельство времени, выраженное оборотом с деепричастием «будучи», формально тяготеет к независимому субъекту, то есть к подлежащему. Других независимых субъектов не представлено.

Далее в ЛЭ налицо элемент парадоксализации, обладающий творческим характером. Отмечается, что содержание выражено так: сотрудники ДПС были внутри, в салоне вышеуказанного такси. И при

этом они же извне остановили «нас», то есть автора протокола и водителя… Между тем по изложенной ситуации в такси были никак не сотрудники ДПС, а обвиняемый, АП и водитель. Смысл оказывается разрушен, что характерно при искусственном конструировании текста. В устной речи такие ошибочные построения **обычно** не встречаются, в подлинных записях АО их нет. Они могут возникнуть при конструировании другим лицом письменного текста, заменяющего устный – заменяющего в различных смыслах. Аналогичную замену иллюстрирует емкий контекст, в котором соединяются три иных особенности, характерных для АП: многокомпонентные сложные предложения с нагромождением придаточных; обособленные второстепенные члены в осложненных предложениях, выраженные причастными и деепричастными оборотами; а также нагнетание лексем, характерных для официальной речи, например «вышеуказанный». Именно подобные предложения в дискурсе АП преобладают. Между тем в устной речи системными являются обычно короткие предложения, в сложных предложениях явно преобладает сочинение над подчинением, в то время как причастные и деепричастные обороты характерны для книжной речи [Кожина и др. 2014: 262, 437]. В разговорной устной коммуникации соответствующие конструкции используются крайне редко. В тексте АО их нет. В тексте АП, однако, они типичны. Осложняющие конструкции представлены в 34 высказываниях из 42, составляющих дискурс АП (80 %).

Это грамматическое предпочтение свидетельствует о различиях между коммуникантами: АП и АО, насколько можно судить по данной речевой характеристике, – различные лица.

Нарочитость построения текста связана и с оборотами, которые маловероятны в разговорной речи, тем более устной, например: «курение с помощью сигареты» – так обычно не говорят.

Подытоживая оба аспекта характеристики, а именно категоризацию и систематику материала, возьмем за образец рассуждение, принадлежащее М.П. Котюровой и приведенное в начале статьи. В нем особо значимо понятие динамики. А в динамичном соотнесении стереотипа и творчества уместно отметить – при его многомерности – меру доминанты. В рассмотренном материале господствует поглощение: научно-творческая установка поглощает иную, официально-стереотипную. (При том что в других случаях возможно обратное). Такое поглощение позволяет более многогранно показать суть как стереотипа, так и творчества, нежели при их обособленном представлении.

Библиографический список

Баранов А.Н**.** Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Наука; Флинта, 2009. 592 с.

Вдовиченко А.В. С возвращением, автор, но где же твой “текст” и “язык”? О вербальных данных в статике и динамике. Ч. 1 // Вопр. философии. 2018. № 6. С. 121–132.

Велиев Захид Бахшалы оглы. Лингвоюридические параметры речевой коммуникации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 120–125.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2014. 464 с.

Комарова З.И. Методология, методы, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Наука; Флинта, 2017. 820 с.

Котюрова М.П. Об эталонном научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2017. 204 с.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2017. 204 с.

Леонтьев Д.А. Слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 216–227.

Манаенко Г.Н. Когниция – языковое выражение – коммуникация // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 24–39.

Олссон Дж. Слово как улика: Практика судебных лингвистических экспертиз. М.: АСТ, 2018. 256 с.

Пацюкова О.А., Петрова Н.Е., Широкова Е.Н. Динамические явления в русском языке и русской речи. Н. Новгород: Нижегор. гос. пед. ун-т им. К. Минина, 2019. 230 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-пресс, 2005. 368 с.

Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили русского языка. М.: РГГУ, 2012. 464 с.

A.L. Faktorovich
Professor of History and Law Regulation of Mass Communication Department
Kuban State University

THE OFFICIAL STEREOTYPES AND SCIENCE CREATION IN THE EXPERTISE DISCOURSE

The peculiarities of the official stereotypes and science creation are characterized in linguistic expertise discourse. The constant standard and dynamic transformations are observed in integration. Discourse support and cognitive coordination are defined as interrelated tendencies. This approach is defined in unit of two tendencies: growing valence of integrative explanations; multidiscipline dominants. The correlations are described in difference of objects of linguistic expertise.

Key words: categorization, discourse, discourse support, official stereotype, science creation, linguistic expertise, system relations, text.

УДК 81’42:159.955

Халина Наталья Васильевна
профессор кафедры связей с общественностью и рекламы
Алтайский государственный университет
nkhalina@yandex.ru

Хребтова Татьяна Сергеевна
доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов
Алтайский государственный университет
hrebtova.tanya2016@yandex.ru

ЭПИСТЕМО-КОГНИТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС М.П. КОТЮРОВОЙ

Статья посвящена исследованию особенностей научного мышления ученого, установленных в работах профессора М.П. Котюровой. Языковая репрезентация научного знания фиксируется в эпистемо-когнитивном тезаурусе исследователя, способствующем построению научного текста.

Ключевые слова: научный стиль мышления, эпистемо-когнитивный тезаурус, терминологические понятия, научный текст, научное знание.

В основе развития современного общества лежит механизм производства знания (knowledge development), его дистрибуции (knowledge distribution) и утилизации (knowled geuse) в рамках того или иного когнитивного аспекта жизни общества, сущность которого заключается в выделении глубинной структуры познания и определения роли знания в качестве его детерминационного компонента. Начиная с середины XX в. научно-технические достижения, формы культурного выражения переживают постоянные эволюционные изменения, обусловленные изучением и трансляцией новых форм знания [Шамардин 2015].

Осознание функционального потенциала знания и методологическое осмысление феномена «механистичности производства» интеллектуального продукта изменяет статус научного знания и формы его языковой репрезентации, что предполагает создание соответствующих эпистемологических моделей, фундирующих собственно knowledge development. К числу подобных моделей относится эпистемологическая модель познающего субъекта Марии Павловны Котюровой, в центре которой стиль мышления познающего субъекта.

Т. Лешкевич замечает, что при размещении в центре эпистемологии стиля мышления, в нее привносится культурный

© Халина Н. В., Хребтова Т. С., 2019

контекст и социально-психологическое измерение, предполагающее признание «канона моральной объективности» частью эпистемологической проблематики [Лешкевич 2001].

В список актуальных проблем современных эпистемологических исследований М.П. Котюрова и ее последователи вносят проблемы интеллектуальной коммуникации исследователей и их научных концепций, эпистемической институционализации науки, «сужденческой» эпистемологии и методологии.

Доктор наук, профессор Мария Павловна Котюрова является одним из ярких представителей пермской лингвистической школы. Долгое время исследователь занимается функциональной лингвистикой, стилистикой, когнитивистикой и эпистемологией, уделяя особое внимание изучению особенностей научного текста.

Общий подход к научному тексту, разрабатываемый М.П. Котюровой, основывается на синтезе когнитивного, дискурсивного и стилистического подходов. М.П. Котюрова и ее коллеги создают интеграционную методологическую схему, в конечном счете, интегрирующую романогерманский и англосаксонский варианты рассмотрения текста вообще и экстраполирующую результаты методологического синтеза на научный текст. В итоге научный текст предстает в качестве: а) автономной реальности, б) особой формы знания о внешней ему действительности.

Опора на соссюрианскую лингвистику позволяет М.П. Котюровой и ее последователям обозначить научный текст как искомую совокупность кодов, включая когнитивный, в соответствии с которым организуется знаковое многообразие культуры научного дискурса, или научной культуры. Подход к научному тексту школы М.П. Котюровой создает основания для рассмотрения его как языкового выражения онтологически осмысленного опыта, атрибутивного существования жизненного мира исследователя.

В качестве оптимального варианта анализа современного научного текста предлагается когнитивно-дискурсивно-стилистический подход, валидность которого обосновывается возможностью сочетания «квантов смысла» когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа и функциональной стилистики [Халина 2018]. «Совершенно необходимыми в пределах поставленной задачи „квантами“ мысли мы считаем такие, как: ‘мыслительная способность субъекта познавательной деятельности’ (автора и адресата); ‘наличие других текстов на одну и ту же тему’ (включение автора и читателя в дискурсивную сторону текста); ‘содержанием научного текста является научное знание в динамике его формирования’ – знание,

зафиксированное средствами языковой системы в соответствии с функционально-стилевой спецификой (выражение экстралингвистической коммуникативно-познавательной деятельности)» [Котюрова, Соловьева 2017: 30].

Развивая идею о принципиально новом подходе к анализу смысловой структуры научного текста, М.П. Котюрова создает и использует особый тезаурус, набор терминологических понятий, раскрывающих функционирование текстовых категорий в процессе развития научного стиля, а также проявление индивидуального стиля мышления ученого.

М.П. Котюрова выделяет следующие подходы к изучению научной речи: синергетический (психосинергетический), комплексный (транс-дисциплинарный), функционально-стилистический, деятельностный, дискурсивно-стилистический, категориальный [Котюрова 2012]. Исходя из этого, анализ научного текста предполагает выделение терминологических единиц на каждом из уровней, которые раскрывают стиль ученого, с их помощью создающего научный текст.

Как отмечает М.П. Котюрова, пониманию научного текста может способствовать учет стиля мышления ученого [Котюрова 2010: 211]. Исследователь указывает на методическую сложность анализа индивидуального стиля, что вынуждает ее обратиться к комплексному интуитивному «мягкому» методу, включающему читательское наблюдение, мысленный эксперимент по замене языковых единиц, мысленное обобщение и, на выходе, иллюстративную репрезентацию [Котюрова 2010: 215]. Все эти методологические элементы помогают обнаружить особый образ мышления ученого, предлагаемого М.П. Котюровой и построенного с помощью определенного набора терминологических понятий, репрезентирующих эпистемические ситуации.

В своих исследованиях профессор М.П. Котюрова отмечает, что единство аспектов содержания научного текста закреплено терминологически как эпистемическая ситуация. Эпистемическая ситуация – это единица содержания, понимаемого автором как научное знание, охватывающее информацию о предмете, методе получения этой информации, ценностной ориентации автора [Котюрова, Баженова 2008]. В современном науковедении, а вслед за тем и в функциональной стилистике, новое знание понимается в единстве объективного и субъективного. Новое научное знание М.П. Котюрова соотносит с эпистемическим знанием, тип редактирования текста при этом становится эпистемическим [Котюрова 2005: 163].

Эпистемическая ситуация содержит в себе когнитивный компонент описания стиля мышления ученого. Все это создает эпистемо-когнитивный тезаурус научного знания, позволяющий выстраивать научные тексты. Эпистемо-когнитивный тезаурус представляет собой набор терминологических понятий, репрезентирующих когнитивный стиль писателя. Исследуя работы М.П. Котюровой, выделяем 20 основных терминологических понятий, разрабатываемых исследователем: речевые погрешности; дискретность мысли – линейность речи; прерывистость мысли и связность речи; монолитность содержания и актуализация; интенциональная стилистика; целостно-композиционное мышление; персональный познавательный стиль; индивидуальность творческого ума; индивидуальный стиль изложения; научное знание; эпистемическое знание; категория определенности; категория неопределенности; амбивалентная языковая личность; функционально-семантическая целостность текста; идиостилистика; объективное; субъективное; лексическая сочетаемость; лексико-синтаксическая сочетаемость.

Все эти понятия формируют особый тезаурус научного знания, необходимый для создания научного текста. Ориентируясь на данные двадцать понятий, представляется возможным выстроить когнитивную карту научного мышления ученого, двигаясь по которой, раскрываешь особенности научного текста. В этом случае берем за основу предложенное С.А. Осокиной понятие тезауруса как когнитивной системы знаний в голове человека [Осокина 2015], что согласуется с эпистемологической моделью познающего субъекта М.П. Котюровой и позволяет создать когнитивную карту мышления М.П. Котюровой.

Эпистемно-когнитивный тезаурус М.П. Котюровой представляет собой набор терминологических понятий, определяющих стиль мышления ученого, представленный автором. Он характеризуется четкостью и точностью. Оперируя эпистемо-когнитивным тезаурусом, можно построить текстовое пространство научного содержания, формулируя научный текст определенно заданным образом. В этом случае текст будет содержать следующие компоненты: связность, монолитность содержания, лексико-синтаксическую сочетаемость, целостно-композиционное мышление, интенциональность, речевые погрешности и др. Таким образом, научное мышление ученого, представленное в работах М.П. Котюровой, являет собой фиксацию когнитивного знания в аспекте функциональной стилистики научного текста.

Библиографический список

Шамардин Н.Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право, 2015. № 14 (211). Выпуск 33. С.185–192.

Лешкевич Т. Философия науки: традиции и новации. М.: Издательство ПРИОР, 2001. 428 с.

Халина Н.В. Modern Scientific Text: научный текст как презентация результатов научного поиска в современном обществе знания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2018. Т. 10, вып. 2. С. 127–132.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь, 2017. 204 с.

Котюрова М.П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 240 с.

Котюрова М.П. «Мягкий» интерпретативный анализ научного текста в свете речевой индивидуальности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2010. Вып. 5 (11). С. 211–215.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи. Текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Котюрова М.П. Научный текст: принципы функционально-стилевого редактирования // Вопросы современной науки и практики. 2005. № 1. С. 162–166.

Осокина С.А. Тезаурус – информационная сеть культуры // Филология и искусствоведение. URL: http://cyberleninka.ru/ article/n/tezaurus-informatsionnaya-set-kultury#ixzz4IWdzO4Kp (дата обращения 31.03.2019).

N.V. Khalina
Professor of PR and Advertising Department
Altai State University

T.S. Khrebtova
Associate Professor of Foreign Languages Department
Altai State University

M.P. KOTYUROVA'S EPISTEM-COGNITIVE THESAURUS

The article describes the features of scientific thinking, developed in Professor M.P. Kotyurova's works. Language representation of scientific knowledge is recorded in the researcher's epistem-cognitive thesaurus, contributing to the construction of a scientific text.

Keywords: scientific style of thinking, epistem-cognitive thesaurus, terminological concepts, scientific text, scientific knowledge.

УДК 81’38:821.161.1

Черняк Валентина Данииловна
заведующая кафедрой русского языка
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена
vdcher@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АВТОРА И МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА)

В публицистике и художественной прозе А.И. Солженицына концепт *язык* занимает особое место. Именно в слове воплощается этическое и эстетическое кредо автора. Тревоги Солженицына по поводу обеднения русского языка и через тридцать лет после выхода «Словаря русского языкового расширения» остаются актуальными. В статье рассматривается языковая рефлексия над словом, обнаруживаемая как в авторской речи, так и в речи персонажей романа «В круге первом», и отражающая незыблемость культурных ценностей.

Ключевые слова: языковая рефлексия, речевой портрет, метаязыковая деятельность.

В многолетней и высшей степени плодотворной научной деятельности Марии Павловны Котюровой представлена целостная концепция организации текста, прежде всего научного. Тема настоящей статьи обусловлена сопряжением двух юбилейных дат – 100-летия писателя (А.И. Солженицын родился 11 декабря 2018 г.) и 80-летия замечательного представителя Пермской стилистической школы. Писателя и лингвиста объединяет не только формальная близость дат, но и безграничная любовь к родному языку, воплотившаяся, в частности, в разнообразных метаязыковых комментариях.

Творчество А.И. Солженицына в этом отношении в высшей степени показательно. В его публицистике концепт *язык* занимает особое место. Именно в слове воплощается этическое и эстетическое кредо автора. В России, по мнению Солженицына, были две причины, отдаляющие людей от «коренной струи языка». Во-первых, это безликая идеологизированная речь, во-вторых, – «нахлын» иноязычной волны. «Русский язык от потрясений XX века – болезненно покорежился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерею своих неповторимых красок и соков, своей гибкости и глубины. А с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это – и символичное, и духовно опаснейшее повреждение»

© Черняк В. Д., 2019

[Солженицын 1999: 978]. Писатель огорчался, что многие русские слова незаслуженно отброшены «по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостящему советскому обычаю» [Солженицын 1990: 3]. По словам В.А. Чалмаева, Солженицын был «своеобразным словесным нумизматом, археологом языка» [Чалмаев 1994: 234], стремящимся «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему» [Солженицын 1990: 3].

Тревоги Солженицына и через почти три десятилетия остаются актуальными. Приведем, например, высказывание В.С. Елистратова, во многом созвучное мыслям Солженицына: «Заимствования могут обогащать и усложнять (в хорошем смысле этого слова) тезаурус русского языка, что, кстати сказать, нисколько не исключает его (языка) здоровую санацию, освобождение от «лишнего», от «архаического балласта», что было осуществлено, например, пушкинско-карамзинской реформой. Но заимствования могут и однозначно упрощать и примитивизировать языковое сознание. Такие «креольские симулякры» невероятно агрессивны, «прожорливы», в них есть что-то безнадежно «онкологическое»» [Елистратов 2015: 67].

Опыт осмысления сущности языка, отраженный в целом ряде публицистических статей Солженицына, в его интервью, в «Русском словаре языкового расширения», позволяет воссоздать языковую личность писателя. Этот опыт своеобразно преломляется в отборе и интерпретации языковых средств и в его художественных текстах. Образ автора создаётся на пересечении двух тенденций – субъективной: «острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям» («Нобелевская лекция») – и объективной: «говорить за целую страну, лишённую и лишившую себя слова, то есть в каком-то смысле *быть* за всю эту страну» [Солженицын 1972]. Языковая рефлексия над словом обнаруживается как в авторской речи, так и в речи персонажей. Чрезвычайно интересным с этой точки зрения представляется роман «В круге первом».

Писателю удалось выразительно представить разные типы языковых личностей (филолога-германиста Рубина, математика Нержина, конструктора Сологдина, профессора Челнова, дворника Спиридона и многих других), которых судьба связала в шарашке, в подмосковном *Марфинском научно-исследовательском институте*. В их речевом поведении воплощаются различные стилистические пласты русского языка, реализуются различные модели коммуникации. Звучание русской речи, ставшее основным материалом работы в

шарашке, стимулирует размышления и споры о языке – заметную составляющую интеллектуальной жизни заключенных. Особенно выделяются диалоги, в которых объектом сопоставления становятся *Язык Предельной Ясности*, ориентированный на исконно русскую лексику, и заимствования *Языка Кажущейся Ясности.* Приведем несколько примеров разбросанных по всему тексту рефлексивов:

– Ты ведешь себя не как исчислитель, а как пиит. Нержин не удивился: и ***«математик», и «поэт» были заменены по известному чудачеству Сологдина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности,*** *не употребляя птичьих, то есть иностранных слов;*

Но извольте: палочки я ставлю всякий раз, когда употребляю без крайней необходимости иноземное слово в русской речи. Счет этих палочек есть мера моего несовершенства. Вот за слово ***«капитализм»*** *которое я не нашелся сразу заменить* ***«толстосумством»****, и за слово* ***«шпионить», которое я сгоряча поленился заменить словом «доглядать»*** *– я и поставил себе две палочки;*

– Это глубоко радует меня, друг мой. Твое усугубленное неверие, – ***(то, что называлось «скептицизмом» на Языке Кажущейся Ясности****), – было неизбежным на пути от... сатанинского дурмана, –* ***(он хотел сказать от «марксизма», но не знал, чем по-русски заменить****), – к свету истины;*

До сих пор находили по отпечатку пальцев. Назвали: ***дактилоскопия****, наблюдение пальцев. Она складывалась столетиями. А новую науку можно будет назвать* ***голосонаблюдение (так бы Сологдин назвал****),* ***фоноскопия****. И создать ее придется в несколько дней;*

Ничто и никто не рождается равными, придумали эти дураки... ***всезнайки****. –* ***(Надо было догадаться: энциклопедисты)****.*

Разнообразные языковые игры (в том числе игры с внутренней формой слова, актуализация народной этимологии), являлись для заключенных неотторгаемым пространством свободы:

– Мудрая этимология в самом слове запечатлела преходящность и нереальность понятия. Слово «счастье» происходит от ***се-часье****, то есть, этот час, это мгновение!*

– Нет, магистр, простите! Читайте Владимира Даля. ***«Счастье» происходит от со-частье****, то есть, кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни. Мудрая этимология даёт нам очень низменную трактовку счастья;*

Комиссар ***тупенко-дубенко-Дыбенко*** *послал закрыть ненужное заседание* (заметим, что для современного читателя подобные языковые

игры, особенно с учетом изменения корпуса прецедентных имен, требуют специального комментария).

Жаргонизмы, формирующие языковую среду обитания и заключенных, и тех, кто их сажал и сторожил, активно используются Солженицыным как неотъемлемая составляющая национального языка. При этом актуализируется их словообразовательный потенциал. Приведем небольшой фрагмент текста, в котором повторение однокоренных слов создает ощущение безвыходности / безысходности ситуации. Использованные жаргонизмы, актуальные для лагерной среды, становятся основой для авторского словообразования:

Около одиннадцати часов, когда Нержин, вызванный из Акустической, пришел на ***шмон****, – шестеро остальных, ехавших на свидание, были уже там. Одних* ***дошманивали****, другие были* ***прошмонены*** *и ожидали в разных телоположениях – кто грудью припавши к большому столу, кто разгуливая по комнате за чертою* ***шмона***.

Примечателен и следующий фрагмент текста: *Ему сказали, что верхняя одежда его в «****прожарке****». Слово это было новое для Иннокентия. Даже за всю войну, когда страна была испещрена* ***прожарками****, – они нигде не стали на его пути. Но бессмысленным издевательствам сегодняшней ночи была вполне под стать и* ***прожарка*** *одежды (представлялась какая-то большая адская сковорода)*. Здесь привычный для тюремщиков жаргонизм (обработка одежды от насекомых) наполняется для дипломата Иннокентия совершенно новым смыслом: внутренняя форма слова актуализирует самые мрачные ассоциации.

Метаязыковые действия участников коммуникации показывают, что собеседники представляют разные миры и, по существу, говорят на разных языках:

– Так на чем я?.. Да! Когда я вышел с Лубянки – меня просто кружило от счастья. Но где-то внутри остался, сидит маленький сторож и спрашивает: что за чудо? Как же так? Ведь никогда никого не выпускают, это мне в камере объяснили: виноват, не виноват – десять в зубы, пять ***по рогам*** *– и в лагерь.*

– Что значит – ***по рогам****?*

– Ну, ***намордник*** *пять лет.*

– А что значит – ***намордник****?*

– Боже мой, какая вы необразованная. А еще дочь прокурора. Как же вы не поинтересуетесь, чем занимается ваш папа? ***«Намордник» значит – кусаться нельзя. Лишение гражданских прав. Нельзя избирать и быть избранным***.

Большое место в романе занимает языковая рефлексия, представленная во внутренних монологах Сталина. Метаязыковые комментарии, вложенные в уста персонажа, вскрывают манипулятивные возможности языка. «Все искусство Солженицына начинается с бунта против идеологического слова, речи со встроенной в нее ложью», – писал Ж. Нива [Нива 2009: эл. ресурс]. Языковая рефлексия выступает «как часть культурного и компонент национального самосознания» и отражает незыблемость некоторых культурных ценностей [Вепрева 2005: 5].

В «Слове при получении большой ломоносовской медали РАН» писатель отмечал, что в процессе писательской работы он как бы прощупывал язык по морфемам [Солженицын 1999]. Отглагольные существительные занимают особое место в лексической организации текста романа (как, впрочем, и других произведений Солженицына). В романе «В круге первом» наиболее продуктивными являются суффикс *к-* и модели безаффиксного (бессуффиксного) словопроизводства: *нахрап и хват, догляд, огляд, скрыв, перебег, перекладки, перепрыг, переступ, пожимка губ, разграфка на клетки, намотка дел, распах комбинезона* и мн. др.

Солженицын любил особую энергию, краткость и экспрессию отглагольных существительных, обеспечивающих свертку более объемного высказывания: *Кто бы и за какое бы дело ни брался, очень скоро оказывался **в захвате**, **в защеме** придуманных, невозможных, калечащих сроков: больше! быстрее! ещё!! ещё!!! норму! сверх нормы!! три нормы!!! почётную вахту! встречное обязательство! досрочно!! ещё досрочное!!!; Иннокентий следовал небольшими **переступами** и, кажется, избегал смотреть вниз; У Сологдина за спиною мглилась многолетняя подавленность, многолетний **скрыв**; Даже веря, что в каждом живом творении есть что-то хорошее, трудно было отыскать это хорошее в его чугунном никогда не смеющемся взгляде, в безрадостной нескладной **пожимке** толстых губ.*

Анализ лексической организации романа «В круге первом» убеждает в том, что метаязыковая деятельность писателя, его размышления над словом, собственно авторские или вложенные в уста персонажей, организуют всё текстовое пространство. Лексические единицы, формирующие текстовое лексико-семантическое поле «язык / речь», хотя далеко не всегда связаны с развертыванием основных сюжетных линий, безусловно, являются текстовыми доминантами. Создав выразительные образы разных по образованию, возрасту, социальному статусу языковых личностей, продемонстрировав четкую корреляцию метаязыковой рефлексии в публицистике и в

художественной прозе, А.И. Солженицын оставил читателю прежде всего свой неординарный речевой портрет, соотносимый по определенным параметрам с речевыми портретами героев романа.

Библиографический список

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005. 384 с.

Елистратов В.С. О «креолизации» русской языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3(25). С. 163–167.

Нива Ж. О двух подвигах Солженицына // Звезда. 2009. № 6. http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/6/ni14-pr.html (дата обращения 04.04.2019).

Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. Объяснение // Русская речь. 1990. № 3. 162 с.

Солженицын А.И. Нобелевская лекция по литературе (1972) // https:/ philologist.livejournal.com/8916776.html (дата обращения 04.04.2019).

Солженицын А.И. Слово при получении большой ломоносовской медали РАН // Вестник Российской академии наук. Т. 69. 1999. № 11. С. 976–980.

Чалмаев В.А. А. Солженицын: Жизнь и творчество. М., 1994. 285 с.

V.D. Chernyak
Head of Russian Language Department
Herzen Russian State Pedagogical University

A VERBAL PORTRAIT OF THE AUTHOR AND METALINGUISTIC ACTIVITIES OF CHARACTERS (A STUDY IN THE WORKS BY ALEXANDER SOLZHENITSYN)

In Alexander Solzhenitsyn's essays and prose a special part is played by the concept of *language.* It is the Word that is a reflection of the author's ethical and aesthetical viewpoint. Solzhenitsyn's anxieties about impoverishment of the Russian language are still relevant – three decades after the *Dictionary of the Russian Linguistic Extension* was first published. The article deals with the linguistic introspection found both in the author's text and in the speech of the characters in *The First Circle*, which shows the inviolability of cultural values.

Key words: linguistic introspection, verbal portrait, metalinguistic activities.

УДК 81’38:262.14

Шалина Ирина Владимировна
профессор кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
irina_shalina@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СВЯЩЕННИКА

В статье в контексте национального речевого идеала рассматривается стилистический облик храмовой и миссионерской речи современного священника. Показано, что взаимодействие стилистических векторов книжности и разговорности приводит к стилистической полифонии церковной речи. Разговорный облик выступлений на церковную тему обусловлен социально-психологическими потребностями аудитории. Ставится вопрос об индивидуальном стиле мышления священника, находящем воплощение в его текстах.

Ключевые слова: русский речевой идеал, храмовая речь священника, вектор книжности, вектор разговорности, индивидуальный стиль мышления священника

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Осмысление истоков отечественной речевой культурной традиции служит основанием для описания национального речевого идеала как ментально ценностного конструкта, фокусирующего обобщенные, устойчивые представления о том, что является в речевом общении значимым, правильным, желанным, хорошим. Характеризуясь временнóй изменчивостью, речевой идеал может воплощать как «вечные» ценности, так и конкретно-исторические.

Исследование русского речевого идеала [см.: Шалина 2018] показало, что в нем «амальгамируются» ценностные доминанты разных словесно-мыслительных культур: античной (сократо-платоновской) и ее наследницы – византийской (восточнохристианской) культуры, а также культуры древнерусской (народной, общинной). Вместе с тем современный речевой идеал подвергается инокультурным влияниям: коммуникативные практики наших соотечественников, живущих в условиях мировоззренческой неопределенности и множественности моральных истин как следствия противоречивости современной реальной жизни, ориентированы на идеи индивидуалистической (эгоцентрической) культуры. В контексте сказанного выявление средств

© Шалина И. В., 2019

и способов «оптимизации речевого общения, повышения его эффективности, результативности <…> в рамках сложившегося в данной национальной культуре риторического идеала» [Кожина 2000: 25–26] получает особую значимость. Сказанное касается и православной концепции речевого идеала.

Современные православные священники поставлены служением в непростые обстоятельства: будучи гомилетами, «ловцами человеков» [Мф 4: 19], они несут воцерковленным и невоцерковленным людям установки церковной жизни и представления о христианских ценностях. По мысли Ю.В. Рождественского, храмовая проповедь предстает как «основа русского миросозерцания до сих пор», а современный проповедник выступает как просветитель, «учитель грамоты» [Рождественский 1997: 208]. Речь «приходского златоуста» опирается, прежде всего, на языковые средства, значение и функциональная специфика которых определяют стилевую специфику религиозных текстов; образно говоря, она «должна быть позолочена, как и все в храме» [Кураев: эл. ресурс]. Приведем в качестве примера фрагмент проповеди протоиерея Артемия Владимирова: <…> *небо нам отверсто Крестом, и Спаситель взмыл на Кресте, как белый лебедь, освятив вознесением на Крест и небо, и землю. Крест – вертикаль, указующая на царство вечного света, правды и любви. Крест есть победа, победившая мир. Мы, православные, сильны нашей крестной верой и связаны все одной нитью добра и любви… Поэтому, лобызая Крест в течение Крестопоклонной седмицы, будем восходить от Пасхи Крестной к Пасхе Светлой, от печали о грехах – к радости о Воскресшем Христе, животворящем нас Своею благодатью.* Характерный для текстов религиозного стиля конструктивно-стилевой вектор книжности [см.: Костомаров 2005] формируется в речи священника с помощью церковно-религиозных лексических единиц (*вознесение, седмица, животворящий*); специализированных устойчивых словосочетаний (*Пасха Крестная, Воскресший Христос*); устаревших грамматических форм, характеризующихся стилистической отмеченностью и воссоздающих специфический (инверсионный) синтаксический рисунок (*небо нам отверсто Крестом; Пасха Светлая*); лексикой, формирующей архаическую, возвышенную тональность (*лобызая, благодать, отверсто, указующий*), называющей положительные и отрицательные эмоции и чувства (*свет, радость, печаль*). Образное впечатление от речи создается колористической лексикой (*белый, светлый*), эпитетами (*крестная вера, вечный свет*), метафорой (*нить добра и любви*), сравнением (*взмыл, как белый лебедь*), антитезой (*от печали о грехах – к радости о Воскресшем Христе*),

однородными рядами и повторами, выполняющими функцию интенсификации эмоционального состояния (*царство вечного света, правды и любви; победа, победившая мир*). Двоемирие как ведущая идея религиозного стиля [см.: Купина, Матвеева 2013] воплощается прямыми номинациями *небо* и *земля*. Таким образом, выбор книжных языковых средств, образных средств отражает пафос классической проповеди.

Однако стиль амвонной проповеди вне храмовой среды воспринимается многими светскими и близкими к церкви людьми как неестественный, а порой и неуместный. Велеречивая стилистика того же прот. Артемия Владимирова, известного блогера и яркой медиаперсоны, оценивается в духе *елейного православия*. Ср., например, высказывания, извлеченные с форума «Правмир», о проповедях о. Артемия: *Кому-то он нравится, но лично мне его красивые кружевные рассуждения не ложатся на сердце; православная патока*.

Речевой идеал (в проекции на адресата – коммуникативный идеал) включает в себя «нормы вербальной и невербальной коммуникации, коммуникативные категории, жанры, речевые и функционально-речевые стили» [Дементьев 2013: 132]. Коммуникативная установка на искренность, простоту и естественность речи востребована сегодня среди православных. Приведем соответствующую подборку высказываний: *Главное быть естественным, открытым и искренним, не испугать и не задать тон мудрености; Важно, чтобы человек был самим собой и позволял бы мне быть самой собой; Очень важна была бы непринужденность и отсутствие натянутости, напыщенности. Простота без фамильярности – будто давно знакомы; Не знаю, как другие, а за себя скажу: если человек меня не поучает, а просто разговаривает со мной, то я обязательно что-нибудь беру для себя из его мнения. Даже если не согласен с ним*[1].

Становится актуальной проблема поиска адекватного языка для разговора на «тончайшие» темы. Священниками осознается роль «коммуникатора-переводчика» евангельских событий на язык, доступный и понятый современным людям. Например, архимандрит Савва (Мажуко) формулирует востребованность обозначенной ролевой позиции так: «…нормальным современным русским языком проговорить те опыты, которые составляют самую суть христианской жизни. Если хотите, это работа переводчика со средневекового церковного на современный язык… Как говорят проповедь в обычной церкви? Теми словами и интонациями, которыми нормальные люди не говорят: «Так давайте же и мы последуем подвигу мучеников Галактиона и Епистимии, оставим все и возблагодарим…» – мы же так не разговариваем! Сегодня это звучит очень фальшиво! А если

интонация фальшивая, значит, и содержание этой речи, как бы прекрасна и правдива она ни была, вызовет у человека с тонким чутьем отторжение, потому что люди не терпят вранья! Особенно люди молодые к этому чувствительны. Они видят на амвоне странно одетого мужчину, который несет пафосную чушь. И не верят. И так и воспринимают священника – как дурилку картонную» [Мажуко: эл. ресурс].

Наблюдения над современной религиозной коммуникацией позволяют обратить внимание на показательные в отношении сказанного речевые практики известного православного публициста, талантливого проповедника-миссионера, священника Андрея Ткачева. Его «живую», «брутальную» риторику значительная часть церковной аудитории ценит за *припечатывающую, жестокую правду*. Представители светского мира видят в нем *церковного жириновского*.

Храмовые и миссионерские речи о. Андрея характеризуются стилистической полифонией: их динамичность, убедительность и обличительный характер формируются соединением черт книжности и разговорности, при этом доля разноуровневых разговорных единиц увеличивается. Ср.: *О чем нужно говорить вам («нам» – …мне …вам)? О том – чтобы мы… ну, не развлекались умом на молитве; о том – чтобы мы в конце концов прекратили болтать друг с другом – хотя бы в храме, хотя бы в церкви… вот с Чашей выходишь… говоришь: «Сие есть – Истинное Тело, сие есть – Истинная Кровь»; нет, стоит какая-то кумушка, «трепется» языком, потому что она думает, раз она стоит возле стенки, то ее не видно и болтовня ее никому не мешает. Дело не в том – мешаешь ты или не мешаешь, дело в том – что ты не понимаешь, где находишься. Это все равно, что к царю пришел, к царю спиной повернулся и разговариваешь со своей товаркой о том, по сколько продаются яблоки в магазине. Это – просто безобразие!..*

Осмысляя высокую духовность предмета речи и большую ответственность духовного лица перед Богом и паствой, священник обозначает *дилемму*: *не говорить про это – нельзя, а говорить про это – сложно*. Ср.: *Это все равно, что пойти сегодня в садик и рассказывать сегодня детям в садике, например, смысл романа Шолохова «Тихий Дон»… Дети бы слушали нас, конечно, внимательно – но они бы ничего не поняли, и мы бы чувствовали себя в странном положении. Мы сегодня вынуждены говорить с людьми об очень высоких предметах, до которых все мы (и пастыри – в том числе) просто преступно не дотягиваем*.

Рассмотрим вопрос о существовании индивидуального стиля мышления священника. Как и индивидуальный стиль мышления

ученого, он «репрезентируется в тексте единицами разных языковых уровней, эксплицируется специальными или функционально ориентированными единицами» [Котюрова 2011: 180]. Яркая примета идиостиля о. Андрея – погружение предмета речи в профанный контекст: подобно юродивому, он опрокидывает то, что одобряется, возводится в норму секуляризованным обществом, обнажая более глубинную систему ценностей. Еще одна примета идиостиля – его метафоричность. Вот, например, его публичная реакция на сообщение в СМИ о сексуальных утехах двух «парочек» – на пирамиде Хеопса и на улице Риги: *Люди по своей глупости* [стучит по столу рукой – *И. Ш.*] – *сиди, я сам открою – считают, что признаки страшных дней – они электронные. Если вы верующий, то вы наверняка знаете эту пенную риторику про всякие коды, штрих-коды. Скажу вам в слухи ваши простую мысль. Я сознательно говорю вам это, чтобы вы перешифровали свои мозги, заплесневелые, забетонированные мозги. Вначале должен проехать каток разврата, свободный, наглый, дерзкий. Если эта шваль умножится и размножится, а мы с вами будем дебильно-толерантными, чтобы даже не гаркнуть в их сторону: «Вы что, с ума сошли?!». А у нас толерантная наша морда закаменеет, чтобы хоть что-нибудь правильно сказать… Люди блудят, как кошки и собаки, как мухи на подоконнике спариваются, как заразы, на всякий случай, на всяком месте, на всякий час. Кошки так не блудят, как блудят паразитки-бабы. Псы так не грешат, не нюхают так нагло друг друга под хвостом, как нюхают друг друга мужики и бабы, сошедшие с ума. Там русская развратница с немецким идиотом. Не хочется им в номере блудить им хочется на пирамиде или под Домским собором встать буквой «зю» и совершить известные действия. Вот вам Антихрист. Разврат есть Антихрист! Остальное все чепуха.*

Пафос негодования (люди хуже животных), обличение греха блуда обусловливает нагнетание просторечно-разговорной (*блудить, морда, паразитка-баба, шваль, зараза*) и эмоционально-оценочной (*идиот, развратница, глупость*) лексики; использование переносных словоупотреблений (*заплесневелые, забетонированные мозги; дебильно-толерантные*), сравнений (*блудят, как кошки и собаки*). Коннотации презрения, отвращения наводятся словосочетаниями *встать буквой «зю», нюхать друг друга*. Обращают на себя внимание сочетание окказионального характера: *скажу вам в слухи ваши*; «чеканность» экспрессивно-разговорного синтаксиса (*Вот вам Антихрист! Разврат есть Антихрист!*).

О. Андрею свойственно юродство, которое в психологическом и речевом плане характеризуется как «истовость, безбоязненная правда,

пророчество… афористическая и аллегорическая речь, аффективное состояние…» [Львов 2004: 23]. Например: *Надо понимать, что мы живем в сумасшедшее время. Неконтролируемо растет потребление товаров. Потребитель хочет жрать с утра до вечера и меньше работать, и не трогайте его, потому что он такой великий, и не делайте ему замечаний. Вот портрет современного человека. Долго ли это будет продолжаться? Грянет гром, и всему придет конец. Люди начнут есть трупы, которые будут лежать вокруг на улицах, причем сырые, не жаренные. Такое уже было в истории.*

В заключение подчеркнем, что историческая изменчивость хорошей речи, соответствие требованиям своего времени – это ее существенный фактор, поэтому «…необходимо считаться с изменением стиля жизни и стиля речи» [Рождественский 1997: 196]. Расширение границ речевой свободы, усиление личностного, креативного начала проявляется в изменении стилевого облика храмовой и миссионерской проповеди. Индивидуальный стиль мышления священника позволяет поставить вопрос о речевых технологиях коммуникативно-прагматического воздействия на разные типы аудитории.

Примечания

[1] Высказывания извлечены с форума «Православие и мир».

Библиографический список

Библия: Современный русский перевод. М.: Рос. Библейское о-во, 2011. 1408 с.

Владимиров А. URL: https://www.hramks.ru/Propov_text/prop550b29e56e29c.php (дата обращения 1.04.2019).

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: ГлобалКом, 2013. 336 с.

Кожина М.Н. Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 3–32.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. 415 с.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

Котюрова М.П. Роль сочинительных рядов в научном тексте в плане речевой индивидуальности ученого // Вестник КемГУ. № 4 (48), 2011. С. 180–183.

Кураев А. URL: https://www.rumagic.com/ru_zar/_sci religion/kuraev/9/j26.html (дата обращения 3.03.2019).

Львов М.Р. Риторика. Культура речи. М.: Изд. центр, 2004. 272 с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 600 с.

Ткачев А. URL: https://www. andreytkachev.com/nedelya-svyatitelya-grigoriya-palamy-propoved (дата обращения 24.03.2019).

Шалина И.В. Культурные истоки русского общения: речевой идеал // Русское повседневное общение: прагматика, культурология: монография / И.Н. Борисова, С.Ю. Данилов, Т.В. Матвеева, Н.Н. Розанова, И.В. Шалина; под науч. ред. проф. И.Н. Борисовой. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2018. С. 119–155.

I.V. Shalina
Professor of Russian language, General Linguistics
and Speech Communication Department
Ural Federal University

A MODERN PRIEST'S SPEECH IN ITS STYLISTIC IMAGE

The article considers the stylistic image of a modern priest's temple and missionary speeches in the context of the national speech ideal. The interaction of the stylistic vectors of bookishness and colloquialism is shown to be a reason of the stylistic polyphony within church speech. The colloquial colouring of speeches on church topics is determined by the social and psychological needs of the audience. The question is set about the individual style of the priest's thinking as embodied in his texts.

Key words: Russian speech ideal, a priest's temple speech, vector of bookishness, vector of colloquialism, individual style of the priest's thinking

УДК 81'38; 81'42

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
m555a@yandex.ru

КАК ОТВЕТИТЬ ГРАЖДАНИНУ? (ДОМИНИРУЮЩИЕ СУБПОЛЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ПИСЬМАХ-ОТВЕТАХ ВЛАСТИ НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН)

В статье дается характеристика функционально-семантического поля тональности в деловом эпистолярном тексте. Делается вывод о том, что тональность официального письма-ответа образуют микросубполя констатации и рекомендации / совета. Официальный характер текста дополняет сдержанная эмоциональность, которая создается отдельными вводными словами с семантикой чувства и этикетными формулами. Утверждается, что тональная окраска письма-ответа обусловлена юридическим статусом этого документа, а также статусно-ролевыми отношениями участников общения – должностного лица и гражданина.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстовая категория тональности, констатация, интенсивность, эмоциональность, деловая переписка.

Автор «Краткого руководства к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу» от 1835 г. главными свойствами служебного слога считает «приличный каждому акту тон» и «нужную в разных случаях силу» [Магницкий 1835: 19–20]. Иными словами, при составлении деловой бумаги важно знать, что каждый документ характеризуется своим особым тоном и силой выраженного в нем волеизъявления, а следовательно, будучи «относительно устойчивой формой… социокультурной… деятельности» [Салимовский 2002: 31], объективированной в соответствующей модели текста (жанре), обладает специфичной тональностью. Материалом нашего исследования являются жанры письменного дискурса исполнительной власти, среди которых в зависимости от ведущей авторской интенции выделяются три группы текстов: предписательные, информационно-справочные и эпистолярные. Цель данной статьи – характеристика жанровой тональности эпистолярного текста, в частности официального письма-ответа на обращение гражданина в органы власти.

Тональность в лингвистических работах определяют по-разному, что обусловливается исследовательским направлением и конкретным

© Ширинкина М. А., 2019

аспектом ее изучения [Hallidey 1978, Багдасарян 2000, Карасик 2009 и др.]. Вслед за Т.В. Матвеевой мы понимаем под тональностью текстовую категорию, в которой находит отражение «эмоционально-волевая установка автора текста, его психологическая позиция по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева 2014: 692]. Тональность имеет полевую структуру, включающую субполя *волеизъявления*, *интенсивности* и *эмоциональности*. Каждое из них, реализуясь языковыми средствами разных уровней, может далее члениться на более частные функционально-семантические сегменты – микросубполя. В частности, субполе волеизъявления, как наиболее значимое для деловой сферы, в документных текстах представлено целым рядом более частных микросубполей (далее – микроСП) с конкретизированной семантикой: обязывания, дозволения, запрета, констатации / установления, рекомендации / совета.

Продемонстрируем, как проявляется каждое из полей в деловом жанре письма-ответа власти на обращение гражданина и сделаем вывод о жанровой тональной доминанте этого документа. Прежде всего отметим, что, в отличие от директивных документов, в деловых письмах отсутствуют микросубполя обязывания, дозволения и запрета (см. об этом в: [Ширинкина 2017]), при этом наблюдаются микросубполя *констатации / установления* и *рекомендации / совета*. Приведем примеры употребления последних и опишем языковые средства их экспликации.

МикроСП *констатации / установления.* Подчеркнем, что в деловых письмах указанное микросубполе реализуется только семантическим вариантом констатации, поскольку целью составителя письма оказывается не установление того или иного правила поведения в статусе закона, а ссылка на нормативные акты либо утверждение, фиксация факта. В деловой переписке ведущими грамматическими показателями констатации оказываются глагол-перформатив *сообщать* в форме настоящего времени ед. или мн. числа, а также личные формы настоящего времени глаголов несовершенного вида и прошедшего времени глаголов или причастий совершенного вида: *Рассмотрев Ваше обращение об уборке снега в микрорайоне Крольчатник,* ***сообщаем****; В настоящее время данные трубопроводы* ***обслуживает*** *МУ «…», выявляемые аварийные ситуации* ***устраняются*** *в нормативные сроки; Указанная Вами в обращении информация* ***доведена*** *до перевозчиков, обслуживающих маршрут… Перевозчики* ***обязались*** *провести разъяснительные беседы с водительским составом о недопустимости курения на рабочем месте.*

Периферийным средством констатации считаем предложно-падежные конструкции, употребленные в тематическом заголовке письма: *О содержании дорог, О предоставлении места в детском учреждении.*

МикроСП *рекомендации / совета.* Лексическими маркерами реализации этого микрополя являются глаголы с соответствующей семантикой (*рекомендовать* и *предлагать*), грамматическими – сочетания личных форм этих глаголов и модального слова *необходимо* с инфинитивами глаголов, называющих действия, которые и предлагается осуществить адресату текста: ***Предлагаю*** *Вам, как собственнику жилого дома,* ***выступить*** *с инициативой созыва внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме для решения интересующего Вас вопроса..; По поводу незаконно захваченной территории Вам* ***необходимо обратиться*** *в инспекцию по контролю за использованием администрации Дзержинского района.*

Рекомендация появляется в тексте письма в том случае, когда решение проблемы гражданина не входит в полномочия органа власти и должностное лицо предлагает альтернативный вариант решения проблемы. Представляется, что лингвистическими показателями рекомендации / совета также можно считать вводное предложение или вводную конструкцию с семантикой дополнительности, необязательности (*Дополнительно сообщаем, что..; Кроме того..; Помимо того…*) и сочетания модальных слов с инфинитивами глаголов, называющих возможные рекомендуемые действия (*вправе+инфинитив*, *мочь+инфинитив, иметь право+инфинитив*), в основной части предложения, например: ***Дополнительно сообщаем****, что в случае оказания услуг ненадлежащего качества либо отказа в перерасчете платы за коммунальные услуги вы* ***вправе обратиться*** *в Инспекцию вневедомственного контроля по Пермскому краю (ул. Попова, 11); Через органы социальной защиты населения (пос. Новые Ляды, ул. Транспортная, 2, тел. 295-85-75, г. Пермь, ул. Куйбышева, 68, тел. 244-30-90) Вы* ***можете оформить*** *субсидию или компенсацию расходов на оплату жилого помещения и коммунальные услуги.* Как видно из последнего примера, предлагая гражданину возможный вариант решения проблемы, составитель документа указывает точные координаты подразделения органов власти или учреждения, которое может реализовать альтернативное право гражданина.

Следующий компонент тональности – СП *интенсивности* – отражает низкую, по сравнению с предписательными документами, степень категоричности волеизъявления. В частности, употребление глагола-перформатива *сообщаю / ем* в форме настоящего времени, с

одной стороны, свидетельствует о более спокойной констатации, чем в предписательных документах, с другой – подчеркивает официальный характер письма (ср.: в личной переписке никогда не пишут *сообщаю*, сразу переходят к описанию событий).

Лексическим средством, реализующим семантику интенсивности, оказываются нередко употребляемые в письмах-ответах слова-интенсивы: *С целью **уточнения** и дальнейшей **проработки** вопроса по **улучшению** организации дорожного движения прошу направлять свои предложения в адрес департамента дорог и транспорта администрации города Перми.*

Еще одна составляющая тональности в тексте – СП *эмоциональности*. Анализируя обращения граждан в органы власти, замечаешь большое количество языковых единиц, выражающих эмоции. Граждане эмоционально описывают проблему, чтобы привлечь к ней внимание чиновников, экспрессивно оценивают деятельность организаций и должностных лиц, используя при этом слова с семантикой оценки, междометия, риторические вопросы и др. Казалось бы, естественно ожидать в ответных письмах чиновников хоть какой-то эмоциональный отклик. Однако, как правило, ответ должностного лица выдержан в официальном тоне, который формируется за счет употребления разнообразных грамматических и лексико-грамматических средств книжности: причастных и деепричастных оборотов, отыменных предлогов, абстрактных существительных.

При этом некоторые сдержанные эмоции все-таки находят отражение в тексте официального письма-ответа, особенно в том случае, когда чиновнику приходится констатировать отказ: *Обустройство СНО на объектах: ул. 1-я, 2-я, 3-я Казанцевские.., – в 2012 г., **к сожалению**, не запланировано. Однако администрация города Перми рассмотрит возможность включения указанных улиц в Программу при планировании работ на 2013–2014 гг.* Как видно в примере, посредством вводного слова с семантикой чувства не только смягчается отказ и констатация невозможности решить проблему гражданина, но и – далее, в следующем предложении – дается обещание вернуться к решению этой проблемы в следующем году. Для смягчения отказа используются и другие языковые средства: *Отвод канавы (изменение рельефа) в луга **не представляется возможным**, т.к. территория лугов ограждена и является частной собственностью.*

Экспликацией авторского отношения к проблеме гражданина можно считать вводное слово *действительно*, с помощью которого составитель письма выражает уверенность в том, о чем сообщает, признает истинность утверждения или мнения гражданина и

подтверждает, признает правильность сказанного ранее: *В МУЗ «ГП № 12», **действительно**, имеется низкая укомплектованность врачами-специалистами: отоларингологом и эндокринологом.*

Примечательно, что в отдельных письмах появляются этикетные формулы благодарности или извинения, которые, по нашему мнению, тоже входят в ядро СП *эмоциональности*: ***Благодарим** за неравнодушное отношение к городским лесам города Перми; Администрация «МУЗ «ГП № 2» **приносит** Вам свои **извинения** за доставленные неудобства.* Несмотря на свою очевидную стандартизованность, эти выражения нечасто употребляются составителями служебной переписки, именно поэтому мы квалифицируем их как «островки» эмоциональности в «океане» стандартной, холодно-нейтральной деловой речи.

Эмоциональность создается и за счет синтаксических средств. В текстах официальных ответов часто используются однотипно построенные, следующие друг за другом синтаксические конструкции: *Установка бортового камня, разделяющего трамвайные пути и проезжую часть, замена ограждений на подходах и на мостовом сооружении вдоль трамвайных путей **не предусматривалась**. На сегодняшний день ограждения находятся в нормативном состоянии, замены **не требуют**. Установка новых ограждений с заменой типа конструкций, а также установка бортового камня вдоль трамвайных путей управлением внешнего благоустройства администрации города Перми **не планируется.*** Во всех этих предложениях фразовое ударение падает на сказуемое, которое намеренно вынесено составителем текста в конец предложения. С помощью такого ряда предложений фиксируются отдельные детали проблемы и реконструируется последовательность действий и выводов представителей власти.

Таким образом, генеральную тональность официальных ответов власти на обращения граждан можно определить как сочетание официальной констатации фактов с оттенками рекомендации / совета, сопровождаемое некоторыми вкраплениями эмоциональности, создаваемыми типизированными конструкциями и этикетными формулами деловой речи, призванными смягчить неприятное впечатление от невозможности решить проблему.

Ассортимент микросубполей волеизъявления, представленных в деловой переписке, детерминирован юридическим статусом последней: деловые письма не являются нормативными правовыми актами, следовательно, не обязательны для исполнения адресатом, а используются для передачи информации, сообщения сведений. Наряду с этим, на тональность текста письма оказывают влияние отношения и статусные характеристики коммуникантов. Автор текста является

должностным лицом, уполномоченным давать официальные ответы на обращения граждан, но не уполномоченным предписывать им определенное поведение, адресат – гражданин, направивший обращение в органы власти с целью реализовать или восстановить свои нереализованные или нарушенные права и получивший официальный ответ, не обязан действовать в соответствии с этим ответом, вправе определять для себя способ дальнейшего поведения.

Библиографический список

Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 22 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009. 406 с.

Магницкий М. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М.: Типография Лазаревых Института Восточных языков, 1835. 130 с.

Матвеева Т.В. Тональность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2014. С. 692–694 [Элетронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285 (дата обращения 23.03.2019).

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. 236 с.

Ширинкина М.А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 60–68.

Halliday M. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Arnold, 1978. 256 p.

M.A. Shirinkina
Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

HOW TO RESPOND TO A CITIZEN? (DOMINANT SUB-FIELDS OF TONALITY IN THE AUTHORITIES' LETTERS OF RESPONSE TO CITIZENS' APPEALS)

The article describes the characteristics of the functional and semantic field of tonality in a official epistolary text. It concludes that the tone of the official letter of response is formed by micro sub-fields of statement and recommendation / advice. Restrained emotionality, created by some introductory words with the semantics of feeling and etiquette formulas, adds to the official character of the text. The article claims that the tonal color of the letter of response is preconditioned by the legal status of the document, as well as by the status-role relations between the participants of communication, i.e. an official and a citizen.

Keywords: text linguistics, text category tonality, statement, intensity, emotionality, official correspondence.

УДК 81.35:[398+394]

Штайн Клара Эрновна
профессор кафедры русского языка
Северо-Кавказский федеральный университет
textus2006@yandex.ru

Петренко Денис Иванович
д. филол. н., учитель русского языка и литературы
лицей № 17 г. Ставрополя
textus2006@yandex.ru

«CAUCASICA»: ЭКСКУРС В ОБЛАСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ СТРАНИЦ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (1926–1937)

В статье рассматривается антология «Caucasica: Кавказоведение. Страницы прошлого», вышедшая в 2017 г. и содержащая уникальные материалы архивного фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937) и редкие книги из библиотеки этого института, репрессированного в 1937 г.

Ключевые слова: кавказоведение, архивный фонд, лингвистическая палеонтология культуры.

В 2017 г. вышла в свет наша монография «Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение». Книга посвящена изучению лингвистической палеонтологии культуры – дисциплины, которая рассматривает возможности реконструкции древних культур по данным языков. В поле зрения авторов монографии сравнительно-историческое языкознание, метод «ученой реставрации» в отечественной филологии XIX в. (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.А. Котляревский и др.), зарубежная лингвистическая палеонтология (А. Пикте, О. Шрадер, Э.Б. Тайлор, Л. Леви-Брюль, Э. Сепир, Б. Уорф и др.); уделяется внимание палеонтологии речи в «новом учении о языке» Н.Я. Марра и его последователей И.И. Мещанинова, О.М. Фрейденберг, У.Б. Алиева. Вводятся в научный оборот данные о Северо-Кавказском горском научно-исследовательском историко-лингвистическом институте им. С.М. Кирова (1926–1937), с которым сотрудничали профессора Н.Ф. Яковлев, А.Н. Генко, М.Я. Немировский, М.К. Милых и др. Изучается новый этап в развитии лингвистической палеонтологии в России: Т.В. Гамкрелидзе,

© Штайн К. Э., Петренко Д. И., 2019

Вяч. Вс. Иванов, Ю.С. Степанов и др. – и за рубежом: Ю. Покорный, Дж. Мэллори, Д. Адамс, Г. Дойчер, Э. Фокс и др. [см.: Петренко, Штайн 2017].

Главная задача монографии – анализ короткой, но героической истории Северо-Кавказского горского научно-исследовательского историко-лингвистического института им. С.М. Кирова (1926–1937), введение в научную парадигму имен ученых и их исследований, которые проводились в сложный, но отмеченный большими достижениями в области языкознания период 1920-х – 1930-х гг. В 2017 г. мы издали большую антологию «Caucasica: Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1926–1937)» [см.: Caucasica 2017].

Архив института мы обнаружили в 1999 г. во время работы семинара «Textus: Текст как явление культуры» в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК). Позже мы нашли библиотеку института, книги которой в разрозненном виде хранились в фонде редкой книги научной библиотеки Ставропольского государственного университета. Ни архив, ни библиотека Горского института не изучались с 1937 г. – времени ликвидации института. Все его материалы были переданы в ГАСК и библиотеку Ворошиловского педагогического института (позже – Ставропольский государственный университет), так как последнее место работы Горского института – Пятигорск. Институт был создан 24 ноября 1926 г. как Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения (постановление Совета народных комиссаров РСФСР), работал во Владикавказе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, был призван решать и решал важнейшие задачи языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Архивные материалы института хранятся в Государственном архиве Ставропольского края, в фонде Р-1260 «Северо-Кавказский горский научно-исследовательский историко-лингвистический институт им. С.М. Кирова» (1926– 1937).

В 2010–2011 гг. вышла наша трехтомная антология «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ», где мы постарались показать языкотворчество русских писателей как миросозидающую деятельность на Кавказе: А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова и др. Их филологические изыскания предшествовали углубленным исследованиям ученых начала XX в.

1920-е гг. – период энтузиазма, бескорыстного служения науке и людям во всех областях строительства нового авангардного государства

СССР. Горский историко-лингвистический институт, как в зеркале, отобразил победы советской науки, в особенности лингвистики: перед ним были поставлены задачи всестороннего изучения бесписьменных языков Кавказа, создания грамматик, словарей, конечно же, алфавитов. Понятно, что эти задачи решал не только небольшой институт, но и лингвисты всей страны. В институте работали профессора Н.Ф. Яковлев, М.Я. Немировский, А.Н. Генко, Л.И. Жирков, М.К. Милых, Б.А. Алборов, У.Д. Алиев, Х.Д. Ошаев и мн. др., которые вместе с учениками А.К. Хашба, М.М. Сакиевым, У.Б. Алиевым и др. проделали огромную работу и блестяще справились с труднейшими задачами исследования, классификации многочисленных языков.

В 1920–1930-е гг. в СССР была создана письменность для более чем 50 бесписьменных языков: разработаны алфавиты, системы орфографии, грамматические нормы, определены диалектные базы литературных языков, составлены словари, в том числе и терминологические, создана художественная литература, периодика. Началось обучение родным языкам в школах, появились национальные театры. К младописьменным и новописьменным литературным языкам Кавказа относят абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский и др. Создание алфавитов велось в несколько этапов: сначала они были разработаны на основе латиницы, так как главные задачи были идеологическими и политическими – победа мировой революции и последующее слияние языков на основе всеобщего языка. Утопический характер этих задач был впоследствии осознан. В 1930-е гг. в качестве базы для создания алфавитов была определена кириллица, которой до сих пор пользуются практически все национальные языки и культуры бывшего СССР.

В 1920-е – 1930-е гг. в языкознании господствовало «новое учение о языке» Н.Я. Марра, который предполагал, что все мировые языки образовались путем скрещивания первоначального языкового субстрата (множества языков), территориально в качестве прародины языков всех народов был определен Кавказ, языки которого в начале XX в. практически не были изучены, являлись бесписьменными; эпизодически народы Северного Кавказа использовали арабский язык и так называемый «татарский» (азербайджанский). В России, осуществившей в XIX в. колонизацию Северного Кавказа, были на высочайшем подъеме наука, культура, а ученые, писатели столкнулись с фактом, подобным тому, с которым в это же время имели дело европейские и американские лингвисты и антропологи, занявшиеся изучением языков коренных

народов Америки, Африки, Австралии. Языки эти были бесписьменными, строй жизни народов, – как правило, родоплеменным, даже в начале XX в.

Было необходимо досконально изучить языки народов СССР и пути их развития. Следует отметить, что академические научно-исследовательские институты (они постоянно трансформировались), которые возглавлял Н.Я. Марр, занимались изучением практически всех мировых языков. Политика страны была направлена на скорейшее обретение бесписьменными народами грамотности, включение их в русскую и мировую культуры. Горский историко-лингвистический институт, который базировался во Владикавказе, затем в Ростове-на-Дону, Пятигорске, был включен в эту масштабную деятельность по реализации языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Понятно, почему профессора Н.Ф. Яковлев, М.Я. Немировский, А.Н. Генко и многие другие были сотрудниками Горского историко-лингвистического института, а их ученики впоследствии стали аспирантами и докторантами крупных университетов Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону.

С Горским институтом сотрудничал немецкий этнограф, лингвист-полиглот А.М. Дирр, который занимался преимущественно языками Дагестана и Чечни еще до Октябрьской революции, публиковал свои монографии в выходившем в Тифлисе «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881–1915). В монографии «Лингвистическая палеонтология культуры» мы постарались представить работу ученых института. Их труды входят в парадигму сравнительно-исторического языкознания, а конкретнее, в парадигму лингвистической палеонтологии культуры, так как именно метод лингвистической палеонтологии был использован в «новом учении о языке» Н.Я. Марра. Этот метод с определенными корректировками применялся в изучении языков народов Кавказа на основе составления протолексиконов (топикальных словарей древнейшего пласта лексики) и реконструкции материальной и духовной культуры народов по лингвистическим данным.

1920-е – 1930-е гг. в нашей стране были временем активного языкового строительства, и Н.Я. Марр был одним из энтузиастов в деле создания письменностей для бесписьменных народов СССР. В его работах отразился пафос лингвистических достижений: «Между тем труднее себе представить эпоху, которую можно было бы сравнить с протекающим на наших глазах временем по актуальности, какую представляют для жизни и язык, и история, а в связи с этим всякого рода именно увязанные с жизнью исторические и языковедные штудии, –

пишет Н.Я. Марр в работе «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» (1930). – О громадных потребностях в специалистах по изучению языка говорить не приходится. Достаточно указать, какое количество языков впервые попали и продолжают попадать в орбиту серьезного... научного исследования. Достаточно учесть, в каких, ко всякой культуре глухих, первобытных углах нашей необъятной обширной советской страны осознается небывалая потребность самостоятельного изучении своей родной речи, хотя бы, и чаще именно, бесписьменной, и с каким бесспорным неподдельным интересом и увлечением нет-нет, а все-таки открывает новый внутрирубежный вид неслыханного раньше нигде языка – кто? Специалист с классическим образованием...» [Caucasica 2016: 547].

Сделано было, бесспорно, очень многое, в том числе и Горским историко-лингвистическим институтом и его сотрудниками, занимавшимися изучением языков и созданием письменностей для народов Северного Кавказа. К сожалению, в России путь подлинных ученых, как правило, мученический, это же можно отнести и к некоторым крупным научным центрам. Уже в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова содержится провидческое предупреждение о неизбежном искоренении умов, как правило, во имя удобной посредственности. А в годы «большого террора» на службу борцов с лучшими умами страны были поставлены еще и идеология и система законов построения нового общества.

Институт был ликвидирован Постановлением Президиума Краевого исполнительного комитета от 5 сентября 1937 г. Несмотря на огромные достижения, лингвисты СССР, в том числе и те, которые работали в Горском институте, подвергались жесточайшим репрессиям. Были расстреляны в 1937 г. первый директор института У.Д. Алиев, ученик Н.Ф. Яковлева А.К. Хашба; последний директор института Х.Д. Ошаев в 1937 г. был арестован и провел 14 лет в тюрьме; в 1941 г. умер в заключении проф. А.Н. Генко; в 1950 г. был отстранен от работы, уволен со всех должностей выдающийся лингвист проф. Н.Ф. Яковлев, который не смог пережить эту травму и в течение более двадцати лет страдал от тяжелой душевной болезни. Н.Ф. Яковлев много лет возглавлял Техническую комиссию Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, занимавшегося разработкой алфавитов для бесписьменных народов СССР, разработал алфавит для кабардино-черкесского языка, создал математическую формулу алфавита в соответствии с фонологической системой этого языка. На восемь лет был выключен из жизни, заключен в тюрьму, а потом скрывался от преследований первый советский профессор на Кавказе Б.А. Алборов;

издевательствам подвергались бывший аспирант института, ученик Н.Я. Марра У.Б. Алиев, ученица Н.Я. Марра проф. О.М. Фрейденберг. Практически все, кто был связан или с институтом, или с учением Н.Я. Марра, так или иначе пострадали в ходе сталинских репрессий. Приказы о «врагах народа» спускались сверху, а их исполнители были всегда наготове. В наших книгах мы вспоминаем многих выдающихся ученых, которые в разные времена, даже в 1970-е и последующие годы, вынуждены были покидать страну, оставлять любимую работу, науку под напором репрессивных мер со стороны руководителей кафедр, вузов, министерств.

Мы уверены, что работы ученых Горского историко-лингвистического института, лингвистов 1920-х – 1930-х гг. будут для современных поколений примером умения оптимально верно решать лингвистические, исторические, филологические, антропологические, этнографические задачи огромной степени сложности, способности осознавать значимость цивилизационных тектонических процессов этногенеза и антропологии, понимать сущность тех смыслов, которые несет лингвистическая палеонтология, – возможность изучать древнейшие культуры по данным языков и их протолексиконов. Что же касается кавказоведения, то работы, помещенные в нашей антологии «Caucasica», – это научные произведения, которые составляли прежде «отсутствующую структуру» в парадигме этой науки. Возможно, в результате знакомства с исследованиями ученых-полиглотов Н.Ф. Яковлева, А.Н. Генко, М.Я. Немировского, А.М. Дирра, Л.И. Жиркова возникнет интерес не только к прагматике жизни, но и к той духовной сущности, которую хранят в себе языки, культуры, история народов России: о них надо патриотически заботиться, изучать. Исследования ученых Горского института, показывающие подлинное величие отечественной науки, должны быть поставлены в один ряд с выдающимися достижениями нашей страны.

В антологии «Caucasica» печатается только часть материалов, которые готовились нами для публикации в течение более чем десяти лет. Антология названа так же, как научный журнал А.М. Дирра, выходивший с 1924 г. в Германии, в котором печатались и исследования советских лингвистов; в этом журнале реализовывалось подлинное содружество европейских и российских ученых, занимавшихся языками Кавказа, ведь цель нашей антологии – привлечь внимание к выдающимся кавказоведам и их работам, которые проводились в тот героический период, когда надо было создавать алфавиты, письменности, литературы для бесписьменных народов для того, чтобы включить их в русскую и мировую культуры.

В первой части антологии печатаются архивные материалы ученых, работавших в Горском институте: этнографические и исторические исследования А.Н. Дьячкова-Тарасова, связанные с экскурсами в область культуры Чечни, работы Н.И. Покровского, А.Н. Генко, посвященные Кавказской войне (1817–1864). В разделе лингвокультурологии публикуются уникальные исследования о языковой политике и языковом строительстве на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг.: работы Н.Ф. Яковлева, М.Я. Немировского, А.М. Дирра, М.К. Милых, Л.П. Семенова, А.Н. Генко. Печатается уникальное исследование Н.Ф. Яковлева «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (1928), выполненное с использованием метода лингвистической палеонтологии. К нему прилагаются раритетные «Материалы для кабардинского словаря. Выпуск I. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога» (1927) Н.Ф. Яковлева. Рассказывается о судьбах ученых, работавших в Горском институте.

Во второй части антологии представлены редкие издания из фондов библиотеки Горского института: книга английского поэта и дипломата Г. Эллиса «Записки к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с описанием кавказских народов и словарей их языков» (1788), одна из первых работ о Кавказе «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии» анонимного автора (1805), исследования Ф.Ф. Торнау, К.П. Патканова, Л.П. Пасынкова, Л.П. Семенова, Г.П. Чурсина, посвященные истории и культуре народов Кавказа. В разделе языкознания публикуются исследования Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, М.Я. Немировского, Л.И. Жиркова, П.Н. Черняева, М.В. Беляева, Г.П. Сердюченко, О. Егорова, связанные с разработкой «нового учения о языке». Читателей заинтересует раздел истории письменности народов Кавказа, вопросы латинизации алфавитов, перевода их на кириллическую основу в 1920-е – 1930-е гг. – во время активного подъема культуры горских народов: исследования П.К. Услара, Л.П. Загурского, У.Д. Алиева, Б.А. Алборова, Б.А. Чамозокова, А.Н. Генко, М.К. Милых, Н.Ф. Яковлева. Антология содержит биографические справки, обширную библиографию.

Антология «Caucasica» вышла небольшим тиражом, но познакомиться с ней можно на сайте научной школы «Лингвистика текста: Семантика. Синтактика. Прагматика» (textus-pro.ru). Надеемся, что исследования по разработке архива и библиотеки института будут продолжены учеными, для которых наука – это счастливая возможность приближения к истине.

Библиографический список

Caucasica: Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имен и С.М. Кирова (1926–1937): Антология / Составители К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2017. 1148 с.

Петренко Д.И., Штайн К.Э. Лингвистическая палеонтология культуры: Языкознание. Кавказоведение: Монография. Ростов-наДону: «Полиграф-Сервис», 2017. 462 с.

K.E. Shtain
Professor of Russian Language Department
North-Caucusus Federal University

D.I. Petrenko
Teacher of Russian Language and Russian Literature
Lyceum № 17, Stavropol

"CAUCASICA": THE HEROIC PAGES OF SOVIET LINGUISTICS (1926–1937)

The paper is devoted to the anthology "Caucasica: Caucasus Studies. Pages of the Past" which was published in 2017 and which contains unique materials of archival fund R-1260 of the State Archive of Stavropol Krai "The North Caucasian mountain historical and linguistic research institute of S.M. Kirov (1926–1937)" and also rare books from library of this institute which was repressed in 1937.

Key words: caucasus studies, archival fund, linguistic paleontology of culture.

УДК 81'25:81'38

Шутёмова Наталья Валерьевна
профессор кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
lingconf14@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ДИДАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

Официально-деловой перевод традиционно играет важную роль в установлении и развитии международных отношений. Одним из значимых аспектов его дидактики является формирование у студентов стилистической компетенции, которая, с одной стороны, связана с пониманием и моделированием коммуникативной ситуации, с другой – предполагает владение знаниями, умениями, навыками в области типологии функциональных стилей и стилистических ресурсов. Данный вопрос рассматривается с опорой на теорию, разрабатываемую Пермской школой функциональной стилистики, с точки зрения восприятия оригинала, а также порождения переводного текста. На примере перевода международных торговых документов освещаются принципы перевода, связанные с репрезентацией сущностных свойств исходного официально-делового текста.

Ключевые слова: международные отношения, перевод, дидактика перевода, официально-деловой текст, стилистическая компетенция.

Профессор Мария Павловна Котюрова является ярким представителем Пермской школы функциональной стилистики, которая поражает фундаментальностью исследований, бережным отношением к научным традициям, их сочетанием с инновациями. Благодаря занятиям с замечательными преподавателями кафедры русского языка и стилистики у нас постепенно формировалось «стилистическое» мировоззрение, значительно повлиявшее на будущие научные интересы и профессиональную траекторию в целом. До сих пор не утрачивает для меня своей притягательности стилевая сторона любого изучаемого объекта, а в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы открываются всё новые смыслы и связи, возможности интерпретации и развития стилистической теории.

Стилевой аспект традиционно является одним из важнейших в дидактике перевода. С одной стороны, он связан с типологией перевода: умением понимать научные, официально-деловые, публицистические, художественные тексты и переводить, сохраняя их типологические

© Шутёмова Н. В., 2019

свойства и репрезентируя сущность. С другой стороны, он предполагает умение выявлять характеристики идиостиля автора исходного текста (ИТ) и передавать их в тексте перевода (ПТ). Полагаем, что плодотворное исследование стилистики научной речи М.П. Котюровой во многом способствовали развитию теории научного перевода в Пермском государственном университете.

В данной статье мы рассмотрим применимость положений теории функциональных стилей в дидактике официально-делового перевода, обеспечивающего международную коммуникацию в сфере права, дипломатии и внешнеэкономических отношений. Она сопряжена с переводом богатой палитры документов, включающей соглашения, конвенции, протоколы, декларации, статуты, хартии, резолюции, письма, меморандумы, аккредитивы, коносаменты и др., а эффективность общения в значительной мере зависит от компетентности переводчика.

Занятия по переводу международных документов нацелены на развитие компетенций, связанных с верным пониманием ИТ и качественной репрезентацией сформированной переводческой модели на языке перевода (ПЯ). Достижение этой цели предполагает развитие интерпретационных навыков, обеспечивающих понимание и моделирование правовой ситуации, представленной в тексте. Кроме того, понимание ИТ и его качественный перевод во многом зависят от понимания переводчиком типологических стилевых свойств официально-делового текста, поэтому мы считаем принципиально важным обсуждение со студентами таких введенных в функциональной стилистике понятий, как «императивность», «точность, не допускающая инотолкования», «стандартизированность», «неличный характер» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 324–327], «безэмоциональность» официально-делового стиля. Выявление этих свойств в ИТ и их репрезентация на ПЯ составляют значительную переводческую трудность, поэтому изучение способов ее преодоления должно быть, с нашей точки зрения, включено в дидактику перевода, что позволяет снизить частотность стилистических ошибок, к которым традиционно относят функционально-стилистические, нормативно-стилистические и индивидуально-стилистические сдвиги [Латышев 2000].

Для развития у студентов способности понимать языковые проявления **императивности** в официально-деловом тексте на английском языке предлагается, например, охарактеризовать следующие контексты:

– Dispute arising under this Bill of Lading *shall be determined* at the place, where the Carrier has his principal place of business.

– These goods (container, etc.) carried on deck *shall be treated* as if they were stowed under deck and the Hague and York-Antwerp Rules as incorporated herein *shall be applicable* to them.

Типовым заданием также является определение значения временных форм глаголов:

– Neither the weight nor the measure of goods carried in bulk *are checked* by the Carrier on loading.
– "Carrier" *means* the party on whose behalf this Bill of Lading *has been signed*.
– If the Merchant *fails* to take receipt of the goods as stipulated above the contract of carriage *shall be considered* as *having been fulfilled* and the Carrier *shall be* at liberty to put the goods into craft and / or land on the quay and / or storing, etc., as the Carrier *may think* fit at the expense and risk of the Merchant.
– In no event *shall* the Carrier's liability *commence* before the goods *have been loaded* over ship's rail and shall cease at the latest when the goods have passed ship's rail upon discharge.

Определенным вызовом для студентов является работа с такой характеристикой исходного документа, как **«точность, не допускающая инотолкования»**. Она предполагает верное понимание переводчиком модели правовой ситуации и точную репрезентацию содержания ИТ на ПЯ. Для понимания содержания ИТ переводчику необходимо владение специальным знанием, которое, однако, отсутствует у студентов языковых специальностей, поэтому на первом этапе предпереводческого анализа оригинала изучается специфика документов, дается их определение, характеризуется назначение, описывается структура, вводится соответствующая терминология.

Например, значительные переводческие трудности возникают при работе с коносаментами, аккредитивами, контрактами, годовыми отчетами компаний. Так, погружение в специальную область знания необходимо при работе с коносаментом (фр. *le connaissement*; англ. *bill of lading, B/L, BOL*) и предполагает уяснение сути данного транспортного документа, сопровождающего любые перевозки, его истории, функций, разновидностей, законодательной базы. Это документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу и удостоверяющий право собственности на отгруженный товар. Коносамент служит распиской перевозчика в получении груза для перевозки, описанием видимого состояния груза, товарно-транспортной накладной, подтверждением договора перевозки груза, товарораспорядительным документом. Кроме того, он может использоваться в качестве обеспечения кредита под отгруженные

товары. Если изначально коносамент сопровождал морские перевозки, то сейчас он применяется при перевозках всеми видами транспорта. Поскольку требования к оформлению и содержанию коносамента закреплены законодательно, предпереводческий этап работы включает знакомство с такими документами, как Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и Конвенции 1924 г. «Об унификации некоторых правил о коносаменте». Переводчику необходимо и знание классификации разновидностей коносаментов, которая включает коносамент морской, сквозной, бортовой, чистый, оборотный, именной, линейный, чартерный, коносамент для погрузки на борт судна и коносамент на предъявителя. Такая работа на предпереводческом этапе позволяет сформировать у студентов специальное знание о переводимом документе и переводческую модель торговой операции, которая и должна быть точно передана на языке перевода.

При формировании компетенций данного этапа переводческой деятельности важно учитывать, что языковые проявления «точности, не допускающей инотолкования», имеют характеристики, общие для официально-деловых текстов как на русском языке, так и на английском. Общими, на наш взгляд, являются следующие черты:

1) употребление специальной терминологии

– “Container” includes any equipment used to utilize cargo, e.g. all types of containers and / or flats, whether ISO accepted or not, trailers, swap bodies, ro-ro-equipment, igloos, and applies to all modes of transport [Сдобников 2007: 174];

2) однозначность и безобразность нетерминологической лексики

– The Carrier in arranging for lighters or other transportation between ship and shore, does so as the Merchant’s agent and for account and risk of the goods [Семко 2006: 116];

3) ограниченность синонимических замен

– If *the Merchant* fails to take receipt of *the goods* as stipulated above the contract of carriage shall be considered as having been fulfilled and *the Carrier* shall be at liberty to put *the goods* into craft and / or land on the quay and / or storing, etc., as *the Carrier* may think fit at the expense and risk of *the Merchant* [Там же: 115];

4) использование причастных и деепричастных оборотов в уточняющей функции, пояснительных конструкций, условных предложений, союзной связи

– The goods may be carried by any route whatsoever, whether or not the most direct or advertised or customary route, via any ports or places in any order whatsoever and for whatsoever purpose visited, together

with other goods of every kind, dangerous or otherwise, whether stowed on or under deck [Там же: 114].

– This Bill of Lading shall have effect subject to the provisions of the Merchant Shipping Code, 1968, or the Hague Rules contained in the International Convention for the unification of certain rules related to Bills of Lading dated 25th August, 1924, if no national law is applied in accordance with cl. 3 [Там же: 114].

Особую переводческую трудность составляет понимание и репрезентация **стандартизированности** исходного документа, поскольку для этого требуется знание и понимание аббревиатур и коллокаций на русском и английском языках, а также умение их использовать при создании ПТ. Прием их заучивания является необходимым, но недостаточным, поскольку они имплицируют вариант модели правовых отношений, который и необходимо понимать для выполнения качественного, а не «значкового» перевода. Так, в коносаментах выбранная схема перевозки товаров номинируется с помощью аббревиатур, что требует от студентов погружения в специальную отрасль знания и освоения ИНКОТЕРМС (Incoterms: International commercial terms) – международных правил в форме словаря, обеспечивающих однозначное толкование наиболее частотных торговых терминов в сфере импортно-экспортных операций. При этом все термины имеют аббревиатуры, перечень которых в редакции 2010 г. делится на группы E, F, C, D, включая сокращения EXW, FCA, CPT, CIP, DAT, DAP, DDP, FAS, FOB, CFR, CIF. Например, если аббревиатура DAP (Delivered at Place) обозначает поставку груза в место назначения, указанное в договоре, при этом импортные пошлины и местные налоги оплачивает покупатель, то аббревиатура DDP (Delivered Duty Paid) обозначает доставку товара заказчику в место назначения, указанное в договоре, уже в очищенном от всех таможенных пошлин и рисков виде. Непонимание прагматики аббревиатур ведет к серьезным смысловым сдвигам при переводе.

Особую роль в развитии компетенций, связанных с шаблонностью официально-делового текста, играют упражнения, нацеленные на формирование навыков использования коллокаций. Например, при изучении ИНКОТЕРМС студентам предлагается типовое задание на восстановление пропущенных слов с учетом стилистической специфики официально-деловых текстов:

– “Free on Board” means that the seller fulfils his obligation to deliver when the goods have passed … the ship’s rail … the named port … shipment.
– This means that the buyer has to bear all costs and risks … loss … or

damage … the goods from that point.

- The goods have been delivered … board … the vessel.

В целом, полагаем, что наличие стилистической компетенции необходимо для выполнения качественного предпереводческого анализа ИТ и эффективной репрезентации переводческой модели на языке ПЯ. Знание выявленных функциональной стилистикой свойств официально-деловых текстов помогает прогнозировать переводческие трудности и успешно их преодолевать. Кроме того, освоение специфики официально-делового стиля позволяет студентам формировать такие важные для переводчика коммуникативные качества речи, как ясность, точность, правильность.

Библиографический список

Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 273–277.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Котюрова М.П. Стилистика научной речи. М.: Академия, 2010. 240 с.

Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.

Сдобников В.В., Селяев А.В., Чекунова С.Н. Начальный курс коммерческого перевода. Английский язык. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 201с.

Семко С.А., Сдобников В.В., Чекунова С.Н. Учебник коммерческого перевода. Английский язык. М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. 286 с.

N.V. Shutemova
Professor of Linguistics and Translation Department
Perm State University

DEVELOPMENT OF STYLISTIC COMPETENCES IN DIDACTICS OF TRANSLATION OF OFFICIAL DOCUMENTS

Translation of official documents plays an important role in international relations and its didactics include the development of stylistic competences which are connected with understanding and modelling a pragmatic situation, on the one hand, and with typology of styles and stylistic resources, on the other. We consider this issue both in the aspect of ST comprehension and TT derivation and base on the ideas developed by Perm School of Thought in Functional Stylistics. Representation of the main typological properties of the official documents in translation is illustrated with translation bills of lading.

Key words: international relations, translation, didactics of translation, official documents, stylistic competences.

Научное издание

Филология в XXI веке

Спецвыпуск / 2019

Корректор *И. И. Разумихина*
Компьютерная верстка *И. И. Русиновой*
Художник *Л. Г. Писорого*
Макет обложки *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 12.07.2019. Выход в свет 18.07.2019
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 19,65
Тираж 500 экз. Заказ 130

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно